
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА POLITICAL LINGUISTICS

6(114)'2025

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГАОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2025. – Вып. 6 (114). – 218 с. –
(Цена свободная).
ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Зарубежный опыт». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 81'27
ББК Ш100.621

Political Linguistics / editor-in-chief A.P. Chudinov ; Fed. St. Aut. HEI
П50 “Ural State Pedagogical University”. – Ekaterinburg, 2025. – Issue 6 (114). –
218 p. – (Free price).
ISSN 1999-2629

Information material certification category – 16+.

The journal is called upon to facilitate exchange of new information in the field of political linguistics, as well as in the sphere of interaction between language, culture and society. It has five main sections – “Theory of Political Linguistics”, “Political Communication”, “Language – Policy – Culture”, “Forensic Linguistic Expertise: Language and the Law”, and “Foreign Experience”. The journal is addressed to philologists, politologists, sociologists and all those interested in the problems of political communication.

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

6(114)'2025

Научный журнал

Учредитель: ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайтах: journals.uspu.ru (сайт научных журналов Уральского государственного педагогического университета); <https://politlinguistika.ru/>
- Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки, id = 28049
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования РФ

Екатеринбург 2025

Ministry of Education of the Russian Federation
Federal State Autonomous Higher Education Institution
“Ural State Pedagogical University”

POLITICAL LINGUISTICS

6(114)'2025

Scientific journal

Founder: FSA HEI “Ural State Pedagogical University”

- Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration certificate ПИ № ФС 77-76161 of 8.07.2019.
- The materials published in the journal are regularly uploaded at the platform of the Russian Science Citation Index (РИНЦ), http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049
- Registered by the ISSN Center and provided the International Standard Serial Number ISSN 1999-2629 of 14.05.2008
- Included in the catalog of periodicals Ulrich's Periodicals Directory
- The materials of the journal are published on the sites: journals.uspu.ru (the site of scientific journals of the Ural State Pedagogical University); <https://politlingvistika.ru/>
- Since 2010 by the decision of the Presidium of VAK of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation the journal has been included in the list of the leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main results of research in candidate and doctoral dissertations should be published
- Included in the United Catalog «Russian Press», Index 81955

Ekaterinburg 2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *А. П. Чудинов*, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Заместители главного редактора

Э. В. Будаев Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Н. Б. Руженцева Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Члены редакционной коллегии:

Ю. В. Богоявленская Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Р. Гусман Тирадо Университет Гранады, Гранада, Испания

Е. В. Дзюба Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

С. В. Иванова Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

И. Иньиго-Мора Севильский университет, Испания

В. И. Карасик Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия

Н. Н. Кошкарлова Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия

С. Л. Кушнерук Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Лю Хун Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай

В. А. Маслова Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Е. А. Нахимова Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

П. Серио Лозаннский университет, Швейцария

О. А. Солопова Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

З. К. Темиргазина Павлодарский государственный педагогический университет, Павлодар, Казахстан

Л. Цонева Велико-Тырновский государственный университет Св. Кирилла и Мефодия, Болгария

Ян Кэ Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай

Технический редактор: *Д. О. Морозов*

Заведующий отделом перевода: *С. М. Поляков*

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *A. P. Chudinov*, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Deputy Editors-in-Chief

E. V. Budaev Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

N. B. Ruzhentseva Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Editorial Board:

Y. V. Bogoyavlenskaya Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

R. Guzman Tirado University of Granada, Spain

E. V. Dzyuba Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

S. V. Ivanova Saint Petersburg University, St. Petersburg, Russia

I. Iñigo-Mora University of Seville, Spain

V. I. Karasik Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

N. N. Koshkarova South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia

S. L. Kushneruk Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

Liu Hong Dalian University of Foreign Studies, Dalian, China

V. A. Maslova Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus

E. A. Nakhimova Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

P. Seriot University of Lausanne, Switzerland

O. A. Solopova South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Z. K. Temirgazina Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan

L. Tsoneva St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo, Bulgaria

Yang Ke Guangdong University of Foreign Studies, China

Technical editor: D. O. Morozov

Head of Translations Department: S. M. Polyakov

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	10
--	----

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Дементьев В. В.	«Аргументированные» перебивы оппонентов на политических ток-шоу: риторические и прагматические типы	12
Карамова А. А.	Местоимение <i>мы</i> как средство репрезентации концептуального признака «свой» ключевого политического концепта «свой/чужой» в современном политическом дискурсе	22
Плотникова А. М.	Судебная семиотика — новое направление исследования информационных материалов	29

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Бочегова Н. Н. Казенас О. А.	Прагматические аспекты функционирования пищевого кода в новостном дискурсе (на материале русского, английского и французского языков)	36
Годяева Ю. И.	Сравнительные конструкции с именем Олафа Шольца в немецком медиаполитическом дискурсе	44
Губайдуллина Е. О.	Физиологическая метафора «СССР — это колосс» в дискурсе Великобритании (1939–1940 гг.)	50
Гулагаев И. Н. Нахимов Е. А.	Метафорика событий 11 сентября в контексте конспирологии	57
Ерёмина С. А. Дзюба Е. В. Долгов А. А.	Концептуализация образа России в средствах массовой информации Исламской Республики Пакистан	64
Ершова К. В.	Дискурсивное конструирование «нормы» и «крайности»: анализ Telegram-канала Риши Сунака в контексте теории «Окна Овертона»	76
Золотайко А. И. Нестерова В. Е.	Апелляция к абсолютным ценностям в процессе лингвистического моделирования образа полиции в газетном дискурсе	85
Кабахидзе Е. Л. Гулеишвили С. М.	Языковая игра в политическом медиадискурсе (на материале политических карикатур на Дональда Трампа и Карла Нехаммера)	92
Космодемьянская В. И.	Коммуникативная стратегия речевой агрессии и вежливости в американском политическом дискурсе	102
Степень М. А.	Лингвокультурологическая специфика политического концепта «全面建成小康社会» (полное построение среднезажиточного общества) в сборнике «Си Цзиньпин. О государственном управлении»	107
Ци Х. Мельничук О. А.	Функциональные характеристики анафорических параллельных конструкций повторов в поздравительных речах председателя КНР Си Цзиньпина	121
Шеховцева Е. Н. Воробьева М. С.	Манифестация перформативности в военно-патриотическом волонтерском дискурсе (на материале русского языка)	130

Яковлева Т. О.	Корреляция просодических и невербальных средств в политическом дискурсе: гендерное исследование на материале английского и немецкого языков 138
----------------	---

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Алексеева М. Л. Новицкая Ю. В. Герсонская В. В.	Влияние специфики объекта лексикографирования на структуру словарной статьи диахронического переводного словаря 144
Золотайко А. И.	Метафора спорта в политических карикатурах как отражение противостояния ведущих мировых валют 154
Каменева В. А. Потапова Н. В. Рабкина Н. В. Картавцева А. П. Григорьева Н. В. Зябрева С. Э.	Пересечение понятий <i>дом</i> , <i>Родина</i> , <i>Отечество</i> в языковом сознании молодежи Кузбасса и Донбасса 165
Меньшикова Е. Е.	Идеологема «ОЗЕРО БАЙКАЛ» в рекламном туристическом нарративе 186
Ник Ж.	Динамика представлений о нравственности в свете концепций основных философских школ 195
Шустрова Е. В. Богуславская Е. Л.	Аксиологические константы в поликодовом дискурсе современной российской живописи 207

Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика».....216
--

CONTENTS

Editorial Principles of the Journal "Political Linguistics"	10
---	----

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Dementyev V. V.	"Well-Reasoned" Interruptions of Opponents on Political Talk Shows: Rhetorical and Pragmatic Types	12
Karamova A. A.	The Russian Pronoun "my" as a Means of Representing the Conceptual Feature "own" of the Key Political Concept of "Own/Alien" in the Contemporary Political Discourse	22
Plotnikova A. M.	Forensic Semiotics as a New Area in the Study of Information Materials.....	29

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Bochegova N. N. Kazenas O. A.	Pragmatic Aspects of the Food Code Functioning in News Discourse (Based on the Material of the Russian, English and French Languages)	36
Godyaeva Y. I.	Comparative Constructions with the Anthroponym "Olaf Scholz" in German Media Political Discourse	44
Gubaydullina E. O.	The Physiological Metaphor "The USSR Is a Colossus" in the Discourse of Great Britain (1939—1940).....	50
Gulagaev I. N. Nakhimova E. A.	The Metaphorics of 9/11 in the Context of Conspiracy Theories.....	57
Eremina S. A. Dziuba E. V. Dolgov A. A.	Conceptualization of Russia's Image in the Mass Media of the Islamic Republic of Pakistan	64
Ershova K. V.	Discursive Construction of the "Norm" and "Extreme": An Analysis of the Telegram Channel of Rishi Sunak in the Context of the Theory of Overton Window.....	76
Zolotayko A. I. Nesterova V. E.	The Role of Absolute Values in the Linguistic Modeling of Police Image in Newspaper Discourse	85
Kabakhidze E. L. Guleishvili S. M.	Language Game in Political Media Discourse (As Exemplified by Political Cartoons of Donald Trump and Karl Nehammer).....	92
Kosmodemyanskaya V. I.	Communication Strategies of Verbal Aggression and Politeness in American Political Discourse	102
Stepen' M. A.	Linguoculturological Specificity of the Political Concept «全面建成小康社会» (The Complete Building of a Moderately Prosperous Society) in the Collection of Speeches "Xi Jinping: The Governance of China"	107
Qi H. Mel'nichuk O. A.	Functional Characteristics of Anaphoric Parallel Reiteration Constructions in Congratulatory Speeches of the PRC President Xi Jinping	121
	<i>(In English)</i>	
Shekhovtseva E. N. Vorobyeva M. S.	Expression of Performativity in Military-Patriotic Volunteer Discourse (Based on the Russian Language).....	130

Yakovleva T. O.	Correlation Between Prosodic and Nonverbal Means in Political Discourse: A Gender Study Based on English and German Languages.....	138
------------------------	--	-----

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Alekseyeva M. L. Novitskaya Yu. V. Gersonskaya V. V.	Influence of the Specificity of the Object of Lexicographic Description on the Structure of a Dictionary Entry in a Diachronic Translation Dictionary	144
Zolotayko A. I.	Sports Metaphors in Political Cartoons as a Reflection of Confrontation Between Major Global Currencies	154
Kameneva V. A. Potapova N. V. Rabkina N. V. Kartavtseva A. P. Grigoryeva N. V. Zyabreva S. E.	Overlapping Concepts of <i>DOM</i> , <i>RODINA</i> , and <i>OTECHESTVO</i> in the Linguistic Consciousness of University Students of Kuzbass and Donbass	165
Men'shikova E. E.	The Ideologeme "LAKE BAIKAL" in Tourist Advertising Narrative	186
Nick J.	Ideas About Morality in the Russian Linguistic Worldview in the Light of the Conceptions of the Main Philosophical Schools	195
Shustrova E. V. Boguslavskaya E. L.	Axiological Constants in the Polycode Discourse of Modern Russian Painting	207

Manuscripts Requirements.....	216
--------------------------------------	------------

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, поможет наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на официальном сайте научного журнала <https://politlinguistika.ru>, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Зарубежный опыт», предназначенный для публикации как современных исследований зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Зарубежный опыт»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны. Осуществляется двойное «слепое» рецензирование присланных материалов, при котором рецензенты не знают автора статьи.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований. Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а потому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного (каб. 285).

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.

Интернет-сайт: <https://politlinguistika.ru/>

***С уважением
и надеждой на сотрудничество:***

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Политическая лингвистика. 2025. № 6 (114).

Political Linguistics. 2025. No 6 (114).

УДК 81'42+81'38+81'27

ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.55

Код ВАК 5.9.8

Вадим Викторович Дементьев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия, sarteorlingv@yandex.ru, SPIN-код: 8445-5394, ScopusID: 57170556000, <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

«Аргументированные» перебивы оппонентов на политических ток-шоу: риторические и прагматические типы

АННОТАЦИЯ. Перебивы в монологах и диалогах на современных политических ток-шоу частотно прикрываются оправдывающей аргументацией — эксплицитной или (чаще) подразумеваемой: «перебиваю потому, что это идет на пользу обсуждаемой проблеме и передаче в целом». *Ар₂Переб* рассматриваются по модели, включающей параметры: 1) ЧТО перебивается (недопустимое, по мнению перебивающего, содержание или недопустимая форма), 2) ЧЕМ перебивается (новая тема или возвращение к предыдущей), 3) КАК перебивается — конкретное языковое оформление перебива.

Выделяются и анализируются формальные типы *Ар₂Переб* (присовокупление извинения; присовокупление несогласия; присовокупление согласия; экспликация себя; экспликация перебиваемого и т. д.); содержательные типы *Ар₂Переб* (аргументируется важность и нужность перебива или, наоборот, неважность; иллюкативная и риторическая незначительность данного речевого действия — ср. частотность словечек типа **просто**: «Я просто хочу понять»; «Я просто чтобы внести ясность»; «Просто это очень важно»; «Нет, это просто интересно...»).

Выделяются основные функции *Ар₂Переб*: уточнить мысль перебиваемого оратора; дополнительно аргументировать ее; отвергнуть положение, с которым перебивающий не согласен; обрести сильную позицию в споре и получить удовольствие от этого.

Противопоставляются перебивы подлинно аргументированные, т. е. полезные и для дискуссии, и для жанра политического телешоу (исправляется явная фактическая ошибка; оратор высказывает позицию, неприемлемую с морально-этической точки зрения; перебивающий просит вернуться к предыдущей важной теме, которую недо-раскрыли), и мимикрирующие под них манипулятивные *Ар₂Переб*, реализующие последнюю функцию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, телевидение, телепередачи, политические ток-шоу, участники ток-шоу, политическая риторика, речевые жанры, речевая деятельности, публичное общение, монологи, диалоги, аргументированный перебив, формальные типы, содержательные типы, речевые функции.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского; 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, email: sarteorlingv@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дементьев, В. В. «Аргументированные» перебивы оппонентов на политических ток-шоу: риторические и прагматические типы / В. В. Дементьев. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 6 (114). — С. 12–21.

Vadim V. Dementyev

Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia, sarteorlingv@yandex.ru, SPIN code: 8445-5394, ScopusID: 57170556000, <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

“Well-Reasoned” Interruptions of Opponents on Political Talk Shows: Rhetorical and Pragmatic Types

ABSTRACT. Interruptions in monologues and dialogues on modern political talk shows are often covered by justifying arguments — explicit or (more often) implied: “I interrupt because it benefits the issue under discussion and the program as a whole”. Well-reasoned interruptions are considered according to the model that includes the following parameters: 1) WHAT is interrupted (unacceptable, in the opinion of the interrupter, content or unacceptable form), 2) WITH WHAT it is interrupted (a new topic or a return to the previous one), 3) HOW it is interrupted — a concrete linguistic form of the interruption.

The study identifies and analyzes the formal types of well-reasoned interruptions (addition of an apology; addition of disagreement; addition of agreement; explication of oneself; explication of the interrupted, etc.); and the content-based types of well-reasoned interruptions (arguing the importance and necessity of the interruption or, conversely, its unimportance; the illocutionary and rhetorical insignificance of this speech act — cf. the frequent use of the words like “**prosto**” (simply, just): “Ya prosto khochu ponyat”; “Ya prosto chtoby vnesti yasnost”; “Prosto eto ochen' vazhno”; “Net, eto prosto interesno...” (I just want to understand; I simply want to clarify; It's just very important; No, it's just interesting...)).

The following main functions of well-reasoned interruptions are highlighted: to clarify the thought of the speaker being interrupted; to additionally support it; to reject the supposition with which the interrupter disagrees; to gain a strong position in the argument and to enjoy it.

© Дементьев В. В., 2025

A contrast is made between genuinely argued interruptions, i.e. those useful both for discussion and for the genre of political TV show (an obvious factual error is corrected; the speaker expresses a position that is unacceptable from a moral and ethical point of view; the interrupter asks to return to the previous important topic that has not been fully discussed), and manipulative well-reasoned interruptions mimicking them and realizing the latter function.

KEYWORDS: political discourse, TV, TV shows, political talk shows, talk show participants, political rhetoric, speech genres, speech, public communication, monologues, dialogues, well-reasoned interruption, formal types, content-based types, speech functions.

AUTHOR'S INFORMATION: Dementyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of Department of Language Theory and History and Applied Linguistics, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, Russia.

FOR CITATION: Dementyev V. V. (2025). "Well-Reasoned" Interruptions of Opponents on Political Talk Shows: Rhetorical and Pragmatic Types. In *Political Linguistics*. No 6 (114), pp. 12–21. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Перебив в диалоге — конфликтное речевое действие, характерное для негармоничного общения. В таком значении перебив изучается лингвистами [Тюрина 2003; Tannen 1990; Цирельсон 2002; Аристов 2001]. Речевой перебив рассматривается с позиции экологичности речи [Шаховский, Цой 2012]. И. В. Грошев исследует гендерную обусловленность склонности к перебивам [Грошев 1998].

Но, насколько нам известно, не изучались перебивы в интеллектуальных ток-шоу, где перебивы, как и другие конфликтные речевые действия, весьма востребованы (о природе «агональных», в высокой степени конфликтных шоу и источниках их популярности см. [Дешёва 2010]).

В интеллектуальных ток-шоу, к которым относятся и политические, «естественная» (конфликтная) природа перебива частотно прикрывается оправдывающей аргументацией — эксплицитной или (чаще) подразумеваемой: «перебиваю не потому, что я громче и уверенней, а потому что это идет на пользу обсуждаемой проблеме и передаче в целом». Иногда это так и есть, но далеко не всегда: к сожалению, широко распространены не вполне честные приемы, оскорбления и унижение оппонента, демонстрация со стороны ведущего и участников хамоватости и самолюбования¹ (впрочем, с точки зрения привлекательности, «рейтинговости» передачи, и эти агональные приемы часто идут ей на пользу).

Таким аргументированным перебивам (далее — $A_{\text{рг}}P_{\text{ереб}}$) и посвящается настоящая статья.

Методика: рассматриваем $A_{\text{рг}}P_{\text{ереб}}$ по модели, включающей параметры: **1) ЧТО** перебивается (недопустимое, по мнению перебивающего, содержание, в том числе отклонение от важной обсуждаемой темы, или недопустимая форма — табуированная или оскорбительная лексика, «язык вражды»), **2) ЧЕМ** перебивается («правильная» политическая позиция, новая тема или возвращение к предыдущей), **3) КАК** перебивается — конкретное языковое оформление перебива, причем отсутствие такого оформления также является значимым. Правила этики требуют, чтобы параметр **(3)** присутствовал, пусть в сильно свернутой форме (но имплицитное содержание всегда допускает развертывание). Содержание **(3)** или является чисто **этикетным** (извинение за перебив), или содержит **аргументацию** перебива.

Материал — ок. **200** контекстов, содержащих $A_{\text{рг}}P_{\text{ереб}}$, из выступлений (устных) ведущих и участников политических ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым», «60 минут», «Время покажет» за период с 2022 по 2025 г. В абсолютном большинстве случаев ведущий перебивает участника (гостя), крайне редко наоборот. Все участники — ведущий и приглашенные эксперты — выражают подчеркнуто патриотическую точку зрения, поддерживают военную спецоперацию на Украине.

Рассмотрение материала по методике, включающей названные три параметра, позволило нам выделить следующие формальные и содержательные типы $A_{\text{рг}}P_{\text{ереб}}$.

ФОРМАЛЬНЫЕ ТИПЫ $A_{\text{рг}}P_{\text{ЕРЕБ}}$:

а) присовокупление извинения: *Простите, вспылел; Извините, злая ирония;*

¹ О рисовке, нарциссизме телезвезд — ведущих политических ток-шоу писал Эдуард Лимонов, в 2010-х регулярно участвовавший в них: «<В политических ток-шоу> у ведущих у каждого свой отряд приглашённых — свои любимчики — как правило безропотные самовлюблённые демагоги, любующиеся собой, но они только статисты — призванные демонстрировать величие ведущей (здесь и далее разрядка моя. — В. Д.). <...> Более или менее по тому же принципу устроены и возглавляемые мужчинами политические шоу, скажем Соловьёва: и там принцип „Белоснежка и семь гномов“ (приглашённые). Велик ведущий, а приглашённые ну так, чего-там, кисель с коньячком потягивают и нарочито бранятся...» (<https://limonov-eduard.livejournal.com/>, 5.01.2019).

б) присовокупление несогласия (*Нет; Да нет, я просто ...*);

в) присовокупление согласия (*Да (но); Так; Так вот; В вашу поддержку*);

г) привнесение / экспликация себя (*Я просто; Добавлю свои три копейки*);

д) привнесение / экспликация перебиваемого (*Вы...; То есть вы хотите сказать, что...*);

е) привнесение / экспликация темы (например: *Еще к этому же; В развитие этой темы...*), привнесение / экспликация ее важности (например: *Что очень важно; Анализируя то, что вы говорите...*), или, наоборот, неважности или неуместности (*Сейчас не будем об этом*);

ж) уточнение и исправление фактической ошибки: в дате, количестве, названии, имени собственном;

з) повтор вопроса, на который оратор, по мнению ведущего, не дал ответа: иногда повторяется 2—3 раза (*Нет, вы мне просто ответьте на вопрос...; Вы не ответили на мой вопрос...*).

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ $A_{pr}P_{ereb}$

Список типов $A_{pr}P_{ereb}$, выделяемых на формальных основаниях, дополняют и уточняют содержательные типы, разнообразие которых обусловлено прагматическими факторами: а) коммуникативная (ролевая) позиция и целеполагание оппонентов, б) левый — правый контекст (соотношение тем / логики речи до перебива, темы собственно перебива и после перебива), в) конкретное содержание (политическое): солидарен с оратором, которого перебивает, или оппозиционен ему (в частности, а не главным, так как в главном оба единомышленники).

В результате $A_{pr}P_{ereb}$ транслируют весьма богатые и разнообразные имплицитные смыслы:

1) имплицитруется важность и нужность перебива (*Это необходимо пояснить; Это невозможно спокойно слушать; Даже не близко*);

2) наоборот, неважность (ср. частотность словечек типа *просто, я просто...; Нет, это просто интересно...; (Извините), я просто чтобы внести ясность; Я просто хочу уточнить; Я просто хочу понять; Я просто чтобы было понятно...; Ну, просто так, заодно, чтобы люди понимали; Нет-нет, я просто к тому, чтобы было понятно, что вы имеете в виду; Нет, (я) просто к тому, что...*). Интересно, что не является противоестественным и невозможным сочетание в одном высказывании *просто* и *важно* / *важный* (*Сейчас, сейчас, просто мне тоже важно...; Я понимаю, но*

просто это такие термины, которые важны; (Извините), (*просто*) это очень важно...; ...нет, это *просто* очень важный момент);

2а) подчеркивается **иллюктивная** незначительность данного речевого действия (если грубость, то небольшая) для диалога / дискуссии / темы / аргументации в целом (*Я просто хочу дать оценку*);

2б) подчеркивается **риторическая** незначительность данного речевого действия — перебива, т. е. нарушения логики адресата для логического развития его темы: что в том, что я говорю, нет **большого** противоречия с тезисами автора (*Я просто на уровне тактики, чтобы было понятно...*).

Рассмотрение прагматических типов $A_{pr}P_{ereb}$ и транслируемых эксплицитных и имплицитных смыслов позволяет нам выделить предварительный список основных функций $A_{pr}P_{ereb}$:

1) уточнить мысль оратора, которая без этого может быть недостаточно ясна зрителям, в том числе, возможно, упростить, если оратор выражается слишком сложно для массовой аудитории (*Нет-нет, я просто к тому, чтобы было понятно, что вы имеете в виду*);

2) дополнительно аргументировать ее (*Я просто хочу уточнить; Добавлю свои три копейки*) (после $A_{pr}P_{ereb}$ в первой и второй функции слово обычно возвращается перебиваемому оратору);

3) отвергнуть положение, с которым решительно не согласен, — за $A_{pr}P_{ereb}$ в этой функции обычно следует свой аргумент, а слово, скорее всего, не будет возвращено перебиваемому оратору (*Речь идет о другом; Даже не близко; Минуточку-минуточку, на Валдае Верховный главкомандующий говорил другое*);

4) ведущий через использование $A_{pr}P_{ereb}$ обретает сильную позицию в споре и получает удовольствие от этого (*Вот на досуге и попытайтесь понять, почему это так, а сейчас реклама!; Смотрю на вас и все думаю: почему вы сегодня в клетчатом пиджаке?; Я человек недалекий, я всего лишь был кандидатом экономических наук; А я вообще человек малопонимающий!*). В последнем случае то, что мы рассматриваем как аргументированный перебив, на самом деле очень часто есть перебив **манипулятивный**, где «аргументация» лишь кажущаяся. $A_{pr}P_{ereb}$, реализующие последнюю функцию, мимикрируют под перебивы подлинно аргументированные / подлинно полезные и для дискуссии, и для жанра политического телешоу.

Для более адекватного осмысления материала попытаемся сформулировать опре-

деление такого подлинно аргументированного / подлинно полезного перебива на основе выделенных выше функций $A_{ргПереб}$, прагматических параметров, имплицитных смыслов (пункты 1а, 2а, 3а) и затем сравнить с реальными характеристиками $A_{ргПереб}$, встретившимися в материале (1б, 2б, 3б):

1а) исправляется явная фактическая ошибка (**В Великой Отечественной войне погиб миллиард человек*);

2а) оратор высказывает позицию, неприемлемую с морально-этической точки зрения (**Всех украинцев надо убивать еще в раннем детстве*), или использует табуированные формулировки (мат, диффамации);

3а) перебивающий просит вернуться к предыдущей (важной) теме, которую недораскрыли.

(Кстати, если перебивы действительно имеют такое важное содержание/значение, аргументация, как правило, и не нужна, в отличие от манипулятивных $A_{ргПереб}$.)

* * *

Приведем довольно развернутый пример из ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым» от 12 января 2023 г. — монолог политэксперта Александра Артамонова, которого постоянно перебивает ведущий Владимир Соловьев (отчасти — другие приглашенные). Артамонов высказывает и аргументирует идею (то, что украинцы — не отдельная национальность), которая активно не принимается ведущим. В конце Артамонов покидает передачу. Жирным курсивом выделены собственно $A_{ргПереб}$ и метаперебивы — перебивы, осуществляемые Соловьевым, и протесты Артамонова, пытающегося не дать перебить себя.

А. А. Ну, я бы сказал насчет того, что есть народы, у которых должно быть будущее, и по стилистике фразы я должен сказать, у которых будущего нет. У украинцев будущее есть — как у части российского народа, на мой взгляд. Тут я процитирую Юрия Кота — ему виднее, потому что он преподаватель украинского языка в прошлом, потом политик, на украинском канале Миротворец выложен с призывом убийства его семьи, у него есть хорошая книга «Украинцы, мы русские! Какой восторг!». Это южные русские, или южные россияне, как угодно. Ну, вот взять Александра Сырского, например, замечательный персонаж, глава сухопутных сил Украины. Место рождения — Владимирская область, окончил Курское училище военное, но украинец, конечно же, украинец, такой гарный хлопец. Я могу продолжить...

В. С. **То есть украинцев нет?**

А. А. Я считаю, Владимир, что украинцы — это антирусские в том виде, в каком они были в свое время придуманы, а из них стали делать отдельную нацию в эпоху великого эксперимента. Был экспери-

мент, когда всем сестрам по серьгам решили наделить часть Великороссии некой, я бы сказал, незалежностью...

В. С. **А малороссы есть?**

А. А. Малороссия — это другой вопрос, потому что, не удаляясь, так сказать, в бездны славистики и изучения славянских корней, все-таки Малороссия — это, как теперь говорят, Малая Русь, от которой пошла дальше Великая Русь, потом Червонная Русь, то есть они променяли право первородства Малой Руси на чечевичную похлебку Запада, на мой взгляд. Там...

В. С. **А языка украинского тоже нет?**

А. А. Языка украинского нет как такового, потому что у него отсутствует своя собственная норма. Есть западная норма, восточная норма...

В. С. (Одновременно) **Отсутствует. А песни украинские — тоже нет?**

А. А. Есть диалект языка, в таком случае, я вам скажу как специалист по Франции, можно выделять как минимум пять французских языков, и на каждый язык в каждом городе накладывается свой отдельный этнос.

В. С. **Понятно. А Ковпак знал, что он не украинец?**

А. А. (Улыбается) Это хороший вопрос.

В. С. Да. Я думаю, он знал, что он украинец.

А. А. Я знаю, что Шевченко не знал, что он не украинец, и знаю, что Леся Украинка не знала, что она украинка.

В. С. (Одновременно) **Но Шевченко знал, что он малоросс. Он себя не величал великороссом.**

А. А. (Одновременно) А-а, Владимир, вы все и сказали: малоросс. Мало-росс.

В. С. **Но тогда ведь и русских нет.**

А. А. **Осторожно. Осторожно.** Вы знаете, что Украина существует в районе Казахстана?

В. С. (Одновременно) **Но тогда и русских нет?**

А. А. Почему же?

В. С. Ну, откуда они взялись? Они были великороссы.

А. А. **Ну, вы знаете, можно сказать...**

В. С. (Одновременно) **Ну, в этой логике: и русского языка нет! Это диалект церковнославянского.**

А. А. (Одновременно, укоризненно) **Владимир, не будем увлекаться.** И евреев нет, и...

В. С. (Одновременно) Конечно! Совершенно верно! Абсолютная крайность! И евреев тогда нет, мало этого, и немцев никаких нет...

А. А. Нет немцев, конечно, потому что они в качестве единого народа появились гораздо позже.

Корнилов (Громко смеется).

В. С. Правильно! И итальянцев никаких нет.

Мирошник. **Мы откроем эту тему сейчас по всем народам.**

В. С. У евреев проще: у них есть такая книжка, там написано, что евреи есть.

Корнилов. А американцы — кто такие?

А. А. Есть такая книжка, древняя. Разговор все-таки о том, что есть некая национальная идея. У евре-

ев она есть, и слава богу, поскольку...

В. С. (Одновременно) И у украинцев есть.

А. А. А вот национальная идея украинцев — Ан-тироссия, потому что [нрзб.]...

В. С. Нет!

А. А. (Одновременно) Это им австрийцы придумали эту идею.

В. С. Ну, подождите. Ну, почему мы так ограничиваем? Когда...

Мирошник. На голову [нрзб.]...

Вакаров. **Я вас слушал, и... вы такую чушь несете, ну как можно так?**

А. А. **Прежде всего, как говорить, подумайте, как выбирать выражения.**

В. С. Нет, давайте все друг друга...

Вакаров. Ну, зачем...

А. А. Давайте слушать, и всё.

В. С. **Наш Верховный главнокомандующий никогда не говорил, что нет украинского народа.**

А. А. (Одновременно) Если вам угодно быть украинцем — будьте сколько хотите.

В. С. Ну, Богдану Хмельницкому было угодно быть украинцем?

А. А. Наверное. Но только знал ли он, что он украинец?

В. С. Да, он называл себя по-другому, но он не считал себя русским, он в Россию пришел.

А. А. **Владимир, любую мысль, вы это хорошо делаете, можно довести до экстаза, до противоположности того, что было сказано...**

В. С. (Одновременно) Речь не о категории экстаза, но когда мы отрицаем людей...

А. А. Я об идее...

В. С. (Одновременно) **Но, когда мы берем людей и их выбрасываем!**

А. А. Нет, вы мне просто ответьте на вопрос, какова идея Украины как таковой?

В. С. (Одновременно) **Хорошо. Я скажу гораздо проще, исходя из вашей логики: не существует Бельгии. Мало этого, ответьте, какова идея России?**

А. А. **Нет, вы отвечаете вопросом на вопрос, как еврейская...**

В. С. Потому что я еврей.

А. А. Нет, вы мне все-таки ответьте прямо на вопрос, какова...

В. С. (Одновременно) **Прямо ответу на вопрос! Формулировка наличия идеи у страны — идиотизм! Потому что у страны не может быть идеи как таковой.**

А. А. (Одновременно) А как же история?... [нрзб.]

В. С. (Одновременно) Потому что страна, она без народа не существует. У страны нет головы, у страны нет ручек, у страны нет ножек, а у народа есть.

А. А. У какого народа? У какого народа?

В. С. (Одновременно) Поэтому мы говорим об осмыслении...

А. А. (Одновременно) У какой части этого народа?

В. С. Я объясню. (С напором) **Православного. И вот здесь мы вступаем в определение, что**

такое народ и нация, какие это категории? Тогда мы говорим, что во время существования великой Российской империи принципиально было вероисповедание. И когда мы говорили, то всех засчитывали по вероисповеданию.

А. А. Вера...

В. С. (Одновременно) Так?

А. А. Вера, царь, отечество. Да.

В. С. Нет, вероисповедание.

Мирошник. Люди записывали: христиане, крещенные.

А. А. [нрзб.]...

В. С. (Одновременно) Говорили: категория нации, категория народа. Это уже категории развитого капиталистического государства складывающегося. Да? Как говорил небезызвестный этнограф товарищ Сталин. Поэтому, когда мы здесь регулярно все смешиваем, например, если пришли бы к Иоанну Васильевичу Грозному и сказали, что он русский, он бы не понял, о чем идет речь, правда же? Для Иоанна Васильевича Грозного термин русский не имел никакого отношения к национальности, о которой он бы тоже не понял, о чем речь. Он бы сказал, что он самодержец, что он венчан на царствование...

Корнилов. Ну, он Царь вся Руси...

А. А. Царь вся Руси.

В. С. Царь вся Руси, и он венчан на царство...

А. А. (Одновременно) Ну, если [нрзб.]...

Корнилов (Одновременно) Относилось к Русской православной церкви.

В. С. Конечно! Он же...

Килинкар. Он же не по национальности...

В. С. Конечно! Кто такие русские? Все мои подданные!

Корнилов. Принял крещение в русской церкви — стал русским.

В. С. Конечно. Они все мои подданные. Поэтому что у нас произошло, причем в советское время, у нас произошло вот это странное смешение.

А. А. **Я вообще не понимаю, к чему вы это относите, потому что** [нрзб.]

В. С. (Одновременно) Потому что если сказать людям, что их нет, как я могу сказать Родиону Мирошнику, что он украинец? Он себя идентифицирует как украинец.

А. А. Это его личное дело, пусть идентифицирует. Вопрос...

Мирошник (Смеется).

А. А. Потому что сначала мы договорились, какая идея...

В. С. Какая национальная идея у украинцев была? Радянська Україна. А вот Василь русин. А что, русинов тоже нет? А тогда...

А. А. Замечательно. А если вы после Херсона присоедините еще какую-то область к России, кем тогда будут считаться эти люди?

В. С. Они будут гражданами Российской Федерации.

А. А. Правильно. Вот Херсон — это россияне или украинцы?

Мирошник. Подождите. Вы хотите их нивелиро-

вать?..

В. С. (Одновременно) Это национальность или гражданство?

А. А. К чему люди себя относят — это...

В. С. (Одновременно) **Хорошо. Это национальность или гражданство?**

Мирошник. К кому хотят, к тому и относят.

А. А. Правильно. Вот я говорил [нрзб.]...

Мирошник. А вы пытаетесь их подрывать.

А. А. Я сказал, что я считаю [нрзб.]...

Мирошник. ...А вас нет! Как это нации не существуют?

В. С. Вот я еврей, и...

А. А. Почему не существуют?

Мирошник. Потому что идея нации — это не идея народа. Это...

А. А. (Одновременно) Подождите...

Мирошник. Идея нации — это Ющенко. Вот он... Вот тот строит всю нацию («ц» мягко).

А. А. Простите, есть у Французской революции определение нации. Давайте начнем с классиков...

В. С. (Одновременно, пренебрежительно) **А зачем нам определение Французской революции нации?**

А. А. Потому что [нрзб.]...

В. С. (Одновременно) **Мы не Французская революция!**

А. А. Потому что есть некий аппарат в области социологии, которым люди договорились [нрзб.]...

Корнилов (Громко смеется).

В. С. (Одновременно) В Французской революции назывался...

А. А. (Одновременно) Владимир, **вы очень опытный софист**, давайте не смешить?..

В. С. (Одновременно) Но я, как опытный софист, и как тихий, спокойный еврей, говорю: а я кто? Ну, вот я кто? Я еврей. Я русский или нет?

А. А. Нет, вы еврей по национальности, как вы себя определяете, и россиянин, естественно, потому что вы часть русского народа, российского народа, что там [нрзб.]...

В. С. То есть получается, что...

Мирошник. А украинец не может быть частью российского народа?

А. А. Почему?..

В. С. (Одновременно) А россиянин может быть русским и россиянином?

А. А. Мы говорим о государстве Украина...

В. С. (Одновременно) Вот опять: вы путаете народ с государственным образованием. Вот народ украинцы могут быть?

А. А. Я для начала хочу понять, что такое украинский народ.

В. С. Вот я вам объясняю: Родион Мирошник — украинский народ? Его единица?

А. А. Если он себя так определяет, может как хочет...

В. С. (Одновременно) Правильно. Тогда...

Килинкар. У него так в документе было написано Он, когда получал паспорт, была графа националь-

ность, у него было написано: он украинец!

Мирошник (Смеется). А еще я жил в Украинской ССР.

Килинкар. И отец украинец, и мать украинка! А вы говорите, нет их! Вы даете!

В. С. Даже Владимир Владимирович Путин, после введения, помните, санкции ввели против... Первый пакет санкций, туда попали Ковальчуки и Тимченко, да? И Владимир Владимирович говорит: вот, это же надо, ввели санкции, ну да, против моих друзей, два еврея, один украинец. То есть Путин говорил, что есть украинец.

А. А. Владимир, я начну с того, что я сказал: вы вольны иметь то мнение, которое имеете.

В. С. (**Громко вздыхает**)

А. А. Я вам говорю, что украинской нации сто лет, меньше ста лет, она в свое время была придумана просто как...

В. С. (Одновременно) А украинскому народу?

А. А. Вы меня простите, **можно мне хотя бы фразу закончить?**

В. С. Да.

А. А. Большое спасибо. Да, так вот украинский народ, именно как украинцы, был придуман австро-венгерской разведкой. До этого были малороссы. Если кто-то из вас, господа, мне докажет обратное, вы будете очень...

В. С. (Одновременно) А не надо ничего доказывать! Украинский народ... Вот товарищ Сталин...

А. А. Вот, знаете, вы [нрзб.]...

Вакаров. Ваши предки жили в Австро-Венгрии? Там, где, как вы говорите, придумали украинство. Вот мои предки, русины, жили там! И они знали, что они русины. Не украинцы.

А. А. Русины!

Вакаров. А дальше часть русинов стала украинцами. А часть осталась. Есть русины, есть украинцы.

А. А. Я вам говорю [нрзб.]...

Вакаров. (Одновременно) Есть русины, есть русские, есть греки! Есть евреи. Есть...

А. А. Вы путаете этнос и народ...

Вакаров. (Одновременно) Никого нет! Да ничего не придумал!

А. А. Послушайте, вы... Я очень не люблю, если дискуссия в стиле приобретает...

Вакаров. (Одновременно) Слушайте внимательно, я вас прошу: мои предки...

А. А. И вы послушайте внимательно.

Вакаров. (Одновременно) Мой отец родился, и дальше шли, зашли...

А. А. Ну, слушайте, что это за **одесская перепалка?**

Вакаров. (Одновременно) Написали, фамилия, имя, и кто? Православный. И всё!

А. А. При чем здесь [нрзб.]...

Вакаров. (Одновременно) И всё!

В. С. Василий Дмитрич, аккуратнее!

Вакаров. (Одновременно) **Чушь** и всё!

В. С. С терминами аккуратнее. У каждого есть право на свою точку зрения, и мы...

А. А. **Если вы считаете, что это чушь, то**

о чем дискутировать?

В. С. Просто товарищ Сталин, который был не самый глупый человек, он точно не работал на Австро-Венгерскую империю...

А. А. Потому что у большевиков была своя идея — создание государства. И эта идея...

В. С. Но он признавал существование Украины?..

А. А. (Одновременно) ...и эта идея предполагала создание энного количества единиц этого государства в Советском Союзе. В частности, УССР. И наделение этой единицы еще одним голосом в ООН. Вы хорошо это знаете, Владимир.

В. С. (Одновременно) Минуточку, ну, нет, не соответствует действительности.

Мирошник. (Смеется) Ну, вы перепутали уже всё, что можно было перепутать!..

А. А. Нет, во-первых, ООН...

В. С. **Сейчас, сейчас.** (Размеренно) Украинское государство является одним из четырех государств, которые...

Килинкар. Конечно!

В. С. ...образовали СССР. Это было задолго до появления ООН. Поэтому в этот момент...

Килинкар. Это в 49-м году уже было.

В. С. Что?

А. А. Когда появилось украинское государство, которое образовало, как вы говорите, СССР.

В. С. **Ну, я вам скажу очень просто:** в 22-м году, как мы с вами хорошо знаем...

А. А. [нрзб.]...

В. С. **Минуточку, минуточку!** 30 декабря 1922 года был подписан Союзный договор, в котором было 4 субъекта. Одним из этих субъектов являлась Украинская Советская Социалистическая Республика.

Килинкар. Конечно.

В. С. Это не я придумал!

А. А. Это придумали не вы. Как я вам сказал, это была идея большевиков. Вы меня услышали, да?

В. С. И вы меня услышали! Но товарища Сталина сложно заподозрить, что он работал на австро-венгерскую разведку?

А. А. При чем здесь товарищ Сталин? Вы... [нрзб.]

В. С. Но товарищ Сталин признавал существование украинцев! Мало этого, провел...

А. А. Владимир, первое упоминание украинцев в качестве отдельной нации — это эпохи первого так называемого президента Украины, это 100 лет назад. До этого просто такого понятия не существовало.

В. С. Наверняка было!

А. А. И вы этого ни изменить, ни подменить не можете.

В. С. А это не надо ни подменять, ни... [нрзб.]. Первая революция 1919 года, вот народ взял себя назвал. Но 10 марта 1919 года появилась Украинская Советская Социалистическая Республика.

А. А. И что? Что вы хотите этим сказать?

Корнилов. В Екатеринославе.

В. С. В Екатеринославе. Мало того, если мы будем смотреть, и русский народ: с какого момента по-

явилась русская нация? Здесь мы тоже можем...

А. А. 400 лет назад.

В. С. Ну конечно! 400 лет. Ну, какая разница: 400, 100...

Мирошник. Почему 400 лет?

А. А. А британская нация и того меньше.

В. С. С этой позиции вообще никакой роли не играет! Когда появилась немецкая нация?

А. А. **Владимир, вы великий пересмешник...**

В. С. Да?

А. А. **Вы очень любите доказывать, что черное — это белое, а белое — это черное...**

В. С. Нет, но потому что я сейчас...

А. А. ...Вы это умеете делать очень хорошо. Но поверьте, что и я далеко в этом отношении не [нрзб.]...

В. С. **Речь идет о другом.** Что когда люди, которые идентифицируют себя как украинцы...

А. А. И что?

В. С. У которых есть собственная литературная традиция, и собственный литературный язык, есть собственная история, притом которая является частью нашей общей великой истории...

А. А. Подождите. О какой истории Украины вы сейчас говорите, для начала?

В. С. В составе Российской империи.

Мирошник. В составе Российской империи.

А. А. В составе Российской империи отдельно история Украины или история Малороссии, Владимир?

В. С. Вы можете называть как угодно, но они...

А. А. Кто создавал города, которые сейчас называются украинскими...

В. С. Ну, давайте, как мы оцениваем с нынешней позиции...

А. А. Как есть.

В. С. Хорошо. Как мы оцениваем, например, Владимира Мономаха? Владимир Мономах, вот вся его история, в которую вписана... Это история современной России? Спросите: Владимир Мономах, он как себя называл, он кем себя вообще считал? Правильно? Он же дико бы удивился, если бы он узнал, что он русич.

Мирошник. Да, фамилия Рюрикович.

В. С. Вы что, надо мной шутки шутите? Или... там есть разные варианты...

Корнилов. Не, их русскими называли, там, князьями...

В. С. То есть он бы вообще не понял, о чем идет речь! Мало этого: даже если мы возьмем, там, Александра Невского, то он бы тоже сильно удивился.

А. А. Почему?

В. С. Ну, потому что, если бы вы него спросили, ты кто, он бы не ответил на этот вопрос.

А. А. Мы сейчас говорим о том, что такое понятие русского народа. Понимаете? Как определение [нрзб.]...

В. С. (Одновременно) А какое понятие русского народа, в какой момент?

А. А. Мы сами... Вы сами уже ответили на тот вопрос.

В. С. Вы сказали, России 400 лет.

А. А. Да, около 400 лет назад.

В. С. Да, правильно, но истории Руси более

1000 лет?

А. А. Конечно, естественно. И по этому поводу возвращаясь к первому тезису: для начала надо разобратся, где украинский народ, насколько он существует и в какой части...

В. С. То есть вот сейчас миллион людей...

А. А. **Владимир, можно хоть одну фразу закончить?**

В. С. Давайте.

А. А. И в какой части Украины он существует, для начала. Вот и всё.

В. С. **Украинцев нет?**

А. А. Потому что, **простите, я не буду поддаваться на все эти вопросы**, потому что часть этой, так сказать, Украины советских времен, которой все тут безумно гордятся, это ДНР и ЛНР, которые себя таковыми не считают и не считали.

В. С. Не считают кем, украинцами? Но Мирошник...

А. А. Не считают и не считали.

Мирошник. Почему не считают? Украинцами? Люди, которые... Послушайте, на Донбассе живет больше 130 национальностей и народностей. И вы считаете, что мы не даем им права быть русинами, украинцами и русскими?

А. А. Не давать права и давать право — это совершенно другие вещи...

Мирошник. Послушайте, это весь Киев нам говорит сейчас: мы должны разобратся: есть твоя национальность или нет! Ты являешься тем, кем себя идентифицируешь или нет? **Вы кто? С такими вопросами, скажите, вы кто?**

А. А. А вы кто?

В. С. Он украинец.

Мирошник. Подождите, я задаю вопрос: **с чего вы взяли, что вам есть дело...**

А. А. А есть малоросс, а вы считаете, что есть украинец.

Мирошник. А вы с какой позиции делаете, а вы кто? Нет, вы кто?

А. А. (Морщится) Родион, **если вы переводите на разговор по понятиям...**

Мирошник. Не по понятиям, я хочу понять, с какой точки, с какой позиции вы рассуждаете...

А. А. Я себя столь низко не...

В. С. Господа, я вам расскажу, кто такой Родион Мирошник. Родион Мирошник — украинец.

Корнилов. Этнический.

В. С. Этнический. Который 8 лет воюет...

А. А. Малоросс или украинец?

В. С. Воюет как украинец или как малоросс? (С напором) **А ему: ты кто?! Кто ты есть?!**

Корнилов (Смеется) Ну, так он же есть!

А. А. Каждый человек волен сам себя определять, как он хочет.

Корнилов (Смеется). Так вот же ж это понятно...

А. А. Понятие украинского народа — понятие недавнее. А исторически...

Килингаров. Я всю жизнь прожил на Донбассе, и ни разу не слышал, чтобы человек сказал: я малоросс.

Там говорят: я русский, там, я еврей, я грек...

А. А. И так же никто не знал, что он украинец.

В. С. Послушайте, но вы...

Килингаров. **Вот вы, вы всё знаете, а народ не знает ничего.** Вот вы все знаете, даже то, что этого народа не существует. Вы когда-нибудь...

А. А. Но это ваше личное дело.

Килингаров. **Вы когда-нибудь были в Луганской области?**

А. А. Был в Луганской области, 3 недели назад.

Килингаров. 3 недели назад? А я... Вы проедете в северные регионы, в северные регионы, сельскохозяйственные, и спросите у этих людей: они кто? Они вам расскажут всё, понимаете? Без этих ваших пафосных «вы знаете, ваша **дискуссия...**»

В. С. Украинцы не называют себя малороссами!

Килингаров. Вы у людей спросите, кем они себя считают. Это ваше право их не признавать. А их право — считать себя тем, кем они являются.

А. А. Мало этого...

Килингаров. Послушайте старого [нрзб.].

А. А. Я не отказывал в праве...

В. С. Я еще страшнее вам скажу вещь, но у нас сейчас реклама, а вещь такая страшная: у нас-то в Крыму 3 официальных языка.

Килингаров. Да.

В. С. И один из них называется не малоросский, а украинский. Видно, недоработочка. Реклама.

.....

В. С. (С иронией) В результате напряженной дискуссии мы выяснили, что украинский народ есть, а экспорта нет.

Мирошник (Смеется).

В. С. Гарун бежал быстрее лани, так было, да, написано?

<https://yandex.ru/video/preview/4870897668585850725>

Содержательно все Арп_{Переб}, встретившиеся в приведенном примере, претендуют на то, чтобы считаться доброкачественными, оправданными, полезными (пункты (1_а), (2_а), (3_а), напомним: должна исправляться явная фактическая ошибка; оратор высказывает позицию, неприемлемую с морально-этической точки зрения или использует табуированные формулировки; перебивающий просит вернуться к предыдущей теме, которую недораскрыли).

При ближайшем рассмотрении таких нет — все манипулятивные:

1_б) перебивается тезис, развиваемый оратором, который априорно признается ошибочным и «исправляется» также априорно признаваемым истинным — и то, и другое, конечно, совершенно субъективно (**Формулировка наличия идеи у страны — идиотизм!**);

2_б) оратору приписывается позиция, неприемлемая с морально-этической точки зрения (**В этой логике: и русского языка нет!**);

3_б) перебивающий настаивает, чтобы ора-

тор не развивал свой тезис, а «не уклонялся» от ответа на его вопрос, настаивает на этом (хотя многие вопросы имели характер трюизма или провокации).

Аргументами (в настоящем смысле) Соловьева в данном развернутом примере являются два положения: 1) что у Украины богатая культура, литературный язык, 2) собственно *русский* — понятие относительно недавнее (было *православный*). Показательно, что в приведенном диалоге эти два положения никогда не выступают в качестве темы $A_{ргПереб}$.

Постоянно, громко, членораздельно (с одинаковой вопросительной или иронически-утвердительно-интонацией) Соловьев перебивает Артамонова одним «аргументом»: есть люди, идентифицирующие себя как украинцы, а Артамонов говорит им, «что их нет», а также ссылками на Президента РФ В. В. Путина (которого иногда называет Верховным главнокомандующим) (3 раза) и Сталина (5 раз).

Через посредство $A_{ргПереб}$ Соловьев пресекает и не дает развивать тему, которую считает нежелательной; осуществляет свое доминирование (как информативное, так и чисто психологическое).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как видим, $A_{ргПереб}$ в современных политических ток-шоу содержат множество имплицитных смыслов, выявление которых потребовало от нас довольно развернутого риторического и прагмалингвистического анализа.

Имплицитное наличие «позитивных» (соответствующих этике общения, идущих на пользу передаче) смыслов подразумевается прежде всего самим форматом передачи, ролями ведущего и приглашенных экспертов, их составом (носители патриотической точки зрения), даже если конкретные речевые действия по форме (незначительно) отклоняются от этикетной нормы; в тех же случаях, когда отклонение значительно и подобная «позитивная» интерпретация невозможна, вычитываются «негативные» имплицитные смыслы, к которым относятся агрессивность и конфликтность ведущего, его личные антипатии и т. п.

Эксплицитные $A_{ргПереб}$ относительно редки, обычно они требуются, когда перебиваемые недовольны перебивом, просят позволить им продолжить, договорить до конца.

Чаще всего экспликация $A_{ргПереб}$ имеет формальный характер и сводится к этикетной, содержательно нечленимой метареплике: информативно ничтожный коммуникативно-вербализация «Я просто чтобы понять»,

«Я просто чтобы уточнить», «Ну так, если посмотреть», «Щас-щас», «Стоп-стоп», «Нет-нет», «Минуточку»: если перебить без объяснений, будет грубо (но с $A_{ргПереб}$ все равно грубо, хотя и не противоречит привлекательности передачи для массового зрителя).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аристов, С. А. Прагмалингвистическое моделирование мнений коммуникативных ролей : дис. ... канд. филол. наук / Аристов С. А. — Тверь, 2001. — 212 с. — EDN QDMFTT.
2. Бинштейн, М. М. Языковые средства и приемы реализации аттрактивности в текстах политического медиадискурса (на материале ток-шоу «60 минут») / М. М. Бинштейн, Н. А. Самыличева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2024. — № 5. — С. 203–209. — DOI 10.32326/19931778_2024_5_203. — EDN FCNQHD.
3. Василькова, Н. Н. Реализация агональных стратегий в публичных спорах политического дискурса / Н. Н. Василькова // Медиаскоп. — 2018. — № 1. — С. 3. — EDN YWNQPN.
4. Грошев, И. В. Проявление половых различий в общении и склонности перебивать собеседника / И. В. Грошев // Вестник Тамбовского государственного университета. — 1998. — № 2. — С. 26–33. — EDN NUURRR.
5. Дешевова, В. В. Агональность в телевизионном дискурсе (на материале современных российских телешоу) : дис. ... канд. филол. наук / Дешевова В. В. — Волгоград, 2010. — 222 с. — EDN SCUFOR.
6. Кузнецова, Н. Е. Проблема постановочности в российских политических ток-шоу (на примере телепередачи «Время покажет» на Первом канале) / Н. Е. Кузнецова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2020. — № 3. — С. 98–100. — EDN LAOSAR.
7. Подобедова, Д. А. Специфика общественно-политических ток-шоу в России / Д. А. Подобедова // Коммуникации. Медиа. Дизайн. — 2021. — Т. 6, № 3. — С. 65–79. — EDN HCEINW.
8. Саитгалин, Т. Р. Особенности символической коммуникации в политическом телевизионном контенте (на примере политических ток-шоу) / Т. Р. Саитгалин // Журналистика в цифровую эпоху: антропологический поворот. — Екатеринбург, 2022. — С. 140–143. — EDN ORDVFJ.
9. Сиротинина О. Б. Основные критерии хорошей речи / О. Б. Сиротинина // Хорошая речь. — Саратов : Саратов. нац. исслед. гос. ун-т., 2001. — С. 16–28. — EDN YORZYF.
10. Спасовская, В. С. Роль функции ведущих политических ток-шоу: анализ коммуникативного поведения в современных медиа / В. С. Спасовская // Наука. Технологии. Инновации : сб. науч. тр. XVIII Всерос. науч. конф. — Новосибирск, 2025. — С. 517–521. — EDN ITJMXQ.
11. Тюрина, С. Ю. Лексико-фонетические характеристики связующих элементов дискурса в английской деловой речи (на материале фраз вежливого прерывания разговора) : дис. ... канд. филол. наук / Тюрина С. Ю. — Иваново, 2003. — 194 с. — EDN NMLVJN.
12. Цирельсон, Н. Ю. Взаимодействие инициирующих реплик и реплик-реакций в диалоге: на материале современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук / Цирельсон Н. Ю. — Москва, 2002. — 195 с. — EDN QDNBYH.
13. Шаховский, В. И. Речевой перебив как маркер неэкологичной бизнес-коммуникации / В. И. Шаховский, А. И. Цой // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2012. — № 10 (125). — С. 145–150. — EDN PJCDTL.
14. Шаховский, В. И. Роль эмоций в формировании экологичности массмедиа коммуникации / В. И. Шаховский, Н. Г. Солодовникова // Человек в коммуникации: мотивы, стратегии и тактики: кол. моногр. / отв. ред. И. В. Крюкова, В. И. Шаховский, Е. А. Сорокина. — Волгоград : Перемена, 2010. — С. 20–34. — EDN RZALOM.
15. Tannen, D. You just don't understand. Women and Men in Conversation / D. Tannen. — New York : Morrow, 1990. — ISBN 0-688-07822-2. — URL: <http://www.barnesandnoble.com/>

w/you-just-dont-understand-deborah-tannen.

REFERENCES

1. Aristov, S. A. (2001). Pragmalingvisticheskoye modelirovaniye meny kommunikativnykh roley = Pragmalinguistic modeling of exchange of communicative roles. Cand. philol. sci. thesis diss. Tver', 212 p. EDN QDMFTT.
2. Binshteyn, M. M., Samylicheva, N. A. (2024). Yazykovyye sredstva i priemy realizatsii attraktivnosti v tekstakh politicheskogo mediadiskursa (na materiale tok-shou «60 minuT») = Linguistic Means and Techniques for Implementing Attractiveness in Political Media Discourse Texts (Based on the Talk Show «60 Minutes»). *Bulletin of the N. I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, 5, 203–209. DOI 10.32326/19931778_2024_5_203. EDN FCNQHD.
3. Vasil'kova, N. N. (2018). Realizatsiya agonal'nykh strategiy v publichnykh sporakh politicheskogo diskursa = Implementation of Agonal Strategies in Public Disputes of Political Discourse. *Mediascope*, 1, 3. EDN YWNQPN.
4. Groshev, I. V. (1998). Proyavleniye polovykh razlichiy v obshchenii i sklonnosti perebivat' sobesednika = Manifestation of gender differences in communication and the tendency to interrupt the interlocutor. *Bulletin of Tambov State University*, 2, 26–33. EDN NUURRR.
5. Deshevova, V. V. (2010). Agonal'nost' v televizionnom diskurse (na materiale sovremennykh rossiyskikh teleshou) = Agonality in television discourse (based on modern Russian TV shows). Cand. philol. sci. diss. Volgograd, 222 p. EDN SCUFOP.
6. Kuznetsova, N. Ye. (2020). Problema postanovochnosti v rossiyskikh politicheskikh tok-shou (na primere teleperedachi «Vremya pokazheT» na Pervom kanale) = The Problem of Staging in Russian Political Talk Shows (Based on the TV Show «Time Will Tell» on Channel One). *Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 3, 98–100. EDN LAOSAR.
7. Podobedova, D. A. (2021). Spetsifika obshchestvenno-politicheskikh tok-shou v Rossii = Specifics of Socio-Political Talk Shows in Russia. *Communications. Media. Design*, 6(3), 65–79. EDN HCEINW.
8. Saitgalin, T. R. (2022). Osobennosti simvolicheskoy kommunikatsii v politicheskom televizionnom kontente (na primere politicheskikh tok-shou) = Features of Symbolic Communication in Political Television Content (Based on Political Talk Shows). *Journalism in the Digital Age: An Anthropological Turn*, 140–143. Yekaterinburg. EDN ORDVFJ.
9. Sirotinina, O. B. (2001). Osnovnyye kriterii khoroshey rechi = Basic Criteria of Good Speech. *Good Speech*, 16–28. EDN ORDVFJ. Saratov: Saratov Nat. Res. St. Univ. EDN YORZYF.
10. Spasovskaya, V. S. (2025). Rolevyye funktsii vedushchikh politicheskikh tok-shou: analiz kommunikativnogo povedeniya v sovremennykh media = Role Functions of Political Talk Show Hosts: An Analysis of Communicative Behavior in Modern Media. *Science. Technologies. Innovations. Collection of Scientific Papers from the 18th All-Russian Scientific Conf.*, 517–521. Novosibirsk. EDN ITJMXQ.
11. Tyurina, S. Yu. (2003). Leksiko-foneticheskiye kharakteristiki svyazuyushchikh elementov diskursa v angliyskoy delovoy rechi (na materiale fraz vezhlivogo preryvaniya razgovora) = Lexical and phonetic characteristics of connecting elements of discourse in English business speech (based on phrases of polite interruption of conversation). Cand. philol. sci. thesis diss. Ivanovo, 194 p. EDN NMLVJN.
12. Tsirel'son, N. Yu. (2002). Vzaimodeystviye initsiiruyushchikh replik i replik-reaktsiy v dialoge: na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka = Interaction of initiating remarks and reflexive remarks in dialogue: based on the modern English language. Cand. philol. sci. thesis diss. Moscow, 195 p. EDN QDNBYH.
13. Shakhovskiy, V. I., Tsoy, A. I. (2012). Rechevoy perebiv kak marker neekologichnoy biznes-kommunikatsii = Speech interruption as a marker of non-ecological business communication. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 10(125), 145–150. EDN PJCDTL.
14. Shakhovskiy, V. I., Solodovnikova, N. G. (2010). Rol' emotsiy v formirovanii ekologichnosti massmedial'noy kommunikatsii = Man in Communication: Motives, Strategies, and Tactics. *Collective Monographs* (Eds. I. V. Kryukova, V. I. Shakhovsky, E. A. Sorokina), 20–34. Volgograd: Peremena. EDN RZALOM.
15. Tannen, D. (1990). You just don't understand. Women and Men in Conversation. N. Y. Available from <http://www.barnesandnoble.com/w/you-just-dont-understand-deborah-tannen>.

Политическая лингвистика. 2025. № 6 (114).
Political Linguistics. 2025. No 6 (114).

УДК 811.161.1'367.626+811.161.1'42+81'27
ББК Ш141.12-51+Ш141.1-221+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.07

Код ВАК 5.9.8

Айгуль Айратовна Карамова

Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий, Бирск, Россия, Kar_AA@mail.ru, SPIN-код: 2611-9375

Местоимение *мы* как средство репрезентации концептуального признака «свой» ключевого политического концепта «свой/чужой» в современном политическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. Цель статьи — рассмотрение местоимения *мы* как средства репрезентации концептуального признака «свой» ключевого политического концепта «свой/чужой». Анализ производится с опорой на ценностный аспект данного концепта, соотносящий его с аксиологической шкалой «свой / чужой», где «свой» — хороший, положительный, «чужой» — плохой, отрицательный. В ходе комплексного исследования местоимения *мы* применены методики лексико-семантического, стилистического, грамматического, концептуального, дискурсивного, статистического анализа. Комплексный подход позволил, во-первых, констатировать идеологическую сущность местоимения *мы* в политическом дискурсе, во-вторых, определить в качестве его основной функции репрезентацию области «своего», в-третьих, определить местоимение *мы* как главное средство репрезентации области «своего», в-четвертых, описать всё многообразие политической семантики местоимения *мы* (основные значения «власть», «Россия — страна», «Россия — народ», частные значения «международная политика России», «экономическая политика России», «силовая политика России» и т. д., оттенки значения «союзники России», «партнеры России», «друзья России»), в-пятых, уточнить объем семантики *мы*-эксклюзивного (значение «власть») и *мы*-инклюзивного (значения «Россия — народ», «Россия — страна», в дополнение к общему значению «мы-партия + народ»), выявить их функции в политическом тексте. Результаты исследования применимы в дальнейшей научной работе, практике составления словарей политических концептов, в практике преподавания вузовских курсов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, концептосфера, политический концепт, ценностная шкала, концептуальные признаки, «свой / чужой», средства репрезентации, местоимение.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Карамова Айгуль Айратовна, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, Бирский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»; 452450, Россия, г. Бирск, ул. Интернациональная, 10, email: Kar_AA@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Карамова, А. А. Местоимение *мы* как средство репрезентации концептуального признака «свой» ключевого политического концепта «свой/чужой» в современном политическом дискурсе / А. А. Карамова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 6 (114). — С. 22-28.

Aigul A. Karamova

Birsk Branch of Ufa University of Science and Technology, Birsk, Russia, Kar_AA@mail.ru, SPIN code: 2611-9375

The Russian Pronoun “*my*” as a Means of Representing the Conceptual Feature “*own*” of the Key Political Concept of “Own/Alien” in the Contemporary Political Discourse

ABSTRACT. The aim of this article is to examine the pronoun “*my*” (we) as a means of representing the conceptual feature “*own*” of the key political concept “*own/alien*”. The analysis is based on the value aspect of this concept, correlating it with the axiological scale “*own/alien*”, where “*own*” is good or positive, and “*alien*” is bad or negative. In the course of a complex study of the pronoun “*my*”, the author employed the methods of lexico-semantic, stylistic, grammatical, conceptual, discursive, and statistical analysis. The complex approach made it possible, first, to establish the ideological essence of the pronoun “*my*” in political discourse; second, to define its main function as representing the domain of “*own*”; third, to define the pronoun “*my*” as the main means of representing the domain of “*own*”; fourth, to describe the full diversity of the political semantics of the pronoun “*my*” (the main meanings being “power,” “Russia — the country,” “Russia — the people,” the specific meanings “Russia’s international policy,” “Russia’s economic policy,” “Russia’s power policy,” etc., and shades of meaning “Russia’s allies,” “Russia’s partners,” “Russia’s friends”), and fifth, to clarify the scope of the semantics of “*my*”-exclusive (meaning “power”) and “*my*”-inclusive (meanings “Russia — the people,” “Russia — the country,” in addition to the general meaning “*my*-party + the people”), and to identify their functions in political texts. The results of the study could be used in further scholarly research, in the practice of compiling dictionaries of political concepts, and in practical teaching of university courses.

KEYWORDS: political discourse, conceptsphere, political concept, axiological scale, conceptual features, own – alien, representation means, pronoun.

AUTHOR’S INFORMATION: Karamova Aigul Airatovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Philology, Birsk Branch of Ufa University of Science and Technology, Birsk, Russia.

FOR CITATION: Karamova A. A. (2025). The Russian Pronoun “my” as a Means of Representing the Conceptual Feature “own” of the Key Political Concept of “Own/Alien” in the Contemporary Political Discourse. In *Political Linguistics*. No 6 (114), pp. 22-28. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Данное исследование опирается на следующие определения понятий концепта, политического концепта. Концепты — это «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [Карасик 2009: 24]. Политический концепт — это элемент «национального политического сознания» [Чудинов 2007: 43]. Среди политических концептов выделяются ключевые (базовые) концепты — наиболее значимые для картины политического мира, составляющие его основу. К ним относят такие концепты, как «власть», «народ», «Россия», «свой / чужой» и др.

В наших исследованиях уже указывалось на то, что оппозиция «свой / чужой» имеет двоякую сущность: с одной стороны, это базовый политический концепт, на котором основывается понимание политики как борьбы за власть¹, с другой стороны, это аксиологическая категория [Митякина 2022: 158]. Признание оппозиции «свой / чужой» аксиологической категорией позволяет считать ее неким ориентиром, распределяющим объекты и понятия политического мира по противоположным полюсам ценности и антиценности, хорошего и плохого. Этот ориентир во многом формирует картину политического мира, а также позволяет осуществлять полноценную политическую коммуникацию ее субъектам (в плане кодирования и декодирования смыслов).

На идеологическую сущность местоимения *мы* неоднократно указывали исследователи [Михалева 2009; Чернявская 2006; Карамова 2016; Кишина 2009; Резникова 2012; Чжао Янь 2019 и др.], сегодня о нем всё чаще говорят как о средстве репрезентации национальной идентичности [Гаврилова 2025]. Ранее нами было установлено, что данное местоимение — одно из самых частотных средств репрезентации концептуального признака «свой» идеологического концепта «свой / чужой» [Карамова 2023а]. Именно поэтому оно заслуживает более детального рассмотрения, систематизации (в плане семантики, функционала) и описания.

Исследование производится на материале текста Президента Российской Федерации с прямой линией «Итоги года с Владими-

ром Путиным» (19 декабря 2024 г.). Выбор жанра прямой линии и программы итогов года неслучаен. Во-первых, именно в формате прямой линии с Президентом звучат наиболее важные, актуальные вопросы, важность и актуальность которых усиливается тем, что это подведение годовых итогов. Во-вторых, для исследования местоимения первого лица *мы* невозможно подобрать более адекватный источник, нежели текст главного лица государства, где будет представлено все многообразие его семантики, стилистической окраски, оценочности, тем самым будет возможность прийти к наиболее объективным выводам. В-третьих, жанр прямой линии относится к институциональному политическому дискурсу (см. классификацию типов политического дискурса²), где употребление местоимения *мы* наиболее активно. Помимо того, принадлежность жанра прямой линии к институциональному типу политического дискурса «исключает субъективность, личностный характер суждений, мнений, оценок, а статус самого субъекта речи как высшего лица государства возводит суждения до уровня официальных государственных» [Карамова 2023б: 13–14].

Всего было проанализировано 330 употреблений местоимения *мы* в разных грамматических формах. Материал подобран методом сплошной выборки.

В процессе анализа речевого материала используется комплексный подход к исследованию местоимения *мы*, включающий методики лексико-семантического анализа (определение значения местоимения), стилистического анализа (определение оценочности), синтаксического анализа (определение синтаксической позиции и грамматической семантики), концептуального анализа (определение места на шкале «свой/чужой»), контекстуального анализа, дискурсивного анализа (определение широкого общественно-политического контекста), статистического анализа.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

I. Семантика местоимения *мы*

Анализ показывает, что в плане содержания употребление местоимения *мы* последовательно распадается на две группы — с общеязыковым значением и с политически

¹ Карамова, А. А. Современный политический дискурс (конец XX — начало XXI вв.) : дис. ... д-ра филол. наук. — Уфа, 2013. — С. 208.

² Там же. С. 55.

окрашенным значением.

1. Общеязыковые значения: «указывает на группу лиц, среди которых находится и говорящий» [Грамматика 1980: 532]:

- «я + он»: *Вы сказали: что мы можем предложить или я могу предложить вновь избранному президенту Трампу, когда **мы** с ним встретимся?*;
- «я + они»: *...в Москве такое количество лидеров разных стран не собиралось. ... Так что спасибо Казани за то, что вы **нам** предоставили такую возможность;*
- «я + ты + вы»: *... **мы** сейчас и шутим здесь, и смех в зале раздается, а я стал меньше шутить и почти перестал смеяться;*
- обобщенное значение «все, общеизвестно» (в сочетании с глагольными словоформами *знать, видеть, наблюдать, говорить, понимать*): *У нас даже в самые тяжёлые времена Великой Отечественной войны, **мы** знаем эти примеры, думали о будущем; Что реально на поле боя **мы** видим сегодня?; В рамках Сирии при президенте Асаде нужно было это решать... **Мы** это всё понимаем; ...создан террористический анклав наподобие того, что **мы** наблюдали в некоторых других странах, скажем, в Афганистане.*

Следует отметить, что в общеязыковом, традиционном значении местоимение *мы* употребляется в анализируемом тексте довольно редко, в 5 % случаев от общего употребления.

2. Политически окрашенные значения.

Здесь последовательно прослеживается употребление местоимения *мы* в двух значениях: «мы-эксклюзивное» (исключающее собеседника) и «мы-инклюзивное» (включающее собеседника) (терминология, принадлежащая Э. Бенвенисту [см.: Михалёва 2009: 82]):

1) *мы-эксклюзивное*:

– «Власть», то есть те, кто делает политику, от кого зависят важнейшие политические решения: *Сейчас **мы** увеличиваем армию и силовые подразделения в силу целого ряда обстоятельств до полутора миллионов человек; Я не могу сейчас сказать: да, **мы** сделаем завтра. Но я вам обещаю, что **мы** это точно проработаем.* Данная группа довольно многочисленная, составляет 35 % от общего употребления местоимения *мы*;

2) *мы-инклюзивное*, включающее собеседника, то есть, в нашем случае, народ. Ранее нами было уточнено данное значение

применительно к политическому дискурсу «как „мы-партия + народ“, где „партия“ имеет общее институциональное значение» [Карамова 2016: 84]. Суть семантики *мы-инклюзивного* состоит в том, что «субъект объединяется с объектом, совпадает с ним» [Карамова 2016: 85]. В анализируемом контексте общая семантика *мы-инклюзивного* конкретизируется следующими значениями:

– «Россия = страна, государство»: *Для нашей страны это особенно важно, потому что при утрате суверенитета **мы** теряем государственность; У **нас** рост промышленности составил 4,4 процента, а перерабатывающая промышленность — 8,1 процента...; в том числе с оттенком «Россия в противоположность другим странам»: *Проведем такой эксперимент, такую технологическую дуэль, и посмотрим, что получится... Думаю, что будет полезно и для **нас**, и для американской стороны; **Мы** то готовы, но нужно, чтобы та страна была готова и к переговорам, и к компромиссу.* Данное значение актуализируется у местоимения *мы* в 50 % случаев употребления;*

– «Россия = народ, населяющий страну»: ***Мы** гордимся Москвой, это один из крупнейших и лучших мегаполисов мира, но и Казань развивается быстро, активно; **Мы** никогда не забудем о тех жертвах, которые были принесены нашим народом на алтарь победы над нацизмом. Самое главное, чтобы **мы** этого не забывали.* Значение актуализируется в 10 % от общего употребления местоимения.

Таким образом, в анализируемом тексте наблюдается преимущественно политически окрашенное значение местоимения *мы*, что говорит об его идеологической нагруженности (мы понимаем политическую и идеологическую окрашенность как близкие, пересекающиеся понятия, учитывая неразрывную связь политики и идеологии [Потемкина 2025]). При этом превалирует *мы-инклюзивное*, когда адресант не отстраняется от собеседника-народа, а включает его в свой круг, возводя до равного себе статуса, объединяя свои интересы с интересами народа. Вместе с тем, достаточно значимо *мы-эксклюзивное*, когда власть, государство берет на себя ответственность за решение многих актуальных вопросов, от которых зависит благополучие граждан и страны.

II. Оценочная характеристика местоимения *мы*

Оценка в данном исследовании понимается как «положительная или отрицательная характеристика объекта, основанная на мнении о соответствии или несоответствии

его ценностной (идеализированной) картине мира»¹. Совершенно очевидно, что речь здесь идет об особом типе оценок — социально-политической оценке², причем лишь об адгерентной (контекстуальной) ее разновидности.

Анализ показывает, что употребление местоимения *мы* наблюдается в следующих контекстах:

1) оценочные контексты:

– с положительной оценкой: *С экономикой в целом в России у нас ситуация обстоит нормально, устойчиво. Мы развиваемся, несмотря ни на что, несмотря ни на какие внешние угрозы и попытки воздействия на нас; По мясу мы полностью себя обеспечиваем, 100 процентов и т. п.;*

– с отрицательной оценкой: *Дело в том, что у нас ещё недостроенность жилья; К сожалению, он у нас упал до 1,41 процента; Дальше невозможно было оставаться в том состоянии, в котором мы находились и т. п.*

Оценочные контексты составляют большую часть употреблений местоимения *мы* (55 %). При этом абсолютное большинство оценочных контекстов имеет положительный характер (87 %), оценивающий состояние дел в экономике, политике и других сферах как развитие, прогресс. Негативные контексты отмечают недостатки в отдельных областях политической и экономической жизни;

2) нейтральные контексты: *У нас нет предварительных условий. Мы готовы вести диалог без предварительных условий; Мы очень часто говорим о взаимодействии России и Китайской Народной Республики; и мы с Правительством уже эту тему обсуждали.*

Большая часть нейтральных контекстов (56 % от всех нейтральных употреблений) имеет семантику не нейтральной констатации фактов, а семантику «на перспективу», а именно:

– долженствования: *Мы должны сохранить набранный темп, менять качество нашей экономики;*

– готовности: *Но если это будет нужно, мы, конечно, готовы будем развернуть там и дополнительную группировку МЧС;*

– желательности: *Мы очень рассчитываем на то, что там наступит мир, спокойствие;*

– надежды: *Мы надеемся, что Израиль когда-то выйдет с территории Сирии, но сейчас он заводит туда дополни-*

тельные войска;

– уверенности: *Мы совершенно точно их выйдем, абсолютно точно. По-другому быть не может;*

– обещания: *Но мы обязательно всё сделаем, не сомневайтесь...;*

– побуждения: *Если те западные эксперты, про которых Вы сказали, так полагают, пусть они предложат нам и пусть предложат тем на Западе и США, кто им платит за их анализ, произвести некий технологический эксперимент, скажем, высокотехнологичную дуэль XXI века;*

– планирования: *По дорогам: мы в течение трёх лет планируем привести всю дорожную сеть этих регионов в нормативное, российское состояние;*

– заинтересованности: *И мы заинтересованы в привлечении именно высококвалифицированных специалистов в Россию, чтобы они здесь работали и жили.*

В данных контекстах выражается не настоящее положение дел, анализ того, что сделано или делается, а обозначены некие цели, ориентиры, к которым, по мнению адресата, надо стремиться.

III. Грамматическая характеристика местоимения *мы*

Анализ синтаксической позиции местоимения *мы* продемонстрировал, что в большинстве случаев (65 %) оно употребляется в независимой синтаксической позиции (в роли активного агенса): *Мы развиваемся, несмотря ни на что, несмотря ни на какие внешние угрозы и попытки воздействия на нас; Это то, к чему мы должны стремиться.*

Примечательно, что *мы*-эксклюзивное в значении «власть» в 90 % употреблений занимает позицию активного агенса, что еще раз подтверждает, что государство и власть берут на себя активную роль участника политических событий, ответственность за всё происходящее: *Да, инфляция есть. Мы будем с этим бороться; Я прошу Правительство обеспечить объемы необходимых субсидий. Мы здесь наведем порядок и т. п.* Этого не наблюдается в употреблении *мы*-инклюзивного, где России, народу отводится более пассивная роль (65 % употреблений — синтаксическая позиция пациенса). Связано это, скорее всего, с тем, что функция употребления *мы*-инклюзивного несколько иная (установление контакта с адресатом, единение с ним, возведение его до участника политических событий) [Карамова 2016: 84–85; Михалева 2009;

¹ Карамова, А. А. Современный политический дискурс (конец XX — начало XXI вв.): дис. ... д-ра филол. наук. — Уфа, 2013. — С. 102.

² Там же. С. 109–130.

Чернявская 2206].

IV. Концептуальная характеристика местоимения *мы*

Семантику «своего» следует искать прежде всего в оценочных контекстах употребления местоимения *мы*. Ведь, как говорилось выше, оппозиция «свой» / «чужой» коррелирует с ценностной шкалой «хорошо» / «плохо», что возводит данную оппозицию в ранг аксиологической категории. Всё, что располагается в зоне «своего», квалифицируется как «хорошо», соответственно, всё «чужое» располагается на противоположной, отрицательной стороне шкалы.

Наполнение зон «своего» и «чужого» может быть разным, о чем говорилось ранее [Карамова 2023: 77]: идейно-политическим (советский/антисоветский), национальным (русский/нерусский), связанным с военными конфликтами (русские/немцы), религиозным (правоверный/неверный), международным (Россия / другие страны). Актуализация тех или иных антиномий зависит от внешних факторов. Логично, что в период, когда Россия заявляет себя на международной арене как суверенное, независимое государство, имеющее свой голос, развивающееся по собственному сценарию, что не может оставлять равнодушными других субъектов международной политики, наиболее актуальной становится антиномия «Россия / другие страны». Это противопоставление обостряется, становится более заметным на фоне специальной военной операции.

Чаще всего оппозиция выражена эксплицитно и касается всех отраслей взаимодействия с другими странами:

– международной политики в общем: *Она окрепла, она стала по-настоящему суверенной страной, и мы принимать решения будем без всякой оглядки на чужое мнение, будем руководствоваться только своими национальными интересами; БРИКС не является инструментом противодействия Западу. Мы не работаем против кого бы то ни было, мы работаем за свои интересы, за интересы стран — участниц этой организации;*

– дипломатической политики: *Мы-то готовы, но нужно, чтобы та страна была готова и к переговорам, и к компромиссу; Просто противная сторона, в прямом и переносном смысле этого слова, отказалась от переговоров. А мы всегда к этому готовы;*

– экономической политики: *С экономикой в целом в России у нас ситуация об-*

стоит нормально, устойчиво. Мы развиваемся, несмотря ни на что, несмотря ни на какие внешние угрозы и попытки воздействия на нас; От нас уходят многие производители, дай бог им здоровья, а это толкает наше собственное производство, в том числе и кинопроизводство; мы становимся по-настоящему суверенной страной, мы уже мало от кого зависим. Мы в состоянии уверенно держаться на ногах с точки зрения экономики;

– информационной политики: *Потому что, несмотря на все гонения на нашу прессу, мы вам позволяем работать в России, и вы делаете это свободно; Мы ни разу не слышали — я сейчас не Вас имею в виду лично — от западного журналистского корпуса осуждения подобных терактов;*

– силовой политики: *Мы совершенно точно их выйдем, абсолютно точно; Мы упрощали когда-то американцев не разворачивать эту систему, чтобы нам не нужно было создавать систем преодоления; Затем мы говорим о повышении ответственности неядерных государств, которые могут принимать участие в агрессии против Российской Федерации вместе со странами, которые обладают ядерным оружием; Да, с нами практически воюют все страны НАТО.*

В оценочных контекстах может наблюдаться также имплицитное противопоставление «своего» и «чужого», когда «чужой» не номинирован, но в самом контексте угадывается семантика «чужого», противопоставления ему: *Мариуполю мы уделяем много внимания, и это заслуженно, это большой город; Мы занимаемся там тоже и дорогами, и школами, и соцкультбытом, и медициной — там возник крупный медицинский центр недавно, и учебными заведениями — грамматический контекст настоящего времени, сам дискурсивный контекст, лексема возникнуть в значении «начаться, образоваться, зародиться»¹ свидетельствуют о противопоставлении политики России и Украины в области развития территорий.*

К зоне «своего» причисляются также страны — союзники России: *...мы объявили о том, что если такие же угрозы будут создаваться для нашего союзника — члена Союзного государства, для Белоруссии, то Российская Федерация будет это рассматривать так же, как создание аналогичных угроз для самой России. И мы сделаем всё, чтобы обеспечить безопасность Белоруссии; Мы очень часто говорим о взаимодействии России и Китайской*

¹ Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М., 2003. — С. 93.

Народной Республики.

В зону «чужого» помещаются, по большей части, страны Запада: *Украина отказалась от продления транзитного контракта. Это же не мы отказались, это Украина отказывается; Мы упрасивали когда-то американцев не разворачивать эту систему, чтобы нам не нужно было создавать систем преодоления; Поэтому это и делается нейтральными странами, которые не вмешиваются в конфликт, как, например, делают это западные государства, которые фактически воюют с нами руками украинцев.*

Поскольку большая часть употреблений местоимения *мы* небезразлична к оценке, причем в своем абсолюте — к положительной, то смело можно заявлять, что, во-первых, местоимение *мы* — одно из основных средств выражения полюса «своего», во-вторых, одна из главных функций местоимения *мы* — репрезентация зоны «своего».

При этом анализ семантики местоимения *мы* (как правило, политически окрашенной, идеологически нагруженной), проведенный выше, показывает, что *мы* — это в любом случае «свой», даже если не имеется эксплицитно выраженного противопоставления с «чужим», если не имеется оценочного контекста. Просто семантика «своего» усиливается в оценочных контекстах с положительной окраской.

ВЫВОДЫ

1. Местоимение *мы* в политическом контексте является идеологически нагруженной единицей, поскольку в абсолютном большинстве употреблений имеет политически связанное значение. Одна из главных функций местоимения *мы* в политическом дискурсе — репрезентация концептуального признака «свой» базового политического концепта «свой / чужой». Эта функция выходит на первый план в контекстах, где местоимение *мы* имеет положительную окраску. При этом употребление в нейтральных контекстах не лишает местоимение *мы* этой основной семантики — обозначать область «своего».

2. Местоимение *мы* выполняет в политическом дискурсе еще одну важную функцию — является субъектом действия с общей семантикой «на перспективу» (долженствования, готовности, желания, обещания, побуждения, планирования, заинтересованности), о чем свидетельствует семантика нейтральных контекстов. Данное значение накладывается на семантику «своего».

3. Местоимение *мы* является одним из главных средств выражения концептуального признака «свой» базового политического

концепта «свой / чужой». Этому способствует его умение вбирать в себя, в зависимости от контекста, семантику всего, что может быть причислено к «своему» — «Россия», «народ», «власть».

4. Идеологическая семантика местоимения *мы* очень широкая. Помимо трех основных выявленных значений «власть», «Россия — страна», «Россия — народ», в противопоставлении с областью «чужого» проявляются более частные значения — «международная политика России», «экономическая политика России», «дипломатическая политика России», «информационная политика России», «силовая политика России». Кроме того, имеет место расширение семантики местоимения *мы* — за счет оттенков значения «союзники России», «партнеры России», «друзья России».

5. Оппозиция «свой / чужой» может быть выражена эксплицитно и имплицитно. В случае с местоимением *мы* как репрезентантом зоны «своего», эксплицитным средством оппозиция являются контекстуальные антонимы типа *мы — они*, *мы — все страны НАТО*, *мы — та сторона*, *мы — кто бы то ни было* и т. п. Имплицитно оппозиция может выражаться за счет лексических, грамматических, дискурсивных средств.

6. Особенность использования *мы*-эксклюзивного (в значении «власть») заключается в том, что оно в абсолютном большинстве случаев занимает позицию активного агенса, что свидетельствует о том, что именно власти отводится активная роль субъекта политики, который берет на себя ответственность за политические решения и деяния.

7. Превалирование в использовании *мы*-инклюзивного (в общих значениях «Россия — страна», «Россия — народ»), причем преимущественно в грамматической роли пациенса, свидетельствует о стремлении субъекта политической коммуникации установления контакта с народом-адресатом, общности обсуждаемых проблем.

8. Материалы анализа могут быть использованы в дальнейших исследованиях в области политического дискурса, аксиологии, лексической и грамматической семантики, в практике составления словарей политических концептов, в практике преподавания вузовских курсов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Блакар, Р. Язык как инструмент социальной власти / Р. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия / под ред. В. В. Петровой. — Москва : Прогресс, 1987. — С. 88–125.
2. Гаврилова, М. В. Лингвистические средства репрезентации национальной идентичности в политическом тексте / М. В. Гаврилова // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 78–89. — EDN MWADTK.

3. Карамова, А. А. Концепты «правда» и «ложь» на аксиологической шкале «свой/чужой»: средства репрезентации (на материале обращений В. В. Путина периода специальной военной операции) / А. А. Карамова // Политическая лингвистика. — 2023 (а). — № 3 (99). — С. 12–22. — EDN WGALEI.
4. Карамова, А. А. Манипулятивный потенциал грамматических средств в современном политическом дискурсе / А. А. Карамова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2016. — Т. 1. — № 3. — С. 84–90. — EDN WLSEXV.
5. Карамова, А. А. Средства репрезентации базового политического концепта «свой/чужой» (на материале обращений В. В. Путина в связи со специальной военной операцией) / А. А. Карамова // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2023 (6). — № 2 (113). — С. 75–85. — DOI 10.23859/1994-0637-2023-2-113-7. — EDN HCKYED.
6. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2009. — 406 с. — ISBN 978-5-94244-030-5. EDN QUTWBB.
7. Кишина, Е. В. Смысловая модель категории «свое — чужое» на уровне политического дискурса / Е. В. Кишина // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2009. — № 1 (5). — С. 47–52. — EDN KDMPHH.
8. Митякина, О. В. Оппозиция «свой — чужой» как средство делегитимации политической власти (на материале комментариев англоговорящих пользователей в социальных сетях) / О. В. Митякина // Политическая лингвистика. — 2022. — № 5 (95). — С. 156–162. — DOI 10.26170/1999-2629_2022_05_15. EDN UEWUUB.
9. Михалёва, О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалёва. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ» : URSS, 2009 (сop. 2008). — 256 с. — ISBN 9785397002271. — EDN GMQKUV.
10. Потемкина, В. М. Политико-идеологический дискурс как разновидность гибридного институционального дискурса / В. М. Потемкина, О. И. Калинин // Политическая лингвистика. — 2025. — № 1 (109). — С. 108–117. — EDN BGGRVZ.
11. Резникова, Е. В. Личные местоимения в политическом дискурсе / Е. В. Резникова // Ярославский педагогический вестник. — 2012. — № 1. — Т. 1. — С. 180–183. — EDN PXHJBJ.
12. Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. — Москва : Наука, 1980. — Т. 1. — 789 с.
13. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 136 с. — ISBN 5-89349-987-5. — EDN RWLPMR.
14. Чжао, Янь. Использование местоимений первого лица в президентском дискурсе как средство речевого вовлечения / Янь Чжао // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — Т. 12. — Вып. 7 — С. 260–264. — DOI 10.30853/filnauki.2019.7.56. — EDN ASHUFU.
15. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — 2-е изд., испр. — Москва : Флинта : Наука, 2007. — 252 с. — ISBN 978-5-89349-897-4.

REFERENCES

1. Blakar, R. (1987). Yazik kak instrument sotsialnoy vlasti = Language as an Instrument of Social Power. *Language and Modeling of Social Interaction* (ed. V. V. Petrova), 88–125. Moscow: Progress.
2. Gavrilova, M. V. (2025). Lingvisticheskie sredstva reprezentatsii natsionalnoy identichnosti v politicheskom tekste = Linguistic means of representation of national identity in political

text. *Political Linguistics*, 2(110), 78–89. EDN MWADTK.

3. Karamova, A. A. (2023a). Kontsepti «pravda» i «lozh» na aksiologicheskoy shkale «svoy/chuzhoY»: sredstva reprezentatsii (na materiale obrashcheny V. V. Putina perioda spetsialnoy voennoy operatsii) = The concepts “Truth” and “Lie” on the axiological scale of “alien/own”: means of representation (on the material of V.V. Putin’s Addresses during the Special Military Operation). *Political Linguistics*, 3(99), 12–22. EDN WGALEI.

4. Karamova, A. A. (2016). Manipulyativny potentsial grammaticheskikh sredstv v sovremennom politicheskom diskurse = Manipulative potential of grammar resources in the contemporary political discourse. *Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatishchev*, 1(3), 84–90. EDN WLSEXV.

5. Karamova, A. A. (2023b). Sredstva reprezentatsii bazovogo politicheskogo kontsepta «svoy/chuzhoY» (na materiale obrashcheny V. V. Putina v svyazi so spetsialnoy voennoy operatsiey) = Representation means of the basic political concept “friend/foe” (based on V. V. Putin’s Addresses related to a Special Military Operation). *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2(113), 75–85. DOI 10.23859/1994-0637-2023-2-113-7. EDN HCKYED.

6. Karasik, V. I. (2009). Yazikovye klyuchi = Language Keys. Moscow: Gnozis, 406 p. ISBN 978-5-94244-030-5. EDN QUTWBB.

7. Kishina, E. V. (2009). Smislovaya model kategorii «svoe — chuzhoE» na urovne politicheskogo diskursa = Meaning model of the category “own — strange” at the level of political discourse. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 1(5), 47–52. EDN KDMPHH.

8. Mityakina, O. V. (2022). Oppozitsiya “svoe — chuzhoY” kak sredstvo deligitimatsii politicheskoy vlasti (na materiale kommentariy anglogovoryashchikh polzovateley v sotsialnikh setyakh) = The opposition of “own-alien” as a means of delegitimation of political power (based on the comments of English-speaking social network users). *Political Linguistics*, 5(95), 156–162. DOI 10.26170/1999-2629_2022_05_15. EDN UEWUUB.

9. Mikhalyova, O. L. (2009). Politicheskyy diskurs: spetsifika manipulyativnogo vozdeystviya = Political Discourse: Specifics of Manipulative Influence. Moscow: LIBROKOM Book House, URSS, 256 p. ISBN 9785397002271. EDN GMQKUV.

10. Potemkina, V. M., Kalinin, O. I. (2025). Politiko-ideologichesky diskurs kak raznovidnost gibridnogo institutsionalnogo diskursa = Politico-ideological discourse as a special kind of hybrid institutional discourse. *Political Linguistics*, 1(109), 108–117. EDN BGGRVZ.

11. Reznikova, E. V. (2012). Lichnie mestoimeniya v politicheskom diskurse = Personal pronouns in political discourse. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 1(1), 180–183. EDN PXHJBJ.

12. Shvedova, N. Yu. (Ed.) (1980). Russkaya grammatika = Russian Grammar. Vol. 1. Moscow: Nauka, 789 p.

13. Chernyavskaya, V. E. (2006). Diskurs vlasti i vlast diskursa: problemi rechevogo vozdeystviya = Discourse of Power and the Power of Discourse: Problems of Speech Influence. Textbook. Moscow: Flinta, Nauka, 136 p. ISBN 5-89349-987-5. EDN RWLPMR.

14. Zhao, Yan. (2019). Ispolzovanie mestoimeny pervogo litsa v prezidentskom diskurse kak sredstvo rechevogo vovlecheniya = Use of first-person pronouns in presidential discourse as a means of speech involvement. *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, 12(7), 260–264. DOI 10.30853/filnauki.2019.7.56. EDN ASHUFU.

15. Chudinov, A. P. (2007). Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics (2nd ed., corrected). Moscow: Flinta, Nauka, 252 p. ISBN 978-5-89349-897-4.

Политическая лингвистика. 2025. № 6 (114).
Political Linguistics. 2025. No 6 (114).

УДК 81'42+81'38+81'22
 ББК Ш151.51+Ш155.5+А1

ГРНТИ 16.31.61

Код ВАК 5.9.8

Анна Михайловна Плотникова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, annaplotnikova@urfu.ru, SPIN-код: 9586-5680, <https://orcid.org/0000-0002-6027-2855>

Судебная семиотика — новое направление исследования информационных материалов

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются методологические принципы семиотического анализа информационных материалов, применяемые при производстве судебной лингвистической и комплексных экспертиз социо-гуманитарного профиля (психолого-лингвистической, религиоведческой, политологической, этиковедческой). Специфика информационных материалов как объекта экспертизы обусловлена важностью социокультурного контекста для анализа, их включенностью в социальную деятельность человека, которая и подвергается правовой оценке. Судебная семиотика рассматривается как часть семиотики коммуникации, поэтому она более всего связана с судебной лингвистикой. Приведены примеры лингвосомиотического анализа, в центре которого знаки разной природы, погруженные в коммуникативный контекст. Особое внимание уделено границам компетенции эксперта, рассматривается и опровергается мнение о том, что лингвист не может анализировать невербальные знаки. Для методологии экспертного анализа существенным является определение метаязыка семиотического описания. Охарактеризованы знаки, которые разворачиваются в тексты и связаны с определенными речевыми актами. Диапазон коммуникативных проявлений невербальных знаков или сложных семиотических объектов (жесты, эмодзи, политическая и религиозная символика, экстремистская символика, параграфические элементы, поликодовые тексты), рассматриваемых в экспертной практике, оказывается настолько масштабным, что расширяет наше представление о знаковых системах и коммуникативной деятельности человека.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: судебная экспертиза, информационные материалы, судебная семиотика, судебная лингвистика, семиотический анализ, коммуникативная деятельность, невербальные знаки.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Плотникова Анна Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, email: annaplotnikova@urfu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Плотникова, А. М. Судебная семиотика — новое направление исследования информационных материалов / А. М. Плотникова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 6 (114). — С. 29-35.

Anna M. Plotnikova

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, annaplotnikova@urfu.ru, SPIN code: 9586-5680, <https://orcid.org/0000-0002-6027-2855>

Forensic Semiotics as a New Area in the Study of Information Materials

ABSTRACT. The article deals with the methodological principles of semiotic analysis of information materials used to carry out forensic linguistic and other complex types of expertise of socio-humanitarian profile (in the field of psycholinguistics, religious studies, politology, and ethics studies). The specific character of information materials as an object of analysis is determined by the importance of sociocultural context for their examination as well as their inclusion in human social activity which is subjected to legal assessment. Forensic semiotics is interpreted as part of semiotics of communication; therefore it is most closely related to forensic linguistics. The article provides examples of linguo-semiotic analysis focusing on various types of signs placed in communicative contexts. Special attention is paid to the limits of the competence of a forensic analyst. The author challenges the opinion that a linguist cannot analyze nonverbal signs. It is essential for the methodology of forensic analysis to create the metalanguage of semiotic description. The article describes the signs that are unfolded into texts and are associated with certain speech acts. The range of communicative manifestations of nonverbal signs or complex semiotic objects (gestures, emojis, political and religious symbols, extremist symbols, paragraph punctuation elements, polycode texts) included in forensic analysis turns out to be extremely large. This fact extends our understanding of sign systems and human communication.

KEYWORDS: forensic expertise, information materials, forensic semiotics, forensic linguistics, semiotic analysis, communication, nonverbal signs.

AUTHOR'S INFORMATION: Plotnikova Anna Mikhaylovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Fundamental and Applied Linguistics and Textual Studies, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Plotnikova A. M. (2025). Forensic Semiotics as a New Area in the Study of Information Materials. In *Political Linguistics*. No 6 (114), pp. 29-35. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Социогуманитарные экспертизы информационных материалов относятся к достаточно молодым видам судебным экспертиз, возникшим в конце XX и начале XXI в. Понятийный аппарат и методологические принципы экспертизы социального и гуманитарного профиля нельзя считать полностью сложившимися, хотя психологические и лингвистические экспертизы информационных материалов имеют в настоящее время достаточно серьезную методическую базу. Отрасли социогуманитарного знания представлены в судебно-экспертной деятельности в виде самостоятельных родов (видов) судебных экспертиз. Специальные знания в области истории, социологии, философии, политологии оказываются востребованными в производстве судебных экспертиз не на уровне отдельных родов (видов) экспертиз, а при осмыслении и экспертной оценке информационных материалов по делам о реабилитации нацизма, умалении исторической памяти, возбуждении розни и вражды к социальным группам лиц. Следовательно, весь спектр социальных и гуманитарных наук задействован при проведении различных видов судебных экспертиз информационных материалов.

В последние годы наблюдается тенденция к назначению комплексных экспертиз информационных материалов, что позволяет исследовать объект с методологических позиций разных наук и обеспечивает более объемное представление сущности исследуемого материала.

Круг речевых правонарушений достаточно велик, что обусловлено как факторами, связанными с расширением коммуникативной деятельности человека вследствие развития и распространения социальных сетей и мессенджеров, так и факторами юридического характера. С каждым годом в уголовном и административном законодательствах появляется все больше новелл, в центре которых речевые правонарушения. Е. И. Галяшина отмечает, что «следы речевой деятельности человека, будучи зафиксированными на любом материальном носителе в любой форме (рукописной, печатной, машинописной, электронной, звучащей), широко вовлечены в сферу судопроизводства. Они фигурируют как документы, вещественные доказательства, иные материалы дела, содержащие вербальные доказательства» [Галяшина 2020: 8].

Речевые правонарушения, у которых в основе объективной стороны состава преступ-

ления лежит текст, и неречевые правонарушения, в которых речь и продукты речевой деятельности не являются средством совершения правонарушения, но сопровождают правонарушение, в связи с задачами лингвистической экспертизы рассмотрены, например, в монографии В. О. Кузнецова [Кузнецов 2021]. При сохранении текста как основной единицы лингвоэкспертного анализа и широком представлении о тексте увеличивается круг объектов судебной лингвистической экспертизы.

При производстве лингвистических, автороведческих экспертиз и экспертиз объектов интеллектуальной собственности эксперты часто сталкиваются с материалами поликодовой (мультимодальной) природы. В лингвистической экспертизе к таким материалам относятся в первую очередь креолизованные тексты, то есть тексты, в которых совмещаются вербальные и невербальные знаки. Наряду с этим в сферу лингвистической экспертизы включаются невербальные коммуникативные знаки (конвенциональные жесты, представленные в словарях невербального поведения) и символы (например, экстремистские символы, символика террористических организаций). Анализ разнообразных поликодовых элементов коммуникативного ландшафта приобретает актуальность при проведении экспертиз по многим категориям дел: дел о пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений, реабилитации нацизма, оправдании терроризма и др.

В автороведческой экспертизе в зоне внимания экспертов оказываются параграфические средства: шрифтовое варьирование, зачеркивания, эмодзи и иные вспомогательные знаки, которые обусловлены расширением области интернет-коммуникации.

В экспертизе объектов интеллектуальной собственности может приобретать особое значение исследование средств иконолического языка (рисунков, фотографий, таблиц, схем), а также, при характеристике товарных знаков и других средств индивидуализации, некоторые особенности шрифтового выделения и дизайна.

В связи с развитием технологий искусственного интеллекта лингвосемиотическая проблематика оказывается актуальной не только в связи с невербальными компонентами в диалогических интеракциях (чатах) и письменных текстах с иллюстрациями, порождаемых нейросетями, но и в самых разнообразных виртуальных пространствах, общении человека и робота.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ КАК НОВЫЙ ОБЪЕКТ СУДЕБНЫХ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

ГОСТ Р 70003—2022 «Судебная лингвистическая экспертиза»¹ называет объектом экспертизы текст, определяя его как «последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [ГОСТ, с. 1]. Это наиболее общее и, пожалуй, самое бесспорное из множества определений текста, в котором учтены его знаковая природа и базовые текстовые категории связности и цельности. Вопрос о том, какой специалист может исследовать невербальные компоненты текста, в течение некоторого времени был дискуссионным, однако в настоящее время в методиках производства судебных лингвистических экспертиз креолизованный (поликодовый) текст выделяется в качестве самостоятельного объекта исследования.

А. Н. Баранов, предлагая методику исследования невербальной составляющей, включает в нее семиотический анализ: «Расширение сферы компетенции лингвистов в связи с исследованием комбинированных текстов, динамических и статичных изображений возможно только на семиотическую составляющую соответствующих феноменов. В этом случае лингвист выступает как специалист по семиотике. Такое расширение вполне правомерно. В то же время понятно, что лингвистический (точнее, семиотический) анализ таких объектов является заведомо неполным. Полное исследование предполагает привлечение представителей других научных дисциплин в зависимости от характера самого объекта — психологов, социологов, политологов, религиоведов, специалистов по культуре, историков и пр.» [Баранов 2018: 31]. Многие эксперты в практической деятельности используют не понятие «речевая деятельность», а термин «коммуникативная деятельность», поскольку он учитывает и те материалы, в которых рассматриваются невербальные компоненты коммуникации.

В отношении судебной психологической экспертизы по делам о противодействии экстремизму и терроризму используется понятие «информационные материалы», которое может быть учтено и при рассмотрении судебной лингвистической экспертизы, судебной политологической экспертизы, судебной этиковедческой экспертизы.

Это понятие оказывается несколько шире, чем используемое в практике судебной

лингвистической экспертизы понятие текста, так как распространяется и на такие материалы, в которых информация организована нелинейно, передается как вербальным, так и невербальным путем. Т. Н. Секераж пишет: «Информационный материал создается (производится) и/или используется его автором/публикатором (коммуникантом) в процессе речевой или коммуникативной деятельности или поведения либо отражает коммуникативные действия и события, имеющие юридическое значение. Важным функциональным признаком информационного материала является его включенность в общение между людьми, в обмен информацией, в коммуникативную и социальную деятельность субъектов. Основными характеристиками информационных материалов являются форма, содержание и направленность. По форме, содержанию и направленности информационные материалы многообразны. Содержание и направленность информационного материала приобретают значимость в определенном юридическом контексте. Информационный материал может представлять собой коммуникационный инструмент, а может отражать коммуникацию (действия и поведение людей, их взаимодействие — речевое (вербальное) и/или неречевое (невербальное)) — либо фиксировать коммуникацию. В первом случае информационный материал может представлять собой вещественное доказательство, в иных являться документом как видом доказательств, быть источником сведений о содержании и направленности требующих правовой оценки речевых и коммуникативных действий людей. В этом заключается процессуальная сущность информационных материалов как объектов судебной экспертизы» [Секераж 2024: 102–103].

Возникновение «информационных материалов» как нового объекта экспертного анализа обусловлено тектоническими сдвигами в современной коммуникации, следствием чего становится «полимодальный ренессанс» в науке, о котором пишет О. К. Ирисханова и который в полной мере охватывает и лингвистику, активно изучающую жестовые языки, связь речи и языка тела, аудиовизуальные перевод, общение человека и работа, различные креолизованные тексты (рекламные тексты, карикатуры, мемы, кинодискурс и др.) [Ирисханова 2022].

Семиотика, представляя собой и самостоятельную научную дисциплину, и в некоторой степени часть лингвистики, и методологическую основу для гуманитарных исследова-

¹ ГОСТ Р 70003-2002 «Судебная лингвистическая экспертиза. Термины и определения» (дата введения 01.07.2022).

дований, то есть являясь метанаукой, дает инструментарий и для экспертного анализа информационных материалов.

Семиотический анализ в экспертной практике имеет традицию применения. Так, в обобщающей главе монографии «Эволюция лингвистической экспертизы: методы и приемы» М. Б. Ворошилова анализирует подходы к исследованию креолизованных текстов и рассматривает эти подходы на примере экстремистских текстов, выделяя три группы текстов: 1) видеотексты, динамические тексты, в которых видеоряд преобладает или выполняет существенную роль в процессе воздействия: фильм, видеоклип, репортаж и др.; 2) статичные тексты, построенные на сочетании визуального и вербального ряда: политический плакат, карикатура, демотиватор и др.; 3) аудиотексты, при восприятии которых ведущей является звуковая сторона: песни, речевки и др. [Ворошилова 2017: 146]. Предложенные подходы реализуются в анализе речевого материала [Ворошилова 2021]. В монографии О. Н. Матвеевой и Н. В. Вязигиной представлен экспертный анализ экстремистской символики [Матвеева, Вязигина 2015]. Тем не менее в настоящее время отсутствует список (перечень, словарь) устойчивых знаков и символов, с которыми регулярно сталкивается эксперт. Это в первую очередь символика, сходная до степени смешения с нацистской символикой и атрибутикой. Утвержденная в судебно-экспертных учреждениях Минюста методика проведения семантических исследований также включает анализ креолизованного (поликодового) текста [Судебная лингвистическая экспертиза 2023].

Анализ экспертной практики показал необходимость выработки единых принципов семиотического анализа и создания рекомендаций, которые позволили бы экспертам осуществлять описание поликодовых материалов по некоторым унифицированным моделям и алгоритмам.

Для полноценного анализа материала в экспертной практике целесообразно учитывать весь репертуар семиотических ресурсов, а семиотические достижения применять для решения экспертных задач.

СУДЕБНАЯ СЕМИОТИКА И СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИКА: ГРАНИЦЫ КОМПЕТЕНЦИИ ЭКСПЕРТА

Фундаментальный для теории судебной экспертизы вопрос о границах компетенции эксперта должен быть решен при использовании семиотического анализа знаков. Семиотическая часть исследования, на наш взгляд, в большинстве случаев должна вы-

полняться экспертом-лингвистом, в ряде случаев, если исследуемые знаки связаны с религиозной и политической коммуникацией, установление значения знака может осуществляться экспертами-политологами, экспертами-религиоведами. В том случае, если в задачи экспертизы входит установление психологических признаков того или иного значения (например, пропаганды, оправдания), безусловно, экспертиза является комплексной психолого-лингвистической. Как известно, обязательной составляющей комплексного экспертного исследования при наличии общих вопросов, решаемых экспертами разных специальностей, является синтезирующая часть, представляющая собой не просто механически сложенную сумму выводов, к которым пришел каждый из экспертов, а установление соответствия либо несоответствия выявленных признаков тем признакам, которые образуют диагностический комплекс.

Семиотически сложенный текст (креолизованный, поликодовый, мультимодальный, интемодальный, интермедиаальный — все эти термины можно встретить в научных работах) является в судебной экспертизе в первую очередь лингвистическим объектом.

В. О. Кузнецов пишет: «Многочисленные современные исследования свидетельствуют о том, что креолизованный текст, наряду с обычными текстами, также является объектом исследования лингвистов. Если ограничиваться только анализом вербального компонента, то можно упустить важнейшие компоненты значений, например, предмет речи может быть представлен только в невербальном компоненте» [Кузнецов 2021: 202].

Во многих статьях М. Б. Ворошиловой — исследователя, развивающего экспертный анализ семиотически сложенных текстов — также звучит мысль о лингвистическом анализе таких материалов.

На важность исследования невербальной составляющей указывают Е. И. Галяшина и В. Д. Никишин: «...игнорирование семантики, закодированной в визуальном и/или просодическом канале, является грубой ошибкой производства судебной лингвистической экспертизы» [Галяшина, Никишин 2022: 164]. Авторы отмечают необходимость установления актуального денотата поликодового текста «на основе не только закономерностей лексической семантики, но и вычленения ассоциативных связей в рамках мультимодальной перцепции» [Там же].

Поддерживая эти позиции, отметим, что функционирование знаковых систем, конечно, относится к области прагматики (см. об этом,

например, в учебнике по семиотике Л. Л. Федоровой, которая пишет, что знаки «могут рассматриваться как своего рода тексты, являясь способом самовыражения автора и способом воздействия на того, кто их воспринимает» [Федорова 2019: 195].

Для судебной экспертизы информационных материалов значимо еще и то, что знаки включаются в коммуникационные процессы. Эксперт-лингвист не анализирует знаки отдельно от коммуникативного процесса, в который они включены. Функционируя в процессе коммуникации, знаки становятся инструментом воздействия на воспринимающего, способом самовыражения, выполняют и другие функции, которые и должны быть установлены в ходе судебной лингвистической или комплексной, например судебной психолого-лингвистической, экспертизы.

ТЕХНОЛОГИИ ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ПРИМЕРЫ ИЗ ЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКИ

Экспертно значимыми диагностическими признаками для поликодовых материалов являются типы и функции знаков и их отнесенность к знаковым системам. Например, при анализе знака, функционирующего как самостоятельная единица или в составе поликодового текста, важно охарактеризовать отношение между означаемым и означающим; определить внутреннюю форму знака, указать пути символизации; охарактеризовать знаковые системы по сфере действия, способу воздействия, характеру знаков, т. е. осуществить тот анализ знаков, который используется в семиотике.

Одним из наиболее сложных вопросов является вопрос метаязыка описания. Рассматривая и динамические, и статические изображения, А. Н. Баранов говорит о невозможности единого подхода к разным типам поликодовых текстов [Баранов 2018: 31].

Приведем несколько примеров, иллюстрирующих применение семиотического анализа в лингвистической экспертизе. Приведенные примеры, конечно, не представляют собой исчерпывающий перечень типов семиотических кодов, но в них обозначены значимые для практики экспертного анализа примеры.

Пример № 1. Визуальный метафорический код.

Во время митинга в одном из районных центров журналист, ранее критиковавший главу местной думы, подошел к ней и пытался передать ей пакеты с сухарями и чаем. Он произнес: «*Можно вам вручить чай и сухари? Подарок от всей нашей редакции.*»

Действие передачи сухарей и чая носит

семиотический смысл и представляет собой коммуникативный акт, так как передаваемый объект (сухари и чай) является типичной передачей в места лишения свободы.

Об этом свидетельствует, в частности, фразеологизм:

Сушить сухари. *Ирон.* Готовиться к уголовному наказанию, к тюремному заключению [Фразеологический словарь].

Говорящий маркирует символическим жестом небуквальный смысл передачи подарка. Никакого сходства между означающим и означаемым не наблюдается: сухари и чай не означают буквально тюрьму. Здесь мы наблюдаем условную смежность объектов. Значение семиотически нагруженного жеста считается, так как носит конвенциональный характер, это действие представляет собой символический знак и включено в образную знаковую систему (в некотором смысле визуальную метафору тюрьмы).

Такого рода примеры использования регулярных намеков в виде устойчивых знаков возможны в коммуникативном акте угрозы (изображения патронов, пистолета и прочих средств устрашения).

Пример № 2. Визуальный телесный код.

К этому типу принадлежат неприличные и конфликтные жесты. Например, жест «средний палец» относится к конвенциональным, т. е. устойчивым жестам, что закреплено в метаязыковой репрезентации жеста — устойчивом выражении «показать средний палец», реализующем значение: ‘грубый, непристойный жест в знак презрительного отказа, неуважения к кому-, чему-л.’

Популярный жест «обоюдно» (джамба, шака) получил известность после видеозаписи конфликта футболиста и сотрудницы РЖД. Женщина обвинила игроков в хамском поведении, попросила предъявить документы, футболист потребовал сделать то же самое — на видео он оттопыривает большой палец и мизинец, загнув другие три пальца, и говорит: «Обоюдно!» Этот жест используется в разных коммуникативных контекстах и значениях, необязательно конфликтных.

В практике лингвистической экспертизы описание жестов представляет известную всем экспертам проблему: в существующих словарях жестов не все из них получили описание. Кроме словарей, источником описания жестов, необходимых для экспертного анализа, могут служить теоретические работы и работы, посвященные семантике отдельных жестов, в первую очередь, работы Г. Е. Крейдлина [Язык и семиотика тела 2020]. С помощью жестов (или шире — телесных, соматических знаков) коммуниканты передают те смыслы, которые не могут или,

как это случается в криминальных диалогах, не желают передавать словами. Существуют жесты, сопровождающие конфликтное общение, их оценка однозначна, это патологические, грубые жесты: показать средний палец, показать фигу. Однако существует много жестов, значение которых зависит от коммуникативной ситуации, их систематизация необходима для экспертного анализа.

Пример № 3. Визуальный графический код.

Поликодовое рекламное сообщение сопровождается изображением полуобнаженной девушки и текстом «*Даю... Деньги под залог авто*».

Текст «*Даю... деньги под залог авто*» выполнен от имени некоей условной героини, которая изображена на рекламном плакате. Многоточие как прагматически нагруженный знак препинания имеет функцию создания интриги, которая реализована в тексте.

Многоточие — искусственный символический знак, в данном случае использовано, на первый взгляд, с целью выражения значения умолчания, так как существует множество объектов, которые потенциально могут участвовать в ситуации передачи. Однако сексуальный мотив, содержащийся в образе девушки, и наличие многоточия после глагола «дать» в 1 лице единственного числа позволяют видеть в рекламном сообщении намек на иное значение глагола. В русском языке глагол «дать» имеет значение:

Дать. 2. Вульг. Эвфемизм. Отдаться — согласиться на половой акт (обычно о женщине, иногда о пассивном гомосексуалисте) [Химик, с. 132].

Многоточие служит сигналом для воспринимающего этот текст, что здесь использован прием совмещения исходного значения и того вулгарного значения, которое указано выше. Многоточие оказывается семиотически нагруженным знаком — триггером для актуализации непрямого значения, которое поддерживается визуальным рядом.

Пример № 4. Визуальный идентификационный код.

К ним относятся флаги, гербы, устойчивые символы, связанные с принадлежностью к какой-либо организации, субкультуре, в том числе это запрещенные знаки, связанные с идеологией организаций, официально признанных экстремистскими или террористическими.

Например, представлено изображение домашних тапочек со свастикой, сопровождающееся наименованием объекта «гестапочки». В основе языковой игры лежит словообразовательная контаминация единиц «гестапо» и части основы «тапочки», явля-

ющейся диминутивной формой от «тапки». Включение свастики в контекст наименования домашней обуви, связанной с бытом, повседневностью, в повседневный ритуал надевания обуви наделяет ее в этом контексте положительной оценкой, следовательно, автор не только демонстрирует запрещенную символику, но и при помощи языковой игры выражает положительное отношение к такой демонстрации. Такого рода примеров довольно много и с символами, которые, напротив, включаются в отрицательно оцениваемые ситуации: так, георгиевская ленточка — символ воинской славы — помещается в не соответствующие ее назначению контексты.

Приведенные примеры показывают, что семиотический анализ в судебной лингвистической экспертизе необходим для всего широчайшего диапазона поликодовых взаимодействий. И для статических, и для динамических изображений, конечно, нужно выработать правила описания всех знаков, подобно тому как при анализе диалогической речи существуют правила семантического протоколирования диалога (синонимического перефразирования, не включающего оценочные слова и минимизирующего интерпретационную составляющую).

ВЫВОДЫ

Необходимость судебной семиотики как нового направления экспертного исследования информационных материалов обусловлена рядом факторов:

- высокой потребностью следственной и судебной практики в исследованиях поликодовых (мультимодальных) текстов;
- отсутствием единообразия в квалификации отдельных знаков и знаковых комплексов;
- наличием множества сложных экспертных ситуаций, в которых межсемиотические смешения приводят к образованию гибридных и трудно интерпретируемых семиотических единств;
- неустойчивостью практики по некоторым категориям дел (по делам, связанным с символикой отдельных субкультур).

Для включения семиотического анализа в судебную лингвистическую экспертизу необходимы разработка и совершенствование принципов, применимых ко всему диапазону поликодовых взаимодействий, выработка единого метаязыка невербальной семиотики, обеспечивающего полноту, достоверность, обоснованность и верифицируемость результатов исследования. Конечно, нужен и перечень (каталог, словарь) конвенциональных знаков для нужд экспертной практики (к примеру, знаков, принадлежащих

к экстремистской, фашистской символике и атрибутике), хотя создание такого перечня — это огромная по масштабу задача, к которой мы сейчас можем только приблизиться, работая над принципами лингвосемиотического анализа.

СЛОВАРИ

1. Федоров, А. М. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. М. Федоров. — Москва : Астрель-АСТ, 2008.
2. Химик, В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи / В. В. Химик. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баранов, А. Н. Метаязыки описания невербальной составляющей комбинированных текстов для целей лингвистической экспертизы / А. Н. Баранов // Коммуникативные исследования. — 2018. — № 3 (17). — С. 9–36. — DOI 10.25513/2413-6182.2018.3.9-36. — EDN YHKBHB.
2. Ворошилова, М. Б. Методология, методы и методики анализа креолизованного текста / М. Б. Ворошилова // Эволюция лингвистической экспертизы: методы и приемы : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2017. — С. 125–199. — EDN YLDCXR.
3. Ворошилова, М. Б. Лингвистическая экспертиза конфликтного текста / М. Б. Ворошилова. — Москва : Флинта, 2021. — 221 с. — ISBN 978-5-9765-4142-9.
4. Галышина, Е. И. Судебное речеведение : учеб. / Е. И. Галышина. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2020. — 320 с. — ISBN 978-5-00156-016-6.
5. Галышина, Е. И. Информационно-мировоззренческая безопасность в интернет-медиа : моногр. / Е. И. Галышина, В. Д. Никишин. — Москва, 2023. — 424 с. — ISBN 978-5-6049287-1-4. — EDN XTSOLV.
6. Ирисханова, О. К. Полимодальный дискурс как объект исследования / О. К. Ирисханова // Полимодальные измерения дискурса / отв. ред. О. К. Ирисханова. — Москва : Издательский дом ЯСК, 2022. — С. 15–32. — EDN XGVNVQ.
7. Кузнецов, В. О. Судебная лингвистическая экспертиза : моногр. / В. О. Кузнецов. — Москва : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2021. — 352 с. — ISBN 978-5-91133-229-7. — DOI 10.30764/978-5-9n33-229-7-2021-12. — EDN LHEBQS.
8. Кукушкина, О. В. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму / О. В. Кукушкина, Ю. А. Сафонова, Т. Н. Секераж. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — Москва : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2022. — 108 с. — DOI 10.30764/978-5-91133-245-7-2022-11. — ISBN 978-5-91133-245-7. — EDN NXSYSX.
9. Секераж, Т. Н. Информационный материал как объект междисциплинарных судебно-экспертных исследований в контексте расследования «речевых правонарушений» / Т. Секераж // Юрислингвистика. — 2024. — № 32 (43). — С. 99–104. — DOI 10.14258/leglin(2024)3217. — EDN UHWEZG.
10. Судебная лингвистика : моногр. / О. Н. Матвеева, Н. В. Вязигина, Ю. В. Холоденко и др. — Барнаул : Лингва-эксперт, 2015. — 309 с.
11. Судебная лингвистическая экспертиза. Теория, методики, практика : метод. пособие / под ред. В. О. Кузнецова, А. М. Плотниковой. — Москва : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2023. — 232 с. — ISBN 978-5-91133-261-7. — DOI 10.30764/978-5-91133-261-7-2023. — EDN OFOTZA.
12. Федорова, Л. Л. Семиотика: курс лекций для магистрантов и аспирантов / Л. Л. Федорова. — Москва : РГГУ, 2019. — 573 с. — EDN YPRFXU.
13. Язык и семиотика тела : коллектив. моногр. : в 2 т. / Г. Е. Крейдлин (отв. рук.). — Москва : Новое литературное

обозрение, 2020. — 672 с. — ISBN 978-5-4448-1213-6. — EDN JEYJCC.

DICTIONARIES

1. Fyodorov, A. I. (2008). *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka* = Phraseological dictionary of the Russian language. Moscow: Astrel, AST.
2. Khimik, V. V. (2000). *Bol'shoj slovar' russkoj razgovornoj ekspressivnoj rechi* = Large dictionary of Russian colloquial expressive speech. Saint-Peterburg: Norint.

REFERENCES

1. Baranov, A. N. (2018) *Metazyazyki opisaniya neverbal'noj sostavlyayushchej kombinirovannykh tekstov dlya tselej lingvisticheskoy ekspertizy* = Metalanguages for describing the non-verbal component of combined texts for the purposes of linguistic expertise. *Communication Studies*, 3(17), 9–36. DOI 10.25513/2413-6182.2018.3.9-36. EDN YHKBHB.
2. Voroshilova, M. B. (2017). *Metodologiya, metody i metodiki analiza kreolizovannogo teksta* = Methodology, methods and techniques for analyzing creolized text. *Evolution of linguistic expertise: methods and techniques*, 125–199. Ekaterinburg: Ural State Ped. University. EDN YLDCXR.
3. Voroshilova, M. B. (2021). *Lingvisticheskaya ekspertiza konfliktного teksta* = Linguistic examination of a conflict text. Moscow: Flinta, 221 p. ISBN 978-5-9765-4142-9.
4. Galyashina, E. I. (2020) *Sudebnoe rechevedenie* = Forensic Speechology. Moscow: Norma, INFRA-M, 320 p. ISBN 978-5-00156-016-6.
5. Galyashina, E. I., Nikishin, V. D. (2023). *Informatsionno-mirovozzrencheskaya bezopasnost' v internet-media* = Information and ideological safety in online media. Monograph. Moscow: Blok-Print, 424 p. ISBN 978-5-6049287-1-4. EDN XTSOLV.
6. Iriskhanova, O. K. (2022). *Polimodal'nyj diskurs kak objekt issledovaniya* = Polymodal discourse as an object of research. *Polymodal dimensions of discourse*, 15–32. Moscow: Izdatel'skij Dom YaSK. EDN XGVNVQ.
7. Kuznetsov, V. O. (2021). *Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza* = Forensic Linguistic. Moscow, 352 p. ISBN 978-5-91133-229-7. DOI 10.30764/978-5-9n33-229-7-2021-12. EDN LHEBQS.
8. Kukushkina, O. V., Safonova, Yu. A., Sekerazh, T. N. (2022). *Metodika provedeniya kompleksnoj sudebnoj psikhologo-lingvisticheskoy ekspertizy po delam, svyazannym s protivodejstviem ekstremizmu i terrorizmu* = Methodology for conducting forensic psychological and linguistic examination of materials in cases related to combating extremism and terrorism. Moscow. DOI 10.30764/978-5-91133-245-7-2022-11. ISBN 978-5-91133-245-7. EDN NXSYSX.
9. Sekerazh, T. N. (2024). *Informatsionnyj material kak objekt mezhdistsiplinarnykh sudebno-ekspertnykh issledovaniy v kontekste rassledovaniya «rechevykh pravonarushenij»* = Information material as an object of interdisciplinary forensic research in the context of the investigation of “speech offenses”. *Jurislinguistics*, 32(43), 102–103. DOI 10.14258/leglin(2024)3217. EDN UHWEZG.
10. Matveeva, O. N., Vyazigina, N. V., Kholodenko, Yu. V. (2015). *Sudebnaya lingvistika* = Forensic Linguistic. Barnaul: Lingva-expert, 309 p.
11. Kuznetsov, V. O., Plotnikova, A. M. (Eds.) (2023). *Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza. Teoriya, metodiki, praktika: metodicheskoe posobie* = Forensic Linguistics: Theory, Methods, and Practice. A Methodological Handbook. Moscow, 232 p. ISBN 978-5-91133-261-7. DOI 10.30764/978-5-91133-261-7-2023. EDN OFOTZA.
12. Fedorova, L. L. (2019). *Semiotika: kurs lektij dlya magistrantov i aspirantov* = Semiotics: A Lecture Course for Master's and Postgraduate Students. Moscow, 573 p. EDN YPRFXU.
13. Krejdlin, G. E. (2020). *Yazyk i semiotika tela* = Language and semiotics of the body. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 672 p. ISBN 978-5-4448-1213-6. EDN JEYJCC.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Политическая лингвистика. 2025. № 6 (114).

Political Linguistics. 2025. No 6 (114).

УДК 81'42+81'38+81'27

ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.00:03.16.00

Код ВАК 5.9.6, 5.9.8, 5.9.9

Наталья Николаевна Бочегова^{1✉}, Оксана Анатольевна Казенас^{2✉}

^{1,2} Курганский государственный университет, Курган, Россия

¹ nbochegova1@yandex.ru[✉], SPIN-код: 6633-6224

² oxana.kazenas@yandex.ru[✉], SPIN-код: 1666-9775

Прагматические аспекты функционирования пищевого кода в новостном дискурсе (на материале русского, английского и французского языков)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются прагматические аспекты функционирования пищевого кода в новостном дискурсе на материале русского, английского и французского языков. Предметом исследования являются коммуникативные стратегии использования гастрономических элементов в новостном дискурсе. Цель работы заключается в выявлении коммуникативных стратегий использования элементов пищевого кода в новостном дискурсе. Методика исследования основана на подходе О. Л. Михалевой к лингвокогнитивной интерпретации политической коммуникации с помощью дискурс-анализа. В результате исследования установлено, что в новостных публикациях, независимо от лингвокультуры, использование гастрономических элементов является реализацией стратегий как на повышение, так и на понижение. Однако отмечено преобладание стратегий на повышение в любых лингвокультурах. Результаты исследования могут быть полезны при проведении лингвистических исследований, посвященных анализу дискурса, особенно в контексте межкультурной коммуникации, для изучения особенностей использования гастрономической лексики в различных языках и культурах, а также для анализа политического дискурса и дипломатических практик, особенно в контексте использования гастрономических элементов для создания положительного имиджа. В заключение подчеркивается, что использование гастрономических элементов в новостном дискурсе является распространенным явлением при освещении официальных визитов первых лиц государств и высокопоставленных личностей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, новостной дискурс, новостные тексты, гастрономическая лексика, пищевой код, коммуникативные стратегии, политическая коммуникация, лингвокультурные особенности, дискурс-анализ, лингвопрагматика.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Бочегова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Зарубежная филология, лингвистика и преподавание иностранных языков», Курганский государственный университет; 640002, Россия, г. Курган, ул. Томина, 40, каб. 155; email: nbochegova1@yandex.ru

Казенас Оксана Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой «Зарубежная филология, лингвистика и преподавание иностранных языков», Курганский государственный университет; 640002, Россия, г. Курган, ул. Томина, 40, каб. 155; email: oxana.kazenas@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Бочегова, Н. Н. Прагматические аспекты функционирования пищевого кода в новостном дискурсе (на материале русского, английского и французского языков) / Н. Н. Бочегова, О. А. Казенас. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 6 (114). — С. 36–43.

Natal'ya N. Bochegova^{1✉}, Oksana A. Kazenas^{2✉}

^{1,2} Kurgan State University, Kurgan, Russia

¹ nbochegova1@yandex.ru[✉], SPIN code: 6633-6224

² oxana.kazenas@yandex.ru[✉], SPIN code: 1666-9775

Pragmatic Aspects of the Food Code Functioning in News Discourse (Based on the Material of the Russian, English and French Languages)

ABSTRACT. The article examines pragmatic aspects of functioning of the food code in news discourse on the material of the Russian, English and French languages. The research object includes the communicative strategies of using gastronomic vocabulary in news discourse. The aim of the paper is to identify the communicative strategies of using elements of the food code in news discourse. The research methodology draws on O. L. Mikhaleva's approach to linguocognitive interpretation of political communication through discourse analysis. As a result of the study, it has been established that news publications, regardless of linguistic culture, exhibit both upward and downward communicative strategies while using gastronomic elements. However, the prevalence of upward strategies has been noted in any linguistic culture. The results of the study can be used in conducting linguistic research in discourse analysis, especially in the context of intercultural communication, in investigating the specificity of using gastronomic vocabulary in various languages, as well as in the analysis of the

© Бочегова Н. Н., Казенас О. А., 2025

political discourse and diplomatic practices, from the point of view of using gastronomic elements to create a positive image. In conclusion, it is emphasized that the use of gastronomic elements in news discourse is a common phenomenon when covering formal visits of top officials and high-ranking politicians.

KEYWORDS: political discourse, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, news discourse, news texts, gastronomic vocabulary, food code, communicative strategies, political communication, linguocultural specificity, discourse analysis, linguopragmatics.

AUTHOR'S INFORMATION: Bochegova Natl'ya Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor of Department of World Philology, Linguistics and Teaching Foreign Languages, Kurgan State University, Kurgan, Russia.

Kazenas Oksana Anatol'evna, Candidate of Pedagogy, Head of Department of World Philology, Linguistics and Teaching Foreign Languages, Kurgan State University, Kurgan, Russia.

FOR CITATION: Bochegova N. N., Kazenas O. A. (2025). Pragmatic Aspects of the Food Code Functioning in News Discourse (Based on the Material of the Russian, English and French Languages). In *Political Linguistics*. No 6 (114), pp. 36-43. (In Russ.).

При исследовании национальной специфики концептов пищи нами уже отмечалось, что исторически она «используется в качестве символов богатства, благодарности, а также для демонстрации положения в обществе и власти. Многочисленные деловые завтраки, обеды и ужины (ср. английские выражения: *power breakfasts*, *power lunches*, etc.) имеют символический смысл и служат своеобразными катализаторами общения, что находит отражение и в литературе. Концепт «пища» — многослойный концепт; он включает в себя как конкретные названия отдельных блюд и продуктов, так и высокосимволические архетипические образы с сакральным смыслом божественного дара: «хлеб наш насущный даждь нам днесь» [Бочегова 2004: 85].

Исследования значений слов, связанных с пищей, и их использования в различных контекстах можно найти в работах различных лингвистов, антропологов и культурологов. Из зарубежных исследователей следует отметить книгу «Чистота и опасность» Мэри Дуглас [Дуглас 2000], в которой исследуется символика пищи и ее роль в социальных структурах, а также работы по антропологии пищи Сидни Уилфред Минц [Минц 1985], в которых раскрываются культурные и социальные факторы, влияющие на наше восприятие и использование пищи. В одной из предыдущих работ нами также затрагивался данный аспект, в частности раскрывалась национальная специфика концептов пищи на материале английского языка [Бочегова 2004: 85].

Большинство исследователей [Жизневская 2024; Миронова 2002¹; Савельева 2006² и др.] справедливо приходят к выводу о том, что представители различных культур по-

разному не только описывают, но и воспринимают пищу, показывая, таким образом, что пища является проявлением культурной идентичности. В частности, В. А. Маслова отмечает, что «образы пищевых продуктов и всего, что с ними связано, составляют один из самых богатых и разветвленных культурных кодов. Количество и качество потребления пищевых продуктов, традиции приготовления, связанные с ними праздничные ритуалы и тому подобное тесно связаны с базовой системой ценностей народа, выступают факторами престижа и служат символами самых разнообразных аспектов культурной жизни» [Маслова 2018: 89].

Важным пластом словаря, отражающим культурно-исторические особенности народов, являются и фразеологические единицы, содержащиеся в том числе компоненты, относящиеся к пище [Волошина 2023; Лапынина 2014 и др.]. Различия в использовании тех или иных гастрономических компонентов свидетельствуют, по мнению О. А. Казенас и Е. С. Федоровой, о специфике исторических путей распространения кулинарных традиций, отражают культурные особенности организации повседневной жизни и исторические реалии быта народа [Казенас, Федорова 2018: 57].

Наряду с семантическими и когнитивными исследованиями стоит уделить внимание и дискурсивному анализу, так как пища и все, что с ней связано, обсуждаются в различных типах текстов. Гастрономический (в научной литературе также используются термины *кулинарный*, *глуттонический*) дискурс не только отражает культурные и социальные особенности различных обществ, но и формирует их, влияя на повседневные практики,

¹ Миронова И. К. Концептосфера «Еда» в русском национальном сознании: базовые когнитивно-пропозициональные структуры и их лексические репрезентации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 20 с.

² Савельева О. Г. Концепт «еда» как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты: на материале русского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 270 с.

ценности и идентичность.

Гастрономический дискурс рассматривается как особый вид коммуникации, связанный с процессами приготовления и потребления пищи. Он включает профессионально-ориентированные знаки, такие как терминология, устойчивые обороты и морфосинтаксические структуры. Кроме того, исследователи подчеркивают, что гастрономический дискурс отражает культурные, языковые, религиозные и этнические особенности народов и является частью гастрономической картины мира [Морозкина 2021; Прюво 2019; Федорова 2016; Юргелевич 2022 и др.].

Важным объектом лингвистического исследования становится кулинарный медиадискурс. По мнению Э. Г. Шестаковой, он обладает сложной структурой, включающей вербальные, аудиовизуальные и дискурсивные элементы, которые формируют уникальные коммуникативные ситуации. Кулинарный медиатекст не только информирует, но и воздействует на аудиторию, используя риторические приемы, коды и знаки, апеллируя к культурной памяти и эмоциональным ощущениям [Шестакова 2020].

Д. Г. Куренова и О. Е. Павловская [Куренова, Павловская 2022] рассматривают глуттонический дискурс как инструмент PR-стратегии для продвижения привлекательности территорий. Они анализируют различные PR-инструменты, такие как информационные статьи, гастрономические туры и перформансы, которые используют глуттонический дискурс для создания положительного имиджа территории.

В рамках данной статьи хотелось бы остановиться на некоторых аспектах проникновения гастрономической тематики в новостной дискурс, который традиционно рассматривается как форма коммуникации и используется в средствах массовой информации для передачи новостей и информации о текущих событиях. Исследование проводится на материале подборки публикаций СМИ, освещающих официальные визиты первых лиц государств, высокопоставленных персон, на английском, французском и русском языках.

При проведении анализа отобранного текстового материала мы использовали методику лингвокогнитивной интерпретации политической коммуникации с помощью дискурс-анализа, представленную в работе О. Л. Михалевой [Михалева 2008].

С. Давыдова отмечает, что «националь-

ная кухня всегда была значима в дипломатии, ведь многие важные решения принимаются не только за столом переговоров, но и за обедом»¹. Однако гастрономические элементы не всегда так часто и так явно использовались в новостном дискурсе. Изучение данного аспекта в диахроническом плане, а также выявление причин указанной тенденции могут стать предметом отдельного исследования. В данной статье мы хотели бы рассмотреть прагматические функции использования элементов гастрономического дискурса в новостном медиадискурсе.

Для реализации речевых намерений собеседников в политическом дискурсе используются три основные стратегии, которые реализуются при помощи определенных тактик:

- 1) стратегия на понижение;
- 2) стратегия на повышение;
- 3) стратегия театральности.

В нашем исследовании мы придерживаемся определения О. Л. Михалевой, согласно которому под коммуникативной стратегией понимается «план оптимальной реализации коммуникативных намерений, учитывающий объективные и субъективные факторы и условия, в которых протекает акт коммуникации и которые в свою очередь обуславливают не только внешнюю и внутреннюю структуру текста, но и использование определенных языковых средств» [Михалева 2008: 45].

В отобранных для анализа публикациях отмечаются как стратегии на повышение, так и стратегии на понижение.

Как правило, в описаниях дипломатических обедов используется коммуникативная **стратегия на повышение**, суть которой заключается в стремлении «говорящего максимально увеличить значимость собственного статуса» [Михалева 2008: 52]. Данная стратегия реализуется через тактики анализ-«плюс», презентации и неявной самопрезентации, отвода критики, самооправдания. Данные тактики сформулированы исследователем относительно политического дискурса в целом, но в ходе анализа новостных публикаций с элементами гастрономического дискурса нам удалось выделить ряд дополнительных тактик.

Вот как, например, описывается обед, организованный американским президентом по случаю официального визита в страну премьер-министра Индии Нарендры Моды: *White House Executive Chef Cristeta Comerford and Guest Chef Nina Curtis prepared an exciting menu featuring vegetarian fare, which*

¹ Давыдова С. Секреты кремлевских банкетов. Как дипломатия стола работает на имидж России. URL: <https://ria.ru/20230416/gastrodiplomatiya-1865302945.html> (дата обращения: 02.03.2025).

includes a first course of marinated millet and grilled corn kernel salad with compressed watermelon, and a main course of stuffed portobello mushrooms and saffron-infused risotto.

A rose and cardamom-infused strawberry shortcake will be presented for dessert in the State Dining Room of the White House on Thursday.

Modi has been to the United States five times since becoming prime minister in 2014, but the trip will be his first with the full diplomatic status of a state visit¹.

Коммуникативная стратегия «на повышение» в данном тексте реализуется с помощью следующих тактик:

– тактика позитивной оценки: использование лексики с положительной коннотацией *exciting, first, full diplomatic status* создает ощущение значимости и торжественности события;

– тактика престижности: ссылка на место действия — *State Dining Room of the White House* — и участие высокопоставленных лиц — *президент США, премьер-министр Индии* — подчеркивают высокий статус события;

– тактика демонстрации исключительности: выделение того факта, что данное событие является первым визитом с полным дипломатическим статусом, усиливает восприятие его уникальности и важности (*Modi has been to the United States five times since becoming prime minister in 2014, but the trip will be his first with the full diplomatic status of a state visit*);

– тактика эстетизации: использование детализированного описания блюд с лексическими единицами, обозначающими гастрономические изыски и деликатесы *compressed watermelon, stuffed portobello mushrooms, saffron-infused risotto, cardamom-infused strawberry shortcake*, придает тексту элемент изысканности и утонченности, повышая его эстетическое воздействие;

– тактика усиления значимости через экспертность: упоминание двух шеф-поваров — штатного повара Белого дома и приглашенного, специализирующегося на индийской кухне — является проявлением уважения к высокопоставленному гостю.

Все эти тактики совместно обеспечивают восприятие события как торжественного, элитарного и культурно значимого, что соответствует стратегии «на повышение».

Однако в публикациях англоязычных СМИ в последнее время при освещении некоторых событий прослеживается в том чис-

ле и **стратегия на понижение** («игра на понижение», «downplay»), которая направлена на соперника с целью разоблачения его позиции. Указанная стратегия реализуется через такие тактики, как анализ-«минус», обвинение, обличение, оскорбление, угроза.

Остановимся на рассмотрении некоторых выявленных нами в отобранном материале тактик реализации стратегии на понижение.

Проанализированный материал показывает, что при использовании фрагментов гастрономического дискурса прямое нанесение угрозы либо оскорбления невозможно в силу самой специфики концептов пищи, которые призваны поддерживать жизнь, приносить удовольствие и передавать позитивное отношение к тому, кому предназначена трапеза, но вот некоторые имплицитные тактики нацелены на выражение определенного негативного отношения, критики, обвинения и др. С этой целью нередко при включении элементов гастрономического дискурса в новостной политический дискурс используется тактика анализ-«минус».

Тактика анализ-«минус» трактуется О. Л. Михалевой как «основанное на фактах рассмотрение, разбор ситуации, предполагающий выражение отрицательного отношения к описываемому, а также — к людям, их действиям и поступкам» [Михалева 2008: 64].

Игра слов, основанная на восстановлении буквального значения фразеологизма *to eat someone's lunch*, что означает *победить, «обставить» кого-либо*, положила начало целому пласту использования кулинарной лексики и гастрономического дискурса в новостных материалах, посвященных встрече президента США Д. Трампа с президентом Украины В. Зеленским. Фраза была использована пресс-секретарем Белого дома Кэролайн Ливитт в интервью корреспонденту новостного канала «Фокс Ньюз» в ответ на ее вопрос о том, кто отменил совместный обед Трампа и Зеленского и досталось ли ей что-нибудь от этого угостения:

Well, the President enjoyed the lunch. He figuratively and literally ate president Zelensky's lunch to-day. But it was his decision. He felt as though president Zelensky was not in a place to negotiate peace at this point in time².

В новостных источниках приводится и меню несостоявшегося совместного обеда:

*Early Spring Green Salad
Sunset Tomatoes
White House Honey Dressing*

¹ <https://newsus.cgtn.com/news/2023-06-23/White-House-prepares-State-Dinner-for-India-s-Prime-Minister-Narendra-Modi--1kR5X1RtEo8/index.html>.

² <https://yandex.ru/video/preview/2533310599414583268>.

*Rosemary Roasted Chicken
Celery Root Puree
Asparagus Collard Green
Dijon Sause
Creme Brulee
Assorted Berries
Citrus Tuile¹.*

На наш взгляд, такое детальное перечисление деликатесов, которые не удалось попробовать президенту Украины, также демонстрирует коммуникативную стратегию «на понижение», тактику анализ-«минус» и создает подтекстовый смысл упущенных возможностей.

Рассмотрим далее следующий пример:

There is an old saying in diplomatic circles: "If you are not at the table, you are on the menu." And believe me, Ukraine is on the menu," Clark added².

Данная метафора недвусмысленно описывает тот факт, что Украина отстранена от принятия решений двумя сверхдержавами и рассматривается в качестве бонуса/добычи.

Заданный тон, а также стратегия «на повышение» требует развития соответствующей темы и попытки со стороны оппонента нивелировать эффект данной стратегии с использованием тактики «отвода критики»:

Мы не салат и не компот, чтобы быть в меню у Путина, невзирая на его аппетиты³.

Стратегия на понижение также использована в комментарии Д. Медведева по поводу переговоров Д. Трампа и В. Путина:

Телефонный разговор президентов Путина и Трампа подтвердил известную идею — в столовой только Россия и Америка. В меню: лёгкие закуски — брюссельская капуста, британская рыба с чипсами и парижский петух. Основное блюдо — котлета по-киевски. Приятного аппетита!⁴

В данном высказывании присутствуют тактики метафоризации, иронического уничижения и косвенной угрозы.

В большинстве публикаций, описывающих официальные обеды, организуемые российской стороной в честь высокопоставленных иностранных гостей, доминирует **стратегия на повышение**.

На наш взгляд, в анализируемом русскоязычном материале преобладает тактика презентации: с одной стороны, авторы публикаций не дают прямого указания на объект

позитивного оценивания, которым в данном случае является Россия, но, с другой стороны, использование языковых средств и элементов гастрономического дискурса с детальным перечислением направлено на создание положительного имиджа государства, демонстрацию его благосостояния, ознакомление с его культурными традициями, а также выражение уважения и добрых намерений по отношению к представителям иностранных государств. В качестве примера можно было бы привести отрывок из новостной публикации о саммите БРИКС в Казани:

После начала саммита БРИКС в Казани татарский (а также башкирский и киргизский) десерт чак-чак вошел в интернет-тренды не хуже дубайского шоколада⁵.

Данный пример является иллюстрацией тактики культурной идентификации и мультикультурализма: чак-чак представляется как символ культурного разнообразия. В анализируемом примере представлены также тактика позитивной оценки, которая реализуется посредством использования сравнительной конструкции, построенной на основе отрицания (*не хуже*), тактика эстетизации (*дубайский шоколад* — символ роскоши и всемирной популярности) и тактика престижности (*вошел в интернет-тренды*).

Более ярким примером является описание обеда в честь председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина, в котором не просто перечисляются подаваемые блюда, но и раскрывается их символическое значение:

...закуска из дальневосточных морепродуктов — географическая близость Китая и России. Блинчики с перепелкой и грибами — приверженность российским традициям, ведь этих птиц издавна подавали на торжественных приемах на самом высоком уровне.

Оленина — намек на экономическое сотрудничество. Китайские компании проявляют интерес к закупкам этого мяса из Якутии и с Ямала.

Гранат в Китае символизирует изобилие, плодородие, многочисленное потомство и счастливое будущее. В меню был шербет из этого фрукта.

Наконец, десерт «Анна Павлова», названный в честь великой русской балери-

¹ <https://aif.ru/politics/skabeeva-pokazala-menyu-sorvannogo-uzhina-trampa-i-zelenskogo>.

² EurAsia Daily, March 18th, 2025.

³ https://dzen.ru/a/Z9nv5OU3QVssZg_6.

⁴ https://www.stoletie.ru/lenta/ukraina_v_menu_v_mire_ocenili_peregovory_glav_rf_i_ssha_278.htm.

⁵ <https://www.tourdom.ru/news/ne-tolko-chak-chak-chem-ugoshchayut-gostey-sammita-briks-v-kazani.html>.

⁶ <https://ria.ru/20230416/gastrodiplomatiya-1865302945.html>.

ны, напоминал о международных культурных достижениях России⁶.

В данном отрывке представлены главным образом тактики неявной самопрезентации, позитивной оценки и культурной идентификации.

В отличие от российских публикаций во франкоязычных новостных материалах, часто отмечается соседство двух стратегий: на повышение и на понижение.

Для примера рассмотрим описание обеда Эмманюэля Макрона и Си Цзиньпина во время официального визита последнего во Францию, который состоялся в Пиренеях, регионе, имеющем для президента Франции личное значение. Первый приводимый отрывок новостной публикации явно демонстрирует стратегию на повышение:

Au menu du déjeuner : un repas 100 % pyrénéen. Du jambon de Porc Noir accompagné de Saint-Mont en amuse-bouches. Puis, de la garbure au Porc Noir en entrée (soupe pyrénéenne de légumes et de viandes), de l'épaule d'agneau avec haricots tarbais, têtes de cèpes et légumes glacés, un plateau de fromages des Pyrénées et une tarte aux myrtilles en dessert¹.

Детальное описание блюд свидетельствует о демонстрации стратегии на повышение, которая реализуется посредством тактик презентации, эстетизации и демонстрации исключительности (*un repas 100 % pyrénéen*).

Однако в этой же статье мы отмечаем и стратегию на понижение, когда президент Франции исключает из меню традиционный в данном регионе десерт, имеющий «русские корни»:

Pourtant ce n'était pas dessert prévu au départ. Initialement, les deux chefs d'État devaient manger du Russe. Cette pâtisserie née à Oloron-Sainte-Marie dans le Béarn dans les années 1920 est un biscuit à base d'amandes qui, à l'époque, venait de Crimée et recouvert de sucre glace. L'origine des amandes a donné son nom au dessert qui ressemble aux plaines enneigées de Russie².

Приведенный пример демонстрирует очевидное желание президента Франции выразить свое неприятие всего, что связано с Россией, даже если речь идет о любимом десерте, что является примером реализации

тактик анализ-«минус» и символического исключения.

Другой иллюстрацией является публикация Селин де Сез на медиапортале «20 minutes» при описании обеда, данного президентом Франции Эмманюэлем Макроном в честь Короля Великобритании Карла III и его супруги Камиллы. Автор материала использует противоположные по значению лексемы. С одной стороны, стратегия на повышение:

– символизм места проведения обеда: ***Le repas aura lieu en plein cœur de la galerie des Glaces du château de Versailles³, l'un des lieux les plus prestigieux de l'ancienne résidence royale;***

– изысканность посуды и меню: ***quelque 150 invités ont pu goûter au menu... de roi : Mouton Rothschild dans les verres, homard bleu, tourteau, volaille de Bresse et dessert signé Pierre Hermé dans les assiettes; « Au menu : homard bleu, volaille de Bresse et macaron à la rose, préparés par des chefs étoilés et servis dans une porcelaine de Sèvres »;***

– статус приглашенных гостей: ***Pour recevoir le roi d'Angleterre, Charles III, Emmanuel Macron n'a pas fait les choses à moitié, s'entourant de tout le gratin des célébrités culturelles françaises et britanniques, politiques, économiques ou sportives⁴.***

Стратегия на повышение в анализируемом отрывке представлена тактиками престижности, демонстрации исключительности и эстетизации.

С другой стороны, в публикации используется стратегия на понижение с целью обвинить президента Франции, не обращающего внимания на внутренние проблемы государства и простых французов, а именно инфляцию, рост бедности, очереди за едой:

Le dîner au château de Versailles peut être jugé en décalage avec le quotidien des Français marqué par l'inflation et une hausse de la pauvreté.

Un fastueux dîner dans la symbolique galerie des Glaces qui tranche avec le quotidien des Français, de plus en plus nombreux à faire la queue devant les portes des associations d'aide alimentaire⁵.

В данном отрывке автор, посредством употребления антонимичных выражений, иллюстрирует тактику контрастного противоп-

¹ <https://www.ladepeche.fr/2024/05/07/visite-de-xi-jinping-en-france-pourquoi-un-dessert-quaime-emmanuel-macron-a-ete-retire-du-menu-11936319.php> (дата обращения: 12.12.2024).

² Там же.

³ <https://www.lanouvellerepublique.fr/a-la-une/visite-de-charles-iii-le-menu-du-diner-d-etat-au-chateau-de-versailles> (дата обращения: 12.12.2024).

⁴ <https://www.20minutes.fr/politique/4054131-20230921-visite-charles-iii-diner-versailles-emmanuel-macron-affiche-style-monarchique> (дата обращения: 12.12.2024).

⁵ Там же.

ставления: с одной стороны, *un fastueux dîner, galerie des Glaces* и, с другой стороны, *l'inflation, la pauvreté, faire la queue devant les portes des associations d'aide alimentaire*.

Автор статьи не высказывает прямого осуждения власти, но, используя модальную конструкцию *peut être jugé*, предоставляет читателю возможность сформировать собственное мнение и отношение к описываемому событию. Указанный пример мы рассматриваем как иллюстрацию тактики имплицитного обвинения.

В целом проведенный анализ публикаций СМИ на английском, французском и русском языках свидетельствует о том, что в настоящее время гастрономические элементы довольно часто встречаются в новостном дискурсе при освещении официальных визитов первых лиц государств и высокопоставленных личностей. В текстах СМИ, содержащих гастрономические элементы, реализуются, независимо от лингвокультуры, стратегии как на повышение, так и на понижение.

В рамках проведенного исследования выявлены и проиллюстрированы тактики позитивной оценки, престижности, демонстрации исключительности, эстетизации, культурной идентификации, посредством которых реализуется коммуникативная стратегия на повышение. Стратегия на понижение представлена тактиками символического исключения, контрастного противопоставления, имплицитного обвинения. Указанные тактики по-разному представлены в анализируемых публикациях, однако в любых лингвокультурах коммуникативные стратегии на повышение преобладают, так как в противном случае это приводило бы к многочисленным дипломатическим конфликтам. Появление стратегий на понижение зависит от политической конъюнктуры, но все же является достаточно редким явлением при описании меню дипломатических обедов.

Представленные результаты могут быть использованы для дальнейших исследований лингвопрагматических особенностей «гастрономической дипломатии».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бочегова, Н. Н. Национальная специфика концептов пищи (на материале английского языка) / Н. Н. Бочегова // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. — 2004. — № 7. — С. 85–99. — EDN KWDVSE.
2. Волошина, Т. Г. Лингвокультурная специфика фразеологизмов с пищевым компонентом (на примере русской национальной кухни) / Т. Г. Волошина, Я. В. Лазарева // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. — 2023. — № 6 (476). — С. 15–22. — DOI 10.47475/1994-2796-2023-476-6-15-22. — EDN EFSDDO.
3. Дуглас, М. Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу / М. Дуглас. — Москва : КАНОН-Пресс-Ц : Кучково поле, 2000. — 288 с. — ISBN 5-93354-007-2.

4. Жизневская, А. Э. Структура и содержание концепта «еда» в современной теории языка / А. Э. Жизневская // Путь в науку. Образование. Педагогика : электрон. сб. науч. тр. — Новополюк, 2024. — Вып. 53 (123). — С. 265–267. — URL: <https://elib.psu.by/handle/123456789/46077>.

5. Казенас, О. А. Скажи мне, что ты ешь... или О компонентном составе фразеологических единиц французского и русского языков с компонентами-наименованиями овощей и фруктов / О. А. Казенас, Е. С. Федорова // Актуальные проблемы филологии : сборник материалов Всерос. науч. конф. / отв. редактор Е. Р. Ратушная. — Курган : Курганский гос. ун-т, 2018. — Вып. 2. — С. 54–57. — EDN VTGAKI.

6. Курбанов, И. А. Этимологические и лексические аспекты концепта «Еда» в русском, английском и немецком языках / И. А. Курбанов, О. В. Кучкильдина // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. — 2012. — № 11. — С. 273–288. — EDN PMGGFF.

7. Куренова, Д. Г. Глоттонический дискурс в PR-стратегии продвижения территории / Д. Г. Куренова, О. Е. Павловская // Эпомен: филологические науки. — 2022. — № 1. — С. 168–179. — EDN JIRNIE.

8. Лапынина, О. Л. Лингвокультурные особенности фразеологических единиц с гастрономическим компонентом (на материале немецкого языка) / О. Л. Лапынина // Мир языков: ракурс и перспектива : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 22 апр. 2014 г.). — Минск : БГУ, 2014. — Т. 1. — С. 86–93. — URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/108578>.

9. Маслова, В. А. Коды лингвокультуры : учеб. пособие / В. А. Маслова, М. В. Пименова. — Москва : ФЛИНТА : Наука, 2018. — 180 с. — EDN COXULF.

10. Михалева, О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. — 256 с. — ISBN 9785397002271. — EDN GMQKUV.

11. Морозкина, Т. В. Лингвокультурный аспект гастрономического дискурса (на материале наименований немецкого языка, австрийского варианта немецкого языка, чешского языка) / Т. В. Морозкина, А. Ю. Антонова, М. Шевченко // Поволжский педагогический поиск. — 2021. — № 4 (38). — С. 8–14. — DOI 10.33065/2307-1052-2021-4-38-8-14. — EDN WQDEOG.

12. Прюво, Ж. Гастрономический дискурс Франции: опыт лингвосомиотического анализа / Ж. Прюво, Л. М. Бузинова, Н. В. Седых // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2019. — № 1. — С. 27–39. — DOI 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-3. — EDN HGOYKA.

13. Складорова, Г. Н. Интернациональное и национальное в лингвокультурах (на материале русской и английской фразеологий) / Г. Н. Складорова. — Москва : ИНФРА-М, 2023. — 194 с. — ISBN 978-5-16-016071-9.

14. Федорова, К. М. Глоттонический дискурс как объект лингвистического исследования / К. М. Федорова, Е. С. Руфова // Наука, образование и культура. — 2016. — № 9 (12). — С. 45–48. — EDN WMDRUP.

15. Шестакова, Э. Г. Кулинарный медиатекст в контексте проблем медиалингвистики: постановка и обоснование основных задач / Э. Г. Шестакова // Медиалингвистика. — 2020. — № 7 (1). — С. 118–141. — DOI 10.21638/spbu.22.2020.110 — EDN GJDMJD.

16. Юргелевич, Е. В. Гастрономический дискурс: основные признаки и жанровые характеристики / Идеи. Поиски. Решения : сб. статей XVI Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 22 ноября 2022 г.). — Минск : БГУ, 2022. — Т. 1. — С. 259–263. — URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/293384>.

17. Mintz, S. W. Sweetness and Power: The Place of Sugar in Modern History / S. W. Mintz. — New York : Penguin Books, 1986. — 313 p. — ISBN 0-14-00.9233-1.

REFERENCES

1. Bochegova, N. N. (2004). Nacional'naya specifika konceptov pishchi (na materiale anglijskogo yazyka) = National Specificity of Food Concepts (based on the English Language Material). *Bulletin of the A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia*, 7, 85–99. EDN KWDVSE.
2. Voloshina, T. G., Lazareva, Ya. V. (2023). Lingvokul'turnaya specifika frazeologizmov s pishchevym komponentom

(na primere ruskoj nacional'noj kuhni) = Linguistic and cultural specificity of phraseological units with a food component (on the example of russian national cuisine). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 6(476), 15–22. DOI 10.47475/1994-2796-2023-476-6-15-22. EDN EFSDDO.

3. Douglas, M. (2000). *Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo*. Moscow, 288 p. ISBN 5-93354-007-2.

4. Zhiznevskaya, A. E. (2024). Struktura i sodержanie koncepta «eda» v sovremennoj teorii yazyka = The structure and the content of the concept of "food" in modern language theory. *The path to science. Education. Pedagogy. Electronic Collection of Scientific Papers*, 53(123), 265–267. Novopolock. Available from <https://elib.psu.by/handle/123456789/46077>.

5. Kazenas, O. A., Fedorova, E. S. (2018). Skazhi mne, chto ty esh'... ili o komponentnom sostave frazeologicheskikh edinic francuzskogo i russkogo yazykov s komponentami-naimenovaniyami ovoshchej i fruktov = Tell Me What You Eat... or about the Component Structure of the French and Russian Phraseological Units with Components Denoting Vegetables and Fruits. *Actual problems of philology. Collection of materials from the All-Russian scientific conf.*, 54–57. Kurgan. EDN VTGAKI.

6. Kurbanov, I. A., Kuchkildina, O. V. (2012). Etimologicheskiye i leksicheskiye aspekty kontsepta «EdA» v russkom, angliyskom i nemetskom yazykakh = Etymological and Lexical Aspects of the Concept "Food" in Russian, English, and German. *Bulletin of the South Ural State Humanitarian and Pedagogical University*, 11, 273–288. EDN PMGGFF.

7. Kurenova, D. G., Pavlovskaya, O. E. (2022). Glyuttonicheskij diskurs v PR-strategii prodvizheniya territorii = Gluttonic Discourse in the PR Strategy of Territory Promotion. In *Epomen: Philological Sciences*, 1, 168–179. EDN JIRNIE.

8. Lapynina, O. L. (2014). Lingvokul'turnye osobennosti frazeologicheskikh edinic s gastronomicheskim komponentom (na materiale nemeckogo yazyka) = Linguistic and cultural features of phraseological units with a gastronomic component (based on the German language). *The world of languages: perspective and perspective*, 86–93. Minsk. EDN COXULF.

9. Maslova, V. A., Pimenova, M. V. (2018). *Kody lingvokul'tury = The Codes of Linguoculture. A Study Guide*. Moscow, 180 p. EDN COXULF.

10. Mihalyova, O. L. (2009). Politicheskij diskurs. Specifika mani-

pulyativnogo vozdejstviya = Political Discourse. Specificity of Manipulative Influence. Moscow, 256 p. ISBN 9785397002271. EDN GMQKUV.

11. Morozkina, T. V. (2021). Lingvokulturologicheskij aspekt gastronomicheskogo diskursa (na materiale naimenovaniy nemetskogo jazyka, avstrijskogo varianta nemetskogo jazyka, tchechskogo jazyka) = Linguocultural Aspect of Gastronomic Discourse (Based on the Names of the German Language, the Austrian Version of the German Language, the Czech Language). *Volga Region Pedagogical Search*, 4(38), 8–14. DOI 10.33065/2307-1052-2021-4-38-8-14. EDN WQDEOG.

12. Pruvost, J., Buzinova, L. M., Sedykh, N. V. (2019). Gastronomicheskij diskurs Francii: opyt lingvosemioticheskogo analiza [French gastronomic discourse : experience of linguistic and semiotic analysis]. *A scientific result. Questions of theoretical and applied linguistics*, 1, 27–39. DOI 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-3. EDN HGOYKA.

13. Sklyarova, G. N. (2023). Internatsional'noye i natsional'noye v lingvokul'turakh (na materiale russkoy i angliyskoy frazeologii) = International and National in Linguistic Cultures (Based on Russian and English Phraseologies). Moscow: INFRA-M, 194 p. ISBN 978-5-16-016071-9.

14. Fedorova, K. M., Rufova, E. S. (2016) Glyuttonicheskij diskurs kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya = Gluttonic Discourse as an Object of Linguistic Research. *Science, Education and Culture*, 9(12), 45–48. EDN WMDRUP.

15. Shestakova, E. G. (2020). Kulinar'nyj mediatekst v kontekste problem medialingvistiki: postanovka i obosnovanie osnovnykh zadach = Culinary Media Text in the Context of Medialinguistics Problems: Setting and Substantiating the Main Tasks. *Media Linguistics*, 7(1), 118–141. DOI 10.21638/spbu22.2020.110. EDN GJDMJD.

16. Yurgelevich, E. V. (2022). Gastronomicheskij diskurs: osnovnye priznaki i zhanrovye harakteristiki = Gastronomic discourse: main features and genre characteristics. *Ideas. The search. Solutions. Collection of articles*, 259–263. Minsk. Available from <https://elib.bsu.by/handle/123456789/293384>.

17. Mintz, S. W. (1986). *Sweetness and Power: The Place of Sugar in Modern History*. New York: Penguin Books, 313 p. ISBN 0-14-00-9233-1.

Политическая лингвистика. 2025. № 6 (114).
Political Linguistics. 2025. No 6 (114).

УДК 811.112.2'42+811.11'38+81'27
ББК Ш143.24-51+Ш143.24-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.6 (Германские языки)

Юлия Игоревна Годяева^{1,2}

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Россия, godyaeva-yui@ranepa.ru, SPIN-код: 5135-6143, <https://orcid.org/0009-0009-8644-8781>

² Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Сравнительные конструкции с именем Олафа Шольца в немецком медиаполитическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается антропоним «Olaf Scholz» в качестве потенциального прецедентного феномена в составе сравнительных конструкций с союзами *wie* и *als* в современном немецком медиаполитическом дискурсе. На материале корпуса «DeReKo» (COSMAS II) были проанализированы случаи, где имя бывшего канцлера выполняет функцию образа сравнения (*secundum comparationis*) и актуализирует ряд когнитивных признаков. Было выявлено 2059 случаев употребления конструкций с союзами *wie* и *als*, из которых 41 случай соответствовал поставленным требованиям: контексты содержат именно метафорическое сравнение, свободное от формирования придаточного предложения или связи с глаголом. В ранних контекстах (до 2021 года) в качестве основания сравнения выступали такие качества, как сдержанность, предсказуемость и самообладание политика. В более поздних примерах (после 2021 года до настоящего момента) на первый план выходят элементы иронии и общественной критики (отмечаются отсутствие харизматичности, эмоциональная нейтральность, забывчивость, медлительность, а также ограниченная экспрессия). Данные исследования позволяют утверждать, что прецедентность имени Олафа Шольца для носителей немецкого языка закреплена через интертекстуальные связи, узнаваемые в массовом сознании. Статья представляет динамику образа носителя имени от фигуры стабильного политика к объекту иронической репрезентации, что подчеркивает роль антропонима как инструмента концептуализации в политической коммуникации. Полученные результаты позволяют рассматривать сравнительные конструкции как важный механизм формирования символического капитала в медиадискурсе, а само имя как возможный прецедентный феномен.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, немецкие СМИ, политические деятели, антропонимы, прецедентные феномены, прецедентное имя, образное сравнение, Олаф Шольц, когнитивно-дискурсивный анализ, лингвистический корпус.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Годяева Юлия Игоревна, преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 82; аспирант 3 года обучения, кафедра немецкого языка и культуры, Факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; 119234, Россия, Москва, Ленинские горы, 1, стр. 13-14 (IV гуманитарный корпус), email: godyaeva-yui@ranepa.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Годяева, Ю. И. Сравнительные конструкции с именем Олафа Шольца в немецком медиаполитическом дискурсе / Ю. И. Годяева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 6 (114). — С. 44–49.

Yuliya I. Godyaeva^{1,2}

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia, godyaeva-yui@ranepa.ru, SPIN code: 5135-6143, <https://orcid.org/0009-0009-8644-8781>

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Comparative Constructions with the Anthroponym “Olaf Scholz” in German Media Political Discourse

ABSTRACT. The article looks at the anthroponym “Olaf Scholz” as a potential precedent phenomenon in the structure of comparative constructions with the conjunctions *WIE* and *ALS* in modern German media political discourse. Based on the material of the corpus “DeReKo” (COSMAS II), the study analyzes cases where the name of the former Bundeskanzler performs the function of the standard of comparison (*secundum comparationis*) and actualizes a number of cognitive features. The sample encompasses 2,059 cases of the use of constructions with the conjunctions *WIE* and *ALS*, of which 41 cases meet the requirements: the contexts contain metaphorical comparison proper, free from formation of a subordinate clause or a connection with the verb. In earlier contexts (before 2021), qualities such as restraint, predictability, and self-control of the politician serve as the basis for comparison. In later examples (from 2021 to the present), elements of irony and public criticism come to the fore (lack of charisma, emotional neutrality, forgetfulness, slowness, and limited expression are noted). The data obtained suggest that the precedent nature of the name Olaf Scholz for native speakers of German is fixed through intertextual connections recognizable in the mass consciousness. The article presents the dynamics of the image of the bearer of the name from the figure of a stable politician to the object of ironic representation, which emphasizes the role of the an-

thrononym as a conceptualization tool in political communication. The results obtained allow the researcher to consider comparative constructions as an important mechanism for the formation of symbolic potential in media discourse, and the name itself as a possible precedent phenomenon.

KEYWORDS: *political discourse, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, German media, politicians, anthronyms, precedent phenomena, precedent name, metaphorical comparison, Olaf Scholz, cognitive discursive analysis, linguistic corpus.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Godyaeva Yuliya Igorevna, Senior Lecturer of Department of Foreign Languages No. 2, Russian Academy of National Economy and Public Administration at the President of the Russian Federation (RANEPA), Moscow, Russia; Post-Graduate Student of Department of German Language and Culture, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Godyaeva Y. I. (2025). Comparative Constructions with the Anthronym "Olaf Scholz" in German Media Political Discourse. In Political Linguistics. No 6 (114), pp. 44–49. (In Russ.).*

Немецкий политический медиадискурс на сегодняшний день характеризуется высокой степенью интертекстуальности, включающей отсылки к ранее существовавшим текстам, а также частым обращением к именам политиков, их высказываниям и связанным с ними событиям, вызвавшим общественный резонанс.

В рамках современной научной парадигмы *дискурс* трактуется как сложное, многоплановое коммуникативное образование. В частности, Т. В. Арутюнова определяет его как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте», а также как «речь, рассматриваемую как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания» [Арутюнова 1990: 136–137]. Как отмечает Е. И. Шейгал, дискурс не может анализироваться вне конкретного социального контекста, так как коммуникация зачастую проходит «в определенной сфере человеческой деятельности, в определенном социальном пространстве» [Улуханов 2015: 25]. Применительно к политическому дискурсу отмечается его двухуровневая структура, подразумевающая как реальное, так и виртуальное измерения. Под реальным измерением понимается собственно политическая коммуникация, а именно взаимодействие субъектов политического процесса, тогда как виртуальное охватывает систему вербальных и невербальных знаков, обеспечивающих функционирование и воспроизводство политической коммуникации в общественном пространстве [Шейгал 2004: 9].

Особой чертой современного политического дискурса выступает его опосредованность средствами массовой информации, поскольку «СМИ фактически являются основной средой её существования» [Шейгал

2004: 31]. Этот факт обусловил появление понятия «медиаполитический дискурс».

Согласно Т. Г. Добросклонской, «...механизм функционирования СМИ предполагает не только и даже не столько отражение окружающей действительности, сколько, <...> ее интерпретацию, комментарий, оценку, способствующую созданию определенного идеологического фона» [Добросклонская 2020: 121]. Так, сам политический дискурс тесно связан с медиапространством, в рамках которого он не просто транслируется, но и формируется. СМИ являются не столько посредником, сколько активным участником политической коммуникации, причем задающим тон, интерпретационные рамки, а также идеологическое направление восприятия событий и фигур в политике.

Другой отличительной чертой политического медиадискурса является широкое употребление прецедентных феноменов, в частности, прецедентных имен (далее — ПИ), обладающих высокой степенью культурной маркированности и когнитивной значимости [Будаев 2021: 22].

Прецедентные феномены могут быть также охарактеризованы как форма реализации интертекстуальности и аллюзия на уже существующий текст [Крылова 2014: 50]. Вслед за Р. Бартом, определившим текст как «интертекст», который «представляет собой новую ткань, сотканную из разных цитат»¹, можно утверждать, что и прецедентные феномены являются частью этого культурного явления, формирующей скрытые или явные связи между слоями культуры и текстами.

Особую роль в теоретическом осмыслении прецедентности сыграл Ю. Н. Караулов. Ученый отметил культурную обусловленность этих феноменов, а также их «сверхличностный характер», заключающийся в том, что они обладают устойчивой эмоциональной и когнитивной значимостью

¹ Барт Р. Интертекст // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://slovar.lib.ru/terminologies/bart.htm> (дата обращения: 05.06.2025).

как для отдельной личности, так и для ее окружения [Карулов 1987].

Такие лингвисты, как И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков и Д. В. Багаева, определяют ПИ как индивидуальное имя, сложный языковой знак, «при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков данного ПИ» [Захаренко, Багаева, Гудков, Красных 1997: 83].

ПИ может функционировать на уровне языкового и когнитивного сознания: само имя закреплено в системе языковых знаков, тогда как ассоциативные представления, связанные с ним, принадлежат когнитивному уровню. Сложность данных феноменов обусловлена тем, что их когнитивное содержание не всегда эквивалентно языковому значению, в результате чего далеко не все смысловые компоненты поддаются полной вербализации [Гудков 2020: 87]. Семантическая специфика имен обуславливает их способность к атрибутивной модификации в составе метафорических и сравнительных конструкций. Эта особенность объясняется тем, что ПИ, называя конкретный объект, одновременно представляет целый класс явлений или персоналий, выступая в качестве когнитивного эталона в процессе категоризации [Гудков 2020: 89].

Благодаря своей знаковости такой антропоним выступает не только как номинативная единица, но и как маркер интертекстуальности, отсылающий к определенным событиям, связанным с носителем имени, а также высказываниям и ситуациям, также относящимся к этому имени.

Одним из имен, активно фигурирующих в медиапространстве, является имя бывшего федерального канцлера Олафа Шольца. На протяжении последних лет, вплоть до досрочных выборов в феврале 2025 г., его фигура была в центре общественного и политического внимания, а сама политическая деятельность оказывалась предметом неоднозначных оценок.

Цель данной работы заключается в рассмотрении имени экс-бундесканцлера в составе сравнительных конструкций, выступающего в качестве *secundum comparationis* (образа сравнения) [Burger 2015], с союзами *als* и *wie* (как) в подобных структурах. Несмотря на достаточную изученность сравнений как стилистического средства [Burger 2015; Riesel, Shendels 1975], аспект проникновения в них прецедентности до сих пор остается мало представленным, что и определяет актуальность исследования.

Материалом исследования послужили сравнительные конструкции с союзами *wie*

или *als*, включающие имя экс-бундесканцлера Олафа Шольца.

Примеры были отобраны с использованием инструментов немецкоязычного корпуса DeReKo (COSMAS II). Для более точного извлечения релевантных контекстов нами была использована поисковая формула: (*wie ODER als*) /+w2 *Olaf Scholz*.

Союзы *wie* и *als* в синтаксической традиции немецкого языка выполняют функцию сравнительных связок, вводящих придаточные или атрибутивные элементы сравнения, нередко обладающие оценочной или экспрессивной функцией. В формуле они объединены логическим оператором *ODER*, который указывает системе на необходимость поиска конструкций с любым из данных союзов. Скобки же в данном случае выполняют функцию группировки логических выражений и соответствуют стандартной логике булевых выражений, подобно логическим выражениям в программировании. Символ /+w2 задает максимальное допустимое расстояние между компонентами конструкции, равное двум словам вправо от первого компонента (в данном случае — *wie* или *als*). Это позволяет зафиксировать наиболее близкорасположенные и, как правило, семантически связанные элементы конструкции, где антропоним следует непосредственно за сравнительным союзом либо через один и/или два слова (например, через служебные части речи и атрибутивные конструкции).

Всего выявлено 2059 случаев употребления указанных конструкций. Среди них лишь 41 случай соответствует поставленным требованиям: контексты содержат именно метафорическое сравнение, свободное от формирования придаточного предложения или связи с глаголом. Остальные вхождения относятся к другим грамматическим конструкциям, таким как временные обороты, прямые цитаты или определения, и не являются релевантными для настоящего исследования.

Для достижения поставленной цели мы применяли метод корпусного анализа, основанный на широком применении материалов и инструментов Мангеймского корпуса немецкого языка DeReKo (COSMAS II), а также дискурсивный и когнитивный анализ, благодаря которым нам удалось описать функционирование указанного имени, его прагматическую нагрузку и возникающие внутри сравнительных конструкций интертекстуальные связи.

В результате проведенного анализа было выявлено, что наибольшее количественное преобладание демонстрируют конструкции с шаблоном «X *wie* Olaf Scholz» (24 при-

мера), в которых сравнение направлено на создание эталонного образа, служащего для категоризации других лиц, действий или характеристик. Примером служит выражение «*Da kommt einer wie Olaf Scholz gerade recht*», где антропоним выступает как прототип желаемого политического типа. Сюда же относятся конструкции с компонентами типа «*Jemand wie Olaf Scholz weiß...*», «*Menschen wie Olaf Scholz fehlen...*», «*Politiker wie Olaf Scholz sind gefragt*» и др.

Вторую по количеству группу составляют конструкции с союзом «als Olaf Scholz» (12 примеров), имеющие преимущественно оценочную семантику. Подобные случаи выполняют функцию акцента на превосходстве или, напротив, ограниченности сравниваемого объекта. Так, выражения «*Niemand verkörpert diese Rolle besser als Olaf Scholz*» и «*Weniger Feuer und Flamme sein als Olaf Scholz...*» иллюстрируют две противоположные прагматические стратегии: положительную и ироническую репрезентацию.

Отдельно можно выделить конструкции с компонентами «so ... wie Olaf Scholz» и «aussehen wie Olaf Scholz», представляющие собой имитационные и визуально-сопоставительные модели (например: «*Er sieht zwar aus wie Olaf Scholz*», «*Ein bisschen so wie Olaf Scholz also*»), которые также участвуют в формировании образа и закреплении узнаваемых внешних или поведенческих черт.

Применение когнитивно-дискурсивного метода позволило рассматривать имя «Олаф Шольц» как символ политической рациональности, прагматичности, а в ряде случаев — бюрократической отстраненности и низкой харизматичности. Такие оценки ярко проявляются в выражениях с негативной коннотацией («*Es war ein Kanzler so unbeliebt wie Olaf Scholz*», «*Weniger Feuer und Flamme sein als Olaf Scholz...*»), которые сигнализируют о трансформации публичного образа политика в сторону критически-иронической метафоризации.

В то же время ряд конструкций, напротив, представляет политика как фигуру стабильности и политической предсказуемости, выступающую в роли культурного репрезентанта надежности и институциональной последовательности («*Männer wie Olaf Scholz wissen...*», «*Ein populärer Sozialdemokrat wie Olaf Scholz...*»).

Так, в немецком языке наблюдается тенденция к образованию неологизмов из фамилий тех или иных политиков, определенным образом проявивших себя на политиче-

ской арене. Подобные лексические единицы зачастую приобретают оценочную окраску и используются для обозначения типичной модели поведения носителя имени [Улуханов 2015: 27]. И в немецком языке наблюдается переход имени экс-канцлера из разряда собственных в нарицательные, например, образуется отыменный глагол «scholzen» (деонимизация).

Согласно ряду федеральных СМИ, данный неологизм начал функционировать в 2021 г. в контексте избирательной кампании в бундестаг. Уже на этом этапе Олаф Шольц, в дальнейшем занявший пост федерального канцлера Германии, сформировал в медиадискурсе образ политика, склонного к стратегическим отсрочкам: давая определенные обещания, он впоследствии откладывал их реализацию, словно забывая о них: «Baerbocken und Scholzen. Ersteres steht für Sprachverlust, letzteres für Gedächtnisverlust. Der deutsche Bundeskanzler kann sich an nichts erinnern. Alles, was Olaf Scholz politisch und juristisch gefährlich werden könnte, liegt in einem Zeitloch seines Verstandes begraben. Mittlerweile kann sich Scholz beim besten Willen nicht daran erinnern, woran sich Scholz erinnern sollte, obwohl sich Scholz gerne erinnern würde. Scholz scholtzt»¹ — «Вести себя как [бывший министр иностранных дел Аннелена] Бербок и [экс-канцлер ФРГ Олаф] Шольц. Первое означает потерю речи, второе — потерю памяти. Канцлер ФРГ не способен что-либо запомнить. Все, что может быть политически и юридически опасным для него, кануло в Лету его сознания. Тем временем Шольц не может вспомнить то, что он должен помнить, хотя он хотел бы помнить. Шольц ведет себя типично» (перевод наш. — Ю. Г.).

Хронологический анализ выявил, что в ранних примерах (период до 2021 г.) образ Шольца преимущественно ассоциировался с чертами сдержанности, надежности и управленческой компетентности. Конструкции, зафиксированные в эти годы, демонстрируют положительную или нейтральную прагматическую нагрузку: «*Die Merkel-Wähler*», so sehen es die Genossen, werden sich dann auf die Suche nach jemandem begeben, der sachkompetent, unideologisch und überstürzungsfrei durch die immer schnellere Abfolge von Krisen führen kann. Nach jemandem, den sie kennen und dem sie vertrauen. Also nach jemandem wie Olaf Scholz [Z20/JUN.00216 Die ZEIT, 18. 06.2020, S. 3; Er wird es]. — «„Избиратели Меркель“, как говорят их товарищи, будут

¹ Lücke P. Lindnern, Faesern, Habecken // *Club der klaren Worte*. 2023. URL: <https://clubderklarenworte.de/lindnern/> (дата обращения: 01.07.2025).

искать компетентного, неидеологического и не спешащего пройти через все более стремительную череду кризисов. Для того, кого они знают и кому доверяют. Другими словами, кого-то вроде Олафа Шольца».

Начиная с 2021 г. в сравнениях начинает преобладать ироническая и даже сатирическая репрезентация политика: «Finanzbeamtin vergesslich wie schon Olaf Scholz» [HMP21/AUG.02193 Hamburger Morgenpost, 07.08.2021] — «Служащая налогового ведомства так же забывчива, как и Олаф Шольц». Отмечается эволюция восприятия образа бывшего канцлера: из ранее рассматривавшегося как надежного политика, способного своевременно и прагматично принимать решения, он трансформируется в фигуру, подвергаемую всеобщей критике:

«Die Jusos errangen einen bemerkenswerten Punktsieg, als sie eine Vermögensabgabe gegen die Parteispitze als Beschluss durchsetzten. <...> Noch nie war ein Kanzler so unbeliebt wie Olaf Scholz. Und so sollte die SPD häufiger den Ton wagen, den Klingbeil bestimmte. Was die SPD das letzte Mal stark gemacht hat, war ein ganz klarer Kurs mit teils unbequemen Positionen. Dorthin müssen Klingbeil und Co. zurück, wenn sie auch in der nächsten Wahlperiode noch den Kanzler stellen wollen». — «Союз молодых социалистов и социалисток в СДПГ „Юзос“ одержали выдающуюся победу по пунктам, когда протаскивали налог на богатство в качестве резолюции против руководства партии. <...> Еще ни один канцлер не был так непопулярен, как Олаф Шольц. Поэтому СДПГ должна осмелиться чаще брать тон, заданный Клингбайлем. Что сделало СДПГ сильной в прошлый раз, так это очень четкий курс с иногда неудобными позициями. Клингбайль и другие должны вернуться к этому, если хотят получить пост канцлера на следующий парламентский срок».

В проанализированных сравнительных конструкциях с антропонимом «Olaf Scholz» в качестве *secundum comparationis* в роли *tertium comparationis* — то есть признака, по которому осуществляется сопоставление, — выступает совокупность когнитивно и дискурсивно значимых характеристик, репрезентирующих образ политика на публике. К числу подобных признаков относятся прежде всего рациональность, сдержанность и политическая предсказуемость, которые доминируют в нейтральных и положительно окрашенных контекстах и находятся в ядре этого имени. Наряду с этим, особенно в поздних примерах, зафиксированы признаки его эмоциональной нейтральности, низкой экспрессивности, бюрократической отстра-

ненности и сниженной харизматичности, используемые в ироническом или сатирическом ключе.

Кроме того, в ряде случаев актуализируются признаки визуального или поведенческого сходства, формирующие типажный образ, способный вызывать оценочную интерпретацию на основе узнаваемых культурных стереотипов. Так, *tertium comparationis* в конструкциях с именем бывшего канцлера ФРГ отражает как стабильные когнитивные репрезентации, так и динамику их переосмысления в медиаполитическом дискурсе.

Проведенный анализ сравнений с компонентом «Olaf Scholz» в медиаполитическом дискурсе современного немецкого языка позволил зафиксировать как формальные, так и когнитивно-прагматические особенности функционирования имени в составе метафорических сравнений. Исследование подтвердило, что данное имя стабильно актуализируется в роли *secundum comparationis*, выступая носителем целого набора когнитивных признаков, репрезентирующих социально и медийно закреплённый образ политика.

В качестве *tertium comparationis* чаще всего выявляются такие характеристики, как сдержанность, рациональность, институциональная надёжность, а в более поздних контекстах — отсутствие харизматичности, эмоциональная нейтральность, забывчивость, медлительность, а также ограниченная экспрессия. Это позволяет утверждать, что Олаф Шольц стал для носителей немецкого языка устойчивым эталонным маркером как положительных, так и отрицательных политических качеств, а прецедентность самого имени закреплена через интертекстуальные связи, узнаваемые в массовом сознании.

Полученные результаты также свидетельствуют о явной динамике прецедентного образа: если в примерах до 2021 г. доминируют сравнения, фиксирующие компетентность и политическую надёжность, то начиная с 2021 г. усиливается иронический и даже сатирический настрой, связанный с критикой действующего канцлера. Таким образом, имя экс-канцлера ФРГ в сравнительных оборотах выполняет не только номинативную и репрезентативную, но и оценочную функцию, становясь инструментом категоризации и интерпретации политической реальности.

В более широком плане результаты подтверждают продуктивность включения прецедентных феноменов в сравнительные структуры, что открывает перспективы для дальнейшего исследования языковых механизмов символической репрезентации власти и лидерства в медийных форматах. Особого внимания заслуживает также вопрос об

изменении прагматического потенциала ПИ в зависимости от политического контекста и уровня институциональной значимости, что может стать предметом последующих эмпирических наблюдений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова, Т. В. Дискурс / Т. В. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. Ю. С. Степанов. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — С. 136–137.
2. Будаев, Э. В. Прецедентные имена в СМИ: методики исследования / Э. В. Будаев // Политическая лингвистика. — 2021. — № 3. — С. 22–30. — DOI 10.26170/1999-2629_2021_03_02. — EDN XUXUGK.
3. Ваиль, Ф. И. Прецедентные имена в заголовках российской и египетской прессы / Ф. И. Ваиль // Русский язык за рубежом. — 2013. — № 1 (236). — С. 73–79. — EDN PYRLBV.
4. Гайдук, И. В. Специфика коннотативного функционирования прецедентных имен в медиадискурсе / И. В. Гайдук // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. — 2016. — № 4 (32). — С. 63–75. — EDN XEKBZL.
5. Гудков, Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д. Б. Гудков. — Москва : Ленанд, 2020. — 152 с. — ISBN 978-5-9710-7474-8.
6. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления / Т. Г. Добросклонская. — [Б. м.], 2020. — 180 с. — DOI 10.31453/kdu.ru.91304.0107. — ISBN 978-5-7913-1128-3. — EDN CQKWES.
7. Захаренко, И. В. Прецедентные феномены в языке и дискурсе / И. В. Захаренко, Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 1997. — 128 с.
8. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 1987. — 254 с. — EDN PWFIXL.
9. Крылова, М. Н. Прецедентные ситуации в образной системе современного русского сравнения / М. Н. Крылова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2014. — № 3. — С. 51–54. — EDN SESGXF.
10. Кузьмина, Н. А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса / Н. А. Кузьмина // Медиаскоп. — 2011. — № 1. — С. 10. — EDN OHKHBZ.
11. Улуханов, И. С. Глагольное словообразование современного русского языка. Т. 1. Глаголы, мотивированные именами и междометиями / И. С. Улуханов. — Москва : Азбуковник, 2015. — 330 с. — ISBN 978-5-91172-111-4.
12. Шейгал, Е. И. Семантика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : ИТДГК «Гнозис», 2004. — 320 с. — ISBN 5-7333-0144-9.
13. Burger, H. S. Phraseologie: Eine Einführung am Beispiel des Deutschen / H. S. Burger. — 5., neu bearbeitete Auflage. — Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2015. — 241 S.
14. Riesel, E. G. Deutsche Stilistik / E. G. Riesel, E. I. Shendels. — Moskau : Verlag für Fremdsprachige Literatur, 1975. — 328 S.

REFERENCES

1. Arutyunova, T. V. (1990). Diskurs = Discourse. *Linguistic Encyclopedic Dictionary* (Ed. Yu. S. Stepanov), 136–137. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
2. Budaev, E. V. (2021). Precedentnye imena v SMI: metodiki issledovaniya = Precedent Names in the Media: Research Methods. *Political Linguistics*, 3, 22–30. DOI 10.26170/1999-2629_2021_03_02. EDN XUXUGK.
3. Vail, F. I. (2013). Precedentnye imena v zagolovkakh rossiyskoy i egipetskoy pressi = Precedent Names in the Headlines of the Russian and Egyptian Press. *Russian Language Abroad*, 1(236), 73–79. EDN PYRLBV.
4. Gayduk, I. V. (2016). Spetsifika konnotativnogo funktsionirovaniya pretsedentnykh imen v mediadiskurse = Specifics of the Connotative Functioning of Precedent Names in Media Discourse. *Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Modern Linguistic, Methodological and Didactic Research*, 4(32), 63–75. EDN XEKBZL.
5. Gudkov, D. B. (2020). Pretsedentnoe imya i problemi pretsedentnosti = Precedent Name and Problems of Precedent. Moscow: Lenand, 152 p. ISBN 978-5-9710-7474-8.
6. Dobrosklonskaya, T. G. (2020). Medialingvistika: teoriya, metodi, napravleniya = Media Linguistics: Theory, Methods, Directions. 180 p. DOI 10.31453/kdu.ru.91304.0107. ISBN 978-5-7913-1128-3. EDN CQKWES.
7. Zakharenko, I. V., Bagaeva, D. V., Gudkov, D. B., Krasnikh, V. V. (1997). Precedentnye fenomeni v yazyke i diskurse = Precedent Phenomena in Language and Discourse. Moscow: Gnozis, 128 p.
8. Karaulov, Yu. N. (1987). Russky yazyk i yazykovaya lichnost = Russian Language and Language Personality. Moscow: Nauka, 254 p. EDN PWFIXL.
9. Krylova, M. N. (2014). Pretsedentnye situatsii v obraznoy sisteme sovremennogo russkogo sravneniya = Precedent Situations in the Figurative System of Modern Russian Comparison. *Scientific Notes of Petrozavodsk State University*, 3, 51–54. EDN SESGXF.
10. Kuzmina, N. A. (2011). Intertekstualnost i pretsedentnost kak bazovie kognitivnye kategorii mediadiskursa = Intertextuality and Precedent as Basic Cognitive Categories of Media Discourse. *Mediascope*, 1, 10. EDN OHKHBZ.
11. Ulukhanov, I. S. (2015). Glagolnoe slovoobrazovanie sovremennogo russkogo yazyka. T. 1. Glagoli, motivirovannye imenami i mezhdometiyami = Verb Formation in the Modern Russian Language. Vol. 1. Verbs Motivated by Nouns and Interjections. Moscow: Azbukovnik, 330 p. ISBN 978-5-91172-111-4.
12. Sheygal, E. I. (2004). Semantika politicheskogo diskursa = Semantics of Political Discourse. Moscow: ITDGG «Gnozis», 320 p. ISBN 5-7333-0144-9.
13. Burger, H. S. (2015). Phraseologie: Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. 5., neu bearbeitete Auflage. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 241 S.
14. Riesel, E. G., Shendels, E. I. (1975). Deutsche Stilistik. Moskau: Verlag für Fremdsprachige Literatur, 328 S.

Политическая лингвистика. 2025. № 6 (114).
Political Linguistics. 2025. No 6 (114).

УДК 811.111'42+811.111'38+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 5.9.8

Евгения Олеговна Губайдуллина

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, makarova.eng@gmail.com, SPIN-код: 6366-6907

Физиологическая метафора «СССР — это колосс» в дискурсе Великобритании (1939–1940 гг.)

АННОТАЦИЯ. В статье представлен фрагмент исследования военно-публицистического дискурса Великобритании периода Второй мировой войны. Материал исследования получен путем сплошной и целенаправленной выборки из оцифрованных текстов британского архива the British Newspaper Archive. Целью статьи является анализ метафорической модели «СССР — ЭТО КОЛОСС» за период с 01.09.1939 г. (начало Второй мировой войны) по 13.03.1940 г. (завершение советско-финской войны) в британском дискурсе. Для содержательного анализа материала применен комплекс методов: описательный метод, метод метафорического моделирования, когнитивно-дискурсивный анализ, контекстуальный анализ, элементы количественных подсчетов. Результаты показывают, что одной из частотных моделей является метафора со сферой-источником «организм», в рамках которой реализуется специфичная для британского дискурса метафора «СССР — ЭТО КОЛОСС». Когнитивно-дискурсивный анализ показал, что метафорическая модель «СССР — ЭТО КОЛОСС» реализует апеллятивную и оценочную функции: Советский Союз предстает в образе великана — огромного живого существа. Единицы модели транслируют преимущественно отрицательный прагматический потенциал, побуждая читателя осмыслить описываемые события 1939–1940 годов в заданном автором ключе. Научная новизна работы заключается в последовательном и целенаправленном исследовании метафор, используемых для моделирования образа Советской России в период советско-финской войны. Полученные результаты могут быть использованы в практике преподавания иностранного языка, политологии, межкультурной коммуникации и других дисциплин.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: военно-публицистический дискурс, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, физиологические метафоры, языковые единицы, когнитивная лингвистика, языковые средства, метафорические образы, Вторая мировая война, когнитивные исследования, английский язык, фрейм, слот, образ СССР, колосс.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Губайдуллина Евгения Олеговна, соискатель кафедры «Лингвистика и перевод», институт лингвистики и международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); 454080, Россия, г. Челябинска, пр-т Ленина, 76, email: makarova.eng@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Губайдуллина, Е. О. Физиологическая метафора «СССР — это колосс» в дискурсе Великобритании (1939–1940 гг.) / Е. О. Губайдуллина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 6 (114). — С. 50–56.

Evgeniya O. Gubaydullina

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia, makarova.eng@gmail.com, SPIN code: 6366-6907

The Physiological Metaphor “The USSR Is a Colossus” in the Discourse of Great Britain (1939–1940)

ABSTRACT. The article presents a fragment of a study of British military-media discourse during the Second World War. The practical research material was obtained by continuous and purposeful sampling from the British Newspaper digitized texts Archive. The aim of the article is to analyze the metaphorical model “THE USSR IS A COLOSSUS” over the period from 09.01.1939 (the beginning of World War II) to 03.13.1940 (the end of the Russo-Finnish War) in British discourse. A whole complex of research methods was used for the semantic analysis of the material: descriptive method, metaphorical modeling method, cognitive-discursive analysis, contextual analysis, and elements of quantitative calculations. The results show that the metaphor with the source domain “organism” is one of the most frequent models, within which the metaphor “THE USSR IS A COLOSSUS”, typical of British discourse, is realized. The cognitive-discursive analysis has shown that the metaphorical model “THE USSR IS A COLOSSUS” realizes the appellative and evaluative functions: The Soviet Union appears in the form of a giant, a huge living being. The units of the model convey a predominantly negative pragmatic potential, urging the reader to comprehend the reported events of 1939–1940 in the key set by the author. The scientific novelty of the work lies in the consistent and purposeful study of metaphors used to model the image of Soviet Russia during the Russo-Finnish War. The results obtained can be used in the practical teaching a foreign language, political science, intercultural communication and other disciplines.

KEYWORDS: military-media discourse, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, physiological metaphors, linguistic units, cognitive linguistics, language means, metaphorical images, World War II, cognitive studies, English language, frame, slot, image of the USSR, colossus.

AUTHOR'S INFORMATION: Gubaydullina Evgeniya Olegovna, Degree Applicant of Department of Linguistics and Translation, Institute of Linguistics and International Communications, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia.

FOR CITATION: Gubaydullina E. O. (2025). The Physiological Metaphor “The USSR Is a Colossus” in the Discourse of Great Britain (1939—1940). In *Political Linguistics*. No 6 (114), pp. 50–56. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Лингвистическим исследованиям метафорических моделей посвящены работы Н. Д. Арутюновой, А. Н. Баранова, М. Б. Ворошиловой, В. З. Демьянкова, М. Джонсона, Ю. Н. Караулова, Н. А. Сегал, И. М. Кобозевой, Е. С. Кубряковой, Н. Н. Кошкарковой, Т. Г. Скребцовой, О. А. Солоповой, А. П. Чудинова и др. Как показал обзор научной литературы, исследования метафор «открывают широкие перспективы видения языка во всех его разнообразных и многообразных связях» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 3]. В немногочисленных современных лингвистических исследованиях, посвященных изучению метафорической модели «Россия — это колосс» (работы О. А. Солоповой, М. Б. Ворошиловой, В. В. Орехова, Э. В. Будаева, А. П. Чудинова), концептуальный образ государства представляется, во-первых, как «организм», во-вторых, как великан — огромное живое существо. Так, метафорическая модель «СССР — это колосс» рассматривалась в работе О. А. Солоповой и М. Б. Ворошиловой на материале политического дискурса Великобритании XIX века. Авторы отмечают, что метафора *северного колосса* (*the northern Colossus*) транслирует смыслы масштабности, угрозы, опасности государства для мирового сообщества [Ворошилова, Солопова 2018: 141]. К похожему заключению приходит В. В. Орехов, раскрывая преобладание морфологем «сила России» и «слабость России» в образе «колосса» в западном восприятии государства. Изначально в его работе «колоссом на глиняных ногах» назван Петербург, однако далее автор начинает модернизировать метафору: Россия — это безжизненное тело, колосс, который существует за счет головы, но все члены которого изнемогают, равно лишенные силы [Орехов 2022: 40–41].

Метафора *колосс на глиняных ногах* используется в зарубежных дискурсах для описания мощи и силы государства или страны в целом, одновременно указывая на внутреннюю уязвимость. Фразеологический словарь русского литературного языка дает следующее определение этой единицы: «...что-либо с виду величественное, внушительное, а на самом деле слабое, хрупкое» [Молотков 1994]. Данное крылатое выражение происходит из библейского рассказа о сне царя Навуходоносора, взято из толкова-

ния в Книге пророка Даниила (Дан. 2: 1–49): «Тебе, царь, было такое видение: какой-то большой истукан в чрезвычайном блеске стоял пред тобою, и страшен был вид его. <...> Ты видел его, доколе камень не оторвался от горы без содействия рук, ударил в истукана, в железные и глиняные ноги его, и разбил их. Тогда всё вместе раздробилось: железо, глина, медь, серебро и золото сделались как прах на летних гмунах, и ветер унес их, и следа не осталось от них...».

В когнитивной лингвистике метафора организма рассматривалась в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Метафорическая модель «Государство — это человек» (Государство — это организм) лежит в основе метафоры «Россия — это колосс», в рамках которой колосс предстает в виде гиперболизированного образа государства [Lakoff, Johnson 2003]. По мнению Э. В. Будаева и А. П. Чудинова, модель «политическая структура — это человеческое тело» была и остается частью огромной системы метафор, известных как «Великая цепь Бытия» [Будаев, Чудинов 2008: 217]. Традиция переноса значений из области тела, жизни и здоровья на область государства и общества продолжается по сегодняшний день и находит частое применение в политическом дискурсе [Johnson 1987; Lakoff, Turner 1989]. А. П. Чудинов в своей монографии «Россия в метафорическом зеркале» изучает данную метафору кризиса и авторитарной хрупкости [Чудинов 2001: 51–67].

Немногочисленные научные труды, посвященные изучению метафорической модели «СССР — ЭТО КОЛОСС» в дискурсе войны, свидетельствует о новизне настоящего исследования, результаты и выводы которого расширяют представление об образе Советского Союза в описываемых событиях 1939–1940 годов.

1. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объектом данного исследования является метафорическая модель «СССР — ЭТО КОЛОСС» в британском дискурсе. Источниковая база представлена британской прессой за период с 1 сентября 1939 г. по 13 марта 1940 г. включительно [BNA], так как зафиксировано высокое процентное соотношение метафорических контекстов со сферой-источником «организм» с отрицательным эмотивным потенциалом, нацеленных на репрезентацию

образа СССР в западных СМИ. Замечено, что наибольший процент негативных метафор, используемых для репрезентации образа Советской России во время Второй мировой войны, был зафиксирован в период советско-финской войны (30 ноября 1939 — 13 марта 1940) как в американском (40 %), так и британском (44 %) дискурсах. Авторы статей рассматриваемого периода активно освещали боевые действия, поддерживая Финляндию, в то время как Советский Союз осуждался за агрессию по отношению к финской армии. Результаты сопоставительного исследования выявили, что одной из частотных моделей является метафора со сферой-источником «организм», в рамках которой реализуется специфичная только для британского дискурса метафора «СССР — ЭТО КОЛОСС».

В качестве источников материала использованы оцифрованные тексты архива the British Newspaper Archive (Великобритания), представленные изданиями: «Cambridge, Cambridgeshire», «Truth», «Manchester Evening News», «Belfast Telegraph», «Mid Sussex Times», «Evening Despatch», «South Wales Gazette», «The Scotsman» и др.

Методология настоящего исследования сложилась под воздействием теории метафоры, разрабатываемой зарубежными лингвистами (P. A. Chilton, V. Kennedy, G. Lakoff, M. Turner) и активно развиваемой на основе когнитивно-дискурсивной парадигмы отечественными исследователями (А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, С. Л. Мишланова, В. В. Петров, О. А. Солопова, Т. Г. Скребцова, А. П. Чудинов и др.). Для содержательного анализа материала применен комплекс методов: описательный метод, метод метафорического моделирования, когнитивно-дискурсивный анализ, контекстуальный анализ, элементы количественных подсчетов.

Преобладание контекстов с физиологической метафорой в британском военнопублицистическом дискурсе периода Второй мировой войны позволило выявить специ-

фическую сферу-мишень «СССР — ЭТО КОЛОСС» в дискурсе Великобритании (с 01.09.1939 г. по 13.03.1940 г.): Советский Союз предстает в образе великана — огромного живого существа. С одной стороны, эта модель репрезентирует Советскую Россию в западных СМИ в качестве сильного союзника (Великобритания участвует во Второй мировой войне с самого ее начала 1 сентября 1939 года), с другой стороны, в качестве мощного и опасного противника (СССР — сильный игрок на международной арене). В том и другом случаях образ Советского Союза являлся средством манипуляции общественного сознания и создания определенного восприятия государства в период военных действий.

2. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Метафорическая репрезентация СССР с помощью метафор сферы-источника «человеческий организм» в период Второй мировой войны в дискурсе Великобритании представлена в таблице. Таблица иллюстрирует доминантные образы этой сферы-источника, формирующие образ Советской России в британских СМИ в разные подпериоды исследуемого периода (с 01.09.1939 по 09.05.1945 г.).

Рассмотрим подробнее фрейм «живое существо». Показательно, что репрезентация Советского Союза как «живого существа» в дискурсе Великобритании широко востребована в период советско-финской войны (30 ноября 1939 г. — 13 марта 1940 г.). Интересен и тот факт, что в рассматриваемый период для формирования образа Советского государства прессой активно использовалась метафорическая модель «СССР — ЭТО КОЛОСС». Рассмотрим более детально следующие примеры:

The whole world has been admiring the brave fight put up by little Finland against the Russian red colossus, hoping that in some way the Finns would emerge victorious (Healdsburg Tribune, Enterprise and Scimitar, Vol. LXXV, № 27, 4 January 1940, BNA). /

Таблица. Фреймо-слотовая структура физиологической метафоры в дискурсе Великобритании по периодам (1939–1945 гг.)

Название фрейма	Название слота	Временной период (гг.)
Тело человека	«Тело»	1939
Живое существо	«Гигант/колосс»	1939–1940
Физиологические действия	«Питание, пищеварение»	1940–1942
Физиологические органы	«Сердце»	1942–1944
	«Ноги, ступни»	1942–1944
	«Руки»	1939–1945
	«Позвоночник, хребет»	1942–1944
	«Мускулы, мышцы»	1943–1945
	«Кровеносная система»	1942–1944

Весь мир восхищается отважной борьбой маленькой Финляндии и красного русского колосса, в надежде что финнам каким-то образом удастся одержать победу.

Экстралингвистический контекст. В январе 1940 г. все еще продолжалась Зимняя война с Финляндией, вследствие чего образ государства (СССР) чаще всего соотносился с могущественной силой, которая возвышалась над слабой и беззащитной Финляндией. Метафора *Russian red colossus* (*русский красный гигант, красный колосс*), употребляемая в сочетании с *little Finland* (*маленькая Финляндия*), представляет собой бинарную оппозицию, носящую универсальный характер: большой — маленький; причем метафора *Red Colossus* имеет явно негативную коннотацию, потому что *весь мир восхищается маленькой Финляндией и надеется, что финнам удастся одержать победу*. Помимо оппозиции «*русский красный колосс*» — «*маленькая Финляндия*», в контексте присутствует противопоставление более крупных величин: «*весь мир*» — «*русский красный колосс*» (*The whole world — Russian red colossus*).

Уподобление России колоссу, чему-то выдающемуся по своей важности и величине («Someone or something that is very great in size or importance» [Cambridge Dictionary]), имеет двойной посыл: во-первых, привлечение внимания к огромной территории страны, во-вторых, вероятно аллюзия на библейское крылатое выражение «*колосс на глиняных ногах*» (*a colossus on feet of clay*), обозначающее нечто величественное с виду, но слабое по сути. Метафора «*Red colossus*» выполняет мнемоническую функцию, то есть способствует созданию ассоциативного ряда, и, следовательно, репрезентирует яркий образ в сознании человека — образ безжалостного красного гиганта, являющегося олицетворением зла и существующего в оппозиции ко всему остальному миру; в то же время, по мнению британских СМИ, этот чудовищный исполин более уязвим, чем кажется с виду. Использование автором метафоры «*Red Colossus*» нацелено больше на эмоциональное воздействие и не имеет рациональной аргументации.

Следующий пример из британских СМИ 1939 г. представлен фреймом «живое существо»: *Now the Russian Colossus towers at the frontier of Eastern Prussia and the Soviet dominates the Baltic Sea* (Daily Record, 06 December 1939, BNA). / *Русский Колосс возвышается над границами Восточной Пруссии, а СССР контролирует Балтийское море.*

Исторический контекст. 6 декабря 1939 г.

продолжалась Финская война. С ее началом балтийские страны оказались в эпицентре интересов великих держав. СССР увидел в сложившейся обстановке возможность продвинуть свои передовые рубежи на запад и укрепить таким образом свои границы [Петрова 1997: 375]. Так, пропагандистский аппарат западных СМИ искусно создавал из Советского Союза образ *Русского колосса* — сильного и мощного государства, *возвышающегося над границами Пруссии* (*towers at the frontier of Eastern Prussia*). Использование метафоры «*Russian Colossus*» в сочетании с глаголами «tower» — «возвышаться, возноситься, быть выше других» (*To rise or to reach a great height* [CIDE]) и «dominate» — «доминировать, контролировать, управлять» (*Have power, influence over* [CIDE]) определяется целевыми установками автора. Важную роль играет акцентирование смыслов «исполин» и «гигант». Анализ метафор показывает, что автор текста не ставил целью беспристрастный анализ. Задача заключалась в том, чтобы объяснить военную обстановку (советско-финская война) через призму понятных и ярких образов, «очеловечить образ», изображая Советский Союз как страну, «возвышающуюся над другими», драматизировать ситуацию, превращая военные действия в динамичную и напряженную сцену.

Данная положительная метафора 1939 г. не совсем типична для западных СМИ. Ценой престижа и больших потерь Советский Союз достиг своих стратегических целей в войне с Финляндией [Петрова 1997: 375]. Западные СМИ относились к действиям Красной армии, как правило, негативно. Отрицательный образ СССР, как агрессивно настроенного великана, наиболее частотен в дискурсе Великобритании рассматриваемого хронологического среза, что в полной мере иллюстрируют следующие примеры:

Several Rome papers express a sarcastic concern for the great Russian colossus of 150.000,000 inhabitants being threatened by 3,500,000 Finns. A sharp attack on the Soviet for denouncing the non-aggression pact is contained in the Swedish paper "Allehanda", which describes Russia's conduct as very "cynical" (Coventry Evening Telegraph, 30 November 1939, BNA). / *Несколько римских газет довольно саркастично выразили обеспокоенность тем фактом, что великий Русский колосс, представленный ста пятьюдесятью миллионами жителей, напуган тремя с половиной миллионами финнов. Шведская газета «Allehanda» резко раскритиковала СССР за осуждение пакта о ненападении и охарактеризовала поведение России*

как «циничное».

Метафора *Russian Colossus* (русский колосс) в сочетании с описательным определением *great* (великий, огромный, большой — «large in amount, size, or degree» [Cambridge Dictionary]) употребляется в ироническом смысле. Так как *полтора миллиона русских людей испугались трех с половиной миллионов финнов (150,000,000 inhabitants being threatened by 3,500,000 Finns)*. Таким образом, автор статьи подчеркивает, что на самом деле Советское государство достаточно слабое, скрывающее за угрожающим видом внутренние страхи и неуверенность, что связано со смыслами «иллюзорности советской мощи». Обратимся к следующему тексту (январь 1940 г.), в котором метафорическая модель «СССР — ЭТО КОЛОСС» реализуется в нескольких смысловых плоскостях:

Freedom of thought and effort within the Christian ethic is the difference between men and beasts. For this mankind has fought and will continue to fight. Look at the Finns and lift up your hearts! Their divine heroism must be troubling the butchers of the Kremlin and Berchtesgaden. Finland has shown them what the soul of man can do against terrible odds. If one little nation can hold up the Russian colossus what chance have Hitlerism and Stalinism of smashing the world? (Daily Mirror, 20 January 1940, BNA) / Свобода в мыслях и действиях в контексте христианской этики должна победить, ибо она является тем, что отличает человека от животных. Это то, за что человечество сражалось и будет сражаться. Посмотрите на финнов и вознесите сердца. Их священный героизм, должно быть, беспокоит мясников Кремля и Берхтесгадена. Финляндия показала им, что человеческая душа может противопоставить ужасным испытаниям. Если одна маленькая нация смогла остановить русского колосса, то каковы шансы гитлеризма и сталинизма сокрушить мир?

Исторический контекст. В январе 1940 г. продолжался второй этап наступления, и финская армия несла огромные потери. В это время западные СМИ активно освещали боевые действия, поддерживая Финляндию. Советский Союз (российский колосс) осуждался за агрессию по отношению к финской армии.

В данном отрывке метафора «Russian colossus» обладает негативной коннотацией; в тексте представлена оппозиция: во-первых, противостояние *русского колосса* и всего христианского мира (*Russian colossus and the Christian ethic*). Во-вторых, русский колосс, ассоциирующийся со сталинизмом и гитлеризмом и употребляющийся в связке с

такими метафорами, как *мясники Кремля и Берхтесгадена (the butchers of the Kremlin and Berchtesgaden)*. Автор статьи указывает на противостояние варварства и цивилизации (*Русский колосс, намеревающиеся сокрушить мир*). С другой стороны — финны, стилистическое описание которых значительно отличается от описания Советского государства: им приписывается *священный героизм (divine heroism)*, а борьба финнов с русскими описывается как *человеческая душа против ужасных испытаний (the soul of man can do against terrible odds)*.

Милитарные метафоры, являясь конфликтными по своей сути, способствуют созданию образа внешнего врага и консолидации населения для борьбы с ним. Метафорический образ СССР как врага-гиганта прослеживается и в следующем отрывке из британской прессы 1939 г.:

A fading vision of Russia as leader of the peace-desiring neutrals is not brightened for the smaller nations by her attitude to Finland. Hitherto the Russo-Finnish dispute has been in some respects obscure. Russia made heavy demands upon this little State, almost as if it were again to be united to the Russian Empire as satrapy. The precise demands were kept a secret. When you are dealing with a towering giant like Russia, you must be careful to keep negotiations quiet lest the pride of the great should forbid the mighty Power to retreat from a position clearly announced (Leeds Mercury, 02 November 1939, BNA). / Размытый образ России как предводителя нейтральных стран, желающих мира, не является таковым для малых государств, вследствие ее отношения к Финляндии. Таким образом, российско-финский конфликт в некотором отношении остается непонятым. Россия предъявила этому маленькому государству настолько высокие требования, словно Финляндию снова присоединили к Российской империи в качестве сатрапии. Конкретные требования держались в тайне. Когда вы имеете дело с таким гигантом-исполином, как Россия, вам следует быть осторожным во время ведения переговоров, в противном случае гордость не позволит могущественной державе отступить от объявленной позиции.

Образ России репрезентируется с помощью метафоры *исполинский гигант (towering giant)*. Прагматический смысл раскрывается в следующем: Россия — это государство, агрессивно настроенное по отношению к другим, меньшим по территории и численности странам (*the smaller nations*), которое нарушает общественное спокойствие. Автор использует противопоставления: *гигант-*

исполин (towering giant) — страны, меньшие по размеру (*smaller nations*); могущественная держава (*mighty power*), империя (*Empire*) — *сатрапия (satrapy)* — для усиления и более полного раскрытия образов (Советская Россия, Финляндия). Политика Советской России представлена как агрессивная, опасная и противоречащая западным нормам. Страна репрезентирована как лицемерный игрок, который хочет скрыть свои агрессивные намерения под миролюбивым образом. Определение *fading* (размытый, нечёткий — «1. to lose freshness, strength, or vitality; 2. to lose freshness or brilliance of color» [An Encyclopedia Britannica Company]) в отношении образа России как нейтрального миротворца намеренно используется для подчеркивания того факта, что на самом деле Россия миротворцем не является. Употребление метафорической модели «СССР — это КОЛОСС» актуализирует нужные эмотивные ассоциации в зарубежной прессе, создавая образ злодея. Физиологическая метафора выступает эффективным инструментом воздействия в период Второй мировой войны, обладая мощным прагматическим потенциалом. Все метафоры в отрывке служат одной главной цели: драматизировать геополитический конфликт, превращая сложные стратегические решения в простую и понятную картину противостояния сил природы, форм тоталитарных режимов, животного мира и человека. Это делается для привлечения внимания читателя и формирования у него нужных эмоций и оценок.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье представлен фрагмент исследования военно-публицистического дискурса Великобритании периода Второй мировой войны. Активность метафорических единиц сферы-источника «Человеческий организм» позволила выявить специфичную метафору со сферой-мишенью «СССР — ЭТО КОЛОСС» в британских СМИ за период с 01.09.1939 г. по 13.03.1940 г. Когнитивно-дискурсивный анализ показал, что метафорическая модель «СССР — ЭТО КОЛОСС» реализует апеллятивную и оценочную функции, где Советский Союз предстает в образе великана — огромного живого существа. Авторы включают метафору в свои политические тексты для манипулирования сознанием адресата: с одной стороны, метафора является одним из наиболее продуктивных средств интерпретации объективной действительности, с другой — любая метафора субъективна и навязывает адресату субъективное восприятие событий в заданном автором ключе. Единицы модели транслируют

преимущественно отрицательный прагматический потенциал, побуждая читателя осмыслить образ СССР в описываемых событиях 1939–1940 гг. в отрицательном ключе. Советский Союз представлен в образе колосса, являющегося воплощением варварства, жестокости; жаждущего покорить мир. Во-первых, преобладание силы и могущества СССР репрезентируется из-за осознания опасности (как некое средство защиты), во-вторых, репрезентация в виде *колосса* (ирония) — это попытка нейтрализации Советской России как потенциальной угрозы.

ИСТОЧНИКИ

1. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — Москва : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. — 245 с. — ISBN 5-89042-018-1.
2. Молотков, А. И. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. — 5-е изд., стер. — Санкт-Петербург : Вариант, 1994. — 543 с. — ISBN 5-88416-015-1.
3. BNA = The British Newspaper Archive. — URL: <http://www.britishnewspaperarchive.co.uk> (date of access: 12.11.2025).
4. CA = Chronicling America: Historic American Newspapers (National Endowment for the Humanities and the Library of Congress). — URL: <https://chroniclingamerica.loc.gov> (date of access: 12.11.2025).
5. Cambridge Dictionary. — URL: <https://dictionary.cambridge.org> (date of access: 13.11.2025).
6. CIDE = Cambridge International Dictionary of English. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1995. — 1774 p.
7. An Encyclopedia Britannica Company. — URL: <https://www.britannica.com> (date of access: 13.11.2025).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 5–32. — EDN YJZAPV.
2. Будаев, Э. В. Зарубежная политическая метафорология : моногр. / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов ; Уральский гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2008. — 248 с. — ISBN 978-5-7186-0389-7. EDN XPACFF.
3. Будаев, Э. В. Современная российская политическая метафорология (2011–2020 гг.) / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Филологический класс. — 2020. — Т. 25, № 2. — С. 103–113. — DOI 10.26170/FK20-02-09. — EDN CSTMYX.
4. Кучинская, Е. А. Жанр и композиция текста в военной периодике (коммуникативно-семантическое моделирование) : дис. ... д-ра филол. наук / Кучинская Е. А. — Москва, 2011. — 420 с. — EDN QFLCMX.
5. Орехов, В. В. «Русский миф» и «комплекс Маркиза де Кюстина». Часть II: «Северный колосс» в контексте информационной войны / В. В. Орехов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. — 2022. — Т. 8 (74), № 2. — С. 33–56. — EDN AVPECG.
6. Петров, П. В. «Зимняя война». Балтика 1939–1940 / П. В. Петров. — Хельсинки : RME Group Oy, 2008. — 480 с. — ISBN 978-952-5761-01-6. — EDN YRCTLB.
7. Солопова, О. А. Эмотивный потенциал прогностического текста (на материале британского политического дискурса XIX в.) / О. А. Солопова, М. Б. Ворошилова // Коммуникативные исследования. — 2018. — Т. 4, № 18. — С. 141–156. — DOI 10.25513/2413-6182.2018.4.141-156. EDN YQZURF.
8. Солопова, О. А. Лингвополитическая прогностика: сопоставительное исследование моделей будущего России в политических дискурсах России, США и Великобритании XIX в. (1855–1881) и XXI в. (2000–2014) : дис. ... д-ра филол. наук / Солопова О. А. — Екатеринбург, 2016. — 606 с. — EDN OHPRWN.
9. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) /

А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. — 238 с. — ISBN 5-7186-0277-8. — EDN QCNXBJ.

10. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003. — 248 с. — ISBN 5-7186-0127-5. — EDN QCNWUV.

11. Chilton, P. A. Metaphor in Political Discourse: the Case of the “Common European House” / P. Chilton, M. Ilyn // *Discourse and Society*. — London: Newbury Park and New Delhi, 1993. — Vol. 4, Iss. 1. — P. 7–30. — DOI 10.1177/0957926593004001002.

12. Johnson, M. The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason / M. Johnson. — Chicago : The University of Chicago Pr., 1987. — 280 p. — ISBN 0-266-40317-3.

13. Kennedy, V. Intended Tropes and Unintended Metatropes in Reporting on the War in Kosovo / V. Kennedy // *Metaphor and Symbol*. — 2000. — Vol. 15. — P. 253–265. — DOI 10.1207/S15327868MS1504_6.

14. Lakoff, G. More than cool reason. A field guide to poetic metaphor / G. Lakoff, M. Turner. — Chicago : University of Chicago Pr., 1989. — 249 p. — ISBN 0-226-46804-6.

15. Lakoff, G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : University of Chicago Press, 2003. — 256 p.

16. Lakoff, G. Philosophy in the Flesh / G. Lakoff, M. Johnson. — New York : Basic Books, 1999. — 640 p.

MATERIALS

1. Kubryakova, E. S., Dem'yankov, V. Z., Pankrats, Yu. G., Luzina, L. G. (1996). *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* = Brief Dictionary of Cognitive Terms (general editor E. S. Kubryakova). Moscow: Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University, 245 p.

2. Molotkov, A. I. (Ed.) (1994). *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* = Phraseological Dictionary of the Russian Language. St. Petersburg: Variant, 1994.

3. BNA (n.d.) = The British Newspaper Archive. Available at Nov. 12, 2025 from <http://www.britishnewspaperarchive.co.uk>.

4. CA (n.d.) = Chronicling America: Historic American Newspapers (National Endowment for the Humanities and the Library of Congress). Available at Nov. 12, 2025 from <https://chroniclingamerica.loc.gov>.

5. Cambridge Dictionary (n.d.). Available at Nov. 13, 2025 from <https://dictionary.cambridge.org>.

6. CIDE (1995) = Cambridge International Dictionary of English. Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 1774 p.

7. An Encyclopedia Britannica Company (n.d.). Available at Nov. 13, 2025 from <https://www.britannica.com>.

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1990). *Metafora i diskurs* = Metaphor and Discourse. *Theory of Metaphor*, 5–32. Moscow: Progress. EDN YJZAPV.

2. Budayev, E. V., Chudinov, A. P. (2008). *Zarubezhnaya politicheskaya metaforologiya* = Foreign Political Metaphorology. Monograph. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 248 p. ISBN 978-5-7186-0389-7. EDN XPACFF.

3. Budayev, E. V., Chudinov, A. P. (2020). *Sovremennaya Rossiyskaya politicheskaya metaforologiya (2011–2020 gg.)* = Contemporary Russian Political Metaphorology (2011–2020). *Philological Class*, 25(2), 103–113. DOI 10.26170/FK20-02-09. EDN CSTMYX.

4. Kuchinskaya, E. A. (2011). *Zhanr i kompozitsiya teksta v voyennoy periodike* (kommunikativno-semanticheskoye modelirovaniye) = Genre and composition of text in military periodicals (communicative-semantic modeling). Moscow, 420 p. EDN QFLCMX.

5. Orekhov, V. V. (2022). «Russkiy mif» i «kompleks Markiza de Kyustina». Chast' II: «Severnnyy koloss» v kontekste informatsionnoy voyny = “The Russian myth” and the “Marquis de Custine complex”. Part II: “The Northern Colossus” in the context of the information war. *Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences. Scientific journal*, 8(74), Iss. 2, 33–56. EDN AVPECG.

6. Petrov, P. V. (2008). «Zimnyaya voyna». Baltika 1939–1940 = “Winter War”. The Baltic 1939–1940. *Khel'sinki: RME Group Ov*, 480 p. ISBN 978-952-5761-01-6. EDN YRCTLB.

7. Solopova, O. A., Voroshilova, M. B. (2018). *Emotivnyy potentsial prognosticheskogo teksta (na materiale britanskogo politicheskogo diskursa XIX v.)* = Emotive Potential of Prognostic Text (Based on 19th-Century British Political Discourse). *Communicative Studies*, 4(18), 141–156. DOI 10.25513/2413-6182.2018.4.141-156. EDN YQZURF.

8. Solopova, O. A. (2016). *Lingvopoliticheskaya prognostika: sopostavitel'noye issledovaniye modeley budushchego Rossii v politicheskikh diskursakh Rossii, SSHA i Velikobritanii XIX v. (1855–1881) i XXI v. (2000–2014)* = Linguopolitical Forecasting: A Comparative Study of Models of Russia's Future in Political Discourses of Russia, the USA, and Great Britain in the 19th Century (1855–1881) and the 21st Century (2000–2014). Doctor of Philological Sciences Dissertation. Ekaterinburg, 606 p. EDN OHPRWH.

9. Chudinov, A. P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoye issledovaniye politicheskoy metaforoy (1991–2000)* = Russia in the Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000). Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 238 p. ISBN 5-7186-0277-8. EDN QCNXBJ.

10. Chudinov, A. P. (2003). *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii* = Metaphorical Mosaic in Modern Political Communication. Monograph. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 248 p. ISBN 5-7186-0127-5. EDN QCNWUV.

11. Johnson, M. (1987). *The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason*. Chicago: The University of Chicago Pr., 280 p. ISBN 0-266-40317-3.

12. Kennedy, V. (2000). *Intended Tropes and Unintended Metatropes in Reporting on the War in Kosovo*. *Metaphor and Symbol*, 15, 253–265. DOI 10.1207/S15327868MS1504_6.

13. Chilton, P. A., Ilyn, M. (1993). *Metaphor in Political Discourse: the Case of the “Common European House”*. *Discourse and Society*, 4(1), 7–30. London: Newbury Park and New Delhi. DOI 10.1177/0957926593004001002.

14. Lakoff, G., Turner, M. (1989). *More than cool reason. A field guide to poetic metaphor*. Chicago: University of Chicago Pr., 249 p. ISBN 0-226-46804-6.

15. Lakoff, G., Johnson, M. (2003). *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press, 256 p.

16. Lakoff, G., Johnson, M. (1999). *Philosophy in the Flesh*. New York: Basic Books, 640 p.

Политическая лингвистика. 2025. № 6 (114).
Political Linguistics. 2025. No 6 (114).

УДК 811.111(73)'42+811.111(73)'38+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.8

Исрапил Нуцалханович Гулагаев^{1✉}, Елена Анатольевна Нахимова^{2✉}

¹ Сургутский государственный университет, Сургут, Россия, mr.israpill@gmail.com✉, <https://orcid.org/0009-0001-6828-9117>

² Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, nakhimova@gmail.com✉, SPIN-код: 2983-5495, <https://orcid.org/0000-0003-4908-632X>

Метафорика событий 11 сентября в контексте конспирологии

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются особенности метафоризации политического дискурса, связанные с репрезентацией власти через когнитивные модели действия, контроля и ответственности в рамках конспирологических теорий о событиях 11 сентября в США. Исследование основано на анализе метафорических выражений, извлеченных из англоязычных СМИ и политических речей за 2015–2024 годы (объем корпуса — около 100 контекстов). В работе используется методика когнитивно-дискурсивного анализа, включающая три этапа: выявление метафорических выражений, их классификация по типу концептуальных метафор и интерпретация прагматических функций в контексте политического манипулирования. Результаты показывают, что метафоры играют ключевую роль в формировании образа политического субъекта и распределении ответственности в дискурсе власти. Метафоры помогают справляться с неопределенностью: после катастрофы, вызвавшей шок и когнитивный диссонанс, именно метафоры дают возможность структурировать хаотичный опыт, а также становятся инструментом мобилизации — маркерами протеста против политических и медийных элит. Выявленные закономерности позволяют уточнить механизмы концептуализации политической активности и расширяют представления о когнитивных стратегиях легитимации. Данное исследование заполняет пробел в изучении метафоры в политическом дискурсе с когнитивной позиции и предлагает методологически обоснованный подход к ее анализу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, американские СМИ, языковые средства, освещение событий, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, когнитивные метафоры, языковые единицы, когнитивная лингвистика, метафорические выражения, террористические акты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Гулагаев Исрапил Нуцалханович, аспирант кафедры лингвистики и перевода, Сургутский государственный университет; 628412, Россия, г. Сургут, пр-т Ленина, д. 1; email: mr.israpill@gmail.com.

Нахимова Елена Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; email: nakhimova@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гулагаев, И. Н. Метафорика событий 11 сентября в контексте конспирологии / И. Н. Гулагаев, Е. А. Нахимова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 6 (114). — С. 57-63.

Israpil N. Gulagaev^{1✉}, Elena A. Nakhimova^{2✉}

¹ Surgut State University, Surgut, Russia, mr.israpill@gmail.com✉, <https://orcid.org/0009-0001-6828-9117>

² Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, nakhimova@gmail.com✉, SPIN code: 2983-5495, <https://orcid.org/0000-0003-4908-632X>

The Metaphorics of 9/11 in the Context of Conspiracy Theories

ABSTRACT. The article examines the specific features of metaphorization of political discourse related to the representation of power through cognitive models of action, control, and responsibility within conspiracy theories about the events of September 11 in the United States. The study is based on an analysis of metaphorical expressions extracted from English-language media and political speeches from 2015 to 2024 (corpus volume is approximately 100 contexts). The research employs the method of cognitive-discursive analysis, consisting of three stages: identification of metaphorical expressions, their classification according to the type of conceptual metaphor, and interpretation of their pragmatic functions in the context of political manipulation. The results demonstrate that metaphors play a key role in shaping the image of the political subject and in distributing responsibility within the discourse of power. Metaphors help to overcome uncertainty: after a catastrophe that caused shock and cognitive dissonance, it is metaphors that make it possible to structure a chaotic experience, and also become a tool for mobilization — markers of protest against political and media elites. The identified patterns allow for a more precise understanding of the mechanisms of conceptualizing political activity and expand knowledge of cognitive strategies for legitimization. This article fills a gap in the study of metaphor in political discourse from the cognitive perspective and suggests a methodologically grounded approach to its analysis.

KEYWORDS: political discourse, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, American media, language means, coverage of events, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, cognitive metaphors, linguistic units, cognitive linguistics, metaphorical expressions, terrorist acts.

AUTHOR'S INFORMATION: *Gulagaev Israpil Nutsalkhanovich, Post-Graduate Student of Department of Linguistics and Translation Studies, Surgut State University, Surgut, Russia.*

Nakhimova Elena Anatolyevna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: *Gulagaev I. N., Nakhimova E. A. (2025). The Metaphorics of 9/11 in the Context of Conspiracy Theories. In Political Linguistics. No 6 (114), pp. 57-63. (In Russ.).*

Метафора традиционно рассматривалась как риторический прием, украшающий речь и способствующий выразительности высказывания. Однако современная когнитивная лингвистика [Lakoff, Johnson 1980; Kövecses 2010] трактует метафору как базовый механизм мышления, структурирующий представления о мире и формирующий когнитивные модели социального опыта.

Актуальность обращения к метафоре в политическом дискурсе обусловлена ее функцией в процессе идеологического конструирования и манипулирования общественным сознанием. Политические метафоры не только отражают особенности восприятия власти, но и воздействуют на интерпретацию событий, влияя на оценку политических акторов. Российские ученые-когнитивисты, такие как Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова и И. А. Стернин, развивают идеи, согласно которым язык и метафора участвуют в формировании «языковой картины мира», влияя на восприятие, мышление и даже на мировоззренческие установки [Кубрякова, Демьянков, Панкрац 1996¹; Чудинов 2003].

Несмотря на значительное количество работ, посвященных политической метафоре [Charteris-Black 2011; Musolff 2016; Semino 2008], до настоящего времени недостаточно исследован когнитивный аспект метафоризации политической ответственности. В частности, не получило достаточного освещения то, как метафоры действия, контроля и телесного участия структурируют восприятие политического агента и его взаимодействия с обществом.

Настоящее исследование направлено на выявление когнитивных механизмов, лежащих в основе метафорического моделирования власти, а также на анализ того, каким образом через метафору конструируются образы политического действия, ответственности и легитимации решений.

Согласно И. Мостицкому, конспирология — система взглядов, объясняющих события как результат деятельности тайных

сил, тайных обществ или оккультных явлений². В современной философии теории заговора рассматриваются как специфическая форма общественно-политического дискурса, часто выполняющая функции критики власти, маргинализации официальных версий или выразителя недоверия к институтам [Cassam 2019].

Конспирологические нарративы, как отмечают Вуд и Дуглас в исследовании «What about Building 7?», часто строятся не столько через формулировку альтернативной версии, сколько через отрицание официального рассказа и его обоснование как недостаточного, лживого или искажающего истину [Wood, Douglas 2013]. Эти нарративы активно используют метафорические конструкции, символику и символические противопоставления: «правда vs ложь», «манипулятор vs жертва», «видимый фасад vs скрытые механизмы» и др.

КОНТЕКСТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПОПУЛЯРНОСТИ

После терактов 11 сентября 2001 года в США и в некоторых других странах появилось движение, известное как «9/11 Truth Movement», которое предлагает альтернативные версии причин, событий и деталей произошедшего. В научной литературе анализ этих движений показывает, что они функционируют как форма культурного и политического выражения недоверия, в которой официальные рассказы подвергаются сомнению через особую риторику и метафору [Fenster 2015].

Метафорический язык играет ключевую роль в формировании конспирологических интерпретаций событий 11 сентября. Именно через метафоры задается ощущение скрытой сцены, на которой реальные факты кажутся постановкой, управляемой невидимыми силами. Визуальные и пространственные образы придают таким нарративам убедительность: то, что «на виду», трактуется как фасад, за которым прячется «подлинная» версия происходящего. Не менее пока-

¹ Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ, 1996.

² Мостицкий И. Л. Универсальный дополнительный практический толковый словарь. М.: Триумф, 2012.

зателен и образ разрушения: падение башен-близнецов в конспирологических текстах трактуется не только буквально, но и как символический обвал доверия к государственным институтам и медиа.

Особое значение имеют бинарные оппозиции — правда и ложь, официальная информация и фейки либо аллюзии. Через них выстраивается схема, где официальные объяснения выглядят как навязанное мнение, а альтернативные версии — как «истина, спрятанная за занавесом». Подобные контрасты задают рамку восприятия и позволяют конспирологическим сообществам усиливать свою коллективную идентичность.

Функции метафор в этих нарративах действительно многолики. Во-первых, они помогают справляться с неопределенностью: после катастрофы, вызвавшей шок и когнитивный диссонанс, именно метафоры дают возможность структурировать хаотичный опыт. Во-вторых, они становятся инструментом мобилизации — маркерами протеста против политических и медийных элит. Как отмечает Марк Фенстер в своей книге «Conspiracy Theories: Secrecy and Power in American Culture» (2008), конспирологические интерпретации не ограничиваются альтернативными объяснениями событий, но формируют целые культурные ресурсы — символы, рассказы и визуальные схемы, позволяющие людям выражать недоверие и отчуждение.

Метафорический язык имеет выраженное когнитивное измерение — он влияет и на то, какие источники информации считаются надежными, как интерпретируются доказательства и каким образом фильтруется противоречивый контент. Эмпирическое исследование Вуда и Дугласа (*What about Building 7?*) [Wood, Douglas 2013] показало, что участники онлайн-дискуссий чаще направляют усилия на критику официальных версий, чем на выстраивание собственных альтернативных моделей, при этом активно используя образные выражения. Похожие выводы делает М. Буттер в работе «Verschwörungstheorien zu 9/11» [Butter 2022], где показано, что метафоры становились неотъемлемой частью популяризации конспирологических идей в США и Европе. А исследование Хэнли, Кумара, Дурумерика и др. «A Golden Age: Conspiracy Theories' Relationship with Misinformation Outlets...» [Hanley, Kumar et al. 2023] выявляет, что сайты конспирологической направленности формируют обширные сети гиперссылок, используемые

для усиления влияния через медиаплатформы, и отличаются высоким эмоциональным зарядом своего контента.

Материалом исследования послужили тексты англоязычных средств массовой информации и публичных выступлений политических лидеров (включая выступления президентов США и Великобритании, тексты аналитических статей и интервью) за период 2015–2024 гг.

Корпус составлен из 100 контекстов метафорического употребления, отобранных на основании ключевых слов, репрезентирующих концепты *control, responsibility, power, action, hand, tool, grip, force*. Источники включают электронные архивы «The Guardian», «The New York Times», «The Independent», «BBC Politics», а также базы данных *Political Discourse Corpus* и *News on the Web* (NOW).

Методика исследования основана на сочетании приемов когнитивно-дискурсивного и контекстуально-интерпретационного анализа и включает три этапа:

1) выявление метафорических выражений на основе критериев, предложенных М. Прэгллом и Т. Группом (Pragglejaz Group, 2007)¹, с адаптацией к политическому контексту;

2) классификация метафор по типу концептуальных моделей («POLITICS IS CONTROL», «POWER IS A TOOL», «RESPONSIBILITY IS A BURDEN» и др.) с опорой на теорию концептуальной метафоры [Чудинов 2003];

3) интерпретация прагматических функций метафор в политическом дискурсе с использованием метода дискурсивного профилирования [Musaloff 2016].

АНТРОПОМОРФНЫЕ МЕТАФОРЫ

Метафорическая модель «человек»

Фрейм «деятельность человека»

Слот — работа

Пример 1. *General Hamid Gul, a former head of ISI, believes the attacks were an "inside job" originating in the United States. / Генерал Хамид Гюль, бывший глава ISI, считает, что теракты были «внутренней работой», исходящей из Соединенных Штатов (CNN).*

Метафора «inside job» заимствует лексику из криминального жаргона, где она означает преступление, совершенное при участии «своего человека» внутри организации. В контексте 9/11 метафора переносит человеческий образ предательства и сговора на масштабное историческое событие. Она придает событию черты уголовного дела. Авторская интен-

¹ Group, Pragglejaz (2007). MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse // *Metaphor and Symbol*. Vol. 22, Iss. 1. P. 1–39. DOI 10.1080/10926480709336752.

ция — сместить внимание с внешней угрозы на внутренний саботаж. Такая метафора вызывает чувство предательства и ставит под сомнение легитимность институтов.

Пример 2. *They did the dirty work / Они сделали всю «грязную работу»* (CNN).

«Dirty work» распределяет роли: одни придумывают стратегию, другие выполняют аморальные задания. Это изображение помогает объяснить разделение ответственности и моральную дистанцию между инициаторами и исполнителями.

Слот — причинение вреда

Пример 3. *They smother the truth with lies and misdirection. / Они душат правду ложью и вводят в заблуждение* (CNN).

Метафора «smother the truth» переносит акт удушения на информационную сферу, представляя истину как объект, подавляемый ложью. Это усиливает эмоциональную окраску обвинения и подчеркивает насильственный характер сокрытия.

Фрейм «роль человека»

Слот — лидер

Пример 4. *There was a mastermind behind 9/11. / За событиями 11 сентября стоял главный вдохновитель/тайный лидер* (CNN).

Метафора «mastermind» создает образ единого, расчетливого агента, которому можно приписать ответственность за события. В риторическом плане это удобный способ сфокусировать обвинение и драматизировать нарратив.

Фрейм «физиология»

Слот — части тела

Пример 5. *A hidden hand guides global events like 9/11 / Скрытая рука управляет глобальными событиями, такими как 11 сентября* (L. M. Banco. Revelation, Secret Knowledge, and 9/11 Conspiracy Theory).

Метафора «hidden hand» использует образ руки, чтобы показать невидимое управление событиями. В контексте 9/11 он усиливает ощущение скрытого контроля.

Пример 6. *They have blood on their hands. / У них на руках кровь* (GQ).

Образ «крови на руках» переносит моральную вину в физическую метку: делает моральное обвинение более наглядным.

Другие антропоморфные метафоры, не подвергшиеся тщательному анализу, но включенные в статистику: «mind control» (контроль разума), «pulling the strings» (дергать за нити) и др.

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ

Метафорическая модель «социум»

Фрейм «искусство»

Слот — театр

Пример 7. *9/11 was staged to create con-*

sent for policy changes / События 11 сентября были инсценированы для получения согласия на внесение изменений в политику (UChicago).

«Staged» переносит события в сферу сценического искусства: трагедия предстает как инсценировка, адресованная публике. В такой интерпретации население — зрители, а государственные механизмы — режиссер и декораторы. Метафора создает впечатление о манипулировании общественным мнением.

Пример 8. *The attacks were orchestrated by hidden actors / Эти нападения были организованы скрытыми лицами* (Slate).

Пример 9. *The deep state orchestrated 9/11 / Глубинное государство организовало 11 сентября* (NYT).

Слово «orchestrated» переносит музыкальную метафору на социальную координацию: как дирижер ставит спектакль, так и некие силы якобы согласовали ряд действий для достижения эффекта. Такой образ уменьшает пространство случайности и подчеркивает согласованность и планомерность действий, усиленно представляя события как результат коллективного, но скрытого управления.

Пример 10. *It was political theatre to rally the nation. / Это был политический спектакль, призванный сплотить нацию* (UChicago).

«Political theatre» подчеркивает элемент выступления в политике: публичные акции и риторика становятся средством управления мнением, а не искренним выражением позиций.

Фрейм «война»

Слот — военные операции

Пример 11. *9/11 was a black ops operation. / 11 сентября была секретной операцией* (Andreas von Bulow. The CIA and September 11).

«Black ops» подразумевает нелегальные или скрытые военные операции. Применение к 9/11 предполагает, что за трагедией стояли спецоперации, организованные вне публичного контроля, что создает атмосферу таинственности и обвинения в насилии от параллельных сил.

Пример 12. *The planes acted as a Trojan horse to justify wars. / Самолеты действовали как троянский конь для оправдания войны* (CNBC).

«Trojan horse» — мифический образ внедрения угрозы под видом подарка. В случае 9/11 самолеты интерпретируются как средство внедрения предлога для дальнейшей агрессии; метафора подчеркивает стратегическую хитрость и обман.

Пример 13. *«The New Pearl Harbor» / Новый «Перл-Харбор»* (David Ray Griffin. The

New Pearl Harbor).

Аналогия с Перл-Харбором ставит 9/11 в ряд исторических «переломных моментов», служивших оправданием для военных кампаний. Метафора придает событию статус катализатора и показывает его использование в политическом проектировании войны.

Фрейм «религия»

Слот — жертвоприношение

Пример 14. *Some theorists speak of victims as 'sacrificial lambs' for political gain.* / Некоторые теоретики говорят о жертвах как о «жертвенных ягнятах», приносимых в жертву ради политической выгоды (In these times).

Образ «жертвенного ягненка» придает трагедии сакральный оттенок: пострадавшие воспринимаются как подставленные жертвы ради достижения политических целей, что делает обвинение морально тяжелым.

Наиболее частотными в данной категории оказались метафоры, связанные с театром, но также часто встречались метафоры, связанные и с другими сферами социальной жизни. Например, «shadow government» (теневое правительство), «wag the dog» (кинофильм «Плутводство») и др.

АРТЕФАКТНЫЕ МЕТАФОРЫ

Метафорическая модель «предмет»

Фрейм «военное дело»

Слот — маскировка

Пример 15. *The attacks were a "false flag".* / Атаки были просто маскировкой (Knight, Peter (2008). Outrageous Conspiracy Theories: Popular and Official Responses to 9/11 in Germany and the United States).

Термин «false flag» происходит из военной практики и обозначает прием прикрытия своей идентичности чужим знаменем. Примененный к 9/11, он превращает трагедию в тщательно спланированную инсценировку, направленную на то, чтобы представить действия как совершенные кем-то другим. Образ работает как объяснительный механизм — он предлагает простую, инструментальную версию событий и делает акцент на намеренной маскировке мотива и исполнителей.

Слот — оружие

Пример 16. *WTC7 footage is the smoking gun.* / Видеозапись WTC7 — это неопровержимый факт (Gage, Richard; Roberts, Gregg; Chandler, David. Conspiracy theory or hidden truth? The 9/11 enigmas)

Фрейм «строительство»

Слот — снос

Пример 17. *The towers came down by controlled demolition.* / Башни рухнули в результате контролируемого сноса (Clarke, Steve.

Conspiracy Theories and the Internet: Controlled Demolition and Arrested Development).

«Controlled demolition» заимствует профессиональную лексику инженеров: снос выполняется по расчету с применением взрывчатки. В контексте дискуссий о падении башен это выражение предлагает техническую альтернативу официальной версии: не обрушение вследствие пожара и удара самолетов, а заранее подготовленный взрыв. Метафора апеллирует к представлениям о планировании и точности, делая события производными от человеческого расчета, а не стечения обстоятельств.

Пример 18. *Engineered collapse — used to suggest technical planning in the buildings' fall.* / Инженерное обрушение — используется для определения технического планирования при падении зданий (Clarke, Steve. Conspiracy Theories and the Internet: Controlled Demolition and Arrested Development).

«Engineered» переносит язык инженерной дисциплины в область событий: падение зданий интерпретируется как результат проектного решения, а не случайности. Такой образ делает версию о контролируемом сносе более убедительной для аудиторрии, ориентированной на рациональные объяснения.

Фрейм «производство»

Слот — фальсификация

Пример 19. *The attack was manufactured.* / Нападение было сфабриковано (CNN).

«Manufactured» придает событиям налет искусственного производства: атаки или доказательства выглядят как продукты, составленные по заказу. Метафора подчеркивает идею намеренной конструкции фактов и усиливает подозрение в институциональной подделке.

Фрейм «бытовые предметы»

Слот — документы

Пример 20. *"Follow the paper trail" — phrase used by investigators and theorists alike.* / «Идите по следу документов» — фраза, используемая как исследователями, так и теоретиками.

«Paper trail» апеллирует к документам как источнику доказательств. Идея в том, что документы сохраняют «историю» действий и именно по ним можно проследить ответственность. Это делает акцент на процедурном и документальном расследовании.

Данная категория метафор оказалась наиболее многочисленной среди остальных. Среди других примеров метафор — «covering the tracks» (заметание следов), «master plan» (главный план) и др.

ПРИРОДНЫЕ МЕТАФОРЫ

Метафорическая модель «природа»

Фрейм «природное явление»

Слот — дым

Пример 21. *Media acted as a smoke-screen.* / СМИ действовали как дымовая завеса (CFR).

«Smokescreen» — военный прием: дымовая завеса скрывает действия. В информационном контексте это означает, что медиа могли служить отвлекающим маневром, закрывая реальные мотивы или детали. Метафора переводит информационный поток в образ тактического прикрытия, внушая ощущение, что публичное внимание сознательно перенаправлено.

Фрейм «жизнедеятельность животных»

Слот — паутина

Пример 22. *Officials are caught in a web of lies.* / Чиновники запутались в паутине лжи (L. M. Banco. *Revelation, Secret Knowledge, and 9/11 Conspiracy Theory*).

«Web of lies» использует биомотив паутины, демонстрируя, как мелкие фальсификации переплетаются и образуют сложную сеть лжи. В рамках 9/11 это образ запутанности, из которой, по мнению критиков, трудно выбраться без радикального разоблачения.

Слот — нора

Пример 23. *"Go down the rabbit hole"* — phrase widely used by online communities exploring 9/11 theories. / «Спуститься в кроличью нору» — фраза, широко используемая онлайн-сообществами, исследующими теории 11 сентября.

«Rabbit hole» описывает опыт углубления в конспирологические версии: по мере «погружения» человек теряет обычные ориентиры и начинает воспринимать альтернативные объяснения как всё более значимые.

Данная категория метафор является наименее распространенной среди всех.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показал, что метафора в конспирологическом дискурсе, связанном с событиями 11 сентября, выполняет не только художественно-выразительную, но и когнитивную функцию. Она помогает структурировать неопределенные и травматичные события, формируя целостные объяснительные модели, которые подменяют сложную реальность наглядными образами.

Используя антропоморфные, социоморфные, артефактные и природоморфные метафоры, сторонники конспирологических версий придают своим высказываниям видимость логичности и убедительности, конструируют альтернативную картину мира и

укрепляют групповую идентичность. Наиболее частотными оказались артефактные метафоры, что объясняется стремлением интерпретаторов опираться на технические и военные образы, создающие иллюзию рациональности и достоверности.

Результаты исследования показывают, что когнитивная метафора выступает ключевым механизмом структурирования политического дискурса. Метафорические модели действия, контроля и ответственности формируют устойчивые схемы восприятия власти, влияя на оценку политических субъектов и их решений.

Полученные результаты могут быть использованы в исследованиях политического манипулирования, риторики власти и концептуальных стратегий легитимации.

В дальнейшем перспективным представляется сопоставление метафорических моделей власти в различных политических культурах и языках, что позволит выявить универсальные и культурно-специфические механизмы концептуализации политической ответственности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Балашова, Л. В. Динамическая концепция метафоры: от Аристотеля до современной когнитивной лингвистики / Л. В. Балашова // Вестник Омского университета. — 2015. — № 2 (76). — EDN TZQTYL.
2. Баранов, А. Н. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафоры / А. Н. Баранов, О. В. Михайлова, Г. А. Сатаров, Е. А. Шипова. — Москва : ИНДЕМ, 2004. — 96 с. — ISBN 5-902204-09-7. — EDN RTAOTR.
3. Блэк, М. Метафора. Текст / М. Блэк // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой. — Москва : Прогресс, 1990.
4. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — ISBN 5-354-00222-2. — EDN QRAADX.
5. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Москва : АСТ : Восток — Запад, 2007. — 314 с. — ISBN 978-5-17-045103-6. — EDN RUFSDV.
6. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003. — ISBN 5-7186-0127-5. — EDN QCNWUV.
7. Butter, M. Verschwörungstheorien zu 9/11 / Michael Butter // Asiatische Studien – Études Asiatiques. — 2022. — Vol. 76. Iss. 2. — P. 231–246. DOI 10.1515/asia-2022-0023.
8. Cassam, Q. Conspiracy Theories / Quassim Cassam. — Cambridge : Polity Press, 2019. — 146 p. — ISBN 978-15-09535828.
9. Charteris-Black, J. Politicians and Rhetoric: The Persuasive Power of Metaphor / J. Charteris-Black. — 2nd ed. — London : Palgrave Macmillan, 2011. — DOI 10.1057/9780230319899. — EDN FAURHG.
10. Clarke, S. Conspiracy Theories and the Internet: Controlled Demolition and Arrested Development / Steve Clarke // Episteme: A journal of social epistemology. — Edinburgh University Press, 2007. — Vol. 4, Iss. 2. — P. 167–180. — DOI <https://doi.org/10.3366/epi.2007.4.2.167>.
11. Crisp, P. MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse / P. Crisp, R. Gibbs, G. Low, A. Deignan // Metaphor and Symbol. — 2007. — Vol. 22, Iss. 1. — P. 1–39. — DOI 10.1207/s15327868ms2201_1.
12. Fenster, M. A Failure of Imagination: Competing Narratives of 9/11 Truth / Mark Fenster // Diogenes. — 2015. — Vol. 62 (3-4). — P. 121–129. — DOI 10.1177/0392192116669270.

13. Hanley, H. W. A. A Golden Age: Conspiracy Theories' Relationship with Misinformation Outlets, News Media, and the Wider Internet / H. W. A. Hanley, D. Kumar, Z. Durumeric [et al.] // *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*. — 2023. — Vol. 7, Iss. W2. — Art. No 252. — P. 1–33. — DOI 10.1145/3610043.
14. Knight, P. Outrageous Conspiracy Theories: Popular and Official Responses to 9/11 in Germany and the United States / Peter Knight // *New German Critique*. — 2008. — № 103. — P. 165–193. — DOI 10.1215/0094033X-2007-024.
15. Kövecses, Z. *Metaphor: a practical introduction* / Z. Kövecses. — 2nd ed. — New York: Oxford University Press, 2010. — XX, 375 p. — ISBN 978-0-19-537494-0.
16. Lakoff, G. *Metaphors we live by* / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago: University of Chicago Press, 1980. — 256 p. — ISBN 0-226-46801-1.
17. Banco, L. M. *Revelation, Secret Knowledge, and 9/11 Conspiracy Theory* / L. M. Banco // *Apocalypse in American Literature and Culture* / ed. John Hay. — Cambridge Univ. Press, 2020. — P. 42–54.
18. Musolff, A. *Political Metaphor Analysis. Discourse and Scenarios* / A. Musolff. — London: Bloomsbury, 2016. — 194 p.
19. Semino, E. *Metaphor in Discourse* / E. Semino. — Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 2008. — 247 p. — ISBN 9780521867306.
20. Wood, M. J. What about Building 7? A social psychological study of online discussion of 9/11 conspiracy theories / M. J. Wood, K. M. Douglas // *Frontiers in Psychology*. — 2013. — Vol. 4. — Art. No 409. — DOI 10.3389/fpsyg.2013.00409.
21. Raab, M. H. Thirty shades of truth: conspiracy theories as stories of individuation, not of pathological delusion / M. H. Raab, S. Ortlieb, K. Guthmann, N. Auer // *Frontiers in Psychology*. — 2013. — № 4. — Art. No 406. — DOI 10.3389/fpsyg.2013.00406.
2. Baranov, A. N., Mikhaylova, O. V., Satarov, G. A., Shipova, E. A. (2004). Politicheskyy diskurs: metodi analiza tematicheskoy strukturi i metaforiki = Political Discourse: Methods of Analysis of Thematic Structure and Metaphorics. Moscow: INDEM, 96 p. ISBN 5-902204-09-7. EDN RTAOTP.
3. Blek, M. (1990). Metafora. Tekst = Metaphor. Text. *Theory of Metaphor* (ed. N. D. Arutyunova). Moscow: Progress.
4. Lakoff, J., Johnson, M. (2004). Metafori, kotorimi mi zhivem = Metaphors We Live By. Moscow: Editorial URSS. ISBN 5-354-00222-2. EDN QRAADX.
5. Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). Kognitivnaya lingvistika = Cognitive Linguistics. Moscow: AST: Vostok — Zapad, 314 p. ISBN 978-5-17-045103-6. EDN RUFSVD.
6. Chudinov, A. P. (2003). Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii = Metaphorical Mosaic in Modern Political Communication. Monograph. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ. ISBN 5-7186-0127-5. EDN QCNWUV.
7. Butter, Michael (2022). Verschwörungstheorien zu 9/11. *Asiatische Studien — Études Asiatiques*, 76(2), 231–246. <https://doi.org/10.1515/asia-2022-0023>.
8. Cassam, Quassim (2019). *Conspiracy Theories*. Cambridge: Polity Press, 146 p. ISBN 978-15-09535828.
9. Charteris-Black, J. (2011). *Politicians and Rhetoric: The Persuasive Power of Metaphor*. 2nd Edition. London: Palgrave Macmillan. DOI 10.1057/9780230319899. EDN FAURHG.
10. Clarke, Steve. (2007). Conspiracy Theories and the Internet: Controlled Demolition and Arrested Development. *Episteme: A journal of social epistemology*, 4(2), 167–180. Edinburgh University Press. DOI <https://doi.org/10.3366/epi.2007.4.2.167>.
11. Fenster, Mark (2015). A Failure of Imagination: Competing Narratives of 9/11 Truth. *Diogenes*, 62(3-4), 121–129. DOI 10.1177/0392192116669270.
12. Hanley, H. W. A., Kumar, D., Durumeric, Z., et al. (2023). A Golden Age: Conspiracy Theories' Relationship with Misinformation Outlets, News Media, and the Wider Internet. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*, 7(W2), art. No 252. DOI 10.1145/3610043.
13. Knight, Peter (2008). Outrageous Conspiracy Theories: Popular and Official Responses to 9/11 in Germany and the United States. *New German Critique*, 103, 165–193. <https://doi.org/10.1215/0094033X-2007-024>.
14. Kövecses, Z. (2010). *Metaphor: a practical introduction*. 2nd ed. New York: Oxford Univ. Pr., XX, 375 p. ISBN 978-0-19-537494-0.
15. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago: Univ. of Chicago Pr., 256 p. ISBN 0-226-46801-1.
16. Banco, L. M. (2020). *Revelation, Secret Knowledge, and 9/11 Conspiracy Theory. Apocalypse in American Literature and Culture*, 42–54.
17. Musolff, A. (2016). *Political Metaphor Analysis. Discourse and Scenarios*. London: Bloomsbury, 194 p.
18. Semino, E. (2008). *Metaphor in Discourse*. Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 247 p. ISBN 9780521867306.
19. Crisp, P., Gibbs, R., Low, G., Deignan, A. (2007). MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse. *Metaphor and Symbol*, 22(1), 1–39. DOI 10.1207/s15327868ms2201_1.
20. Wood, M. J., Douglas, K. M. (2013). What about Building 7? A social psychological study of online discussion of 9/11 conspiracy theories. *Frontiers in Psychology*, 4, article 409. DOI 10.3389/fpsyg.2013.00409.
21. Raab, M. H., Ortlieb, S., Guthmann, K., Auer, N. (2013). Thirty shades of truth: conspiracy theories as stories of individuation, not of pathological delusion // *Frontiers in Psychology*, 4, art. No 406. DOI 10.3389/fpsyg.2013.00406.

REFERENCES

Политическая лингвистика. 2025. № 6 (114).
Political Linguistics. 2025. No 6 (114).

УДК 811.214.22'42+811.214.22'38+81'27
ББК Ш152.231-51+Ш152.231-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.51; 16.21.39

Код ВАК 5.9.8

Светлана Александровна Ерёмина^{1✉}, Елена Вячеславовна Дзюба^{2✉}, Антон Александрович Долгов^{3✉}

^{1,3} Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

¹ swegle@yandex.ru✉, SPIN-код: 3013-8990, <https://orcid.org/0000-0002-1422-5740>

² Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, dzyuba_ev@spbstu.ru✉, SPIN-код: 6106-5500, Scopus ID: 56998786000, <https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>

³ toni-dolgov@mail.ru✉, SPIN-код: 2864-3201

Концептуализация образа России в средствах массовой информации Исламской Республики Пакистан

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается образ России, формирующийся в медиасреде, на примере авторитетного пакистанского медиаресурса — газеты «Daily Pakistan». Для достижения поставленной цели: выявить концептуально-содержательные и аксиологические составляющие образа России в материалах интернет-газеты «Daily Pakistan» — применяется метод контент-анализа, а также методы концептуального, контекстуального, лингвоаксиологического и лингвопрагматического анализа. В статье отмечается, что включение информации об экономическом, политическом, религиозном и социокультурном статусе России способствует формированию положительного и/или аксиологически неоднозначного образа страны. В медиатопиках газеты представлен концепт «РОССИЯ — ВЛИЯТЕЛЬНАЯ ДЕРЖАВА», который реализуется посредством таких мыслительных конструкторов, как «территория ресурсов», «мощная власть», «опасный соперник», «агрессор», «конкурент», «веротерпимая страна», «военная сила», «экономический игрок», «политический союзник», «надежный торговый партнер» и др. В качестве результатов исследования отмечается следующее: выбранные из публикаций англоязычной версии издания «Daily Pakistan» контексты демонстрируют, что образ России в пакистанских СМИ представлен как динамичный, многогранный и разноаспектный — отражаются не только безусловно позитивные моменты в развитии страны и ее международных связей, но также и неоднозначно оцениваемые разными политическими акторами черты внешнеполитической деятельности России. Актуализация того или иного содержательного и аксиологического компонента зависит от конкретного вопроса, отдельной стороны международной жизни, доминирующего политического контекста, точки зрения представляемой в публикации персоналии или общественно-политической институции. Отношение к России у пакистанцев формируется сквозь призму религиозно-культурных особенностей самого пакистанского общества. В зависимости от международных событий доминирующим становится тот или иной концептуальный смысл. В контексте имеющегося конфликта представляется негативный образ российского государства, связанный с агрессией и нестабильностью. Однако в целом в пакистанских СМИ отмечаются такие значимые и позитивно маркированные характеристики России, как сверхдержавность, политическая, идеологическая и технологическая суверенность, независимость в определении собственных интересов и ценностей, открытость, стремление к многоаспектному диалогу с разными странами, в том числе азиатскими представителями Глобального Юга. Подчеркивается демонстрируемое россиянами и их президентом уважение к культуре, традициям, религиозным чувствам представителей разных стран, этносов, конфессий, стремление к взаимодействию в области развития науки, технологий, образования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика, политический дискурс, журналистика, медиалингвистика, пакистанские СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, медиаобразы, образ России, мыслительный конструктор, смысловое поле.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Ерёмина Светлана Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620091, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, email: swegle@yandex.ru.

Дзюба Елена Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор Высшей школы международных отношений, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29Б, email: dzyuba_ev@spbstu.ru.

Долгов Антон Александрович, аспирант кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, специалист по учебно-методической работе, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, email: toni-dolgov@mail.ru.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания Министерства просвещения РФ «Лингвокультурологическое исследование образа России в представлении молодежи азиатских стран (на примере Пакистана)».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ерёмина, С. А. Концептуализация образа России в средствах массовой информации Исламской Республики Пакистан / С. А. Ерёмина, Е. В. Дзюба, А. А. Долгов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 6 (114). — С. 64-75.

Svetlana A. Eremina^{1✉}, Elena V. Dziuba^{2✉}, Anton A. Dolgov^{3✉}

^{1,3} Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

¹ swegle@yandex.ru[✉], SPIN-код: 3013-8990, <https://orcid.org/0000-0002-1422-5740>

² Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia, dzyuba_ev@spbstu.ru[✉], SPIN-код: 6106-5500, Scopus ID: 56998786000, <https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>

³ toni-dolgov@mail.ru[✉], SPIN code: 2864-3201

Conceptualization of Russia's Image in the Mass Media of the Islamic Republic of Pakistan

ABSTRACT. *The article examines the image of Russia as constructed in media environment, on the example of the authoritative Pakistan media outlet Daily Pakistan. The aim of the study is to identify the conceptual-semantic and axiological components of Russia's image in the materials of the online newspaper Daily Pakistan. To achieve this aim, the study employs content analysis as well as conceptual, contextual, linguo-axiological, and linguo-pragmatic methods of research. The article highlights that the inclusion of information about Russia's economic, political, religious, and sociocultural status contributes to the formation of a positive and/or axiologically ambivalent image of the country. In the media topics of the newspaper, the concept RUSSIA AS AN INFLUENTIAL POWER is represented through such cognitive constructs as "territory of resources," "strong authority," "dangerous rival," "aggressor," "competitor," "country of religious tolerance," "military power," "economic player," "political ally," "reliable trade partner," and others. The findings of the study include the following: the contexts selected from the English-language version of the Daily Pakistan demonstrate that the image of Russia in Pakistan media is portrayed as dynamic, multifaceted, and multidimensional. The coverage reflects not only unequivocally positive aspects of Russia's development and its international relations, but also the features of Russian foreign policy that are evaluated ambiguously by various political actors. The activation of particular semantic and axiological components depends on the specific issue at hand, a particular aspect of international life, the dominant political context, and the standpoint of the individual or socio-political institution represented in the publication. Pakistani attitudes toward Russia are shaped through the prism of the religious and cultural characteristics of the Pakistani society itself. Depending on international events, one or another conceptual meaning becomes dominant. In the context of an ongoing conflict, the image of the Russian state is presented negatively, associated with aggression and instability. However, overall, Pakistan media highlight such significant and positively marked characteristics of Russia as great-power status, political, ideological, and technological sovereignty, independence in defining its own interests and values, openness, and a commitment to multidimensional dialogue with various countries, including Asian representatives of the Global South. Emphasis is placed on the respect demonstrated by Russians and their President for the culture, traditions, and religious sensibilities of people from different countries, ethnicities, and confessions, as well as on their willingness to cooperate in the fields of science, technology, and education.*

KEYWORDS: *political linguistics, political discourse, journalism, media linguistics, Pakistan media, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, media images, image of Russia, cognitive construct, semantic field.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Eremina Svetlana Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

Dziuba Elena Vyacheslavovna, Doctor of Philology, Professor of Higher School of International Relations, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia.

Dolgov Anton Aleksandrovich, Post-Graduate Student of Department of Intercultural Communication, Rhetoric, and Russian as a Foreign Language, Teaching Methods Specialist, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

ACKNOWLEDGMENTS. *The research was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation, "A linguoculturological study of the image of Russia in the perception of youth in Asian countries (using Pakistan as a case study)".*

FOR CITATION: *Eremina S. A., Dziuba E. V., Dolgov A. A. (2025). Conceptualization of Russia's Image in the Mass Media of the Islamic Republic of Pakistan. In *Political Linguistics*. No 6 (114), pp. 64-75. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Формирование образа страны в зарубежных СМИ является важным аспектом международной коммуникации и внешнеполитической стратегии каждого государства. В условиях глобализации и усиления информационного влияния на массовое сознание медиа играют ключевую роль в конструировании образа тех или иных государств за рубежом.

В условиях глобальной политической динамики и укрепления межгосударственных

отношений России со странами Азии представляется актуальным изучить образ России, формируемый в Азиатском регионе, в частности — в Пакистане. Важно отметить, что взаимодействие России и Пакистана осуществляется в первую очередь на площадке Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС). Исламская Республика Пакистан вступила в ШОС в 2017 году. В Ташкентской декларации ШОС 2016 года отмечено: «Государства-члены отмечают, что получение Индией и Пакистаном статуса полноправного

члена ШОС расширит потенциал Организации и способствует дальнейшему повышению ее роли на международной арене в качестве многостороннего механизма по решению актуальных проблем современности, обеспечению безопасности, стабильности и устойчивого развития в регионе» [Ташкентская декларация...]. Сегодня Пакистан становится одним из стратегических партнеров России, осуществляемое сотрудничество двух стран вносит значимый вклад в обеспечение стабильности и устойчивого развития в Азиатском регионе. В этом контексте важно определить, какой образ России формируется в медиасреде Пакистана, изучить, как активная медиасреда формирует общественное мнение и как она может повлиять на межгосударственные отношения Пакистана и России.

ЦЕЛЬ, МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Источником материала для исследования образа России в СМИ Пакистана послужила англоязычная версия интернет-газеты *Daily Pakistan* [Daily Pakistan], крупнейшего медиаресурса в Пакистане с широкой читательской аудиторией, который отражает события общественной жизни в Пакистане и мире. Особое внимание уделяется публикациям, в которых встречаются высказывания о России и россиянах, об их общественной и культурной жизни. Методом целенаправленной выборки было отобрано 52 статьи англоязычной версии газеты *Daily Pakistan* за 2025 г., в которых упоминаются слова *Russia, Russian*.

В качестве гипотезы исследования выдвигается положение о том, что политический, культурный и религиозный контекст в Исламской Республике Пакистан оказывает существенное влияние на формирование общественного мнения о России и россиянах.

Цель работы — выявить концептуально-содержательные и аксиологические составляющие образа России в материалах интернет-газеты *Daily Pakistan*.

Для достижения поставленной цели применяется метод контент-анализа, а также методы концептуального, контекстуального, лингвоаксиологического и лингвопрагматического анализа.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Обзор литературы по проблеме

В последнее десятилетие вышел ряд статей, посвященных современным российско-пакистанским отношениям (см. работы М. В. Бакановой [Баканова 2024], Л. А. Васильевой [Васильева 2024], А. Воробьева [Vorobyev 2021], Д. С. Дадаян [Дадаян 2020], С. Н. Ка-

менева [Каменев 2013; 2014], В. М. Морозова и Е. О. Шебалиной [Морозов, Шебалина 2022], И. Н. Серенко [Серенко 2020; 2023] и нек. др.). Исследователи отмечают, что в ситуации разворота России на Восток особое значение приобретает сотрудничество России и Пакистана. Это касается в первую очередь сферы культуры, гуманитарного и образовательного взаимодействия, поскольку «Пакистан является одной из таких стран, которая нуждается в развитии образовательных технологий, в т. ч. российско-ориентированных» [Баканова 2024: 93]. М. В. Баканова подчеркивает, что «итогом активного гуманитарного сотрудничества между Россией и Пакистаном в области образования будет не только урегулирование ситуации в Южной Азии с созданием зоны стабильности, но и увеличение внешней торговли, наукоемкого производства, преодоление англо-саксонской ориентации высшего круга пакистанской элиты» [Там же]. Следует, однако, подчеркнуть, что среди этих публикаций нет работ, посвященных изучению образа России в пакистанских СМИ.

В последние годы издано значительное число монографий и статей, посвященных формированию образа страны в медиапространстве. При этом значительное число посвящено изучению именно образа России как в историческом, так и в современном аспектах. Так, Н. А. Власов и Е. А. Колосков на примере четырех ключевых фигур (И. С. Аксакова, М. Н. Каткова, Н. П. Игнатьева и М. Д. Скобелева) реконструируют образ российского панславизма в Германии 1880-х гг. Исследователи сопоставляют интерпретации немецких наблюдателей (государственных деятелей, партийных политиков и публицистов) и собственно изложенные в анализируемых работах концепции и выявляют, что в целом характер взглядов тех российских акторов, которых относили к представителям панславизма, оценен верно, однако немецкие наблюдатели значительно преувеличивают антигерманскую направленность этих взглядов и влияние «панславистов» на российскую внутреннюю и — главным образом — внешнюю политику, они безосновательно сочли панславизм как угрозу для Германии, что способствовало ухудшению российско-германских отношений в рассматриваемый период [Власов, Колосков 2024].

Ван Ч. на материале статей за 2023 г. из газеты «Хуаньцю шибао», освещающей международную жизнь и являющейся структурным подразделением главного в КНР периодического издания «Жэньминь жибао», описывает образ России, отмечая обилие в

публикациях о политике «героических, мифологических, былинных, зооморфных, трансцендентных персонажей и метафор». При этом подчеркивается «умный» характер символических героев / образов России («русский медведь не даст поймать себя в ловушку») и нерасчетливость и недальновидность российских противников (США, Западная Европа) [Ван Ч. 2024].

Гуань Ш. и Сунь Ю. на материале политических карикатур на тему торговой войны между США и Китаем 2018–2021 гг. выявляют мультимодальные метафоры и метонимии в политических карикатурах и определяют их роль в формировании позитивного образа Китая и негативного образа США [Гуань, Сунь 2023].

Т. В. Евгеньева и З. Р. Усманова анализируют особенности восприятия гражданами России зарубежных государств (страны Западной Европы, БРИКС и постсоветского пространства) и отмечают актуальный для сознания граждан концепт «значимости другого», сквозь призму которого россияне воспринимают самих себя; шаблонность восприятия, транслируемую в массмедиа; актуализацию категории «свой — чужой», которая занимает центральное положение в сознании граждан и оценочно маркирует своих положительно, чужих — остро отрицательно [Евгеньева, Усманова 2018].

А. В. Селезнева и Н. В. Смутькина, проведя ряд целенаправленных опросов, представили аксиологический образ стран славянского мира (Белоруссии и Украины), который сформировался в сознании российских граждан. Авторы исследования подчеркнули, что обе страны воспринимаются россиянами «как часть единого этнокультурного и историко-политического пространства», но образ Белоруссии выступает более однородным в когнитивном и эмоциональном (позитивном) аспектах; образ Украины представляется более сложным и оценочно противоречивым, при этом позитивно воспринимается сам братский народ, негативно — власть на Украине [Селезнева, Смутькина 2018].

В рамках данного — имагологического — направления сложилась Уральская школа политической лингвистики, одной из главных задач которой является описание образа России в разных национальных дискурсах (см. работы А. П. Чудинова [Чудинов 2001], Э. В. Будаева [Будаев и др. 2021], О. А. Солоповой [Солопова и др. 2020], Е. В. Дзюбы, С. А. Ереминой и др. [Образ России... 2019], Н. Н. Кошкарновой [Кошкарнова, Мукушев 2021] и др.). Следует подчеркнуть, что исследования, направленные на изучение образа России в СМИ Пакистана, авторам данной рабо-

ты не известны, между тем вопрос о представлении образа России в СМИ Исламской Республики Пакистан, одного из значимых партнеров РФ в евразийском пространстве и исламском мире, видится весьма перспективным для изучения.

В качестве теоретико-методологической основы изучения концептуализации образа России в пакистанских СМИ используются исследования Е. С. Кубряковой, Н. Н. Болдырева, И. А. Стернина. Под концептуализацией понимается процесс конструирования образов и смыслов посредством языка. Термин *концепт* интерпретируется в рамках исследований Е. С. Кубряковой, которая рассматривает этот феномен как единицу сознания и информационной структуры («квант» знания), отражающей человеческий опыт [Кубрякова 1996: 90], и Н. Н. Болдырева, представляющего концепты как понятия, объединяющиеся в систему знаний о мире и образующиеся на основе чувственного опыта, предметно-практической деятельности человека, мыслительной деятельности, вербального и невербального общения [Болдырев 2000: 23].

Концептуальная структура образа России в СМИ Пакистана

Пакистанское медиапространство характеризуется многообразием источников информации, включая государственные и частные телеканалы, газеты, радио и онлайн-ресурсы. Освещение международных событий в пакистанских СМИ нередко связано с политической повесткой, затрагивающей интересы России. В последние годы наблюдается усиление внимания к российско-пакистанскому сотрудничеству, особенно в военно-технической, экономической и образовательной сферах.

Для анализа концептуальных основ формирования образа России в медиа Пакистана была взята одна из наиболее влиятельных газет — *Daily Pakistan*. Общий анализ тематики статей показывает, что Россия не стоит в первом ряду стран, влияющих на внутреннюю и внешнюю политику Пакистана. В 15 статьях Россия упоминается сквозь призму политических событий, связанных с деятельностью США в Азиатском регионе, что может свидетельствовать о внешнеполитических приоритетах Пакистана.

В моделировании внешнего образа стран-партнеров следует учитывать два важнейших фактора, которые влияют на восприятие образа другой страны: религиозный (роль ислама, что является константой в оценке внешних событий) и собственно политический (политический контекст затрагивает в первую очередь российско-украинский, из-

раильско-палестинский и пакистанско-индийский конфликты). При этом тематическими доминантами в представлении образа России являются следующие: политика, экономика, культура, вопросы безопасности, религия, научно-техническое сотрудничество.

В ходе анализа отобранных публикаций было выделено несколько ментальных конструктов, формирующих представления пакистанцев о России в СМИ:

1) *геополитическая субъектность России* (участие государства в большой политике, способность влиять на мировую систему международных отношений);

2) *многоаспектная суверенность* (способность государства самостоятельно принимать политические решения, вести внешнюю и внутреннюю политику в соответствии с собственными национальными интересами);

3) *открытость к диалогу, устремленность к развитию двусторонних отношений* между РФ и Пакистаном (особенно в области энергетики, торговли, безопасности);

4) *тенденция к развитию религиозно-культурного диалога* (подчеркнутая межкультурная толерантность, акцент на исторической роли России в мусульманском мире);

5) *ориентация на научно-технологическое сотрудничество*;

6) *установка на развитие сотрудничества в сфере культуры и образования*.

Представим конкретное содержание выделенных мыслительных конструктов, определяющих специфику образа России, конструируемого в пакистанских СМИ.

Мыслительный конструкт «геополитическая субъектность России» связан с осмыслением роли Российской Федерации в мировых политических процессах, с представлением о «сверхдержавности» страны. В данной структуре выделяются следующие концептуальные смыслы.

Россия — влиятельная страна, находящаяся в ряду иных великих держав и сверхдержав, ср.: *The world, it seems, is tired of a script that no longer convinces. Analysts point to a growing chorus of concern from international voices — UK parliamentarians, US Congress officials, and leaders from nations like China, Turkey, Russia, and Azerbaijan — openly questioning or condemning what they perceive as Indian aggression* / Мир, похоже, устал от сценария, который больше не убеждает. Аналитики отмечают растущую обеспокоенность со стороны представителей международного сообщества — парламентариев Великобритании, представителей Конгресса США и лидеров таких стран, как Китай, Турция, Россия и

Азербайджан, — открыто подвергающих сомнению или осуждающих то, что они считают индийской агрессией; *The reported condemnations of India's actions by influential nations like Russia and Azerbaijan are viewed as significant markers of this shift* / Сообщения об осуждении действий Индии такими влиятельными странами, как Россия и Азербайджан, рассматриваются как важные признаки этого сдвига (о конфликте Индии и Пакистана). Подчеркивается солидаризация России с другими влиятельными государствами в вопросах международной политики: *China, Russia call for end to cold war mentality among nuclear powers* / Китай и Россия призывают ядерные державы покончить с менталитетом холодной войны. Отмечается также вклад президента в завоевание авторитета государства на международной арене: *Experts say Putin emerged as the clear winner, gaining prestige and signaling Russia's renewed clout on the world stage* / Эксперты говорят, что Путин вышел явным победителем, завоевав авторитет и продемонстрировав возросшее влияние России на мировой арене (о конфликте на Украине и саммите на Аляске).

В газете *Daily Pakistan* делается акцент на военном сотрудничестве России с крупнейшими державами: *The US, its allies and partners sharply criticise China's efforts to alter the status quo in the SCS, citing its so-called deepening military ties with Russia and North Korea as destabilising factors* / США, их союзники и партнеры резко критикуют усилия Китая по изменению статус-кво в ЮКМ, называя его так называемые углубляющиеся военные связи с Россией и Северной Кореей дестабилизирующими факторами; *It should be noted that Ukrainian President Volodymyr Zelensky said in a statement on Monday that fighters from several countries are fighting on behalf of Russia and against Ukraine in the Russia-Ukraine war, and these include people from Pakistan and China* / Следует отметить, что президент Украины Владимир Зеленский сообщил в понедельник в своем заявлении, что в российско-украинских боестолкновениях на стороне России и против Украины воюют боевики из нескольких стран, в том числе из Пакистана и Китая.

Актуализируется значение политической конкурентоспособности России среди иных влиятельнейших государств: *The responsibility for the recent instability in Afghanistan (post 9/11) squarely lies with the US-led West, whose policies and actions were contradictory. It is pretty evident that within the realms of contemporary geopolitics, characterised by the pre-*

dominant factor of the US-China rivalry, it is in the larger strategic interest of the US to keep Afghanistan destabilised to prevent China from dominating the region in its proximity through trade and connectivity corridors like the BRI. What remains to be seen is how China and, to some extent, Russia will respond to this US disruption strategy in the region characterised by the 'constructive chaos' theory / Ответственность за недавнюю нестабильность в Афганистане (после 11 сентября) полностью лежит на возглавляемом США Западе, политика и действия которого были противоречивыми. Совершенно очевидно, что в рамках современной геополитики, характеризующейся преобладающим фактором американо-китайского соперничества, в более широких стратегических интересах США поддерживать дестабилизацию в Афганистане, чтобы помешать Китаю доминировать в регионе в непосредственной близости от него через торговые коридоры и транспортные связи, такие как BRI. Что еще предстоит выяснить, так это то, как Китай и, в некоторой степени, Россия отреагируют на эту американскую стратегию дестабилизации в регионе, для которого характерна теория «конструктивного хаоса» (о ситуации в Афганистане).

В газетных публикациях Пакистана представляется неоднозначный образ России: она выступает то миротворцем (ср.: *Russia has condemned the Israeli bombing of a Gaza hospital, labelling it a "criminal and inhumane act" / Россия осудила бомбардировку Израилем больницы в Газе, назвав это "преступным и бесчеловечным актом"*), то агрессором: *Amir also detailed how he supported Ukrainian war victims. "Recently when Ukraine was attacked by Russia, I personally flew to Poland to support the Ukrainian refugees who had been displaced by the effects of war" / Амир также рассказал, как он поддерживал украинских жертв конфликта. "Недавно, когда Украина подверглась нападению России, я лично летал в Польшу, чтобы поддерживать украинских беженцев, которые были вынуждены покинуть свои дома из-за последствий боевых действий"*; *Globally, crude oil prices surged beyond \$71 per barrel as US President Donald Trump's statement threatening stricter sanctions on Russia if it continues its military campaign in Ukraine / Мировые цены на сырую нефть превысили 71 доллар за баррель на фоне заявления президента США Дональда Трампа, угрожающего ужесточением санкций в отношении России, если она продолжит военную кампанию в Украине*; *They also remain heavily reliant on Russian*

military equipment and energy, even as the world urges Russia to end the killing in Ukraine / Они также по-прежнему сильно зависят от российской военной техники и энергоносителей, несмотря на то, что мир призывает Россию прекратить убийства на Украине. При этом цитируются слова американского президента о том, что ответственность за агрессивные действия возлагается на лидера государства: "If oil drops \$10 a barrel, Putin will have no choice," Trump said, adding that his economy stinks and that he can't keep killing people forever / «Если цена на нефть упадет на 10 долларов за баррель, у Путина не будет выбора», — сказал Трамп, добавив, что его экономика воняет и что он не может продолжать убивать людей вечно.

Важным смысловым компонентом в реконструируемом образе является осмысление России как значимого стратегического партнера для стран Азии и члена влиятельной в мире организации — ШОС, ср.: *On the sidelines of the summit, the Prime Minister is expected to meet several world leaders, including Chinese President Xi Jinping and Russian President Vladimir Putin. The meetings will focus on bilateral relations and enhancing mutual cooperation / Ожидается, что в кулуарах саммита премьер-министр встретится с несколькими мировыми лидерами, включая председателя КНР Си Цзиньпина и президента России Владимира Путина. Встречи будут посвящены двусторонним отношениям и укреплению взаимного сотрудничества*; *According to PM House, he will attend the Shanghai Cooperation Organisation (SCO) summit from August 31 to September 1. On the sidelines of the summit, the Prime Minister is expected to meet several world leaders, including Chinese President Xi Jinping and Russian President Vladimir Putin. The meetings will focus on bilateral relations and enhancing mutual cooperation / По данным Палаты представителей премьер-министра, он примет участие в саммите Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), который пройдет с 31 августа по 1 сентября. В рамках саммита премьер-министр, как ожидается, встретится с рядом мировых лидеров, включая председателя КНР Си Цзиньпина и президента России Владимира Путина. Встречи будут посвящены двусторонним отношениям и укреплению взаимного сотрудничества.*

В ряде публикаций делается акцент на историческом прошлом России, выступающей союзником США во Второй мировой войне (ср.: *It was clear after the entry of the US in the war that Germany and Japan would not*

be able to sustain the war in view of their limited resources in comparison with the US and its allies the Soviet Union, Imperial Britain and others / После вступления США в войну стало ясно, что Германия и Япония не смогут выдержать в противостоянии ввиду их ограниченных ресурсов по сравнению с США и их союзниками — Советским Союзом, имперской Великобританией и другими) и ключевым союзником Ирана на протяжении многих лет (ср.: While Russia remains a key ally of Tehran, it has maintained a cautious stance, condemning Washington and Israeli military actions but refraining from direct military support / Хотя Россия остается ключевым союзником Тегерана, она придерживается осторожной позиции, осуждая военные действия Вашингтона и Израиля, но воздерживаясь от прямой военной поддержки). Подчеркивается нестабильность российской экономики в постсоветский период и достижения страны в последние годы в плане выхода из «долговой ловушки», ср.: It is instructive to read how the IMF destroyed the Soviet Union and then Russia. But there is hope for Pakistan because Russia has been able to get out the debt trap. Ernst Wolf has provided data on what happened to the Soviet Union, and subsequently Russia, when the mentally unstable Boris Yeltsin took charge / Поучительно прочитать о том, как МВФ разрушил Советский Союз, а затем и Россию. Но у Пакистана есть надежда, потому что Россия смогла выбраться из долговой ловушки. Эрнст Вольф предоставил данные о том, что произошло с Советским Союзом, а затем и с Россией, когда к власти пришел психически неуравновешенный Борис Ельцин; The bankers and the US et al hate Putin because he managed to pull Russia out of this hopeless situation and revived it as a power to be reckoned with / Банкиры, США и другие ненавидят Путина за то, что он сумел вытащить Россию из этой безнадежной ситуации и возродил ее как державу, с которой нужно считаться.

Россия в публикациях газеты *Daily Pakistan* представлена как страна, богатая энергоресурсами (ср.: *Russia — a major producer of crude oil — offered Islamabad discounted prices on its oil. Moscow has also been actively seeking new markets for its energy resources, and its collaboration with Pakistan is expected to boost trade and energy ties / Россия — крупный производитель сырой нефти — предложила Исламабаду сниженные цены на свою нефть. Москва также активно ищет новые рынки сбыта для своих энергоресурсов, и ожидается, что ее сотрудничество с Пакистаном укрепит торговые*

и энергетические связи); как территория прав и интересов в Арктическом регионе (ср.: Land territories in the Arctic cover an area of around 8 million square km, with sovereignty belonging to Russia, Denmark, Finland, Iceland, Norway, Sweden, Canada and the United States. The Arctic Ocean is more than 12 million square km, where coastal and other countries share maritime rights and interests according to international law / Сухопутные территории в Арктике занимают площадь около 8 миллионов квадратных километров, и суверенитет над ними принадлежит России, Дании, Финляндии, Исландии, Норвегии, Швеции, Канаде и Соединенным Штатам. Площадь Северного Ледовитого океана составляет более 12 миллионов квадратных километров, где прибрежные и другие страны разделяют морские права и интересы в соответствии с международным правом).

Россия предстает как страна, готовая прийти на помощь другим, попавшим в сложное положение в результате природных катастроф (ср.: *Amid huge losses, global condolences poured in as nations expressed solidarity with Pakistan. Saudi Arabia, Turkiye, Iran, Kuwait, Russia, and Australia have extended support, mourning the tragic loss of life and offering aid to affected families / На фоне огромных потерь во всем мире посыпались соболезнования, поскольку страны выразили солидарность с Пакистаном. Саудовская Аравия, Турция, Иран, Кувейт, Россия и Австралия выразили свою поддержку, оплакивая трагическую гибель людей и предлагая помощь пострадавшим семьям), хотя сама оказывается объектом воздействия со стороны стихийных бедствий (ср.: *A massive earthquake struck off coast of Russia's Kamchatka Peninsula, and it triggered tsunami waves across the Pacific, prompting widespread alerts from Japan to Mexico and New Zealand / У берегов российского полуострова Камчатка произошло мощное землетрясение, которое вызвало волны цунами по всему Тихому океану, вызвав массовые предупреждения от Японии до Мексики и Новой Зеландии), разного рода катастроф (ср.: Russian plane crashes near china border; all 48 on-board killed... / Российский самолет разбился недалеко от границы с Китаем; все 48 человек, находившихся на борту, погибли. Российские авиационные власти начали расследование) и — главное — западных санкций (ср.: Russian aviation authorities have launched an investigation. However, the country's aviation sector is already struggling due to Western sanctions / Однако авиационный сектор страны уже испытывает трудности из-за западных санкций).**

Мыслительный конструкт «многоаспектный суверенитет России» репрезентирован высказываниями о политической независимости страны, то есть способности государства как политического субъекта осознанно действовать ради реализации собственных интересов, обладании суверенитетом и возможностью влиять на общественные и международные процессы, представлении о своем пути социального развития, формирующемся независимо от чужой идеологии (ср.: *It may be of interest to note that Putin has banned sex change surgeries and operations in Russia! The World Order crowd is very unhappy about it / Возможно, будет интересно отметить, что Путин запретил операции по смене пола в России! Сторонники Мирового порядка очень недовольны этим*). Особое значение в этом смысле отводится формированию цифрового суверенитета российского государства (ср.: *WhatsApp¹ under fire in Russia as Kremlin pushes state messaging app*) (о введении MAX) / *WhatsApp² под огнем критики в России, поскольку Кремль продвигает государственное приложение для обмена сообщениями*).

Мыслительный конструкт «открытость к диалогу, устремленность к развитию двусторонних отношений» с Пакистаном в области энергетики, торговли, безопасности, образования и культуры выражается в контекстах о развивающемся партнерстве (ср.: *Days after Prime Minister Shehbaz Sharif met Russian President Vladimir Putin on the sidelines of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) in Samarkand in September, reports emerged that Moscow had expressed readiness to supply petrol to Pakistan on deferred payments / Через несколько дней после того, как премьер-министр Шехбаз Шариф встретился с президентом России Владимиром Путиным на полях саммита Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в Самарканде в сентябре, появились сообщения о том, что Москва выразила готовность поставлять бензин в Пакистан с отсрочкой платежей; Russia has reportedly expressed readiness to supply petrol to Pakistan on deferred payments, a move that will provide a breathing room to the flood-hit South Asia country facing economic crisis / Россия выразила готовность поставлять бензин в Пакистан с отсрочкой платежа, что даст передышку пострадавшей от наводнения стране Южной Азии, столкнувшейся с экономическим кризисом*). Подчеркивается высокая значимость ранее сложившегося и ныне развивающегося

сотрудничества Пакистана с Россией, на которое не может повлиять современная геополитическая обстановка (ср.: *Prime Minister Shehbaz Sharif highlighted that strengthening relations with Russia is a key priority in Pakistan's foreign policy. He expressed Pakistan's interest in expanding cooperation with Russia in areas such as trade, economy, energy, communications, and security / Премьер-министр Шехбаз Шариф подчеркнул, что укрепление отношений с Россией является ключевым приоритетом внешней политики Пакистана. Он выразил заинтересованность Пакистана в расширении сотрудничества с Россией в таких областях, как торговля, экономика, энергетика, коммуникации и безопасность; Prime Minister Shehbaz Sharif said on Wednesday that Pakistan's relations with Russia are neither driven by any geopolitical contingency nor these are impacted by our ties with other countries / Премьер-министр Шехбаз Шариф заявил в среду, что отношения Пакистана с Россией не зависят ни от каких геополитических обстоятельств, ни от наших связей с другими странами; He emphasized the need to overcome financial and other banking issues to expand barter trade between Pakistan and Russia. He said Pakistan has long business relations with Russia / Он подчеркнул необходимость решения финансовых и других банковских проблем для расширения бартерной торговли между Пакистаном и Россией. Он сказал, что Пакистан поддерживает давние деловые отношения с Россией; Пакистан и Россия договорились развивать сотрудничество в энергетическом секторе — о строительстве газопровода*).

Идея о сотрудничестве и взаимовыгодном партнерстве поддерживается образами, связанными, с одной стороны, с концептом дружбы, с другой — с концептуальной сферой строительства и процветания (ср.: *He said bilateral ties with Russia were a key pillar of Pakistan's foreign policy and Islamabad saw Moscow as a longstanding and time-tested friend of it / Он сказал, что двусторонние связи с Россией являются ключевой опорой внешней политики Пакистана и Исламабад рассматривает Москву как своего давнего и проверенного временем друга; A shared by the Russian embassy in Pakistan said "Happy Independence Day to all Pakistanis!" Pakistan is playing an increasingly important role in regional and international affairs, it said. The statement said we congratulate our Pakistani friends on their national holiday, wishing them every*

^{1,2} Мессенджер, принадлежащий компании «Meta», признанной в РФ экстремистской организацией и запрещенной.

success and prosperity / В заявлении посольства России в Пакистане говорится: «С Днем независимости всех пакистанцев!» Пакистан играет всё более важную роль в региональных и международных делах, говорится в нем. В заявлении говорится, что «мы поздравляем наших пакистанских друзей с их национальным праздником и желаем им всяческих успехов и процветания»).

Мыслительный конструкт «стремление к развитию религиозного и культурного диалога», который также реконструируется на основе публикаций пакистанской газеты, связан с представлением об исторической роли России в развитии многоконфессионального мира, с видением россиян как граждан, проявляющих уважение к религиозным чувствам разных людей, ср.: *There is some hope for Pakistan in the Russian example. But that would require quiet integrity, deep comprehension, determination, and spine on the part of real controllers of the country. That is not an impossibility. The bankers are also unhappy because Putin's Russia is a Christian Russia and not a Satanic state as planned by the Satanic High Cabal. The US attitude towards a Christian Russia is dictated entirely by Satanic bankers and the US ruling Elite is Masonic and Satanic. We have quoted the Russian example in some detail because there is some hope for Pakistan in the Russian example / Пример России вселяет некоторую надежду в Пакистан. Но для этого потребуются спокойная честность, глубокое понимание, решимость и выдержка со стороны реальных руководителей страны. Это не исключено. Банкиры также недовольны, потому что Путинская Россия — это христианская Россия, а не сатанинское государство, как планировала сатанинская клика. Отношение США к христианской России полностью продиктовано сатанинскими банкирами, а правящая элита США является масонской и сатанински настроенной. Мы довольно подробно привели в пример Россию, потому что в российском примере есть некоторая надежда для Пакистана; Russians are in the tradition of respecting other cultures and religions since the country that represents 11 percent of the world's landmass is evolved as a multi-ethnic and multi-cultural society, Putin opined saying this respect comes in short supply in other nations / У россиян есть традиция уважать другие культуры и религии, поскольку страна, на которую приходится 11 процентов территории земного шара, развивается как многонациональное и многокультурное общество, высказал мнение Путин, заявив, что в других странах этого уважения не хватает; Rus-*

*sian President Putin says disrespecting Prophet Muhammad not freedom of expression / Президент России Путин заявил, что неуважение к пророку Мухаммеду не является свободой выражения мнений; Russia relaxes immigration documentation for Hijab wearing women / Россия упрощает процедуру оформления иммиграционных документов для женщин, носящих хиджаб; Putin congratulates Russia's Muslims on Eid al-Fitr / Путин поздравил российских мусульман с праздником Ураза-байрам. Несомненно, уважением к религиозным чувствам граждан-мусульман, которое выражает президент России, способствует созданию прочной основы для выстраивания партнерских отношений двух стран. Одна из публикаций газеты делает акцент на значении религиозных чувств для сохранения семейных ценностей, ср.: *The Russian girl converted to Islam to marry the man of her dreams. She also learnt a little Urdu and moved to Pakistan / Русская девушка приняла ислам, чтобы выйти замуж за мужчину своей мечты.**

Мыслительный конструкт «ориентация на научно-технологическое лидерство и выгодное сотрудничество» реконструируется на основе статей, посвященных развитию «умных» технологий в области цифровизации банковских услуг (ср.: **Service and support: Moving to a remote digital service.** Organizations also changing their after-service and support models. The digital-native Russian bank Tinkoff was the first one in 2012 to launch cloud-based remote call centers outside of Russia. The bank focused on remote servicing and now has more than 14000 remote employees who work from home and take half a million calls every day. These do not even bank permanent employees. This model has saved bank costs for offices, equipment, and workplaces / Переход на удаленный цифровой сервис Организации также меняют свои модели послепродажного обслуживания и поддержки. Российский банк «Тинькофф», ориентированный на цифровые технологии, первым в 2012 году запустил облачные удаленные центры обработки вызовов за пределами России. Банк сосредоточился на дистанционном обслуживании и в настоящее время насчитывает более 14 000 удаленных сотрудников, которые работают из дома и принимают полмиллиона звонков в день. Это даже не постоянные сотрудники банка. Такая модель позволила банку сэкономить на офисах, оборудовании и рабочих местах).

Однако есть и такие публикации, которые представляют обратную сторону технологического прогресса, связанную с хакер-

скими атаками и киберпреступностью (ср.: *A Russian hacker network, known as ALPHV, nicknamed BlackCat, leaked naked photos of cancer patients online which they stole from Lehigh Valley Health Network after they refused to pay the ransom* / Российская хакерская сеть, известная как ALPHV, по прозвищу BlackCat, опубликовала в Интернете фотографии обнаженных больных раком, которые они украли из сети здравоохранения Lehigh Valley после того, как те отказались платить выкуп).

Газета *Daily Pakistan* акцентирует внимание читательской аудитории на наличии у России передовой военной техники (ср.: *Armed with up to 16 HJ-10 anti-tank guided missiles, advanced millimeter-wave fire control radars, and limited stealth features in its design, the Z-10M is closing the gap with elite Western and Russian platforms like the AH-64 Apache and Mi-28 Havoc* / Оснащенный до 16 противотанковыми управляемыми ракетами HJ-10, усовершенствованными радаром управления огнем миллиметрового диапазона и ограниченными возможностями скрытности, Z-10M сокращает отставание от элитных западных и российских платформ, таких как AH-64 Apache и Mi-28 Havoc), достижений в области развития фармацевтики, имеющей важное значение для российско-пакистанского сотрудничества (ср.: *SAPM Haroon Akhtar Khan emphasized that the establishment of a pharmaceutical joint venture between Pakistan and Russia marks a significant milestone in strengthening bilateral relations* / Премьер-министр Пакистана Харун Ахтар Хан подчеркнул, что создание совместного фармацевтического предприятия между Пакистаном и Россией знаменует собой важную веху в укреплении двусторонних отношений) и т. д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выбранные из публикаций англоязычной версии издания *Daily Pakistan* контексты демонстрируют, что образ России в пакистанских СМИ представлен как динамичный, многогранный и разноаспектный: отражаются не только безусловно позитивные моменты в развитии страны и ее международных связей, но также и неоднозначно оцениваемые разными политическими акторами черты внешнеполитической деятельности России. Актуализация того или иного содержательного и аксиологического компонента зависит от конкретного вопроса, отдельной стороны международной жизни, доминирующего политического контекста, точки зрения представляемой в публикации персоналии или общественно-политической институции. Оче-

видно, что отношение к России формируется у пакистанцев сквозь призму религиозно-культурных особенностей самого пакистанского общества. В зависимости от международных событий доминирующим становится тот или иной концептуальный смысл. Так, в контексте имеющихся сегодня конфликтов представляется негативный образ российского государства, связанный с агрессией и нестабильностью. Однако в целом в пакистанских СМИ отмечаются такие значимые и позитивно маркированные характеристики России, как сверхдержавность, политическая, идеологическая и технологическая суверенность, независимость в определении собственных интересов и ценностей, открытость, стремление к многоаспектному диалогу с разными странами, в том числе азиатскими (представителями Глобального Юга). Подчеркивается демонстрируемое россиянами и их президентом уважение к культуре, традициям, религиозным чувствам представителей разных стран, этносов, конфессий, стремление к взаимодействию в области развития науки, технологий, образования.

ИСТОЧНИКИ

1. Кубрякова, Е. С. [и др.] Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова. — Москва : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1996. — 245 с. — ISBN: 5-89042-018-1. — EDN OGVICE.
2. Ташкентская декларация пятнадцатилетия Шанхайской организации сотрудничества. — URL: <https://rus.sectso.org/images/07e8/0b/1c/1604087.pdf> (дата обращения: 10.11.2025).
3. *Daily Pakistan*. — URL: <https://dailypakistan.com.pk/> (дата обращения: 10.11.2025).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баканова, М. В. Развитие российско-ориентированного образования в Пакистане и перспективы международного гуманитарного сотрудничества / М. В. Баканова // Вестник Российской нации. — 2024. — № 3 (96). — С. 93–100. — EDN GLAIVG.
2. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика / Н. Н. Болдырев. — Тамбов : Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2000. — 123 с.
3. Будаев, Э. В. Метафорический образ будущего России в зарубежных СМИ : монография / Э. В. Будаев, О. А. Солопова, Р. И. Зарипов, А. В. Бойко. — Санкт-Петербург : Научное издание, 2021. — 217 с. — ISBN 978-5-6045558-9-7. — EDN KPMMAO.
4. Ван, Ч. Образ России в газете «Хуаньцю шибао (Глобальная газета)» / Ч. Ван // Вестник Пермского университета. Политология. — 2024. — Т. 18, № 2. — С. 135–142. — DOI 10.17072/2218-1067-2024-2-135-142. — EDN HGCRAO.
5. Васильева, Л. А. Культурный фактор в развитии российско-пакистанских отношений / Л. А. Васильева // Вестник Института востоковедения РАН. — 2024. — № 1 (27). — С. 233–245. — DOI 10.31696/2618-7302-2024-1-233-245. — EDN GZEBFL.
6. Власов, Н. А. Образы российских панславистов в Германской империи 1880-х годов / Н. А. Власов, Е. А. Колосков // Научный диалог. — 2024. — Т. 13, № 6. — С. 322–343. — DOI 10.24224/2227-1295-2024-13-6-322-343. — EDN NCTGGS.
7. Гуань, Ш. Мультимодальные метафора и метонимия в формировании образа страны (на материале политических карикатур) / Ш. Гуань, Ю. Сунь // Russian Journal of Linguistics. — 2023. — Т. 27, № 2. — С. 444–467. — DOI 10.22363/2687-0088-31664. — EDN MEFURT.
8. Дадаян, Д. С. Современные российско-пакистанские отношения / Д. С. Дадаян // Социально-гуманитарные знания. —

2020. — № 2. — С. 278–286. — DOI 10.34823/SGZ.2020.2.51349. — EDN QWVUTE. — <https://elibrary.ru/item.asp?id=42692071> (дата обращения: 16.11.2025).

9. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь) : учеб. пособие / Т. Г. Добросклонская. — Москва : Флинта : Наука, 2008. — ISBN 978-5-9765-0273-4. — EDN QTPFSV.

10. Евгеньева, Т. В. «Свои» и «чужие»: образы зарубежных государств в контексте восприятия России ее гражданами / Т. В. Евгеньева, З. Р. Усманова // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. — 2018. — № 2. — С. 57–75. — EDN YTYMUH.

11. Каменев, С. Н. Российско-пакистанские отношения: проблемы и перспективы / С. Н. Каменев // Азия и Африка сегодня. — 2013. — № 9 (674). — С. 22–29. — EDN RDPPT.

12. Каменев, С. Н. Российско-пакистанские отношения: нынешнее состояние и перспективы развития / С. Н. Каменев // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. — 2014. — № 8. — С. 513–529. — EDN SITBZX.

13. Кошкарлова, Н. Н. Образ России в китайских СМИ / Н. Н. Кошкарлова, И. О. Мукушев // Политическая лингвистика. — 2021. — № 3. — С. 87–100. — DOI 10.26170/1999-2629_2021_03_08. — EDN VNLVGT.

14. Морозов, В. М. Актуальное состояние российско-пакистанских отношений / В. М. Морозов, Е. О. Шебалина // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2022. — Т. 12, № 1(82). — С. 196–203. — DOI 10.35775/PSI.2022.82.1.022. — EDN CWLQWB.

15. Никольская, М. В. «Ага-хан, страны Восточной Африки и образ России: некоторые аспекты деятельности АКДН / М. В. Никольская, В. В. Виноградов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2025. — Т. 25, № 2. — С. 267–283. — DOI 10.22363/2313-0660-2025-25-2-267-283. — EDN OJFZLT.

16. Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты : моногр. / Е. В. Дзюба, С. А. Ерёмина, В. Ю. Миков [и др.] ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2019. — 208 с. — ISBN 978-5-7186-1243-1. — EDN CJJWNQ.

17. Селезнева, А. В. Образы стран славянского мира в сознании российских граждан (на примере Украины и Белоруссии) / А. В. Селезнева, Н. В. Смутькина // Русин. — 2018. — № 4 (54). — С. 352–371. — DOI 10.17223/18572685/54/21. — EDN YTGQST.

18. Серенко, И. Н. Перспективы российско-пакистанского экономического сотрудничества / И. Н. Серенко // Восточная аналитика. — 2020. — № 2. — С. 68–78. — DOI 10.31696/2227-5568-2020-02-068-078. — EDN TOWZLX.

19. Серенко, И. Н. Вхождение России в «Пакистанский поток» в русле взаимовыгодного экономического сотрудничества / И. Н. Серенко // Восточная аналитика. — 2022. — № 1. — С. 36–47. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vkhozhdenie-rossii-v-pakistanskiy-potok-v-rusle-vzaimovыgodnogo-ekonomicheskogo-sotrudnichestva> (дата обращения: 16.11.2025)

20. Серенко, И. Н. Восприятие российско-украинского конфликта в Пакистане и его последствия для страны / И. Н. Серенко // Восточная аналитика. — 2023. — Т. 14, № 2. — С. 154–162. — DOI 10.31696/2227-5568-2023-02-154-162. — EDN ERCOIG.

21. Солопова, О. А. Метафорический образ будущего России в неинституциональном политическом интернет-дискурсе КНР / О. А. Солопова, Э. В. Будаев, А. В. Бойко // Политическая лингвистика. — 2020. — № 6 (84). — С. 96–107. — DOI 10.26170/pl20-06-10. — EDN NNCCZU.

22. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. — 238 с. — ISBN 5-7186-0277-8.

23. Чунихина, Т. Н. Формирование медийного образа страны в СМИ / Т. Н. Чунихина, Н. В. Круглик // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2024. — № 4. — С. 83–88. — DOI 10.23672/SAE.2024.4.4.036. — EDN NQWXNW. — URL: https://online-science.ru/userfiles/file/chunihina_t_n_kruglik_n_v_nomer4-2024_00hsig8bl3.pdf (дата обращения: 16.11.2025).

24. Vorobyev, A. Russia, Pakistan and Uzbekistan: new transport projects in Eurasia and the development of multilateral economic / A. Vorobyev // Eastern Analytics. — 2021. — No. 3. — P. 29–36. — DOI 10.31696/2227-5568-2021-02-029-036. — EDN TEJXOC.

MATERIALS

1. Kubryakova, E. S., et al. (1996). *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* = A concise dictionary of cognitive terms. Moscow: Moscow State University Press.

2. Tashkentskaya deklaratsiya pyatnadsatletiya Shankhayskoi organizatsii sotrudnichestva = Tashkent Declaration on the Fifteenth Anniversary of the Shanghai Cooperation Organisation. Available at November 10, 2025 from <https://rus.sectsco.org/images/07e8/0b/1c/1604087.pdf>.

3. Daily Pakistan. Available at November 10, 2025 from <https://dailypakistan.com.pk/>.

REFERENCES

1. Bakanova, M. V. (2024). Razvitiye rossiisko-orientirovannogo obrazovaniya v Pakistane i perspektivy mezhdunarodnogo gumanitarnogo sotrudnichestva = Development of Russia-oriented education in Pakistan and prospects of international humanitarian cooperation. *Bulletin of the Russian Nation*, 3(96), 93–100. EDN GLAIVG.

2. Boldyrev, N. N. (2000). *Kognitivnaya semantika* = Cognitive semantics. Tambov: Tambov State University Press.

3. Budaev, E. V., Solopova, O. A., Zaripov, R. I., Boiko, A. V. (2021). *Metaforicheskiy obraz budushchego Rossii v zarubezhnykh SMI* = The metaphorical image of Russia's future in foreign mass media. St. Petersburg: Naukoemkie tekhnologii. ISBN 978-5-6045558-9-7. EDN KPMMAO.

4. Wang, Ch. (2024). *Obraz Rossii v gazete "Khuantsyu shibao (Global Times)"* = The image of Russia in the Huanqiu Shibao newspaper. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 18(2), 135–142. DOI 10.17072/2218-1067-2024-2-135-142. EDN HGCRAO.

5. Vasilyeva, L. A. (2024). *Kul'turnyi faktor v razvitiy rossiisko-pakistanskikh otnoshenii* = The cultural factor in Russia—Pakistan relations. *Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*, 1(27), 233–245. DOI 10.31696/2618-7302-2024-1-233-245. EDN GZEBFL.

6. Vlasov, N. A., Koloskov, E. A. (2024). *Obrazy rossiiskikh panslavistov v Germanskoi imperii 1880-kh godov* = Images of Russian Panslavists in the German Empire of the 1880s. *Scientific Dialogue*, 13(6), 322–343. DOI 10.24224/2227-1295-2024-13-6-322-343. EDN NCTGGS.

7. Guan, S., Sun, Y. (2023). *Multimodal'nye metafora i metonimiya v formirovaniy obraza strany* = Multimodal metaphor and metonymy in the formation of a country image. *Russian Journal of Linguistics*, 27(2), 444–467. DOI 10.22363/2687-0088-31664. EDN MEFURT.

8. Dadayan, D. S. (2020). *Sovremennye rossiisko-pakistanskije otnosheniya* = Modern Russia—Pakistan relations. *Social and Humanitarian Knowledge*, 2, 278–286. DOI 10.34823/SGZ.2020.2.51349. EDN QWVUTE. Available at November 16, 2025 from <https://elibrary.ru/item.asp?id=42692071>.

9. Dobrosklonskaya, T. G. (2008). *Medialingvistika: sistemnyi podkhod k izucheniyu yazyka SMI (sovremennaya angliiskaya mediarech')* = Medialinguistics: A systematic approach to studying media language. Moscow: Flinta; Nauka. ISBN 978-5-9765-0273-4. — EDN QTPFSV.

10. Evgen'eva, T. V., Usmanova, Z. R. (2018). *“Svoi” i “chuzhie”: obrazy zarubezhnykh gosudarstv v kontekste vospriyatiya Rossii ee grazhdanami* = “Ours” and “theirs”: Images of foreign states in the context of Russians' perception of their country. *Bulletin of Moscow University. Series 12, Political Sciences*, 2, 57–75. EDN YTYMUH.

11. Kamenev, S. N. (2013). *Rossiisko-pakistanskije otnosheniya: problemy i perspektivy* = Russia—Pakistan relations: Issues and prospects. *Asia and Africa Today*, 9(674), 22–29. EDN RDPPT.

12. Kamenev, S. N. (2014). *Rossiisko-pakistanskije otnosheniya: nyneshnee sostoyanie i perspektivy razvitiya* = Russia—Pakistan relations: Current state and development prospects. *Islam in the Near and Middle East*, 8, 513–529. EDN SITBZX.

13. Koshkarova, N. N., Mukushev, I. O. (2021). *Obraz Rossii v kitaiskikh SMI* = The image of Russia in Chinese media. *Political Linguistics*, 3, 87–100. DOI 10.26170/1999-2629_2021_03_08.

14. Morozov, V. M., Shebalina, E. O. (2022). Aktual'noe sostoyanie rossiisko-pakistanskikh otnoshenii = Current state of Russia—Pakistan relations. *Issues of National and Federal Relations*, 12(1), 196–203. DOI 10.35775/PSI.2022.82.1.022. EDN CWLGWB.
15. Nikolskaia, M. V., Vinogradov, V. V. (2025). Aga-Khan, strany Vostochnoi Afriki i obraz Rossii: nekotorye aspekty deyatelnosti AKDN = Aga Khan, East African nations and the image of Russia: Some aspects of AKDN activities. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*, 25(2), 267–283. DOI 10.22363/2313-0660-2025-25-2-267-283. EDN OJFZLT.
16. Dzyuba, E. V., Eryomina, S. A., Mikov, V. Yu. et al. (2019). Obraz Rossii v mezhdunarodnom obrazovatel'nom diskurse: lingvokognitivnyi i lingvodidakticheskie aspekty = The image of Russia in international educational discourse: Linguocognitive and linguodidactic aspects. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. ISBN 978-5-7186-1243-1. EDN CJJWNQ.
17. Seleznyeva, A. V., Smulkina, N. V. (2018). Obrazy stran slavyanskogo mira v soznanii rossiiskikh grazhdan = Images of Slavic countries in the perception of Russian citizens. *Rusin*, 4(54), 352–371. DOI 10.17223/18572685/54/21. EDN YTGQST.
18. Serenko, I. N. (2020). Perspektivy rossiisko-pakistanskogo ekonomicheskogo sotrudnichestva = Prospects for Russia—Pakistan economic cooperation. *East Analytics*, 2, 68–78. DOI 10.31696/2227-5568-2020-02-068-078. EDN TOWZLX.
19. Serenko, I. N. (2022). Vkhodzenie Rossii v "Pakistanskii potok" v rusle vzaimovыgodnogo ekonomicheskogo sotrudnichestva = Russia's inclusion into the "Pakistan Stream" within mutually beneficial economic cooperation. *East Analytics*, 1, 36–47. Available at November 16, 2025 from <https://cyberleninka.ru/article/n/vkhodzenie-rossii-v-pakistanskii-potok-v-rusle-vzaimovыgodnogo-ekonomicheskogo-sotrudnichestva>.
20. Serenko, I. N. (2023). Vospriyatie rossiisko-ukrainskogo konflikta v Pakistane i ego posledstviya = Pakistan's perception of the Russia—Ukraine conflict and its consequences. *East Analytics*, 14(2), 154–162. DOI 10.31696/2227-5568-2023-02-154-162. EDN ERCOIG.
21. Solopova, O. A., Budaev, E. V., Boiko, A. V. (2020). Metaforicheskie obrazy budushchego Rossii v neinstitutsional'nom politicheskom internet-diskurse KNR = Metaphorical image of Russia's future in non-institutional political internet discourse in China. *Political Linguistics*, 6(84), 96–107. DOI 10.26170/pl20-06-10.
22. Chudinov, A. P. (2001). Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991–2000) = Russia in the metaphorical mirror: A cognitive study of political metaphor (1991–2000). Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. ISBN 5-7186-0277-8.
23. Chunikhina, T. N., Kruglik, N. V. (2024). Formirovaniye mediinogo obraza strany v SMI = Formation of the media image of a country in the mass media. *Humanitarian, socio-economic and social sciences*, 4, 83–88. DOI 10.23672/SAE.2024.4.4.036. EDN NQWXNW.
24. Vorobyev, A. (2021). Russia, Pakistan and Uzbekistan: New transport projects in Eurasia and the development of multilateral economic cooperation. *Eastern Analytics*, 3, 29–36. DOI 10.31696/2227-5568-2021-02-029-036. EDN TEJXOC.

Политическая лингвистика. 2025. № 6 (114).
Political Linguistics. 2025. No 6 (114).

УДК 811.111'42+811.111'38+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.6 (Германские языки)

Карина Владимировна Ершова

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, karmailru@mail.ru, SPIN-код: 1107-2878

Дискурсивное конструирование «нормы» и «крайности»: анализ Telegram-канала Риши Сунака в контексте теории «Окна Овертона»

АННОТАЦИЯ. Современное политическое пространство характеризуется борьбой за формирование общественного мнения через дискурс, конструирующий смыслы и социальные реальности. Концепция «Окна Овертона», описывающая диапазон приемлемых идей, остается недостаточно изученной в академическом анализе, особенно на новых медиа-платформах, таких как Telegram. Статья исследует лингвистические стратегии дискурсивного конструирования «нормы» и «крайности», выявляя механизмы трансформации общественных ценностей и манипулирования сознанием.

Настоящая статья посвящена исследованию лингвистических механизмов, посредством которых осуществляется дискурсивное конструирование «нормы» и «крайности» в политическом пространстве, и их воздействия на динамику Окна Овертона. Целью данного исследования является выявление и систематизация языковых инструментов, используемых в Telegram-публикациях Риши Сунака для формирования восприятия идей как приемлемых («нормы») или, напротив, маргинальных («крайности») в политическом пространстве Великобритании. Особое внимание уделяется анализу того, как выбор лексики, синтаксических конструкций, метафорических моделей и риторических приемов в его постах способствует смещению границ общественной приемлемости и включению ранее «крайних» идей в мейнстрим политического дискурса.

Актуальность данного исследования обусловлена возрастающей ролью информации и коммуникации в формировании политической повестки дня, а также необходимостью критического осмысления языковых практик, формирующих наше восприятие политической реальности. Изучение лингвистических аспектов трансформации «нормы» и «крайности» в рамках концепции Окна Овертона позволит глубже понять механизмы социального и политического влияния, а также повысить медиаграмотность аудитории, делая ее менее восприимчивой к неявным манипулятивным техникам. В рамках статьи будет представлен обзор существующих подходов к изучению данной проблемы, а также проведен анализ эмпирического материала, иллюстрирующего исследуемые лингвистические механизмы, что позволит выделить ключевые лингвистические стратегии, используемые Р. Сунаком в своем Telegram-канале для позиционирования правительственных инициатив как «нормы», а также для представления альтернативных взглядов как «крайних» или маргинальных.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: окно Овертона, окно дискурса, образ политика, Риши Сунак, фреймирование, лингвистические стратегии, лингвистические механизмы, политический дискурс, политическая лингвистика, английский язык, Интернет, интернет-пространство, интернет-коммуникация, интернет-технологии, интернет-дискурс, интернет-тексты, социальные сети, интернет-ресурсы, языковые средства.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ершова Карина Владимировна, аспирантка кафедры зарубежной филологии, Ивановский государственный университет; 153025, Россия, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39, email: karmailru@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ершова, К. В. Дискурсивное конструирование «нормы» и «крайности»: анализ Telegram-канала Риши Сунака в контексте теории «Окна Овертона» / К. В. Ершова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 6 (114). — С. 76–84.

Karina V. Ershova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, karmailru@mail.ru, SPIN code: 1107-2878

Discursive Construction of the “Norm” and “Extreme”: An Analysis of the Telegram Channel of Rishi Sunak in the Context of the Theory of Overton Window

ABSTRACT. The modern political space is characterized by the struggle for the formation of public opinion through discourse that constructs meanings and social realities. The Overton Window conception, which describes a range of acceptable ideas, remains understudied in academic analysis, especially on new media platforms such as Telegram. The article explores linguistic strategies of discursive construction of “norms” and “extremes”, revealing mechanisms of transformation of social values and manipulation of consciousness.

This study investigates the linguistic mechanisms used to carry out the discursive construction of “norm” and “extreme” in the political sphere and their impact on the dynamics of the Overton Window. The research aims to identify and systematize the linguistic tools employed in Rishi Sunak's Telegram posts to shape the perception of ideas as acceptable (“norm”) or marginal (“extreme”) within the UK political context. Particular attention is paid to how choice of vocabulary, syntactic constructions, metaphorical models, and rhetorical devices in his posts contributes to shifting the boundaries of public acceptability and including previously “extreme” ideas into the mainstream political discourse.

The relevance of this study stems from the growing role of information and communication in shaping political agendas, as well as the need for critical analysis of linguistic practices that influence our perception of political reality. Exploring the

© Ершова К. В., 2025

linguistic aspects of transformation of “norm” and “extreme” within the framework of the Overton Window will deepen our understanding of social and political influence mechanisms and enhance media literacy, making audiences less susceptible to indirect manipulative techniques. The article provides a review of the existing approaches to this issue and conducts an analysis of the empirical material illustrating the linguistic mechanisms under study. This analysis can reveal the key linguistic strategies used by Sunak on his Telegram channel to position government initiatives as “normal” and to frame alternative views as “extreme” or marginal.

KEYWORDS: *The Overton Window, discourse window, image of a politician, Rishi Sunak, framing, linguistic strategies, linguistic mechanisms, political discourse, political linguistics, English language, Internet, Internet space, Internet communication, Internet technologies, Internet discourse, Internet texts, social networks, Internet resources, linguistic means.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Ershova Karina Vladimirovna, Post-Graduate Student of Department of Foreign Philology, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.*

FOR CITATION: *Ershova K. V. (2025). Discursive Construction of the “Norm” and “Extreme”: An Analysis of the Telegram Channel of Rishi Sunak in the Context of the Theory of Overton Window. In Political Linguistics. No 6 (114), pp. 76-84. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Понятия «окно Овертона» и «окно дискурса» имеют единое происхождение, хотя область применения их может различаться. Концепция «окна Овертона» тесно связана с Джоозефом Овертоном. Для Овертона «окно» представляло собой прагматичную рамку для верификации политических нарративов по шкале их восприимчивости к открытому общественному разбирательству¹. Фундаментальная идея заключалась в том, что интеллектуальные центры, функционирующие как эмиттеры политических стратегий, призваны осуществлять просветительскую миссию, адресованную как представителям власти, так и рядовым гражданам. Эта миссия заключается в модификации «окна» общественных ожиданий и предпочтений путем активизации гражданского участия в процессе артикуляции и оценки политических инициатив.

Позже Джошуа Тревиньо, известный публицист и политик, развил исходную концепцию Овертона, переосмыслив ее в качестве модели, направленной на имплантацию идей в общественный дискурс и их последующую институализацию как нормы. Согласно его видению, интеллектуальные центры несут ответственность за эту проактивную

идеологическую инфильтрацию, используя «окно Овертона» как визуальный фрейм для отслеживания вектора движения идей и оценки эффективности своих кампаний [Парма 2024]. Эта модель, по его мнению, универсальна и применима как консервативными, так и либеральными акторами. Ключевым вкладом Тревиньо стало создание в 2006 г. шестиуровневой шкалы, позволяющей категоризировать идеи по степени их инклюзии в публичное обсуждение. Он также подчеркивал, что манипулирование конфигурацией «окна» может стать инструментом для преднамеренного формирования общественного согласия.

Понятие «окна дискурса» (Discourse Window), хоть и не столь широко формализованное, как «окно Овертона», является фундаментальным для понимания того, как конструируются смыслы и формируется общественное восприятие в различных коммуникативных сферах. В наиболее общем смысле, окно дискурса представляет собой динамический диапазон идей, тем, лексических единиц и способов их репрезентации, которые считаются социально приемлемыми, легитимными и актуальными для обсуждения в рамках определенного контекста (политического, научного, культурного) в

Окно Овертона

Рис. 1

¹ <https://www.webcitation.org/6d4m4wBfs?url=http://www.mackinac.org/OvertonWindow> (date of access: 20.07.2025).

конкретный момент времени. Это, по сути, лингвистически и прагматически обусловленные рамки допустимого в коммуникации, определяющие, какие утверждения могут быть высказаны без немедленного отторжения, игнорирования или обвинения в радикальности. Авторство данного феномена невозможно отдать только одному ученому, так как есть множество ученых, работающих с идеей границ дискурса.

Исследователи, работающие в русле археологии знания Мишеля Фуко, подчеркивали, как дискурсивные формации (*discursive formations*) определяют не только то, *что* может быть сказано, но и *кто* имеет право говорить и *каким образом* эти высказывания будут интерпретированы. Фуко утверждал, что дискурсивные правила структурируют поле возможного знания и выражения, тем самым формируя неявные границы того, что попадает в «окно» приемлемого. Его работы заложили основу для понимания дискурса как системы, которая активно регулирует доступ к смыслопорождению [Фуко 2004].

Сходные идеи можно найти и в теории речевых актов (*Speech Act Theory*), разработанной Дж. Л. Остином (1962) и Джоном Серлем (1962). Их исследования показывают, что высказывания — это не только описание реальности, но и действия, направленные на достижение определенных целей. Выбор того или иного речевого акта (например, обвинение, предложение, критика) может быть более или менее приемлемым в зависимости от контекста и существующих дискурсивных норм. Таким образом, прагматические ограничения, диктуемые «окном дискурса», напрямую влияют на эффективность и допустимость различных речевых стратегий.

Более поздние работы, например, в области критического дискурс-анализа, развиваемого такими учеными, как Норман Фэркло (1995), акцентируют внимание на том, как власть и идеология формируют и поддерживают эти «окна дискурса». Фэркло показывает, что доминирующие дискурсивные практики часто стабилизируют определенные способы мышления и интерпретации, одновременно маргинализируя альтернативные перспективы. В этом контексте окно дискурса выступает как инструмент социального контроля и формирования консенсуса, который может быть как неосознанно принят, так и целенаправленно использован для продвижения определенных интересов.

Таким образом, «окно дискурса» — это не просто пассивное отражение обществен-

ных настроений, а активно конструируемая и поддерживаемая система ограничений и возможностей в коммуникации, которая определяет, какие идеи циркулируют, как они формулируются и насколько они «допустимы» для публичного рассмотрения. В данной работе «окно дискурса» рассматривается как лингвистическое поле, в котором действуют стратегии конструирования смыслов, в то время как «окно Овертона» используется как концептуальная модель для оценки потенциального воздействия этих стратегий на общественную приемлемость политических идей.

Для позиционирования настоящего исследования в более широком академическом контексте важно отметить, что анализ политического дискурса в социальных сетях уже привлек значительное внимание ученых, особенно в отношении лидеров, активно использующих цифровые платформы для формирования общественного мнения. Например, работы, посвященные дискурсивным стратегиям Дональда Трампа в Twitter, подчеркивают, как использование провокационной лексики, прямых обращений и поляризирующих нарративов способствует смещению границ приемлемого в политическом дискурсе [Ott 2017; Kreis 2017]. Исследование Ott (2017) показывает, что стиль коммуникации Трампа, характеризующийся эмоциональностью и нарушением традиционных норм политической риторики, эффективно расширяет «окно дискурса», включая в публичное обсуждение ранее маргинализированные темы. Аналогично, Kreis (2017) акцентирует внимание на том, как риторические приемы Трампа в социальных сетях создают эффект «аутентичности», усиливая восприятие его идей как близких к «народным» ценностям, что также влияет на динамику общественного консенсуса.

Кроме того, исследования дискурса других мировых лидеров, таких как Нарендра Моди в Индии, демонстрируют, как социальные сети используются для конструирования националистических нарративов и легитимации политических решений через эмоционально заряженные метафоры и апелляции к коллективной идентичности¹. Эти работы подчеркивают универсальность социальных медиа как инструмента управления «окном дискурса» в различных культурных и политических контекстах. В то же время анализ коммуникации Эммануэля Макрона в Twitter выявил стратегии, направленные на создание образа «рационального лидера» через использование формальной лексики и ак-

¹ Pal J., Bozarth L. Crafting nationalism through social media: Narendra Modi's digital discourse // International Journal of Communication. 2020. No 14. P. 4159–4178.

цент на экспертности, что контрастирует с более популистскими подходами других политиков¹.

Настоящая работа вписывается в этот исследовательский контекст, дополняя его уникальным кейсом анализа Telegram-публикаций Риши Сунака. В отличие от изучения Twitter-коммуникации Трампа или Моди, где акцент часто делается на эмоциональной мобилизации и поляризации, данное исследование фокусируется на более тонких лингвистических механизмах, таких как выбор лексики и метафорических моделей, используемых для позиционирования идей в рамках «нормы» или «крайности» в британском политическом дискурсе. Кроме того, использование Telegram как платформы, менее изученной в контексте политической коммуникации по сравнению с Twitter или Facebook², добавляет оригинальности данному анализу, подчеркивая необходимость изучения новых цифровых пространств в формировании общественного восприятия.

Для достижения цели настоящего исследования, заключающейся в выявлении и систематизации языковых инструментов, используемых в Telegram-публикациях Риши Сунака для формирования восприятия идей как приемлемых («нормы») или маргинальных («крайности») в политическом пространстве Великобритании, был применен комплексный методологический подход, сочетающий качественные и количественные методы анализа. Методология исследования базируется на принципах критического дискурс-анализа (CDA), дополненного элементами контент-анализа и корпусной лингвистики, что позволяет рассмотреть как содержательные, так и формальные аспекты политической коммуникации в социальных сетях. Ниже представлены ключевые этапы и методы, использованные в рамках данной работы.

1. СБОР ДАННЫХ

Эмпирической базой исследования послужили публикации Риши Сунака в его официальном Telegram-канале за период с октября 2022 г. (момент вступления в должность премьер-министра Великобритании) по октябрь 2023 г. Выбор данного временного интервала обусловлен необходимостью анализа дискурса в период активного политического лидерства, когда коммуникационные стратегии наиболее интенсивно направлены на формирование общественного мне-

ния. Всего было собрано 250 постов, включающих текстовые сообщения, а также сопроводительные элементы, такие как эмодзи и ссылки, которые также учитывались при интерпретации контекста. Данные были извлечены с использованием автоматизированных инструментов для экспорта сообщений из Telegram с последующей ручной проверкой на предмет полноты и точности.

Аналитическая рамка исследования опирается на концепции «окна Овертона» и «окна дискурса», которые используются для оценки того, как лингвистические стратегии способствуют смещению границ общественной приемлемости. В качестве основного методологического подхода был выбран критический дискурс-анализ (CDA) в интерпретации Нормана Фэркло [Fairclough 1995], который фокусируется на взаимосвязи между языком, властью и идеологией. Этот подход позволяет выявить, как через выбор лексики, синтаксических конструкций и риторических приемов конструируются определенные представления о «норме» и «крайности». Кроме того, для интерпретации метафорических моделей применялась теория концептуальной метафоры Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона [Lakoff, Johnson 1980], что дало возможность проанализировать скрытые идеологические подтексты в сообщениях Сунака.

Этапы анализа

Исследование проводилось в несколько этапов, каждый из которых был направлен на изучение различных аспектов дискурса:

- Контент-анализ для выявления тематических категорий: на первом этапе все публикации были закодированы по основным темам (например, экономическая политика, здравоохранение, миграция, национальная безопасность) с целью определения приоритетных направлений коммуникации. Это позволило установить, какие вопросы Сунак стремится позиционировать как центральные для общественного обсуждения, а какие — как периферийные или маргинальные. Для кодирования использовалась предварительно разработанная схема категорий, которая корректировалась в процессе анализа на основе эмпирических данных.

- Лексико-семантический анализ: на втором этапе исследовалась лексика, используемая для описания политических инициатив и альтернативных позиций. Особое внимание уделялось оценочной лексике (например, «разумный», «экстремистский», «непри-

¹ Gounin L., Pina C. Digital diplomacy and political communication: Emmanuel Macron's Twitter strategy // French Politics. 2019. No 17 (3). P. 289–310.

² Соцсеть, чья деятельность запрещена в РФ. Принадлежит компании «Meta», признанной в РФ экстремистской организацией и запрещенной.

емлемый»), которая сигнализирует о принадлежности идей к «норме» или «крайности». Для количественного анализа частотности ключевых слов применялись инструменты корпусной лингвистики, такие как программа *AntConc*, что позволило выявить доминирующие лексические паттерны.

- Анализ риторических и метафорических стратегий: на третьем этапе изучались риторические приемы (например, повторение, контраст, апелляция к эмоциям) и метафорические модели, используемые для формирования восприятия идей. Например, метафоры войны («борьба с кризисом») или пути («движение вперед») анализировались с точки зрения их влияния на восприятие аудиторией тех или иных инициатив как неизбежных или естественных. Этот этап проводился вручную с использованием качественного подхода для интерпретации контекста и подтекста сообщений.

- Прагматический анализ речевых актов: на заключительном этапе исследовались речевые акты, реализуемые в публикациях (по классификации Дж. Серля [Searle 1969]), такие как утверждения, директивы (призывы к действию), экспрессивы (выражение эмоций). Это позволило оценить, как Сунак использует язык для убеждения, мобилизации или маргинализации определенных идей, а также как эти акты соотносятся с динамикой «окна дискурса».

Результаты анализа интерпретировались в рамках концепции «окна Овертона», чтобы определить, способствуют ли выявленные лингвистические стратегии смещению границ общественной приемлемости. Особое внимание уделялось тому, как язык используется для легитимации правительственных инициатив (позиционирование как «нормы») и дискредитации оппозиционных взглядов (позиционирование как «крайности»). Для обеспечения объективности интерпретации данные анализировались двумя исследователями независимо, после чего результаты обсуждались для достижения консенсуса.

Несмотря на комплексный подход, данное исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, анализ ограничен публикациями в Telegram, что не позволяет в полной мере учесть другие каналы коммуникации Сунака (например, выступления в парламенте или интервью в СМИ), которые также могут влиять на формирование общественного мнения. Во-вторых, Telegram как платформа имеет специфическую аудиторию, что может сказываться на характере сообщений и их восприятии. Наконец, качественный характер анализа, особенно в части интерпретации

метафор и риторических приемов, неизбежно включает элемент субъективности, несмотря на усилия по минимизации этого фактора через межисследовательскую проверку.

2. АНАЛИЗ ПУБЛИКАЦИЙ РИШИ СУНАКА В СЕТИ TELEGRAM

Современная политика неразрывно связана с дискурсивным конструированием реальности. В этой парадигме, политическое пространство воспринимается не как статичная арена, а как динамически формируемая сфера смыслов, где идеи, ценности и социальные нормы постоянно подвергаются интерпретации, трансформации и борьбе за легитимацию. Ключевую роль в этом процессе играет язык, выступающий не только как средство коммуникации, но и как главный инструмент формирования общественного сознания и конструирования «нормы» и «крайности».

С появлением новых медиаплатформ, Telegram-каналы заняли уникальное место в современной политической коммуникации. Они предоставляют политикам и их командам прямой, нефильтранный канал связи с аудиторией, позволяя оперативно транслировать сообщения, обходя традиционные медиафильтры. Это создает особую среду для дискурсивного конструирования. В контексте Telegram, где форматы сообщений могут варьироваться от лаконичных текстов до более развернутых постов с мультимедийным контентом, лингвистические стратегии приобретают особую значимость. Краткость и оперативность публикаций могут способствовать усилению эмоционального воздействия и прямому формированию «нормы» или, наоборот, дискредитации «крайности» без необходимости детальной аргументации.

В данной статье мы сосредоточимся на анализе публикаций Риши Сунака в его официальном Telegram-канале. Мы предполагаем, что его публичные сообщения, транслируемые через эту платформу, демонстрируют специфические лингвистические механизмы, направленные на дискурсивное конструирование «нормы» и «крайности» в рамках британского политического пространства. Анализируя, как Риши Сунак использует язык для позиционирования собственных инициатив как «нормальных» и легитимных, а политических оппонентов или альтернативных взглядов — как «крайних» или неприемлемых, мы стремимся выявить, как эти стратегии воздействуют на динамику Окна Овертона. Особое внимание будет уделено тому, каким образом особенности Telegram-формата (краткость, прямота, возможность использования эмодзи и мультимедиа) усиливают или трансформи-

руют традиционные лингвистические механизмы воздействия в политическом дискурсе.

Данный раздел посвящен лингвистическому анализу отобранных Telegram-публикаций Риши Сунака с целью выявления механизмов дискурсивного конструирования «нормы» и «крайности» и их потенциального воздействия на Окно Овертона. Анализ сосредоточен на том, как премьер-министр использует язык для легитимации собственных политических инициатив и позиционирования альтернативных взглядов или оппонентов как менее приемлемых.

1. Позиционирование собственных инициатив как «нормы»: стратегии легитимации и рационализации

Риши Сунак активно использует ряд лингвистических стратегий для представления своих действий и политических приоритетов как естественных, необходимых и соответствующих общественным ожиданиям.

1.1. Акцент на «доставку» (delivery) и «лучшее будущее» (better future):

- «I'm working hard to deliver on your priorities and build a better future for our children and grandchildren».
- «Let's run through another week of delivery».
- «Building a better future means ensuring our kids are not exposed to harmful products like vapes...»
- «A better future is also one that is more secure».

Глагол «deliver» в контексте политической коммуникации несет значение не просто выполнения обещаний, но и активного, почти материального предоставления результатов, что ассоциируется с конкретными достижениями. Это слово создает метафорическую рамку, в которой политическая деятельность сравнивается с процессом доставки товаров или услуг — процессом, который воспринимается как надежный, ожидаемый и ориентированный на потребности аудитории. Примеры, такие как **«I'm working hard to deliver on your priorities»** и **«Let's run through another week of delivery»**, подчеркивают личную вовлеченность Сунака («I'm working hard») и временную последовательность («another week»), что усиливает восприятие его работы как систематической и непрерывной.

Фраза «better future» функционирует как концептуальный ориентир, апеллирующий к универсальным ценностям — улучшению жизни, безопасности и благополучию будущих поколений. В высказываниях вроде **«Building a better future means ensuring our kids are not exposed to harmful products like vapes»** и **«A better future is also**

one that is more secure» эта фраза привязывается к конкретным инициативам (защита детей, повышение безопасности), что делает абстрактную цель более осязаемой и обоснованной. Это усиливает легитимность предлагаемых мер, представляя их как естественные шаги на пути к общепризнанному благу.

1.2. Фреймирование проблем как глобальных и требующих сотрудничества (с участием Великобритании в качестве лидера):

- «I'm meeting European leaders in Moldova today, putting tackling illegal migration top of the international agenda».
- «This global issue requires collaboration and the UK is taking the lead».
- «We meet again for the third time in a month for important and productive discussions about global security».
- «When it comes to AI, I know this is of particular concern. It's why the UK is leading work to ensure the right guardrails are in place for AI so that it helps grow the economy».
- «On every global problem, the UK and USA work side-by-side».
- «When the United States and the United Kingdom stand together, the world is a safer, better, and more prosperous place».

Такой подход позиционирует действия правительства как ответ на объективные, глобальные вызовы, а не как политически мотивированные решения. Фразы «global issue», «international agenda», «global security», «global problem» создают ощущение неизбежности и универсальности проблем. При этом акцент на «UK is taking the lead» и «UK and USA work side-by-side» помещает Великобританию (и лично премьер-министра) в роль ведущего, рационального актора, который формирует «норму» международного сотрудничества и поиска решений. Это позволяет легитимизировать инициативы, такие как соглашения по миграции или регулирование ИИ, как естественные шаги в ответ на объективные угрозы.

1.3. Использование позитивной лексики для описания политики: «productive discussions», «stand together in defence of freedom and sovereignty», «new support», «stop the boats» (как цель, а не как описание процесса), «plan is working», «leave no stone unturned to get it done», «new economic partnership for a new age».

Использование слов с положительной коннотацией (productive, support, freedom, sovereignty, working, done, new, partnership) формирует нарратив успеха и прогресса. Фраза «stop the boats» подается как активная цель, а не как констатация неудачи, подкрепляе-

мая статистикой («small boat arrivals are down 20%»). Уверенность в подаче, подкрепленная такими выражениями, как «leave no stone unturned», «under my leadership, we will stop the boats», укрепляет образ компетентного лидера, реализующего «норму» эффективного управления.

2. Дискурсивное конструирование «крайности» и маргинализация альтернатив

Хотя в представленных постах прямые атаки на оппонентов или явное маркирование их как «крайних» не столь выражены, можно выявить косвенные механизмы.

2.1. Фреймирование проблем, не решаемых «крайними» подходами:

- «this global issue requires collaboration» (контрастирует с односторонними или изоляционистскими подходами, которые могут быть восприняты как «крайние» в контексте международного сотрудничества).
- «We stand together in defence of freedom and sovereignty for the whole of Europe» (используется для противопоставления тем, кто, по мнению правительства, подрывает европейскую безопасность).
- «We cannot address the unprecedented threats at our borders without working closely with one another» (прямое противопоставление любым попыткам решить проблему миграции в изоляции).

Путем подчеркивания необходимости сотрудничества (collaboration, working closely with one another, stand together) и защиты «свободы и суверенитета» Сунак неявно маркирует любые иные подходы (например, односторонние действия, отказ от международного сотрудничества, или, возможно, радикальные пророссийские взгляды, упоминаемые в контексте Украины) как неэффективные, нерациональные и, следовательно, «крайние» с точки зрения решения глобальных проблем.

2.2. Конструирование «крайности» через описание вреда и рисков (Harm/Risk Framing): «harmful products like vapes that can have detrimental effects in later life», «rogue firms who unlawfully target our children with vapes», «ensure the right guardrails are in place for AI so that it helps grow the economy» (подразумевает, что отсутствие «guardrails» может привести к негативным последствиям, т. е. к «крайности» в развитии ИИ).

Описание вреда от «vapes» для детей или потенциальные риски, связанные с нерегулируемым развитием ИИ, используются для конструирования «крайности» через демонстрацию потенциальных негативных по-

следствий. Эти негативные сценарии, в свою очередь, легитимизируют действия правительства по «предотвращению» таких «крайностей» (например, путем введения новых мер или регулирования). Это стратегия, которая позволяет представить действия правительства как необходимые для защиты «нормы» (здоровье детей, безопасное развитие технологий) от «крайности» (вредные продукты, рискованный ИИ).

3. Реализация идей через «окно Овертона»

Лингвистические стратегии, используемые Риши Сунаком в Telegram, направлены на укрепление позиций его правительства в рамках уже существующего Окна Овертона, а также на постепенное смещение его границ:

- Нормализация ключевых тем: повторение тем миграции, безопасности, экономического роста и обороны Европы в контексте глобального сотрудничества и британского лидерства способствует тому, что эти вопросы и подходы к их решению становятся «нормой» в общественном и политическом дискурсе.

- Позиционирование как «разумного центра»: уверенная, позитивная лексика и акцент на сотрудничестве помогают представить правительство как рационального, ответственного и «центрального» игрока, в отличие от «крайних» позиций, которые либо игнорируются, либо косвенно дискредитируются.

- Легитимация конкретных мер: фреймирование проблем как глобальных и требующих сотрудничества, а также демонстрация вреда от «крайних» подходов, позволяет представить конкретные политические действия (например, миграционные соглашения, регулирование ИИ) как единственно возможные и рациональные ответы, тем самым смещая Окно Овертона в сторону их большей приемлемости.

- Эффективность Telegram-формата: краткость, прямота и эмоциональная окраска сообщений в Telegram усиливают эти механизмы. Утверждения о «доставке» и «лучшем будущем», подкрепленные статистикой или заверениями о лидерстве, воспринимаются как более убедительные и прямолинейные, чем в традиционных медиа. Это позволяет быстрее формировать желаемые представления о «норме» и «крайности».

На рис. 2 приведены данные о количестве упоминаний выбранных фраз в предоставленных текстах. Подсчет проводился вручную с учетом контекста, чтобы исключить неоднозначные случаи.

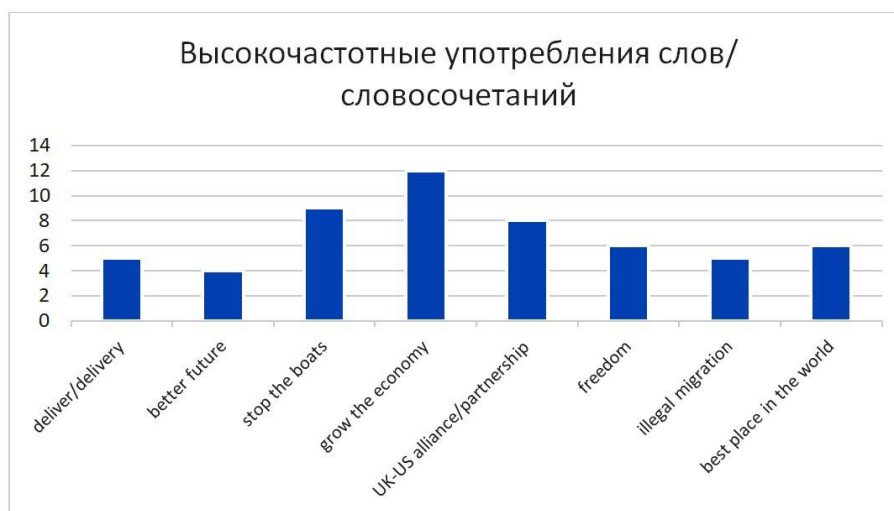

Рис. 2

ВЫВОДЫ

Анализ частотности ключевых фраз показывает, что коммуникационная стратегия Сунака в Telegram-публикациях направлена на создание устойчивого образа эффективного лидера, который решает приоритетные проблемы (миграция, экономика) и укрепляет международный статус Великобритании. Повторение фраз, таких как «grow the economy» и «stop the boats», способствует нормализации его политической повестки в рамках «окна дискурса», представляя инициативы как естественные и необходимые. В то же время акцент на ценностях («freedom», «better future») усиливает эмоциональное воздействие, связывая действия правительства с общепризнанными идеалами.

Telegram-публикации Риши Сунака демонстрируют целенаправленное использование лингвистических механизмов для дискурсивного конструирования «нормы» и «крайности». Через акцент на «доставке», «лучшем будущем», глобальном сотрудничестве с лидерством Великобритании, а также через косвенное противопоставление «крайним» подходам и фреймирование рисков премьер-министр стремится укрепить позиции своего правительства в политическом пространстве и, вероятно, сместить границы Окна Овертона в сторону большей приемлемости своих политических приоритетов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Володенков, С. В. Окно Овертона — манипулятивная матрица политического менеджмента / С. В. Володенков, С. Н. Федорченко // *Обозреватель*. — 2015. — № 4 (303). — С. 83–93. — EDN TORFBD.
2. Ерохина, О. В. Инфокоммуникационные технологии для управления общественным мнением / О. В. Ерохина // *Власть*. — 2021. — Т. 29. — № 4. — С. 49–54. — EDN SLSKIV.
3. Лазарсфельд, П. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие : пер. с англ. / П. Лазарсфельд, Р. Мертон // *Массовая коммуникация в со-*

временном мире / М. М. Назаров. — Москва : Аванти Плюс, 2004. — С. 138–149.

4. Парма, Р. В. Расширение поля применения технологии «окно политических возможностей» / Р. В. Парма // *Власть*. — 2024. — № 5. — DOI 10.24412/2071-5358-2024-5-43-51. — EDN MCMCQC.

5. Субачева, Е. Г. Речевой портрет Риши Сунака (на материале публичных выступлений 2023 года) / Е. Г. Субачева, М. А. Ангалаева // *Военно-филологический журнал*. — 2024. — № 1. — С. 40–48. — EDN OVLHZZ.

6. Фарвазетдинова, Д. Ф. Стратегии и тактики речевой манипуляции в выступлениях Риши Сунака / Д. Ф. Фарвазетдинова // *Гуманитарный научный вестник*. — 2024. — № 4. — С. 95–104. — DOI 10.5281/zenodo.11146223. — EDN GYTAUW.

7. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко ; пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой ; вступ. ст. А. С. Колесникова. — Санкт-Петербург : ИЦ «Гуманитарная академия» : Университетская книга, 2004. — 416 с. — ISBN 5-93762-034-8.

8. Цветкова, Н. А. Цифровая дипломатия и digital international relations: вызовы и новые возможности / Н. А. Цветкова, А. Н. Сытник, Т. А. Гришанина // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. — 2022. — Т. 15, № 2. — С. 174–196. — DOI 10.21638/spbu06.2022.204. — EDN QFKEIQ.

9. Austin, J. How To Do Things with Words / J. Austin. — Oxford, England : Oxford Univ. Pr., 1962. — 167 p.

10. Fairclough, N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language / N. Fairclough. — [S.l.] : Longman, 1995. — XII, 265 p. — ISBN 0-582-21984-1.

11. Kreis, R. The “tweet politics” of President Trump / R. Kreis // *Journal of Language and Politics*. — 2017. — Vol. 16, Iss. 4. — P. 607–618. — DOI 10.1075/jlp.17032.kre.

12. Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : University of Chicago Pr., 1980. — 256 p. — ISBN 0226468003, 9780226468006.

13. McAdam, D. Comparative Perspectives on Social Movements / D. McAdam, J. D. McCarthy, M. N. Zald // *Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings*. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1996. — 432 p.

14. Ott, B. L. The age of Twitter: Donald Trump and the politics of debasement / B. L. Ott // *Critical Studies in Media Communication*. — 2017. — Vol. 34. — Iss. 1. — P. 59–68. — DOI 10.1080/15295036.2016.1266686.

15. Searle, J. R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language / J. R. Searle. — [S.l.] : Cambridge Univ. Pr., 1969. — 264 p. — ISBN 521-07184-4.

16. Vishnu, Rankawat. Modi's digital diplomacy: A comprehensive analysis of social media as a political communication and governance tool / R. Vishnu // *International Journal of Political Science and Governance*. — 2023. — Vol. 5, Iss. 2. — P. 75–80. — DOI <https://doi.org/10.33545/26646021.2023.v5.i2b.258>.

REFERENCES

1. Volodenkov, S. V., Fedorchenko, S. N. (2015). Okno Overtona — manipulyativnaya matritsa politicheskogo menedzhmenta = The Overton Window — a Manipulative Matrix of Political Management. *Observer*, 4(303), 83–93. EDN TORFBD.
2. Erokhina, O. V. (2021). Infokommunikatsionnye tekhnologii dlya upravleniya obshchestvennym mneniem = Infocommunication Technologies for Managing Public Opinion. *Power*, 29(4), 49–54. EDN SLSKIV.
3. Lazarsfeld, P., Merton, R. (2004). Massovaya kommunikatsiya, massovye vkusy i organizovannoe sotsial'noe deystvie = Mass Communication, Mass Tastes, and Organized Social Action. Transl. from English. *Mass Communication in the Modern World* (Ed. M. M. Nazarov), 138–149. Moscow: Avanti Plyus.
4. Parma, R. V. (2024). Rasshirenie polya primeneniya tekhnologii «okno politicheskikh vozmozhnostey» = Expanding the Field of Application of the “Window of Political Opportunities” Technology. *Power*, 5. DOI 10.24412/2071-5358-2024-5-43-51. EDN MCMCQC.
5. Subacheva, E. G., Angalaeva, M. A. (2024). Rechevoy portret Rishi Sunaka (na materiale publichnykh vystupleniy 2023 goda) = Speech Portrait of Rishi Sunak (Based on Public Speeches in 2023). *Military Philological Journal*, 1, 40–48. EDN OVLHZZ.
6. Farvazetdinova, D. F. (2024). Strategii i taktiki rechevoy manipulyatsii v vystupleniyakh Rishi Sunaka = Strategies and Tactics of Speech Manipulation in the Speeches of Rishi Sunak. *Humanitarian Scientific Bulletin*, 4, 95–104. DOI 10.5281/zenodo.11146223. EDN GYTAUW.
7. Fuko, M. (2004). Arkheologiya znaniya = Archaeology of Knowledge (Transl. from Fr. M. B. Rakova, A. Yu. Serebryannikova; introduction by A. S. Kolesnikov). St. Petersburg: ITS «Gumanitarnaya akademiya», Universitetskaya kniga, 416 p. ISBN 5-93762-034-8.
8. Tsvetkova, N. A., Sytnik, A. N., Grishanina, T. A. (2022). Tsifrovaya diplomatiya i digital international relations: vyzovy i novye vozmozhnosti = Digital diplomacy and digital international relations: challenges and new opportunities. *Bulletin of St. Petersburg University. International relations*, 15(2), 174–196. DOI 10.21638/spbu06.2022.204. EDN QFKEIQ.
9. Austin, J. (1962). How To Do Things with Words. Oxford, England: Oxford Univ. Pr., 167 p.
10. Fairclough, N. (1995). Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. S.l.: Longman, XII, 265 p. ISBN 0-582-21984-1.
11. Kreis, R. (2017). The “tweet politics” of President Trump. *Journal of Language and Politics*, 16(4), 607–618. DOI 10.1075/jlp.17032.kre.
12. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). Metaphors We Live By. Chicago: Univ. of Chicago Pr., 256 p. ISBN 0226468003, 9780226468006.
13. McAdam, D., McCarthy, J. D., Zald, M. N. (1996). Comparative Perspectives on Social Movements. *Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings*. Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 432 p.
14. Ott, B. L. (2017). The age of Twitter: Donald Trump and the politics of debasement. *Critical Studies in Media Communication*, 34(1), 59–68. DOI 10.1080/15295036.2016.1266686.
15. Searle, J. R. (1969). Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. S.l.: Cambridge Univ. Pr., 264 p. ISBN 521-07184-4.
16. Vishnu, Rankawat (2023). Modi's digital diplomacy: A comprehensive analysis of social media as a political communication and governance tool. *International Journal of Political Science and Governance*, 5(2), 75–80. DOI <https://doi.org/10.33545/26646021.2023.v5.i2b.258>.

Политическая лингвистика. 2025. № 6 (114).
 Political Linguistics. 2025. No 6 (114).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+351.74
 ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Х401.133.1

ГРНТИ 16.41.21; 16.21.27

Код ВАК 5.9.8; 5.9.5; 5.1.3

Анастасия Игоревна Золотайко^{1✉}, Валерия Евгеньевна Нестерова^{2✉}

^{1,2} Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия

¹ liani@list.ru✉, SPIN-код: 8331-5420, <https://orcid.org/0000-0002-9513-7987> R

² karelan@mail.ru✉, SPIN-код: 4840-1914, <https://orcid.org/0000-0002-7467-0029>

Апелляция к абсолютным ценностям в процессе лингвистического моделирования образа полиции в газетном дискурсе

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена аспектам лингвистического моделирования мелиоративного и пейоративного образа правоохранительных органов России в газетном дискурсе через анализ доминирующих прагматических смыслов, апеллирующих к абсолютным ценностям в контексте деятельности полиции. Авторы, рассматривая характерные черты газетного дискурса, отмечают его акцентуацию на высокую значимость новостного события, которое становится актуальным именно в момент подачи информации реципиенту. Аксиологический аспект в контексте настоящего исследования неразрывно связан с оценочной интерпретацией содержания новостей. По запросу на лексемы «полиция», «полицейские» и «правоохранительные органы» в заголовках и содержании отобран эмпирический материал, представляющий собой широкую выборку статей таких изданий, как «Российская газета», «Известия» и «Ведомости» за период 2020–2025 гг., отражающих деятельность отечественных правоохранительных органов. Замечено, что доминирующими средствами трансляции прагматических смыслов в контексте освещения деятельности сотрудников полиции стали морфологические и лексические средства. Авторы приходят к выводу о том, что анализируемые издания придерживаются сбалансированного подхода к представлению образа российских правоохранительных органов: наряду с положительными характеристиками встречаются и негативные оценки. Выдвигается предположение о том, что это свидетельствует о намерении обеспечить объективность освещения событий, следуя принципам профессиональной этики и редакционным стандартам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, журналистика, медиалингвистика, российские СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, медиаобразы, правоохранительные органы, органы внутренних дел, российская полиция, полицейские, образ полиции, газетный дискурс, лингвистическое моделирование, аксиология, абсолютные ценности, прагматика текста.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Золотайко Анастасия Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Уральский юридический институт МВД России; 620017, Россия, Екатеринбург, ул. Корепина, 66, email: liani@list.ru.

Нестерова Валерия Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Уральский юридический институт МВД России; 620017, Россия, Екатеринбург, ул. Корепина, 66, email: karelan@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Золотайко, А. И. Апелляция к абсолютным ценностям в процессе лингвистического моделирования образа полиции в газетном дискурсе / А. И. Золотайко, В. Е. Нестерова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 6 (114). — С. 85–91.

Anastasiya I. Zolotayko^{1✉}, Valeriya E. Nesterova^{2✉}

^{1,2} Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia

¹ liani@list.ru✉, SPIN code: 8331-5420, <https://orcid.org/0000-0002-9513-7987> R

² karelan@mail.ru✉, SPIN code: 4840-1914, <https://orcid.org/0000-0002-7467-0029>

The Role of Absolute Values in the Linguistic Modeling of Police Image in Newspaper Discourse

ABSTRACT. The article deals with the aspects of linguistic modeling of the meliorative and pejorative image of Russian law enforcement agencies in newspaper discourse through analysis of dominant pragmatic meanings appealing to absolute values in the context of police activities. While considering the characteristic features of newspaper discourse, the authors report its focus on the high significance of the news event, which becomes urgent precisely at the moment of presenting information about it to the recipient. The axiological aspect in the context of this study is inextricably linked with the evaluative interpretation of the news content. Based on the queries for the lexemes “police”, “police officers” and “law enforcement agencies” in the titles and content of the articles from the sample, the authors have selected empirical materials from the Rossiyskaya Gazeta, the Izvestiya and the Vedomosti for the period from 2020 to 2025 reflecting the activities of Russian law enforcement agencies. It is noted that morphological and lexical means dominate in conveying pragmatic meanings in the context of covering the police officers’ activities. The authors conclude that the analyzed news outlets keep to a balanced approach to presenting the image of Russian law enforcement agencies: along with positive characteristics, there are also negative assessments. It is suggested that this indicates an intention to ensure objective coverage of events, following the principles of professional ethics and editorial standards.

KEYWORDS: *political discourse, journalism, media linguistics, Russian media, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, media images, law enforcement agencies, internal affairs bodies, Russian police, police officers, image of police, newspaper discourse, linguistic modeling, axiology, absolute values, text pragmatics.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Zolotayko Anastasiya Igorevna, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; Ekaterinburg, Russia.*

Nesterova Valeriya Evgenyevna, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: *Zolotayko A. I., Nesterova V. E. (2025). The Role of Absolute Values in the Linguistic Modeling of Police Image in Newspaper Discourse. In Political Linguistics. No 6 (114), pp. 85-91. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Резонансные события, освещаемые в СМИ, за редким исключением обходятся без участия правоохранительных органов. И зачастую фокус смещается именно в сторону полиции как посредника между властью и населением. В связи с тем, что сотрудники наделены исключительными полномочиями, включающими возможность применения силы, их действия подлежат оценке с точки зрения не только правомерности, соразмерности и эффективности, но и соответствия разделяемым в обществе морально-этическим нормам. В настоящей статье рассматривается аксиологический аспект лингвистического моделирования образа полиции в газетном дискурсе.

Следует отметить, что вопрос о формировании образа сотрудников полиции находит отражение как в лингвистике, так и политологии и социологии [Браженская, Чернородов 2019; Будаев, Чудинов 2022; Ильянова 2019; Зудаева В. В. 2020; Костенко А. А. 2019; Михневич О. И. 2022; Передня Д. Г. 2016; Полякова Л. С. 2021; Franklin A. S. 2019; Mayes L. 2020; Mullis J. 2009; Schultz J. 2020 и др.], при этом исследователи подчеркивают значимость и актуальность подобных изысканий ввиду того, что данный образ динамичен и не может оставаться одинаковым: стремительность цифровой обработки информации и ее распространения ускоряет процессы обработки оценочных смыслов, используемых для манипулятивного воздействия на сознание адресата. Такое воздействие осуществляется посредством реализации различных коммуникативных стратегий и тактик, применения языковых средств и приемов. Для целенаправленного внедрения желаемого образа в сознание отправителями создаются специальные вербальные модели, позволяющие снизить нагрузку на реципиентов при обработке и интерпретации предоставляемой информации.

Цифровизация стимулировала сокращение и сжатие информации до формата новости-сообщения, появляющейся не только на разворотах печатных изданий или их электронных платформах, но и в индивидуально

настраиваемой мобильной форме мессенджера. С. В. Иванова предлагает следующее понимание новостного дискурса: это «совокупность текстов, направленных на информирование о событии» [Иванова 2022: 10]. Его изучение исследователь считает целесообразным в рамках дискурсивного подхода, который «позволяет (1) анализировать язык в его употреблении; (2) акцентировать внимание на субъекте формирования данного типа текста, его взаимодействии с объектом и адресатом, ибо дискурс — это способ взаимодействия; (3) определить паттерны, которые оказываются задействованными при передаче сообщения, их следование и взаимодействие друг с другом, а также их социальную значимость» [Иванова 2022: 10].

Рассуждая о текстовой манифестации новостного дискурса, В. И. Тюпа утверждает, что она «представляет собой гибридную нарративно-перформативную конструкцию. Перформативная сторона новостного дискурса предполагает однонаправленную (суггестивную) реакцию реципиентов. Нарративная же, напротив, предполагает возможность разнонаправленных интерпретаций событийной новости» [Тюпа 2017: 46]. Далее исследователь отмечает, что «поскольку новостной дискурс, так или иначе, совмещает в себе два коммуникативных регистра: нарративный и перформативный, — в его аналитическом рассмотрении заметно возрастает значимость рецептивного аспекта новостных коммуникативных событий» [Тюпа 2017: 47].

В настоящей работе в центре внимания находится газетный дискурс, «чьим характерным стиливым признаком является сочетание эмоциональности и экспрессивности с логической аргументацией, что позволяет авторам медиатекстов реализовывать различные тактические схемы и достигать максимального перлокутивного эффекта по конструированию мелиоративного и/или пейоративного образов правоохранительных органов» [Золотайко, Нестерова 2023: 10]. В отличие от интернет-дискурса, печатный новостной дискурс характеризуется наличием единого порядка следования основных структурных блоков.

Особенность газетного дискурса заключается именно в акцентировании высокой значимости события, которое становится актуальным именно в момент подачи информации реципиенту. Во главу угла ставятся такие характеристики, как оперативность, достоверность и объективность изложения фактов, и подчеркивается важность происходящего, придавая событию статус новизны и востребованности для аудитории. Для СМИ новость и ее текстовая реализация составляют главенствующую нарративную ценность.

Аксиологический аспект в контексте настоящего исследования неразрывно связан с оценочной интерпретацией содержания новостей. В связи с этим целесообразно обратиться к вопросу о том, какие именно ценности находят отражение в отношении газетного освещения деятельности правоохранительных органов. Согласно типологии, предложенной Н. О. Лосским, выделяются следующие бинарные оппозиции ценностей: абсолютные — относительные, объективные и субъективные. При этом исследователем субъективность ценности определена как «обозначение значимости только для определенного субъекта; общезначимость ценности, т. е. значение ее для всякого субъекта — объективностью. Абсолютная ценность, как следует из ее определения, есть всегда вместе с тем *общеэзначимая, т. е. объективная, самооценностная*» [Лосский 1994: 82]. Таким образом, представляется возможным полагать, что общественное восприятие полиции опирается на универсальные представления о служении сотрудников определенным идеалам борьбы с преступностью, т. е. отождествляемым злом. С. А. Ильиных отмечает, что «ценности индивидов, воплощаясь из области сознания и бессознательного в их реальную практику, определяют тем самым качественный уровень той или иной сферы деятельности человека. Таким образом, ценности не являются сугубо личностными характеристиками, реализуясь через индивидов в реальной практике, они способствуют созданию определенного социального порядка» [Ильиных 2024: 5]. В связи с этим формирование образа полиции является совокупностью оценочных суждений граждан на основе практик непосредственного взаимодействия с ней или обработки полученной о ней информации.

В России успешно применяются различные практики, оказывающие воздействие на общественное восприятие правоохранительных органов. Так, публикуются новости о достижениях сотрудников, раскрывающих преступления и спасающих жизни граждан,

с акцентом на положительные формулировки («спасли», «помогли», «вернули имущество»). Проводятся мероприятия, направленные на информирование граждан о результатах деятельности ведомства, отмечаемые в публикациях наградами и улучшением статистики безопасности. Широко используется социальное взаимодействие через официальные страницы в социальных сетях, где представители власти открыто общаются с населением, отвечают на обращения и комментируют события. Однако особую значимость несут в себе новостные статьи и газетные публикации.

Целью данного исследования является определение вектора развертывания ценностных смыслов в контексте новостного освещения деятельности полиции. Его актуальность обусловлена динамичностью оценочной интерпретации взаимоотношений граждан страны с правоохранительными органами, при том что газетный дискурс предоставляет дополнительные возможности для оценки реального состояния двусторонних отношений между институтом полиции и населением, а также способствует прогнозированию вектора их дальнейшего развития.

Эмпирический материал исследования представляет собой широкую выборку статей (81), отражающих деятельность отечественных правоохранительных органов, в изданиях «Российская газета», «Известия» и «Ведомости» за период 2020–2025 гг. Статьи отбирались по запросу на лексемы «полиция», «полицейские» и «правоохранительные органы» в заголовках и содержании.

Анализ включал поэтапное раскрытие вербальной реализации заголовков статей и их корреляцию с содержанием. При этом рассматривалась апелляция к традиционным ценностным ориентациям читателей и их актуализация в газетных медиатекстах на предмет наличия доминантных компонентов: профессионализм/непрофессионализм, законность/произвол, гуманность/жестокость в отношении стражей правопорядка. Процедура интерпретации была качественной и в первую очередь индуктивной, что означает, что ценностные категории рассматриваемых газетных контекстов не были предопределены в начале анализа. Чтобы гарантировать достоверность интерпретации, каждый фрагмент был изучен соавторами независимо, а затем перепроверен в совместных обсуждениях. По мере продвижения анализа были установлены повторяющиеся закономерности и определены ценностные категории на основе их частотности и прагматической значимости в рамках изучаемого дискурса.

Методологический инструментарий ис-

следования опирается на современные изыскания в рамках когнитивно-дискурсивного и интерпретативного подхода и включает дискурс-анализ, подразумевающий изучение языковых моделей, риторики и выбора словарного запаса для выявления базовых ценностей и убеждений; прагматический контекст-анализ; методы статистического анализа; описание; сравнение.

АНАЛИЗ МЕДИАТЕКСТОВ

Как было отмечено ранее, рассмотрению подлежали медиатексты, освещающие деятельность российской правоохранительной структуры, из «Российской газеты», «Ведомостей» и «Известий», — одних из ведущих русскоязычных газетных изданий.

По запросу на лексемы «полиция», «правоохранительные органы» был обнаружен 81 контекст. Их количественное соотношение с распределением по смысловым векторам представлено в таблице 1.

Таблица 1

Профессионализм	
Ценностный компонент	Количество контекстов
Мелиоративный эффект	
Решимость	16
Честность / порядочность	13
Оперативность	12
Отвага / героизм	8
Результативность	6
Компетентность	5
Квалифицированность	3
Эмпатия	1
	64
Пейоративный эффект	
Жестокость	6
Насилие	4
Бесчеловечность	4
Беспощадность	3
	17

Из приведенной таблицы предполагается возможным сделать вывод о том, что в новостных изданиях «Российская газета», «Ведомости» и «Известия» преобладает мелиоративный вектор формирования образа правоохранительных органов, выражающийся в акцентуации внимания реципиентов на положительных качествах сотрудников. Тем не менее представлены также и негативные ценностные компоненты, количество которых позволяет судить о значимости и силе их воздействия на общественное восприятие полиции.

Следует отметить, что доминирующими средствами трансляции прагматических смыслов в контексте освещения деятельности правоохранителей стали: а) морфологические средства — прилагательные и наре-

чия, б) лексические средства — эпитеты, дисфемизмы, стилистически окрашенная лексика (профессионализмы, разговорная и просторечная лексика).

В нижеприведенном нейтральном контексте, представленном в статье «В Казани появились мошенники, продающие „тесты“ на COVID-19» [В Казани появились мошенники, продающие «тесты» на COVID-19 [www](#)], адресантом моделируется образ правоохранительных органов, обеспокоенных физическим и материальным благополучием граждан, представляющих абсолютные и экономические ценности. Интенции адресанта по конструированию образа квалифицированной и профессиональной полиции, которая с целью проведения превентивных мер по борьбе с мошенническими схемами «предупреждает» о случаях мошенничества и «напоминает» об опасности «сканировать неизвестные QR-коды и переходить по сомнительным ссылкам», направлены на апелляцию к сознанию граждан и пресечение противоправных деяний. Усиление перлокутивного эффекта в аргументе достигается за счет употребления наречия «опасно», противопоставленного в тезисе *экономическому термину* «по льготной цене», сознательно взятому автором текста в кавычки с целью привлечения внимания читателей к афере, выявленной правоохранительными органами.

В медиатексте под заголовком «В Петербурге полицейские поймали девочку, сброшенную из окна при пожаре» [В Петербурге полицейские поймали девочку... [www](#)] имплицитная вербализация компонента «профессионализм» образа российской полиции осуществляется с помощью оценочной аргументации в пользу решимости и результативности сотрудников полиции посредством апелляции к абсолютным ценностям — человеческой жизни. Несмотря на нейтральный тон повествования и отсутствие эмоционально-окрашенной лексики, формирование образа офицеров полиции осуществляется в качестве героев — спасителей ребенка, а прагматическая функция по моделированию мелиоративного образа полицейских достигается за счет убеждения адресатов в том, что полицейские в борьбе за главную ценность способны принимать взвешенные решения в чрезвычайных ситуациях («полицейские приняли решение», «развернули под окном плед», «крепко его держали») и нести ответственность за возможные последствия, гарантируя тем самым защиту и безопасность населения страны.

Следующий медиатекст под заголовком «В Томске возбудили дело об избиении мигранта полицейским» [В Томске возбудили дело об избиении мигранта полицейским...

www] направлен на освещение неправомерных действий сотрудника полиции, которого «подозревают в превышении должностных полномочий с применением насилия» («...нанеся ему удары рукой по лицу и пнул по ноге»). Апелляция к абсолютным ценностям способствует конструированию пейоративного образа сотрудника правоохранительных органов, актуализируя тем самым компонент «жестокость». Тезис о бесосновательном применении физической силы полицейским в отношении иностранного гражданина и его бесчеловечного и беспощадного обращения аргументируется ссылкой на сообщение УВД Томской области о том, что «*сотрудник полиции при общении с гражданином действительно спровоцировал конфликтную ситуацию, при этом имея реальную возможность ее урегулировать*». Перлокутивный эффект в рассматриваемом медиатексте усиливается с помощью употребления наречия «действительно», разговорного слова «обложил», юридического термина «нецензурная брань», эпитетов «конфликтная ситуация» и «реальная возможность».

В новостной заметке «*Петербургский полицейский спас тонущего в Неве мужчину*» [Петербургский полицейский спас тонущего в Неве мужчину... www] адресантом также моделируется мелиоративный образ российской полиции посредством апелляции к абсолютным ценностям. В рассматриваемом контексте экспликация компонента «профессионализм» происходит за счет прилагательных «грамотный» и «профессиональный», употребленных в отношении действий офицера полиции, спасшего утопающего. Аргументация содержит в себе упоминание конкретного имени сотрудника полиции («*капитан полиции Денис Сорокин, заместитель начальника отдела охраны общественного порядка полиции Центрального района*»), который в ходе «патрулирования» спасает жизнь человека. Интенции адресанта, направленные на убеждение адресатов в компетентности и решительности сотрудника полиции, аргументируются в медиатексте с помощью перечисления грамотных и четких действий офицера по спасению мужчины («*Увидев в воде человека, Сорокин достал из автомобиля буксировочный трос, бросил его в воду и вытащил утопающего*»).

Медиатекст «*Медики могут начать передавать полиции данные о людях с психическими расстройствами*» [Киселева www] является примером реализации одновременно нескольких тактик. Так, тактика придания особой значимости осуществляется в контексте посредством ссылок на экспертное мнение юристов (уполномоченного по правам человека Москалько-

ву Т., партнера коллегии адвокатов Pen & Paper Тягай Е., юриста адвокатского бюро Asterisk Волкову С.) и медицинских работников (внештатного специалиста-психиатра Минздрава Шпорт С., психиатра Жестковой Е., главного врача частной клиники «Региональный медицинский центр психического здоровья» в Краснодарском крае Косенко В.), что свидетельствует о высокой значимости принимаемого решения передать МВД полномочия по наблюдению за лицами, страдающими психическими расстройствами. Ссылка на мнение вице-президента Ассоциации юристов по регистрации, ликвидации, банкротству и судебному представительству В. Кузнецова, который полагает, что «*ожидать злоупотреблений со стороны правоохранителей не стоит*», направлена на убеждение читательской аудитории в полной легитимности деятельности правоохранительных органов, которые будут следить за исполнением нового закона с целью предупреждения совершения правонарушений указанной категорией граждан. Статистические данные в контексте «*При этом из доклада Москальковой следует, что, по данным органов внутренних дел, ежегодно невменяемыми лицами в стране совершается порядка 7000 общественно опасных деяний*» способствуют актуализации тактики создания и поддержания имиджа, которая также реализуется в рассматриваемом медиатексте за счет ссылок на нормативные правовые акты (ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»; ФЗ «О полиции», ФЗ «Об основах охраны здоровья»; ст. 27 закона «О психиатрической помощи»). Такая совместная работа министерства внутренних дел и министерства здравоохранения свидетельствует о заинтересованности обоих ведомств в создании нормативной базы, которая будет регламентировать деятельность полиции в обозначенном вопросе, а также гарантировать соблюдение гражданских прав лиц с психическими отклонениями.

В медиатексте под заголовком «Такое существо никогда не должно выйти на свободу» [Штурма www] поднимается вопрос о мерах содержания под стражей пермского стрелка Т. Бекмансурова. Так, компонент «профессионализм» образа полиции вербализуется в контексте «*Сотрудник ДПС в ответ выстрелил восемь раз из пистолета Макарова, шесть пуль попали в цель. Преступник упал, полицейский обезоружил его и начал оказывать первую помощь. В этот момент Бекмансуров попросил убить его. Но нападавшего доставили в Пермскую краевую клиническую больницу и прооперировали*». Компетентность сотрудника и высокий уровень его служебно-

боевой подготовки актуализируются в словосочетаниях *«шесть пуль попали в цель»* и *«полицейский обезоружил его»*. Компонент «гуманность» эксплицируется во фразе *«начал оказывать первую помощь»*, а также благодаря антитезе с противительным союзом *но*. Гуманное отношение к заключенным, имеющим какие-либо физические недостатки и проблемы со здоровьем, а также соблюдение их гражданских прав актуализируется в контексте *«Инвалидам не обязательно делать по утрам зарядку, их, по сложившейся практике, практически не отправляют в карцер за нарушение правил внутреннего распорядка. Также им разрешается лежать на кровати в дневное время. Еще их освобождают от обязательных работ по благоустройству территории исправительной колонии, рассказал юрист. Но на этом привилегии заканчиваются»*. Несмотря на перечисление некоторых поблажек, антитеза с противительным союзом *но* и лексема *привилегии*, имеющая в рассматриваемом контексте ироничный подтекст, указывают на довольно строгие условия содержания осужденных в российских тюрьмах.

ВЫВОДЫ

Лингвистический анализ газетных медиа-текстов позволил сделать следующие выводы: с целью реализации прагматической функции по моделированию мелиоративного или пейоративного образа института полиции в российском газетном дискурсе, адресанты апеллируют к различным личностным/индивидуальным или общественным/групповым ценностям, активируя при этом определенный смысловой набор.

Наиболее частотными ценностными смыслами при моделировании мелиоративного образа полиции России являются *решимость, оперативность, честность/порядочность, отвага/героизм, результативность, квалифицированность, компетентность и эмпатия*.

Пейоративный образ правоохранительных органов складывается из таких ценностных смыслов, как *жестокость, насилие, бесчеловечность и беспощадность*, способствующих приравнению социального института полиции к антиценности.

При целенаправленном формировании образа полиции авторы отобранных контекстов прибегают к двум основным средствам: морфологическим и лексическим, что позволяет привнести смысловое разнообразие и глубину внедряемых аксиологических компонентов.

Рассматриваемые новостные издания демонстрируют тенденцию к уравниванию

ной репрезентации образа отечественных правоохранительных органов: преобладают положительные оценочные характеристики, но при этом нередки и противоположные по значению и смыслу. Авторы склонны предполагать, что данный факт исходит от стремления к объективности при подаче новостного материала, а также от этических установок и редакционной политики.

ИСТОЧНИКИ

1. Российская газета — RG.ru. — URL: <https://rg.ru> (дата обращения: 10.01.25—28.02.25).
2. В Казани появились мошенники, продающие «тесты» на COVID-19. — URL: <https://rg.ru/2020/03/28/reg-pfo/v-kazani-poiavilis-moshenniki-prodaiushchie-testy-na-covid-19.html> (дата обращения: 08.04.2025).
3. В Петербурге полицейские поймали девочку, сброшенную из окна при пожаре. — URL: <https://rg.ru/2021/01/10/reg-szfo/v-peterburge-policejskie-pojmali-devochku-sbroshennuiu-iz-okna-pri-pozhare.html> (дата обращения: 25.11.2024).
4. В Томске возбудили дело об избении мигранта полицейским. — URL: <https://rg.ru/2021/05/06/reg-sibfo/v-tomske-vozbudili-delo-ob-izbieni-policejskim-migranta.html> (дата обращения: 01.02.2025).
5. Петербургский полицейский спас тонущего в Неве мужчину. — URL: <https://rg.ru/2021/11/04/reg-szfo/peterburgskij-policejskij-spas-iz-nevy-tonushchego-cheloveka.html> (дата обращения: 27.11.2024).
6. Киселева, А. Медики могут начать передавать полиции данные о людях с психическими расстройствами / А. Киселева, В. Крюков. — URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/11/20/1006601-mediki-mogut-nachat-peredavat-politsii-dannie-o-lyudyah-s-psihrasstroistvami#140737497416706> (дата обращения: 11.02.2025).
7. Штурма, Я. Такое существо никогда не должно выйти на свободу / Я. Штурма. — URL: <https://iz.ru/1447959/iana-shturma/takoe-sushchestvo-nikogda-ne-dolzno-vyiti-na-svobodu> (дата обращения: 04.03.2025).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Браженская, Н. Е. Средства массовой информации как один из механизмов формирования имиджа полиции / Н. Е. Браженская, Р. Е. Чернодров // Психопедагогика в правоохранительных органах (Омск). — 2019. — Т. 24. — № 3(78). — С. 306–310. — DOI 10.24411/1999-6241-2019-13010. — EDN HSKRSU.
2. Будаев, Э. В. Зооморфные метафоры как средство дегуманизации образа белорусской милиции в российских СМИ / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Язык и культура. — 2022. — № 5 (95). — С. 8–21. — DOI 10.17223/19996195/60/1. — EDN SJVNAC.
3. Золотайко, А. И. Лингвистическое моделирование образа полиции: реализация коммуникативных тактик в газетном дискурсе / А. И. Золотайко, В. Е. Нестерова // Политическая лингвистика. — 2023. — № 6 (102). — С. 97–104. — EDN NPWUQI.
4. Зудаева, В. В. Роль СМИ в создании имиджа сотрудника органов внутренних дел / В. В. Зудаева, Н. В. Бруева // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. — 2020. — № 2 (5). — С. 108–114. — EDN RUASBE.
5. Иванова, С. В. Новость как дискурсивный жанр: не отсутствующая структура / С. В. Иванова // TerraLinguistica. — 2022. — № 3. — С. 7–14. — DOI 10.18721/JHSS.13301. — EDN CEFZEW.
6. Ильиных, С. А. Абсолютные и относительные ценности: особенности проявления в социальной реальности / С. А. Ильиных // Научные записки НГУЭУ. — 2024. — № 2. — С. 4–6. — EDN OFGYKT.
7. Ильянова, О. И. Проблемные вопросы распространения негативной информации о деятельности сотрудников органов внутренних дел в сети Интернет / О. И. Ильянова // Человек: преступление и наказание. — 2019. — Т. 27 (1–4). — № 4. — С. 554–560. — DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.554-560. — EDN VSKVGI.
8. Костенко, А. А. Общество и Полиция, влияние СМИ и

кинематографа на мнение общества / А. А. Костенко // Нормы. Закон. Законодательство. Право : материалы XXI Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых. — Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019. — С. 238–240. — EDN INQZUS.

9. Лосский, Н. О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей / Н. О. Лосский // Бог и мировое зло : сборник. — Москва : Республика, 1994. — С. 249–314. — ISBN 5-250-02399-1.

10. Михневич, О. И. Метафорический образ правоохранительных органов в оппозиционном дискурсе (на материале подкастов А. Невзорова) / О. И. Михневич // Политическая лингвистика. — 2022. — № 5 (95). — С. 163–171. — DOI 10.26170/1999-2629_2022_05_16. — EDN MIUNIS.

11. Передня, Д. Г. Образ работников полиции в газетах и массовом сознании россиян / Д. Г. Передня // Социальные исследования. — 2016. — № 2. — С. 32–42. — EDN WJIDHZ.

12. Тюпа, В. И. Новостной дискурс как нарратологическая проблема / В. И. Тюпа // Новый филологический вестник. — 2017. — № 3 (42). — С. 40–51. — DOI 10.24411/2072-9316-2017-00010. — EDN YLLSPU.

13. Franklin, A. S. The Influence of Police Related Media, Victimization, and Satisfaction on African American College Students' Perceptions of Police / A. S. Franklin, R. K. Perkins, M. D. Kirby, K. P. Richmond // *Frontiers in Sociology*. — 2019. — № 4. — URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fsoc.2019.00065/full> 1 (date of access: 30.06.2025).

14. Mayes, L. Social Media and Community-oriented Policing: Examining the Organizational Image Construction of Municipal Police on Twitter and Facebook / L. Mayes // *Police Practice and Research*. — 2020. — Vol. 22. — Iss. 3. — P. 2–18. — DOI 10.1080/15614263.2020.1843459.

15. Mullis, J. The Impact of the Media on Public Opinion of the Police / J. Mullis // Department of Criminal Justice California State University. — [S.l.], 2009. — 75 p.

16. Schultz, J. Media Coverage of Law Enforcement and Effects of the Image Created / J. Schultz // Dominican University of California. — 2019 — URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/215555071.pdf> (date of access: 04.05.2025).

MATERIALS

1. RG.ru. — *Rossiyskaya Gazeta* (n.d.). Available at January 10, 2025 from <http://www.rg.ru>.

2. V Kazanipoyavilis' moshenniki, prodavayushchie "testy" na COVID-19 = Scammers Selling COVID-19 "Tests" Have Appeared in Kazan [n.d.). Available at April 08, 2025 from <https://rg.ru/2020/03/28/reg-pfo/v-kazani-poiavilis-moshenniki-pro-daiushchie-testy-na-covid-19.html>.

3. V Peterburge politseiskie poimali devochku, sbroshennuyu iz okna pri pozhare = In St. Petersburg, police caught a girl who was thrown out of a window during a fire. Available at November 25, 2024 from <https://rg.ru/2021/01/10/reg-szfo/v-peterburge-policejskie-pojimali-devochku-sbroshennuyu-iz-okna-pri-pozhare.html>.

4. V Tomske возбудили дело об избивании мигранта полицейским = A case has been opened in Tomsk regarding the beating of a migrant by a police officer. Available at Feb. 1, 2025 from <https://rg.ru/2021/05/06/reg-sibfo/v-tomske-vozбудили-delo-ob-izbivani-policeskim-migranta.html>.

5. Peterburgskii politsejskii spas tonushchego v Neve muzhchinu (n.d.). Available at November 27, 2024 from <https://rg.ru/2021/11/04/reg-szfo/peterburgskij-policejskij-spas-iz-vey-t-onushchego-cheloveka.html>.

6. Kiseleva, A., Kryukov, V. (n.d.). Medikimogutnachat' perezdat' polititsidannye o lyudyakh s psikhosroiststvami = Doctors may start sharing data on people with mental disorders with the police. Available at February 11, 2025 from <https://www.vedo-mosti.ru/society/articles/2023/11/20/1006601-mediki-mogut-nachat-perezdat-politsidannye-o-lyudyah-s-psihosroiststvami#140737497416706>.

7. Shturma, Y. (n.d.). Takoe sushchestvo nikogda ne dolzhno vyiti na svobodu = Such a creature should never be released. Available at March 3, 2025 from <https://iz.ru/1447959/iana-shturma/takoe-sushchestvo-nikogda-ne-dolzno-vyiti-na-svobodu>.

REFERENCES

1. Brazhenskaya, N. E. (2019). Sredstva massovoy informatsii kak odin iz mekhanizmov formirovaniya imidzha politsii = Mass

Media as one of the Main Mechanisms of Forming a Police Officer Image. *Psychopedagogy in Law Enforcement*, 24(3[78]), 306–310. DOI 10.24411/1999-6241-2019-13010. EDN HSKRSU.

2. Budaev, E. V., Chudinov, A. P. (2022). Zoomorfnye metafori kak sredstvo degumanizatsii obraza belorusskoj militsii v rossijskikh SMI = Zoomorphic metaphors as a means of dehumanization the image of the Belarusian police in the Russian media. *Language and Culture*, 60, 8–21. DOI 10.17223/19996195/60/1. EDN SJVNAC.

3. Zolotayko, A. I., Nesterova, V. E. (2023). Lingvisticheskoe modelirovanie obraza politsii: realizatsiya kommunikativnykh taktik v gazetnom diskurse = Linguistic Modeling of the Police Image: The Realization of Communicative Tactics in Newspaper Discourse. *Political Linguistics*, 6(102), 97–104. EDN NPWUQI.

4. Zudaeva, V. V. (2020). Rol' SMI v sozdaniimimidzha sotrudnika organov vnutrennih del = The role of the media in creating the image of an internal affairs officer. *East-Siberian digest of the institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 2(5), 108–114. EDN RUASBE.

5. Ivanova, S. V. (2022). Novost' kak diskursivnyy zhanr: ne otsutstvuyushchaya struktura = News as a genre of discourse: A non-missing structure. *Terra Linguistica*, 13(3), 7–14. DOI 10.18721/JHSS.13301. EDN CEFZEW.

6. Il'nyh, S. A. (2024). Absolyutnye i otnositel'nye cennosti: osobennosti proyavleniya v social'noy real'nosti = Absolute and relative values: features of manifestation in social reality. *Bulletin of Novosibirsk state university of economics and management (nsuem)*, 2, 4–6. EDN OFGYKT.

7. Il'yanova, O. I. (2019). Problemnye voprosy rasprostraneniya negativnoy informatsii o deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennih del v seti Internet = Problematic issues of dissemination of negative information about the activities of Internal affairs officers on the internet. *Man: Crime and Punishment*, 27(1–4, 4), 554–560. DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1–4).4.554-560. EDN VSKVGI.

8. Kostenko, A. A. (2019). Obshchestvo i Politsiya, vliyaniye SMI i kinematografa na mnenie obshchestva = Society and the police, the influence of the media and cinema on public opinion. *Norm. Law. Legislation. Right. Proc. of the XXI International Scientific and Practical Conf. of Young Scientists*, 238–240. Perm': Perm State National Research University. EDN INQZUS.

9. Losskij, N. O. (1994). Cennost' i bytie. Bog i Carstvo Bozhie kak osnova cennostey = Value and Being. God and the Kingdom of God as the Basis of Values. *God and the World's Evil. Collection*, 249–314. Moscow: Republic. DOI 10.26170/1999-2629_2022_05_16. EDN MIUNIS.

10. Mihnevich, O. I. (2022). Metaforicheskij obraz pravoohranitel'nykh organov v oppozitsionnom diskurse (na materiale podkastov A. Nevzorova) = Metaphorical image of law enforcement agencies in opposition discourse (based on A. Nevzorov's podcasts). *Political Linguistics*, 5(95), 163–171. DOI 10.26170/1999-2629_2022_05_16. EDN MIUNIS.

11. Perednya, D. G. (2016). Obraz rabotnikov politsii v gazetah i massovom soznaniimrossiyan = The image of police officers in newspapers and the mass consciousness of Russians. *Social studies*, 2, 32–42. EDN WJIDHZ.

12. Tiupa, V. I. (2017). Novostnoj diskurs kak narratologicheskaya problema = News discourse as a narratological problem. *The New Philological Bulletin*, 3(42), 40–51. DOI 10.24411/2072-9316-2017-00010. EDN YLLSPU.

13. Franklin, A. S., Perkins, R. K., Kirby, M. D., Richmond, K. P. (2019). The Influence of Police Related Media, Victimization, and Satisfaction on African American College Students' Perceptions of Police. *Frontiers in Sociology*, 4. Available at July 30, 2025 from <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fsoc.2019.00065/full> 1.

14. Mayes, L. (2020). Social Media and Community-oriented Policing: Examining the Organizational Image Construction of Municipal Police on Twitter and Facebook. *Police Practice and Research*, 22, 2–18. DOI 10.1080/15614263.2020.1843459.

15. Mullis, J. (2009). The Impact of the Media on Public Opinion of the Police. *California: Department of Criminal Justice California State University*, 75 p.

16. Schultz, J. (2019). Media Coverage of Law Enforcement and Effects of the Image Created. Dominican University of California. Available at Aug. 4, 2025 from <https://core.ac.uk/download/pdf/215555071.pdf>.

Политическая лингвистика. 2025. № 6 (114).
Political Linguistics. 2025. No 6 (114).

УДК 81'42+81'38+81'27

ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.33; 16.21.27

Код ВАК 5.9.8

Екатерина Львовна Кабахидзе^{1✉}, София Мерабовна Гулеишвили^{2✉}

^{1,2} Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

¹ kkabakhidze@gmail.com[✉], SPIN-код: 1469-7298

² sopo-guliko@mail.ru[✉], SPIN-код: 7320-0559, <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Языковая игра в политическом медиадискурсе (на материале политических карикатур на Дональда Трампа и Карла Нехаммера)

АННОТАЦИЯ. *Антропоцентрическая парадигма в языкознании и неугасающий интерес к семиотическим аспектам коммуникации вкупе с динамично развивающейся методологией когнитивных наук позволяют проводить качественные исследования текстов гетерогенной природы, в которых максимально раскрывается творческая потенция Homo Ludens. Игра как онтологическая структура и гносеологическая форма бытия человека манифестируется в коммуникативной деятельности, языковых играх индивида и общества. Визуальный поворот в культуре и искусстве XXI века помещает игру в рамки полимодальных текстов, которые, синтезируясь с приемами языковых игр на всех уровнях языка, получают суггестивное измерение. Языковая игра в полимодальных текстах активизирует процесс познания, восприятия образов, привлекая внимание к внешнему алогизму, вызывает когнитивный диссонанс, одновременно оказывая эмоциональное воздействие.*

В статье рассматривается языковая игра в политических карикатурах на президента США Дональда Трампа и канцлера Австрии Карла Нехаммера. При проведении анализа важно было обратить внимание прежде всего на приемы языковой игры, использованные автором, уровни языка, к которым они относятся, и влияние языковой игры на восприятие содержания карикатуры. Исследование подтверждает значимость поликодовых текстов, содержащих языковую игру, в политическом медиадискурсе. Выявлена недостаточная изученность их суггестивного потенциала, необходимость прояснения приемов языковой игры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика, политический дискурс, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, медиаобразы, языковая игра, приемы языковой игры, поликодовые тексты, политическая карикатура, политические деятели, американские президенты, канцлеры.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Кабахидзе Екатерина Львовна, кандидат философских наук, доцент, кафедра лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 119234, Россия, Москва, Ленинские горы, 1, стр. 13 (IV гуманитарный корпус), email: kkabakhidze@gmail.com.

Гулеишвили София Мерабовна, аспирант, кафедра лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 119234, Россия, Москва, Ленинские горы, 1, стр. 13 (IV гуманитарный корпус), email: sopo-guliko@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кабахидзе, Е. Л. Языковая игра в политическом медиадискурсе (на материале политических карикатур на Дональда Трампа и Карла Нехаммера) / Е. Л. Кабахидзе, С. М. Гулеишвили. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 6 (114). — С. 92-101.

Ekaterina L. Kabakhidze^{1✉}, Sofiia M. Guleishvili^{2✉}

^{1,2} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹ kkabakhidze@gmail.com[✉], SPIN code: 1469-7298

² sopo-guliko@mail.ru[✉], SPIN code: 7320-0559, <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Language Game in Political Media Discourse (As Exemplified by Political Cartoons of Donald Trump and Karl Nehammer)

ABSTRACT. *The anthropocentric paradigm in linguistics and the unquenchable interest in the semiotic aspects of communication, coupled with the dynamically developing methodology of cognitive sciences, allow conducting high-quality studies of heterogeneous texts, in which the creative potential of Homo Ludens is revealed to the full. Game as an ontological structure and epistemological form of human existence is manifested in communicative activity – in language games of the individual and society. The visual turn in the culture and art of the 21st century places game within the framework of poly-modal texts, which, synthesizing with the techniques of language games at all levels of the language, receive a suggestive dimension. Language game in polymodal texts activates the process of cognition and perception of images, drawing attention to external alogism, and causes cognitive dissonance, while simultaneously exerting emotional impact.*

The article examines language game in political cartoons depicting US President Donald Trump and Austrian Chancellor Karl Nehammer. When conducting the analysis, it was important to identify the techniques of the language game used, the levels of language to which they relate, and the influence of the language game on the perception of the content of the car-

toon. The study underlines the importance of polycode texts containing language game in political media discourse and reports insufficient knowledge of their suggestive potential, as well as the need to clarify language game techniques.

KEYWORDS: political linguistics, political discourse, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, media images, language game, language game techniques, polycode texts, polycode cartoon, politicians, American presidents, chancellors.

AUTHOR'S INFORMATION: Kabakhidze Ekaterina L'vovna, Candidate of Philosophy, Associate Professor of Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communication, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Guleishvili Sofiia Merabovna, PhD Student, Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communication, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Kabakhidze E. L., Guleishvili S. M. (2025). Language Game in Political Media Discourse (As Exemplified by Political Cartoons of Donald Trump and Karl Nehammer). In *Political Linguistics*. No 6 (114), pp. 92-101. (In Russ.).

Современный политический медиадискурс характеризуется динамичным развитием как в техническом плане (распространение Интернета и интернет-СМИ), так и в языковом (экспансия заимствований из других языков, обилие неологизмов, стремление к языковой игре, дисфемизации, скрытой оценочности и др.). В эпоху постмодернизма расширяются текстовые границы, происходит переосмысление формальных и содержательных характеристик текста в игровой форме, способствующей множественной интерпретации и созданию альтернативных миров в сознании реципиента.

В современной лингвистике растет интерес к проявлениям творческого начала в языке — в частности, к языковой игре, сложность которой заключается в многоплановости подходов к интерпретации содержания, механизмов, функций. К актуальным проблемам языкознания причисляются вопросы, связанные с индивидуально-личностными особенностями кодирования информации, трансформацией единиц языка в единицы речи.

Осмысление феномена языковой игры можно найти в работах таких авторов, как В. З. Санников (языковая игра у исследователя рассматривается как лингвальный эксперимент), Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова (изучают языковую игру в разговорной речи), Б. Ю. Норман (рассматривает феномен как отражение асимметрии языкового знака), Е. В. Красильникова (анализирует явление в микроколлективах), Г. Г. Почепцов, А. Н. Лук (подходят к языковой игре как показателю чувства юмора), И. В. Зыкова, Т. А. Гридина (рассматривают языковую игру в аспекте лингвокреативности), а также Н. Д. Арутюнова, Э. М. Береговская, В. В. Виноградов, Н. Д. Голев, В. В. Овсянников, Е. В. Падучева, А. П. Сквородников, В. И. Шаховский и др.

Одной из фундаментальных работ, посвященных языковым играм, стала монография «Русский язык в зеркале языковой игры» В. З. Санникова, изучившего этот фе-

номен на разных уровнях языка. Исследователь рассматривает явление как «вид лингвистического эксперимента», основанного на «знании системы единиц языка, нормы их использования и способов творческой интерпретации этих единиц»; это «сознательное манипулирование языком, построенное на необычности использования языковых средств» [Санников 1999: 15], то есть отношение говорящего имеет в языковой игре ключевое значение. Языковая игра подразумевает воздействие на слово, всяческую его деформацию (при сохранении свежести восприятия, «рефлексии над постоянно проходящей через сознание автора массой языковых знаков» [Санников 1999: 78]).

Немаловажное значение по отношению к языковой игре имеет контекст. В принципе он призван ограничить семантический потенциал языкового знака и решить проблемы многозначности, прояснить содержание высказывания. Однако в случае языковой игры контекст, наоборот, стимулирует многозначность, поскольку любой потенциальный смысл может быть развит в данном контексте.

В языковой игре важна также «неправильность, сознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно допускаемая» [Санников 1999: 23]. Причем реципиент должен осознавать, что это умышленная неправильность — в противном случае он воспримет ее как неточность, а не как игру.

Языковая игра создается посредством различных приемов. Мы рассматриваем их в границах традиционно выделяемых уровней языка: фонетический, графический, морфологический, синтаксический, словообразовательный, лексический, прагматический, уровень стилистики и структуры текста (В. З. Санников, Т. А. Гридина, Е. А. Земская и др.).

Рассмотрев первый ключевой теоретический аспект — языковую игру, — мы приблизились к поликодовым текстам.

Для удержания внимания потребителя информации теперь недостаточно линейной последовательности слов, какую бы глубокую

мысль они ни передавали [Попова, Колесова 2020: 85]. В связи с различными технологическими, социальными и лингвистическими факторами текст стал гетерогенным. Появились понятия «поликодовый текст», «полимодальный текст», «мультимодальный текст», «креолизованный текст», «лингво-визуальный текст», «вербально-визуальный текст», «смешанный текст», «контаминированный текст», «изовербальный текст», «интерсемиотический текст», «текст новой природы» (Е. Е. Анисимова, В. М. Березин, А. А. Бернацкая, Л. С. Большаянова, Н. С. Валгина, Г. В. Ейгер, А. Ю. Зенкова, Е. И. Казакова, О. Л. Каменская, Э. А. Лазарева, Н. В. Месхишвили, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Р. О. Якобсон и др.).

Причина распространенности подобных текстов может заключаться в «многомодусности» современной коммуникации, а средоточие поликодовых и полимодальных текстов в таких жанрах, как реклама, политический плакат, социальный плакат — в суггестивном потенциале текстов семиотически гетерогенной природы [Ирисханова 2012]. Также рост популярности может быть связан с высокой дидактической эффективностью таких текстов: «То, что передается текстовым сообщением, усваивается лишь на 7 %, аудиокод увеличивает процент усвоения до 38, а визуальный образ — до 55, и процент людей, ориентированных на аудиовизуальный код, постепенно увеличивается» [Попова, Колесова 2020: 84].

Для формирования более глубинного понимания сущности гетерогенных текстов рассмотрим разницу между наиболее часто употребляемыми в их отношении в российском научном поле терминами — «поликодовость» и «полимодальность».

Поликодовый текст предполагает наличие разных семиотических систем (в отличие от монокодового) [Пиле 2017]. Это единство естественного языка с кодом некой иной семиотической системы [Габдрафикова 2017], то есть тексты, в которых сообщение закодировано при помощи разнородных вербальных и невербальных компонентов. Оппозиция монокодовых и поликодовых текстов была выделена в 1970-х; понятие «поликодовость» введено Г. В. Ейгером и В. Л. Юхтом. К жанрам поликодовых текстов относятся, например, карикатуры, рекламные тексты, комиксы, плакаты, постеры.

Различие поликодовых и полимодальных текстов заключается в том, что вторые «читаются» при помощи различных модальностей — «типов внешних стимулов, воспринимаемых одним из чувств человека» [Кибрик 2010: 4]. К каналам восприятия информации относятся зрительный, аудиаль-

ный, обонятельный, кинестетический, тактильный, вестибулярный [Галкина, Филатова, Юсаяев 2021]. Отметим также, что полимодальный текст является поликодовым (тоже предполагает наличие разных семиотических систем, вербальных и невербальных компонентов). К примерам полимодальных текстов можно отнести, например, видеолекции, где экстралингвистические факторы (жесты, мимика, позы, композиция, анимация и др.) обращены к зрительной системе, а вербальные и паралингвистические факторы (темп, тембр речи, интонация и др.) — к аудиальной [Галкина, Филатова, Юсаяев 2021].

Согласно Алану Пайвио, мышление имеет дуальную природу, в основе которой двоичный код мысли — вербальный (единица мышления — логогены) и визуальный (единица мышления — имагены). Таким образом, полимодальные тексты являются наиболее гармоничными в процессе восприятия, так как апеллируют напрямую к вербальной и визуальной структурам мысли [Пайвио 2010].

Данное исследование посвящено поликодовым — предполагающим наличие разных семиотических систем — текстам в политической коммуникации.

Для современного политического дискурса (А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич, А. П. Чудинов) характерно использование идеологически насыщенных поликодовых текстов. Французский философ Гюстав Лебон утверждал, что толпа мыслит образами, и воздействие на аудиторию наиболее эффективно, когда образ сочетается со знаково-символьной природой [Лебон 2017: 6]. При этом изображение более императивно, чем слово, оно «навязывает свое значение целиком и сразу, не анализируя его, не дробя на составные части... оно образует высказывание» [Барт 1994: 75]. Поликодовые тексты ориентированы не только на трансляцию внятного идейно-политического содержания, но и на эмоциональный отклик. Чем больше компонентов подобного текста выражает определенное политическое значение, тем выше интерактивность коммуникации — вовлеченность в процесс дешифровки, обратная связь, расширение аудитории [Буденкова, Савельева, Князюк 2023].

В политическом медиадискурсе встречаются такие жанры поликодовых текстов, как плакат, граффити, листовка. Особое место здесь занимает карикатура. В ней в утрированной, шуточной форме изображаются черты политиков, партий и других политических акторов. Ее появление вызвано критическим отношением к официальному

дискурсу и определенным политическим взглядам, десакрализацией политических ценностей [Шейгал 2000]. Карикатура является «проявлением карнавальности в политической коммуникации»¹ и обладает «могучей животворной преобразующей силой» [Бахтин 1963: 143]. Спаянность вербального и визуального в политической карикатуре дает возможность исследования данного феномена в качестве визуальной когнитивной метафоры, в которой сливаются и выступают неделимым единством сфера-источник и сфера-мишень, оказывая суггестивное воздействие на интерпретирующее сознание [Kabakhidze 2024: 1093].

Коммуникативная цель политической карикатуры — подвергнуть политического деятеля, партию или событие критике или осмеянию и посредством этого манипулировать общественным сознанием. Тема, которой посвящена карикатура, всегда характеризуется злободневностью, искаженным и преувеличенным представлением чего-либо для создания комического эффекта. В условиях идеального демократического общества адресат положительно реагирует на развенчивание образа политического деятеля или политической ситуации в карикатуре².

Отметим, что благодаря поликодовости, которая обеспечивается карикатурой, порой трудная для восприятия политическая информация высказывается более понятно. Поликодовость содействует автору в донесении информации до реципиента, активизирует процесс восприятия образов, привлекая внимание к внешнему алогизму и в то же время важному для «разгадывания» смысла подтексту.

Политические карикатуры создают семиотическую реальность, обладающую значительным влиянием на реципиента. При этом суггестивный потенциал карикатуры может быть выражен по-разному. Интенциональное воздействие автора бывает информативно-воспроизводящего (удивление, выражение согласия или несогласия, поддержка, неприятие), эмотивно-консолидирующего (привлечение внимания, успокоение аудитории, оправдание, самопрезентация), манипулятивного (оскорбление, утешение, дискредитация, морализаторство), волюнтивно-директивного (побуждение к действию, предупреждение о последствиях, отвод обвинений) или контрольно-реактивного типа (выражение одобрения, сарказм, критика, ирония) [Радина 2021].

Рис. 1. Solang es nur Geringverdiener trifft, ist es der Regierung wohl egal («Пока это касается только малообеспеченных граждан, правительству, видимо, все равно»)

¹ Артемова Е. А. Карикатура как жанр политического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. С. 74.

² Артемова Е. А. Карикатура как жанр политического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 237 с.

Рис. 2. Gute, alte Tradition («Старая добрая традиция»)

Далее рассмотрим 6 карикатур, посвященных политическим лидерам США и Австрии — Дональду Трампу и Карлу Нехаммеру. Нам важно было обратить внимание на семиотическую составляющую, приемы языковой игры, примененные автором, уровни языка, к которым относятся использованные приемы языковой игры, а также эффект, производимый на реципиента при ее помощи.

Рассмотрим карикатуры, посвященные Карлу Нехаммеру — федеральному канцлеру Австрии с декабря 2021 по январь 2025 года.

Карикатура на рис. 1 опубликована в марте 2022 г. в австрийском журнале социально-демократической направленности Kontrast.at. Изображен расчет посетителей в ресторане. Официант, в качестве которого выступает Нехаммер, перечисляет все «заказанное»: высокие цены на энергоносители, рост стоимости жилья и продуктов питания, санкции против России, сокращение количества продовольственных товаров, увеличение военных расходов, ведение кампании по борьбе с коронавирусом. Ко всему этому прилагается также коррупционная надбавка. Гости, расплачиваясь, отвечают на это: «Но ведь наша тарелка была почти пуста!»

Автор карикатуры показывает канцлера как человека, при котором социо-экономическое состояние Австрии значительно ухудшилось, а также обвиняет его в коррупционных действиях. Перлокутивный эффект усиливается благодаря использованию ряда однородных дополнений, семантически объединенных темой роста цен. Также формирование негативного отношения аудитории к политику происходит благодаря такому приему языковой игры на фонетическом уровне, как

ассонанс и аллитерация: в реплике расплачивающегося мужчины обыгрываются гласные и согласные звуки слов *Teller* (тарелка) и *leer* (пустой), благодаря чему усиливается ритмичность фразы и вместе с тем комический эффект. Этот прием оказывает эмоциональное воздействие на аудиторию, делая текст приятнее для слуха и легче для восприятия.

Карикатура на рис. 2 опубликована 2 октября 2024 г., когда срок пребывания Нехаммера в должности уже истек, на сайте известного австрийского карикатуриста Оливера Шопфа. Автор сопровождает изображение следующими словами: *Bundeskanzler Karl Nehammer schlägt zwei Tage nach der Wahl der FPÖ vor, als Sieger die Sondierungsgespräche zu beginnen* («Через два дня после победы на выборах АПС федеральный канцлер Карл Нехаммер предлагает ей начать договариваться»).

В левой части изображения видим канцлера, заявляющего: *Der Wahlsieger soll sondieren* («Победитель должен вступить в переговоры по созданию коалиционного правительства»). Директив, выраженный глаголом «sollen», который в немецком языке содержит сему приказ, обязанность, долженствование, используется автором карикатуры для придания ироничного оттенка, создавая оксюморон, так как победителя выборов Нехаммер буквально «обязывает» вступить в переговорный процесс по созданию коалиции с партией власти. В правой части карикатуры изображены Нехаммер, бегающий вокруг него с тростью Герберт Кикль — председатель Австрийской партии свободы, которая одержала победу на парламентских

выборах за несколько дней до этого, — и несколько мужчин, на которых Нехаммер показывает пальцем со словами: *Da drüben — auch sondieren!* («С ними тоже вступить в переговоры!»). Сферой-источником метафорической экспансии выступает техносфера, в которой глагол «sondieren» используется для тонких точечных исследований. Иными словами, вступить в переговоры — осуществить точный и тонкий анализ окружающей среды для принятия решений о последующих шагах.

На карикатуре на рис. 3, опубликованной в популярной австрийской газете *Neue Zeit*, изображено интервью Нехаммера с журналистом. Сначала канцлера спрашивают: *Herr Kanzler, wie steht es um den Kampf gegen die Armut?* («Господин канцлер, как обстоят дела с борьбой с бедностью?»). Нехаммер отвечает: *Wir gewinnen!* («Мы побеждаем!»). Второй вопрос журналиста — *Aber was ist mit der wachsenden Zahl armer Menschen?* («Но как быть с ростом числа бедного населения?»). На этот раз ответ Нехаммера следующий: *Die Verlieren!* («Те проигрывают!»).

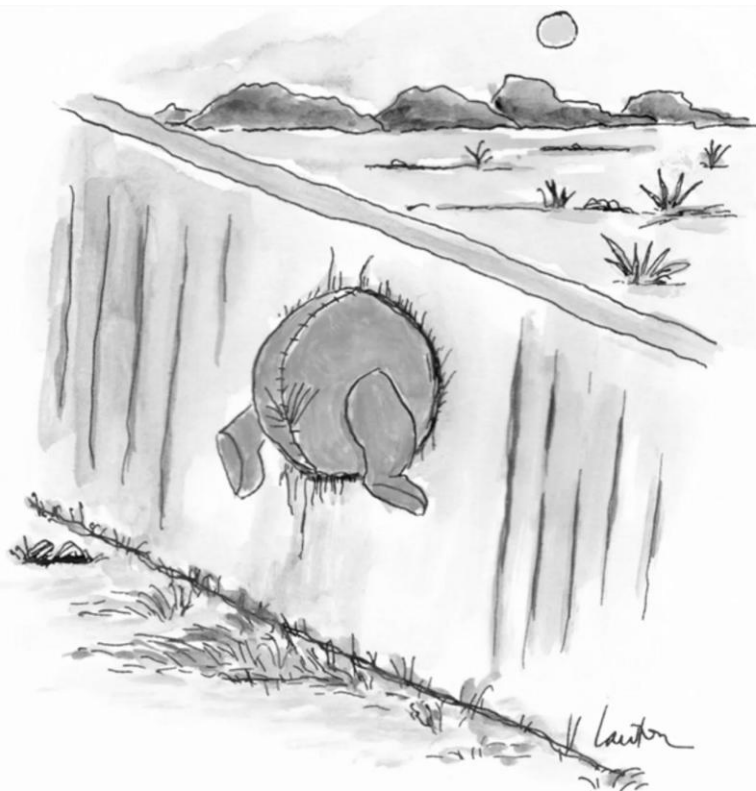
Языковая игра в данном случае реализуется на лексическом уровне. Комический эффект создается дихотомией местоимений «мы» и «те», реализуя типичное для политического дискурса противопоставление «свой» — «чужой», при этом в оригинальном тексте роль указательного местоимения «те» выполняет артикль «die» в дейктической функции, указывая на конкретного референта «бедняки Австрии», с одной стороны, и на имплицитного референта — обезпеченное население, к числу которых относит себя и сам Нехаммер.

Далее проанализируем карикатуры, центральным персонажем в которых является Дональд Трамп. Рассмотренные ниже примеры были опубликованы во время его первого президентского срока — с января 2017 по январь 2021 года, — в американской качественной прессе, журнале «Нью-Йоркер».

Карикатура на рис. 4 была опубликована 24 января 2018 г. В это время Трамп принимает критиковавшееся многими решение построить Американо-мексиканскую стену. Здесь президент принимает облик беспомощного Винни Пуха, застрывшего в заборе.

Рис. 3. Wie der Kanzler gegen die Teuerung kämpft
(«Так канцлер борется с инфляцией»)

Chapter 369: in which President Pooh gets stuck in his border wall.

Рис. 4. Chapter 369: in which President Pooh gets stuck in his border wall
(«Глава 369: в которой президент Пух застревает в своей пограничной стене»)

Автор стремится представить данное политическое решение Трампа как нелепое. В этом ему способствует не только невербальный элемент, но и подпись к карикатуре — *Chapter 369: in which President Pooh gets stuck in his border wall*. Здесь наблюдаем использование таких приемов языковой игры, как аллюзия, интертекстуальность, аллитерация. Название главы из книги о Винни-Пухе (*Chapter In Which Pooh Goes Visiting and Gets into a Tight Place*) содержит аллюзию на политическую ситуацию (упоминание стены на границе США с Мексикой). Это способствует созданию комического эффекта и критического контекста: подчеркивается нелепость ситуации, связанной с пограничной стеной, которую строил Трамп. Автор карикатуры выбирает в качестве прототипа президента Трампа Винни-Пуха (безусловно, в его аутентичном варианте и с чертами личности, придуманными британским писателем Аланом Милном, не российского «топыгина», говорящего голосом Е. Леонова) по нескольким причинам. Так, семиотическим основанием отождествления выступают и внешние характеристики Винни-Пуха (желтый окрас, который так напоминает цвет волос Трампа, лишний вес), но более интерес-

ным представляется отождествление с внутренними качествами медвежонка, который, согласно ряду зарубежных публикаций по психологии и литературоведению, имеет несколько отклонений — импульсивность и навязчивые состояния и обсессивно-компульсивный синдром, а также характеризуется крайней степенью эгоистичности.

На карикатуре на рис. 5 видим буквально выливающегося из самолета президента. Его тело — огромное и бесформенное — напоминает жидкость, а лицо не выражает никаких эмоций.

Критика в адрес Трампа выражена, в частности, в подписи к карикатуре — *A man of substance* — с помощью такого приема языковой игры, как сарказм на лексическом уровне, выраженный полисимией лексической единицы «substance» в составе идиомы «a man of substance». Устойчивое выражение «man of substance» обыкновенно используется для обозначения авторитетного, уважаемого и богатого человека. При этом слово *substance*, учитывая визуальный элемент, в данной карикатуре воспринимается буквально, то есть как вещество, субстанция. Автор использует прямую номинацию, а не ее переносное значение — позиционирует

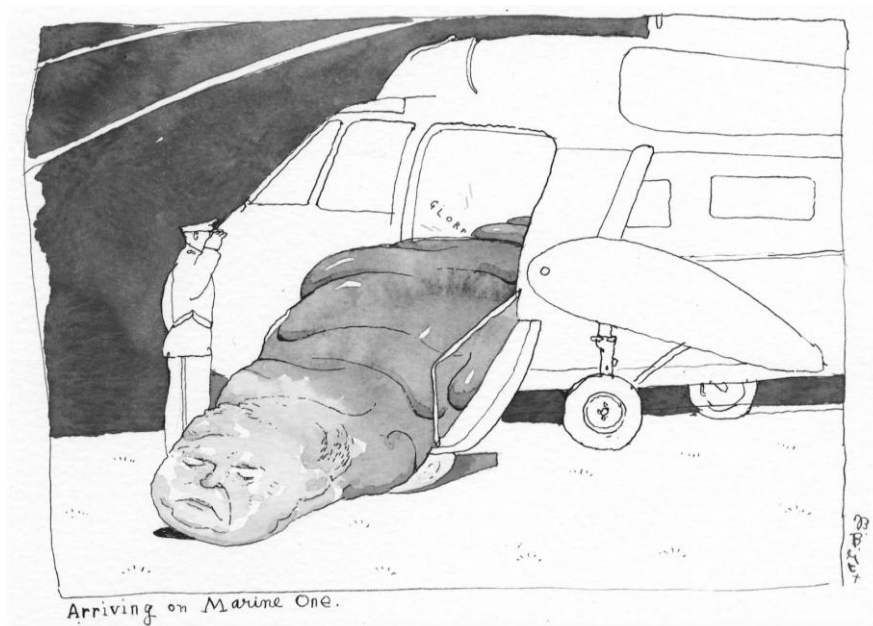
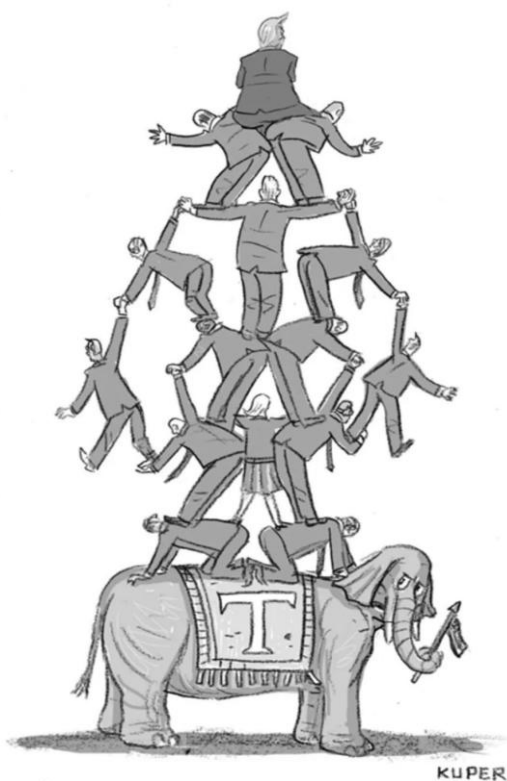

Рис. 5. A man of substance («Человек-субстанция»)

“How much longer do we have to keep this up?”

Рис. 6. How much longer do we have to keep this up? («Сколько еще нам вот так стоять?»)

президента не как уважаемого человека, а как нечто бесформенное, неспособное на физическую и тем более интеллектуальную активность.

Не менее любопытна карикатура на рис. 6, опубликованная 16 ноября 2020 г. Президент изображен сидящим на пирамиде из

людей, стоящей на слоне — символе Республиканской партии.

Карикатура вновь является критикой на Трампа, который, по мнению автора, представляется тяжелой ношей для всей партии и — шире — народа. Наблюдаем использование сразу нескольких приемов языковой

игры. Так, на уровне стилистики и структуры текста происходит обыгрывание фразового глагола *keep up*. *Keep up* может быть использован в значении «поддерживать», «продолжать» (персонажи на пирамиде буквально удерживают Трампа на вершине, то есть признают его политический курс). Но если добавить к *keep up* предлог *with*, то выражение обретет значение «терпеть» или «мириться с чем-то». В этом случае фраза *How much longer do we have to keep this up?* может быть понята в переносном смысле, как выражение усталости и разочарования в политике Трампа. Выражение *keep this up* может быть рассмотрено в данном контексте в виде эвфемизма, камуфлирующего прямой вопрос о том, как долго еще Трамп будет сидеть верхом на республиканцах.

Политические карикатуры, объединяющие в себе вербальный и визуальный коды и обеспечивающие многомодусность коммуникации, активно используются в современном политическом медиадискурсе. Поликодовые тексты имеют большой суггестивный потенциал. Они апеллируют и к эмоциям, и к разуму, различными способами воздействуют на реципиента и манипулируют массовым сознанием. Одним из наиболее ярких и эффективных способов воздействия является языковая игра, основанная на полисемии, рифме, антитезе, антонимах и других приемах. Это явление, представляющее собой намеренное отклонение от языковой нормы, содействует автору в донесении информации до реципиента, активизирует процесс восприятия образов, привлекая внимание к внешнему алогизму и в то же время важному для «разгадывания» смысла подтексту. Политическая карикатура, содержащая в себе языковую игру, способствует осмыслению актуальных политических событий.

ИСТОЧНИКИ

1. Die Neue Zeit. — URL: <https://neuezeit.at> (дата обращения: 17.03.25).
2. Kontrast.at. — URL: <https://kontrast.at> (дата обращения: 17.03.25).
3. Oliver Schopf politische Karikaturen. — URL: <https://www.oliverschopf.com> (дата обращения: 17.03.25).
4. The New Yorker. — URL: <https://www.newyorker.com> (дата обращения: 17.03.25).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. — Москва : Прогресс, 1994. — С. 72–130. — ISBN 5-01-004408-0.
2. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. — Изд. 2-е. — Москва : Художественная литература, 1963. — 448 с. — EDN VQMUQJ.
3. Буденкова, В. Е. Поликодовый текст как средство политической идентификации: анализ российской блогосферы / В. Е. Буденкова, Е. Н. Савельева, О. В. Князюк // Слово.ру: балтийский акцент. — 2023. — Т. 14, № 2. — С. 115–138. — DOI 10.5922/2225-5346-2023-2-7. — EDN LOGNFX.
4. Габдрафикова, Т. Ш. Мультиmodalность речевой агрессии в виртуальной среде / Т. Ш. Габдрафикова // Филоло-

гические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 7. — Ч. 3. — С. 76–79. — EDN YUCGED.

5. Галкина, С. Ф. Поликодовые и полиmodalные тексты в профессионально ориентированном обучении РКИ / С. Ф. Галкина, В. И. Филатова, А. С. Юсеев // Мир русского слова. — 2021. — № 3. — С. 103–112. — DOI 10.24412/1811-1629-2021-3-103-112. — EDN RCQKJT.

6. Ирисханова, О. К. Семиотика плаката в социокогнитивном освещении: лейбористы, капиталисты и углеродные следы / О. К. Ирисханова // Актуальные проблемы английского языкознания : сб. науч. статей. К юбилею профессора О. В. Александровой / под ред. Т. А. Комовой, Д. С. Мухомовой. — Москва : Макс Пресс, 2012. — С. 319. — EDN VQVQTV.

7. Кибрик, А. А. Мультиmodalная лингвистика / А. А. Кибрик // Когнитивные исследования — IV. — Москва : ИП РАН, 2010. — С. 134–152. — EDN SMRPED.

8. Ларионова, М. В. Семиотика визуальной метафоры в мексиканском электоральном дискурсе: на примере президентской избирательной кампании 2024 г. / М. В. Ларионова, С. К. Мосина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2024. — Т. 15. — № 3. — С. 1021–1039. — DOI 10.22363/2313-2299-2024-15-3-1021-1039. — EDN KFYAXU.

9. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. — Москва : АСТ, 2017.

10. Некрасова, Е. Д. К вопросу о восприятии полиmodalных текстов / Е. Д. Некрасова // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 378. — С. 45–48. — EDN RZCHTI.

11. Пиле, И. А. Текст как поликодовое явление / И. А. Пиле // Дизайн СМИ: тренды XXI века / МГУ. — 2017. — № 3. — С. 67–76. — EDN YQOTVB.

12. Попова, Т. И. Поликодовый vs вербальный текст в академическом лекционном дискурсе / Т. И. Попова, Д. В. Колесова // Общество. Коммуникация. Образование. — 2020. — Т. 11, № 3. — С. 78–87. — DOI 10.18721/JHSS.11306. — EDN FJVVTK.

13. Радина, Н. К. Межпредметный классификатор для количественных медиаисследований на материале политических карикатур / Н. К. Радина // Медиаскоп. — 2021. — Вып. 3. — URL: <http://www.mediascope.ru/2723> (дата обращения: 17.03.25). — DOI 10.30547/mediascope.3.2021.8. — EDN RQDBWL.

14. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 541 с. — ISBN 5-7859-0077-7.

15. Словицова, Е. Л. Синергетические категории дискурса (на материале рекламного дискурса) / Е. Л. Словицова, М. Н. Ельцова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2012. — № 2 (18). — С. 67–83. — EDN OZMIXR.

16. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Волгоград : Перемена, 2000. — 368 с. — EDN NLROTZ.

17. Kabakhidze, E. L. Philosophical and cognitive aspects of visual metaphor in political discourse / E. L. Kabakhidze // RUDN Journal of Philosophy. — 2024. — № 28 (4). — P. 1086–1105. — DOI 10.22363/2313-2302-2024-28-4-1086-1105. — EDN JZRHUJ.

18. Paivio, A. Dual coding theory and the mental lexicon / A. Paivio // Mental Lexicon. — 2010. — No 5. — P. 205–230. — DOI 10.1075/ml.5.2.04pai.

MATERIALS

1. Die Neue Zeit. Available at March 17, 2025 from <https://neuezeit.at>.
2. Kontrast.at. Available at March 17, 2025 from <https://kontrast.at>.
3. Oliver Schopf political cartoons = Oliver Schopf politische Karikaturen. Available at March 17, 2025 from <https://www.oliverschopf.com>.
4. The New Yorker. Available at March 17, 2025 from <https://www.newyorker.com>.

REFERENCES

1. Barthes, R. (1994). Selected Works. Semiotics. Poetics. Moscow: Progress. ISBN 5-01-004408-0.

2. Bakhtin, M. M. (1963). Problemy poetiki Dostoevskogo = Problems of Dostoevsky's Poetics. Ed. 2nd. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 448 s. EDN VQMUQJ.
3. Budenkova, V. E., Savel'eva, E. N., Kniaziuk, O. V. (2023). Polikodovyi tekst kak sredstvo politicheskoi identifikatsii: analiz rossiiskoi blogosfery = Polycode text as a means of political identification: an analysis of the Russian blogosphere. *Slovo.ru: Baltic Accent*, 14(2), 115–138. DOI 10.5922/2225-5346-2023-2-7. EDN LOGNFX.
4. Gabdrifikova, T. Sh. (2017). Mul'timodal'nost' rechevoi aggressii v virtual'noi srede = Multimodality of speech aggression in a virtual environment. *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, 7(part 3), 76–79. EDN YUCGED.
5. Galkina, S. F., Filatova, V. I., Iusiae, A. S. (2021). Polikodovy i polimodal'nye teksty v professional'no orientirovannom obuchenii RKI = Polycode and polymodal texts in professionally oriented RCT training. *The World of the Russian Word*, 3, 103–112. DOI 10.24412/1811-1629-2021-3-103-112. EDN RCQKJT.
6. Iriskhanova, O. K. (2012). Semiotika plakata v sotsiokognitivnom osveshchenii: leiboristy, kapitalisty i uglerodnye sledy = Poster semiotics in sociocognitive lighting: labor, capitalists, and carbon footprints. *Current Issues in English Linguistics. A Collection of Scientific Articles. On the Anniversary of Professor O. V. Alexandrova* (edited by T. A. Komova, D. S. Mukhortov), 319. Moscow: Maks Press. EDN VQVQTV.
7. Kibrik, A. A. (2010). Mul'timodal'naia lingvistika = Multimodal linguistics. *Cognitive Research — IV*, 134–152. Moscow: IP RAN. EDN SMRPED.
8. Larionova, M. V., Mosina, S. K. (2024). Semiotika vizual'noi metafory v meksikanskom elektoral'nom diskurse: na primere prezidentskoi izbiratel'noi kampanii 2024 g. = Semiotics of visual metaphors in Mexican electoral discourse: based on the 2024 presidential election campaign. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics*, 15(3), 1021–1039. DOI 10.22363/2313-2299-2024-15-3-1021-1039. EDN KFYAXU.
9. Lebon, G. (2017). Psikhologiya narodov i mass = Psychology of peoples and masses. Moscow: AST.
10. Nekrasova, E. D. (2014). K voprosu o vospriyatii polimodal'nykh tekstov = On the issue of perception of polymodal texts. *Bulletin of Tomsk State University*, 378, 45–48. EDN YQOTVB.
11. Pile, I. A. (2017). Tekst kak polikodovoe iavlenie = Text as a polycode phenomenon. *Media Design: 21st Century Trends*, 67–76. MGU. EDN YQOTVB.
12. Popova, T. I., Kolesova, D. V. (2020). Polikodovyi vs verbal'nyi tekst v akademicheskoi lekttsionnoi diskurse = Polycode vs verbal text in academic lecture discourse. *Society. Communication. Education*, 11(3), 78–87. DOI 10.18721/JHSS.11306. EDN FJVVTK.
13. Radina, N. K. (2021). Mezhpredmetnyi klassifikator dlia kolichestvennykh mediaissledovaniy na materiale politicheskikh karikatur = Interdisciplinary classifier for quantitative media studies based on political cartoons. *Mediascope*, 3. Available at March 17, 2025 from <http://www.mediascope.ru/2723>. EDN RQDBWL.
14. Sannikov, V. Z. (1999). Russkii iazyk v zerkale iazykovoi igry = Russian language in the mirror of wordplay. Moscow: Languages of Russian Culture, 541 p. ISBN 5-7859-0077-7.
15. Slovikova, E. L., El'tsova, M. N. (2012). Sinergeticheskie kategorii diskursa (na materiale reklamnogo diskursa) = Synergetic categories of discourse (based on advertising discourse). *Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology*, 2(18), 67–83. EDN OZMIXR.
16. Sheigal, E. I. (2000). Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of political discourse. Volgograd: Peremena, 368 p. EDN NLROTZ.
17. Kabakhidze, E. L. (2024). Philosophical and cognitive aspects of visual metaphor in political discourse. *RUDN Journal of Philosophy*, 28(4), 1086–1105.
18. Paivio, A. (2010). Dual coding theory and the mental lexicon. *Mental Lexicon*, 5, 205–230. DOI 10.1075/ml.5.2.04pai.

Политическая лингвистика. 2025. № 6 (114).
Political Linguistics. 2025. No 6 (114).

УДК 811.111(73):42+811.111:271.2
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.55; 16.21.27

Код ВАК 5.9.6 (Германские языки); 5.9.8

Виктория Игоревна Космодемьянская

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, kosmoviktoria@gmail.com, SPIN-код: 1902-8924

Коммуникативная стратегия речевой агрессии и вежливости в американском политическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются стратегии прямой и не прямой речевой агрессии и способы нарушения кооперативного сотрудничества в современном американском политическом дискурсе на материале англоязычных президентских дебатов. С опорой на теоретические положения Г. П. Грайса, Д. Лича, П. Брауна и С. Левинсона политические дебаты рассматриваются как институциональный тип дискурса, в котором коммуниканты используют кооперативные нормы общения не для гармонизации сотрудничества, а наоборот — преднамеренно нарушают принципы кооперативного взаимодействия, игнорируют принципы вежливого общения в качестве инструмента воздействия на массовую аудиторию. Анализ примеров речей политиков Дональда Трампа и Барака Обамы в ходе их предвыборных дебатов 2012 и 2016 годов показал, что коммуниканты выбирают полярно противоположные риторические модели поведения. Д. Трамп прибегает к агональному противопоставлению, в рамках которого политик использует стратегии и тактики прямой речевой агрессии, направленные на дискредитацию оппонента и повышение своего имиджа в глазах избирателей. Барак Обама, напротив, реализует глобальную стратегию кооперативной имплицитной интенциональности, которая помогает ему одновременно сохранить позитивное лицо и создать положительный политический имидж. Разнообразие стратегий и тактик, реализуемых политическими деятелями, формирует две модели политического коммуникативного взаимодействия: открыто-конфликтную модель и имплицитно-интеллектуальную.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политическая лингвистика, американские президенты, политическая риторика, политические речи, речевая деятельность, речевые жанры, предвыборные дебаты, языковая личность, лингвоперсоналогия, коммуникативная стратегия, речевая агрессия, имплицитная интенциональность, кооперативное взаимодействие, президентские дебаты, коммуникативное поведение.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Космодемьянская Виктория Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения, институт иностранных языков, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48, email: kosmoviktoria@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Космодемьянская, В. И. Коммуникативная стратегия речевой агрессии и вежливости в американском политическом дискурсе / В. И. Космодемьянская. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 6 (114). — С. 102-106.

Viktoriya I. Kosmodemyanskaya

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia, kosmoviktoria@gmail.com, SPIN code: 1902-8924

Communication Strategies of Verbal Aggression and Politeness in American Political Discourse

ABSTRACT. The article analyzes the strategies of direct and indirect verbal aggression and the ways of violating mutual cooperation in modern American political discourse on the material of English-language presidential debates. Drawing on the theoretical ideas of P. Grice, G. Leech, P. Brown and S. Levinson, political debates are considered as an institutional type of discourse, in which communicators use cooperative norms of communication not to harmonize interaction, but on the contrary, to intentionally violate the rules of cooperative interaction and to ignore the principles of polite communication as a tool for influencing mass audience. The analysis of four samples of the speeches of the politicians Donald Trump and Barack Obama in their 2012 and 2016 election debates has revealed that the opponents follow polar rhetorical models of behavior. D. Trump employs agonal confrontation, in which the politician uses the strategies and tactics of direct verbal aggression, aimed at discrediting the opponent and improving his own image in the eyes of the voters. Barack Obama, on the contrary, realizes the global strategy of cooperative implicit intentionality, which helps him to simultaneously save face and create a positive political image. The variety of strategies and tactics employed by the politicians forms two models of political communicative interaction, such as an open-conflict model and an implicit-intellectual model.

KEYWORDS: political discourse, political linguistics, American presidents, political rhetoric, political speeches, speech, speech genres, election debates, linguistic personality, linguopersonology, communication strategy, verbal aggression, implicit intentionality, cooperative interaction, presidential debates, communicative behavior.

AUTHOR'S INFORMATION: Kosmodemyanskaya Viktoriya Igorevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of the English language and Linguocultural Studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

FOR CITATION: *Kosmodemyanskaya V. I. (2025). Communication Strategies of Verbal Aggression and Politeness in American Political Discourse. In Political Linguistics. No 6 (114), pp. 102-106. (In Russ.).*

Политическая коммуникация представляет собой вид дискурса, в котором взаимодействие коммуникантов направлено не только на обмен информацией, но и на воздействие на массовое сознание и конструирование социально значимых образов. В контексте такой коммуникации язык выступает в качестве механизма контроля и влияния. Как отмечает известный лингвист-исследователь Т. ван Дейк, «дискурс политики — это борьба за интерпретацию реальности» [Ван Дейк 2000]. В этой борьбе языковые средства становятся инструментом формирования власти, идентичности и идеологического контроля, а политический дискурс рассматривается как персуазивный.

Прямая и непрямая коммуникация в политическом дискурсе, согласно П. Грайсу [Грайс 1985], соотносятся с кооперативным принципом общения, включающим максимы качества, количества, отношения (релевантности) и способа (манеры), а также с соблюдением принципов вежливости Д. Лича и П. Брауна, С. Левинсона [Brown, Levinson 1994]. Нарушение этих максим часто используется политиками сознательно для усиления прагматического эффекта высказывания.

Жанр президентских дебатов характеризуется определенными ролевыми ожиданиями: в ходе дебатов оппоненты должны опираться на конкретные факты, аргументированно отвечать на поставленные вопросы и анализировать экономические и социальные проблемы, предлагая способы и пути их решения. Такое взаимодействие предполагает определенный уровень кооперации, однако не всегда политики выбирают коммуникативные стратегии кооперативной прямой интенциональности, поскольку в ходе коммуникации оппоненты включаются в политическую игру, в которой нужно не только сохранить свое позитивное лицо и создать положительный имидж в глазах наблюдателей (избирателей), но и достичь определенных коммуникативных задач и целей [Иссерс 1999: 182; Космодемьянская, 2018]. Сочетание кооперации и конфронтации, в свою очередь, помогает политическим деятелям выстраивать стратегические ходы, управлять ходом общения, перераспределять власть [Седов 2004; Кравченко 2000; Дементьев 2000].

В этой связи особо показательными являются две совершенно разные модели коммуникативного поведения таких американских политических лидеров, как Дональд Трамп и Барак Обама. Д. Трамп является яркой и эпатажной личностью, шоуменом, коммуникатив-

ному стилю которого свойственно полное или частичное нарушение кооперативных норм. В рамках предвыборных дебатов 2016 года его коммуникативная модель поведения строится на идее о том, что политическая коммуникация — это борьба за власть: вместо аргументации он часто выбирает открытый конфликт; вместо логических доказательств и совместного поиска истины — доминирование и демонстрацию силы с тактикой перехода на личности. В таком контексте не требуется следовать жанровым правилам — наоборот, их разрушение усиливает образ человека «вне системы», коим является бизнесмен Д. Трамп.

Рассмотрим несколько примеров.

Пример 1.

CLINTON: *Well, Chris, I am on record as saying that we need to put more money into the Social Security Trust Fund. That's part of my commitment to raise taxes on the wealthy. My Social Security payroll contribution will go up, as will Donald's, assuming he can't figure out how to get out of it. But what we want to do is to replenish the Social Security Trust Fund...*

TRUMP: *Such a nasty woman.*

[URL: <https://www.politico.com/story/2016/10/2016-presidential-debate-transcript-229519>, дата обращения: 12.11.2025].

В своей иницилирующей реплике, при обсуждении вопроса социального обеспечения — темы, требующей рациональной аргументации, Х. Клинтон подробно объясняет механизмы пополнения Social Security Trust Fund и прибегает к тактике легкой иронии, намекая на то, что Д. Трамп мог бы «найти способ избежать налогов».

В своей ответной реплике Д. Трамп выбирает некооперативное сотрудничество и, меняя прагматический фокус, переводит обсуждение из институциональной плоскости в личную («Such a nasty woman»), что, исходя из теории речевых актов, является классическим примером «face-threatening act», направленного на подрыв позитивного имиджа оппонента. Трамп отказывается признавать правила политической рациональности и стремится установить некую иерархию, где он доминант. Политик намеренно выбирает стратегию речевой агрессии и модель агональной коммуникации, в которой победу обеспечивает не аргументированность речи, а эмоциональность и сила словесного «удара». Д. Трамп искусно смещает фокус с вопроса, касающегося налоговой политики, на эмоциональную реакцию электората. Эмо-

ционально окрашенный эпитет «nasty» и усиленная конструкция «such a...» изначально является яркой и живой эмоциональной реакцией на провокацию со стороны Х. Клинтон, но искусно превращенной в инструмент коммуникации.

Пример 2.

CLINTON: *Everything he just said is absolutely false, but I'm not surprised. In the first debate, I told people it would be impossible to be fact checking Donald all the time. I would never get to talk about anything I'd want to do and how we're really, going to really, make lives better for people....We have literally Trump — you can fact check him in real time. Last time at the first debate, we had millions of people fact checking so I expect we will have millions more fact checking because, you know, it's just awfully good that someone with the temperament of Donald Trump is not in charge of the law in our country.*

TRUMP: *Because you would be in jail.*

[URL: <https://www.latimes.com/politics/la-na-pol-final-presidential-debate-transcript-clinton-trump-20161019-snap-htmstory.html>, дата обращения: 14.11.2025].

Пресуппозиция: Хиллари Клинтон скрыла огромное количество личных писем на своей рабочей почте, что является крайне неуместной ситуацией для политика.

Ситуация: Д. Трамп дискредитирует и обвиняет Х. Клинтон.

Д. Трамп в своей ответной реплике выбирает прямую некооперативную интенциональность и прямым текстом обвиняет Хиллари Клинтон в совершении преступления, несмотря на то, что официальные расследования не привели к таким выводам. Лаколичная и агрессивно-оценочная фраза «Because you'd be in jail» создает эффект окончательности суждения и лишает оппонента возможности продолжить диалог и отстоять себя. Речевая агрессия Д. Трампа и в этом примере переходит из разряда эмоциональной реакции на слова Х. Клинтон в разряд риторической стратегии. Политик формирует в лице Х. Клинтон образ преступницы, которой нельзя доверять страну, а себя при этом выставляет в наилучшем свете. Сила его коммуникативных ходов и стратегий заключается в том, что он говорит прямолинейно то, что многие его сторонники хотят услышать. Он не маскирует агрессию под маской ироничных или саркастических высказываний, как делают его политические соперники.

Противоположной по коммуникативной модели общения представляется фигура Барака Обамы, характеризующаяся частым обращением к косвенным речевым актам и не прямой коммуникации, основанной на

иронии и имплицитных контрастах, что помогает ему создать положительный имидж и сохранить позитивное лицо посредством так называемой мнимой кооперативной направленности. Непрямая коммуникация и имплицитные смыслы помогают политику искусно маневрировать в политической игре, представляя перед избирателями в качестве спокойного, уравновешенного, справедливого политического деятеля, которому можно доверить будущее страны.

Пример 1.

ROMNEY: *Our Navy is old — excuse me, our Navy is smaller now than at any time since 1917. The Navy said they needed 313 ships to carry out their mission. We're now at under 285. We're headed down to the low 200s if we go through a sequestration. That's unacceptable to me...*

OBAMA: *Governor Romney, I'm glad that you recognize that al-Qaida's a threat because a few months ago when you were asked, what's the biggest geopolitical threat facing America, you said Russia — not al-Qaida, you said Russia. And the 1980s are now calling to ask for their foreign policy back because, you know, the Cold War's been over for 20 years.*

OBAMA: *Bob, I just need to comment on this. You mentioned the Navy, for example, and that we have fewer ships than we did in 1916. Well, Governor, we also have fewer horses and bayonets, because the nature of our military's changed. We have these things called aircraft carriers, where planes land on them. We have these ships that go underwater, nuclear submarines...*

[URL: <https://www.npr.org/2012/10/22/163436694/transcript-3rd-obama-romney-presidential-debate>, дата обращения: 12.11.2025].

В своей ответной реплике на иницирующую реплику М. Ромни о «российской угрозе» и плачевном состоянии американского флота, Б. Обама реализует стратегию скрытой агрессии и дискредитации противника. Данная стратегия на фоне прямолинейного и аргументативного стиля общения М. Ромни помогает Б. Обаме сохранить свое позитивное лицо и положительный имидж. Реплика президента начинается с формальной учтивости «Governor Romney, I'm glad that you recognize that al-Qaida's a threat...», однако своей прагматической целью Б. Обама ставит имплицитное утверждение своего интеллектуального превосходства. Похвала из уст Б. Обамы является ложной, именно поэтому и создается эффект скрытой агрессии. Используемая Обамой метафора, «The 1980s are now calling to ask for their foreign policy back...» о телефонной «пересылке» между эпохами, помогает ему на лингвистическом

уровне внушить аудитории (наблюдателям) мысль о том, что Митт Ромни мыслит устаревшими категориями и видит современный мир не в реальном времени, а таким, который существовал во времена холодной войны, что также подрывает его авторитет перед избирателями. Реализуемая Б. Обамой тактика насмешки и иронии не позволяет коммуникантам развязать открытый конфликт, но дает Б. Обаме интеллектуальное преимущество перед соперником, делая Ромни объектом насмешки и легкого пренебрежения. При этом рамки кооперативного взаимодействия и принципа вежливости остаются соблюдены.

Пример 2.

ОВАМА: *And I've got to tell you, Iowa, this is not a pipedream; there are nearly 7,000 jobs in Iowa right now depending on wind energy. Last night, Governor Romney claimed he didn't have a plan to end wind jobs in Iowa, but he called these jobs "imaginary." His plan would end tax credits for wind energy producers. That is a fact. My plan will keep these investments, and we'll keep reducing the carbon pollution that's also heating the planet -- (applause) -- because climate change isn't a hoax. The droughts we've seen, the floods, the wildfires -- those aren't a joke. They're a threat to our children's future. And we can do something about it. That's part of what's at stake in this election.*

[URL: <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-22-2012-the-third-obama-romney-presidential-debate/>, дата обращения: 13.11.2025]

В своем выступлении в штате Айова Б. Обама вновь прибегает к мнимой кооперации и непрямой коммуникации и выбирает мягкую, но достаточно точную тактику иронии и сарказма: «Last night, Governor Romney claimed he didn't have a plan to end wind jobs in Iowa, but he called these jobs 'imaginary'». Именно иронический комментарий и тактика насмешки подчеркивают несоответствие слов своего политического оппонента действительности. Комментируя позицию Митта Ромни по ветряной энергетике, Б. Обама использует непрямую коммуникацию и имплицитные смыслы, как будто бы скрытно навязывая аудитории мнение о том, что Ромни пытается обесценить то, что в действительности существует. Таким образом, стратегия выглядит не агрессивной, а очень тонкой, но в то же время помогает дискредитировать оппонента и подорвать его имидж.

Итак, приведенный анализ примеров речей Д. Трампа и Б. Обамы в ходе предвыборных дебатов демонстрирует фундаментальное различие между коммуникативными моделями политических деятелей. Д. Трамп

выстраивает свою коммуникацию как борьбу за власть, где главной коммуникативной целью ставится именно личная победа над противником. Его реакции и ответные реплики можно охарактеризовать как прямые, открытые, живые, мгновенные. Он полностью пренебрегает нормами кооперативного взаимодействия превращает дебаты в политическую арену, при этом разрушая образ институционального лидера.

Б. Обама, в свою очередь, действует иначе. Свои коммуникативные ходы он реализует при помощи мнимой кооперативной направленности и имплицитных смыслов, построенных на иронии, сарказме и тонких сравнениях. Сохраняя внешнюю вежливость и кооперацию, политик искусно высмеивает и дискредитирует своего оппонента в глазах наблюдателей (электората). В отличие от прямой агрессии Д. Трампа, агрессия Обамы интеллектуальная и изощренная, что помогает ему создать положительный образ политика, способного владеть словом и ситуацией одновременно. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что оба эти стиля коммуникации являются по-своему эффективными. Д. Трамп выигрывает среди тех, кто ценит прямоту, силу, напор и эмоциональную энергию. Сильная сторона Б. Обамы заключается в его тонком риторическом подходе, при котором он сохраняет политическую культуру, придерживается норм ведения политических дебатов и выигрывает среди тех, кто ценит внешнюю вежливость, спокойствие и институциональный образ.

ИСТОЧНИКИ

1. Politico. Full transcript: Second 2016 presidential debate. URL: <https://www.politico.com/story/2016/10/2016-presidential-debate-transcript-229519> (дата обращения: 12.11.2025).
2. Los Angeles Times. URL: <https://www.latimes.com/politics/la-na-pol-final-presidential-debate-transcript-clinton-trump-20161019-snap-htmlstory.html> (дата обращения: 14.11.2025).
3. NPR. URL: <https://www.npr.org/2012/10/22/163436694/transcript-3rd-obama-romney-presidential-debate> (дата обращения: 12.11.2025).
4. Commission on Presidential Debates. The third Obama-Romney Debate. URL: <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-22-2012-the-third-obama-romney-presidential-debate/> (дата обращения: 13.11.2025).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. Вып. XVI. — Москва : Прогресс, 1985 — С. 217–237.
2. Дейк, Т. А. ван. Язык, познание, коммуникация / Т. А. ван Дейк. — Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — 308 с. — ISBN 5-80157-202-3.
3. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры / В. В. Дементьев. — Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2000. — 245 с. — ISBN 5-292-02534-8. — EDN RENCTF.
4. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Омск, 1999. — 285 с. — ISBN 5-7779-0142-5. — EDN UDTJOT.
5. Караулова, Ю. А. Агональные стратегии в американском предвыборном дискурсе (на материале политических дебатов участников республиканских праймериз 2023 г.) / Ю. А. Караулова, Е. А. Антюхова // Вестник Костромского

государственного университета. — 2023. — Т. 29, № 4. — С. 160–167. — DOI 10.34216/1998-0817-2023-29-4-160-167. — EDN LXWTFQ.

6. Карпухина, Т. П. Дискурсивные стратегии отражения и конструирования в масс-медийной репрезентации предвыборных дебатов в американском политическом дискурсе / Т. П. Карпухина // Гуманитарный научный вестник. — 2020. — № 3. — С. 158–169. — DOI 10.5281/zenodo.3768959. — EDN XLMVNZ.

7. Кашкарова, О. В. Выражение согласия-несогласия в английском языке: лексический аспект / О. В. Кашкарова, Е. А. Крюкова // *Interlingua-2022* : сб. науч. тр. II Междунар. науч.-практ. конф. — Липецк, 2022. — С. 66–70. — EDN ARPASB.

8. Космодемьянская, В. И. Коммуникативная стратегия согласия/несогласия в рамках прямой кооперативной реагирующей интенциональности / В. И. Космодемьянская // Политическая лингвистика. — 2020. — № 4 (82). — С. 47–52. — DOI 10.26170/pl20-04-05. — EDN MFFTYH.

9. Космодемьянская, В. И. Концептуальные основания, прагматические и лингвистические особенности прямых и не прямых реактивных реплик (на материале современных англоязычных диалогических дискурсов) : дис. ... канд. филол. наук / Космодемьянская В. И. — Санкт-Петербург, 2018. — 193 с.

10. Кравченко, А. В. Что такое коммуникация? Очерк биокогнитивной философии языка / А. В. Кравченко // Прямая и не прямая коммуникация / ред. В. В. Дементьев. — Саратов : Колледж, 2003. — С. 27–39. — EDN IYUFYG.

11. Куприянова, В. И. «Дебаты»: от теории к практике : руководство / В. И. Куприянова, А. И. Назаров. — Хабаровск : Изд-во ДВАГС, 2009. — 103 с.

12. Николаева, Е. В. Лексико-грамматические способы выражения согласия/несогласия в английском языке / Е. В. Николаева, И. С. Павлова // Вопросы филологии и переводоведения в контексте современных исследований : сб. науч. ст. XI Междунар. науч.-практ. конф. — Чебоксары : Чувашск. гос. пед. ун-т, 2019. — С. 78–81. — EDN NFDBBZ.

13. Седов, К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. — Москва : Лабиринт, 2004. — 317 с. — ISBN 5-87604-031-2.

14. Brown, P. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown. — Cambridge: Cambridge University Press, 1987. — 345p. ISBN 0-521-30862-3.

MATERIALS

1. Politico (2016). Full transcript: Second 2016 presidential debate. Available at Nov. 12, 2025 from <https://www.politico.com/story/2016/10/2016-presidential-debate-transcript-229519>.

2. Los Angeles Times (2016). Available at Nov. 14, 2025 from <https://www.latimes.com/politics/la-na-pol-final-presidential-debate-transcript-clinton-trump-20161019-snap.htmlstory.html>.

3. NPR (2012). Available at Nov. 12, 2025 from <https://www.npr.org/2012/10/22/163436694/transcript-3rd-obama-romney-presidential-debate>.

4. Commission on Presidential Debates (2012). The third Obama-Romney Debate. Available Nov. 13, 2025 from <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-22-2012-the-third-obama-romney-presidential-debate/>.

REFERENCES

1. Grays, G. P. (1985). Logika i rechevoe obshchenie = Logic and Speech Communication. *New in Foreign Linguistics. Linguistic Pragmatics. Issue XVI*, 217–237. Moscow: Progress.

2. Deyk, T. A. van (2000). Yazyk, poznanie, kommunikatsiya = Language, Cognition, Communication. — Blagoveshchensk: BGK im. I. A. Boduehna de Kurteneh, 308 p. ISBN 5-80157-202-3.

3. Dement'ev, V. V. (2000). Nepryamaya kommunikatsiya i ee zhanry = Indirect Communication and Its Genres. Saratov: Izd-vo GosUNTS «Kolledzh», 245 p. ISBN 5-292-02534-8. EDN REHCTF.

4. Issers, O. S. (1999). Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi = Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech. Omsk, 285 p. ISBN 5-7779-0142-5. EDN UDTJOT.

5. Karaulova, Yu. A., Antyukhova, E. A. (2023). Agonal'nye strategii v amerikanskom predvybornom diskurse (na materiale politicheskikh debatov uchastnikov respublikanskikh praymeriz 2023 g.) = Agonal strategies in the American election campaign discourse (a case study of the political debates of the 2023 Republican primary candidates). *Bulletin of Kostroma State University*, 29(4), 160–167. DOI 10.34216/1998-0817-2023-29-4-160-167. EDN LXWTFQ.

6. Karpukhina, T. P. (2020). Diskursivnye strategii otrazheniya i konstruirovaniya v mass-mediynoy reprezentatsii predvybornykh debatov v amerikanskom politicheskom diskurse = Discourse strategies of reflection and construction in mass-media representation of Primary Presidential Debates in American political discourse. *Humanitarian Scientific Bulletin*, 3, 158–169. DOI 10.5281/zenodo.3768959. EDN XLMVNZ.

7. Kashkarova, O. V., Kryukova, E. A. (2022). Vyrazhenie soglasiya-nesoglasiya v angliyskom yazyke: leksicheskiy aspekt = Expression of consent-disconsent in the english language: lexical aspect. *Interlingua-2022: Coll. of Scientific Papers of the II International Scientific and Practical Conf.*, 66–70. Lipetsk. EDN ARPASB.

8. Kosmodem'yanskaya, V. I. (2020). Kommunikativnaya strategiya soglasiya/nesoglasiya v ramkakh pryamoy kooperativnoy reaguuyushchey intentsional'nosti = Communicative strategies of agreement and disagreement in direct cooperative response intentionality. *Political Linguistics*, 4(82), 47–52. DOI 10.26170/pl20-04-05. EDN MFFTYH.

9. Kosmodem'yanskaya, V. I. (2018). Kontseptual'nye osnovaniya, pragmaticheskie i lingvisticheskie osobennosti pryamykh i nepryamykh reaktivnykh replik (na materiale sovremennykh angloязычных dialogicheskikh diskursov) = Conceptual Foundations, Pragmatic and Linguistic Stylistic Features of Direct and Indirect Reactive Replicas (Based on Modern English-Language Dialogical Discourses). Diss. ... of Cand. of Philological Sciences. St. Petersburg, 193 p.

10. Kravchenko, A. V. (2003). Chto takoe kommunikatsiya? Ocherk biokognitivnoy filosofii yazyka = What is Communication? An essay on biocognitive philosophy of language. *Direct and indirect communication* (Ed. V. V. Dement'ev), 27–39. Saratov: Kolledzh. EDN IYUFYG.

11. Kupriyanova, V. I., Nazarov, A. I. (2009). «Debaty»: ot teorii k praktike : rukovodstvo = “Debates”: from theory to practice: a guide. Khabarovsk: Izd-vo DVAGS, 103 p.

12. Nikolaeva, E. V., Pavlova, I. S. (2019). Leksiko-grammaticheskie sposoby vyrazheniya soglasiya/nesoglasiya v angliyskom yazyke = Lexical and grammatical ways of expressing agreement/disagreement in the English language. *Issues of philology and translation studies in the context of modern research. Collection of scientific articles. XI Intern. scientific and practical conf.*, 78–81. Cheboksary: Chuvash State Ped. University. EDN NFDBBZ.

13. Sedov, K. F. (2004). Diskurs i lichnost': ehvolyutsiya kommunikativnoy kompetentsii = Discourse and Personality: The Evolution of Communicative Competence. Moscow: Labirint, 317 p. ISBN 5-87604-031-2.

14. Brown, P., Levinson, S. (1987). Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 345p. ISBN 0-521-30862-3.

Политическая лингвистика. 2025. № 6 (114).
Political Linguistics. 2025. No 6 (114).

УДК 811.581'42+81'27

ББК Ш171.1-51+Ш100.621+Ш100.63

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 5.9.8

Мария Анатольевна Степень

Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай, stepenmaria@yandex.com, <https://orcid.org/0009-0003-9615-1339>

Лингвокультурологическая специфика политического концепта «全面建成小康社会» (полное построение среднезажиточного общества) в сборнике «Си Цзиньпин. О государственном управлении»

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена выявлению лингвокультурологической специфики китайского политического концепта «全面建成小康社会» (полное построение среднезажиточного общества), который является одним из ключевых понятий национальной культуры Китая. Актуальность темы обусловлена недостаточным количеством работ и исследований в области китайских политических концептов, в результате чего многие из них, включая «полное построение среднезажиточного общества», часто подвергаются неверной интерпретации или недопониманию в межкультурном диалоге между Россией и Китаем. Основной целью исследования является представление политического концепта «全面建成小康社会» (полное построение среднезажиточного общества) в китайской языковой картине мира, а именно выявление его лингвистической организации, культурной значимости и политической роли, а также установление специфики его языковой репрезентации в китайском мировоззрении. В рамках данного исследования основное внимание уделяется моделированию и анализу семантического поля политического концепта, выявляются языковые средства, вербализующие концепт, богатый синонимический ряд, а также разнообразие глагольных связей, сочетающихся с данным концептом. Проанализированный материал позволил раскрыть смысловую нагрузку и специфический аспект сущности концепта: его идеологическую направленность и политическую значимость для развития социализма («великой победы социализма с китайской спецификой» в новую эпоху), его структурированную направленность на всесторонний прогресс («всестороннее развитие») и его народный характер («благополучие народа»). Автор делает вывод о том, что концепт несет в себе глубокий лингвокультурологический смысл, который выходит за рамки простого экономического роста и затрагивает основополагающие ценности, исторические корни и культурную идентичность Китая, а в нынешних условиях глобализации становится важным ориентиром не только внутри страны, но и за её пределами. Результаты исследования внесут существенный вклад в формирование более полного и объективного представления о ключевых политических концептах современного Китая, а также расширят поле лингвокультурологических исследований в области политического дискурса Китая, что будет способствовать развитию более конструктивного диалога и углублению взаимопонимания между Россией и Китаем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политическая лингвистика, концептосфера, политический концепт, китайский язык, китайские политики, построение среднезажиточного общества, структура концепта, языковая картина мира, лингвокультурология, китайская лингвокультура, политический текст.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Степень Мария Анатольевна, аспирантка (специализация «Перевод и изучение международных политических текстов Северо-Восточной Азии»), Даляньский университет иностранных языков; 116044, Китай, Далянь, Люйшуньское шоссе, 6; email: stepenmaria@yandex.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Степень, М. А. Лингвокультурологическая специфика политического концепта «全面建成小康社会» (полное построение среднезажиточного общества) в сборнике «Си Цзиньпин. О государственном управлении» / М. А. Степень. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 6 (114). — С. 107-120.

Mariya A. Stepen'

Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China, stepenmaria@yandex.com, <https://orcid.org/0009-0003-9615-1339>

Linguoculturological Specificity of the Political Concept «全面建成小康社会» (The Complete Building of a Moderately Prosperous Society) in the Collection of Speeches “Xi Jinping: The Governance of China”

ABSTRACT. The article attempts to identify the linguistic and cultural specificity of the Chinese political concept of «全面建成小康社会» (the complete building of a moderately prosperous society), which is one of the key concepts of China's national culture. The relevance of the topic can be attributed to the insufficient number of works and studies in the field of Chinese political concepts, as a result of which many of them, including “the complete building of a moderately prosperous society,” are often misinterpreted or misunderstood in the intercultural dialogue between Russia and China. The main purpose of the study is to present the political concept of «全面建成小康社会» “the complete building of a moderately prosperous society” in the Chinese linguistic worldview, namely, to identify its linguistic organization, cultural significance

© Степень М. А., 2025

and political role, as well as to establish the specificity of its linguistic representation in the Chinese worldview. Within the framework of this research, the main focus is on modeling and analyzing the semantic field of the political concept, identifying linguistic means of verbalizing the concept, a rich synonymic row, as well as a variety of verbal links combining with this concept. The analyzed material has revealed the semantic load and a specific aspect of the essence of this concept: its ideological orientation and political significance for the development of socialism ("the great victory of socialism with Chinese characteristics" in the new era), its structured focus on comprehensive progress ("comprehensive development") and its popular character ("the welfare of the people"). The author concludes that the concept carries a deep linguoculturological meaning that goes beyond simple economic growth and influences the fundamental values, historical roots and cultural identity of China, and under the current conditions of globalization is becoming an important landmark not only within the country, but also abroad. The results of the study can make a significant contribution to the formation of a more complete and objective understanding of the key political concepts of modern China, as well as expand the field of linguoculturological research in the field of Chinese political discourse, which may contribute to the development of a more constructive dialogue and deepening mutual understanding between Russia and China.

KEYWORDS: political discourse, political linguistics, conceptsphere, political concept, Chinese language, Chinese politicians, building of a moderately prosperous society, concept structure, linguistic worldview, linguoculturology, Chinese linguoculture, political text.

AUTHOR'S INFORMATION: Stepen' Mariya Anatol'evna, Post-Graduate Student in Translation and Study of International Political Texts of Northeast Asia, Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China.

FOR CITATION: Stepen' M. A. (2025). Linguoculturological Specificity of the Political Concept «全面建成小康社会» (The Complete Building of a Moderately Prosperous Society) in the Collection of Speeches "Xi Jinping: The Governance of China". In *Political Linguistics*. No 6 (114), pp. 107-120. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В условиях глобализации и динамично меняющегося мира, по мере распространения и усиления влияния политического дискурса, происходит постепенная политизация общества. Анализ и понимание внутреннего содержания политического дискурса, являющегося важной частью «информационной жизни» человечества, особенно необходимы. Политический дискурс Китая является сложной и многоуровневой системой, которая существенно влияет на формирование идентичности и продвижение национальных интересов. Осознание особенностей китайского национального дискурса имеет ключевое значение для эффективного взаимодействия с Китаем и прогнозирования его дальнейшего развития в условиях глобализации и изменяющегося мирового порядка.

Важным специфическим признаком политического дискурса является то, что он создается для носителей определенной культуры, и такие тексты очень трудно понимать представителям других культур. В то же время политический текст служит не только источником информации, но и инструментом формирования культурных ценностей и передачи ключевых идей [Серебренникова 2024: 3]. Исследование политического дискурса предполагает обязательное осмысление концептов политической жизни. Каждый тип дискурса опирается на свой набор концептов, которые проявляются в его важнейших элементах. Эти концепты определяют содержание, структуру и жанр дискурса, делая его уникальным [Демкина 2020: 125]. Глубокое понимание сущности и механизмов функционирования концептов становится первостепенной задачей. Особый инте-

рес представляет концепт «全面建成小康社会» (полное построение среднезажиточного общества), являющийся одним из центральных в идеологии КПК и политической программе Си Цзиньпина. «Полное построение среднезажиточного общества» представляет собой значимую политическую задачу Китая, которая была успешно реализована к 2021 г. Тем не менее концепт «полное построение среднезажиточного общества» не только отражает достижения социально-экономического развития Китая за последние десятилетия, но и несет в себе глубокие культурные смыслы.

Объектом данного исследования является политический концепт «全面建成小康社会» (полное построение среднезажиточного общества) в китайской языковой картине мира.

Предметом исследования являются языковые средства репрезентации данного концепта и его лингвокультурологические особенности в политическом дискурсе Китая.

Цель — выявление лингвокультурологической специфики политического концепта «全面建成小康社会» (полное построение среднезажиточного общества). Заявленная цель преследует следующие задачи: 1) проанализировать научные подходы и раскрыть понятие политического концепта; 2) на основе сборников «О государственном управлении» сформировать корпус «политического дискурса Китая»; 3) с помощью корпусного анализа смоделировать поле концепта «全面建成小康社会» (полное построение среднезажиточного общества), выявить его основные средства репрезентации, проанализировать их связи с данным концептом и смысловую нагрузку; 4) изучить особенности текстовых фрагментов, относящихся к данному концепту,

и раскрыть культурные смыслы концепта: выявить культурные символы и образы, используемые для выражения данного концепта, проанализировать его политические функции.

Материалом исследования послужили политические тексты трудов китайского лидера Си Цзиньпина «О государственном управлении» (1–3 тома) на китайском языке, отражающие современную политическую доктрину Китая, основные идеи и принципы китайского руководства. Сборник «О государственном управлении» очень богат содержанием и охватывает различные аспекты: политику, экономику, верховенство права, науку и технику, культуру и образование, религию, общество, экологическую цивилизацию, национальную безопасность, оборону, вооруженные силы, дипломатию. Поэтому всесторонний анализ политических концептов неотделим от интерпретации вышеуказанных тем.

Политические концепты представляют собой производные от культурных концептов. Следовательно, критерии классификации политических концептов исходят из критериев классификации культурных концептов. Однако, в отличие от культурных, политические характеристики политических концептов проявляются значительно ярче. В настоящее время существует множество классификаций концептов, основанных на различных признаках, например, по тематическому признаку, по типу дискурса и лингвистическому оформлению [Буренкова 2017: 41]. Существуют и другие классификации концептов, например, по содержанию (С. А. Аскольдов, В. И. Карасик, М. В. Пименова), по степени абстрактности (Л. О. Чернейко, Н. Н. Болдырев), по форме выражения (А. П. Бабушкин, Е. В. Образцова, Г. Г. Слышкин), структурная классификация (И. А. Стернин) и другие. Так, на основе тематического содержания все концепты сборника «Си Цзиньпин. О государственном управлении» были разделены на следующие группы:

1) национальные — концепты, имеющие отношение к «нации» и реализующие цель возрождения китайской нации: 中国梦 (китайская мечта), 一国两制 (одна страна — две системы), 新时代中国特色社会主义思想 (социализм с китайской спецификой в новую эпоху), 四个自信 (четыре аспекта уверенности в себе), 爱国统一战线 (единый патриотический фронт) и др.;

2) народные — концепты, рассматривающие «народ» как ключевой элемент: 以人民为中心 (ставить народ на центральное место), 人民当家作主 (народ — хозяин страны) и др.;

3) экономические — концепты, раскрывающие суть современной экономической системы Китая: 经济健康发展 (здоровое развитие экономики), 全面开放新格局 (новая архитектура всесторонней открытости), 改革开放 (реформа открытости) и др.;

4) партийные — концепты, имеющие отношение к «партии» Китая: 钉钉子精神 (умение «забивать гвозди»), 不忘初心、牢记使命 (не забывай, с чего начал, и твердо помни о своей цели), 党的全面领导 (всестороннее руководство со стороны партии) и др.;

5) социальные — концепты, связанные с китайским «обществом» и улучшением жизни населения: 全体人民共同富裕 (всеобщая зажиточность населения), 全面建成小康社会 (всестороннее построение среднезажиточного общества) и др.;

6) правовые — концепты, связанные с «законом» и правовым регулированием страны: 全面依法治国 (всестороннее управление государством на основе закона), 中国特色社会主义法治道路 (правовой путь социализма с китайской спецификой) и др.;

7) культурные — концепты, связанные с продвижением китайской культуры и ее моральных норм: 讲好中国故事 (рассказывать миру о Китае), 社会主义核心价值观 (основные ценности социализма) и др.;

8) экологические — концепты, связанные с экокультурной системой Китая: 美丽中国 (прекрасный Китай), 绿水青山就是金山银山 (чистые воды и зеленые горы — сами по себе бесценное сокровище), 绿色发展 (зеленое развитие) и др.;

9) дипломатические — концепты, ориентированные на международное сотрудничество: 新型国际关系 (международные отношения нового типа), 人类命运共同体 (сообщество единой судьбы человечества), 一带一路 («Один пояс — один путь»), 和平发展道路 (мирный путь развития) и др.;

10) военные — концепты, связанные с вооруженными силами и обороной страны: 中国特色强军 (армия с китайской спецификой), 政治建军 (политическое строительство в армии).

В данном исследовании применяется лингвокультурологический подход, основанный на работах Ю. С. Степанова, В. И. Карасика, В. В. Красных, А. В. Костина, В. А. Масловой, Г. Г. Слышкина, С. Г. Воркачёва, В. В. Воробьёва, Г. В. Токарева, И. А. Крюкова, Ф. Ф. Фархутдиновой, Л. А. Зеленова, А. А. Владимировой, А. П. Чудинова, Е. В. Добровольской и других исследователей. Данный метод позволяет изучить национальную

концептосферу Китая, проследив связь между культурными ценностями и их воплощением в сознании индивида. Изображение «среднезажиточного общества» в трудах «О государственном управлении» отражает не только реалии китайского общества, но и уникальное восприятие китайского лидера Си Цзиньпина. Таким образом, лингвокультурологический анализ структуры политического концепта «全面建成小康社会» (полное построение среднезажиточного общества) позволит не только выявить особенные аспекты мировосприятия китайского народа, но и глубже осознать личное политическое мировидение китайского лидера.

Теоретическая значимость данной работы заключается в том, что она не только существенно обогащает концептуальные исследования в области лингвокультурологии, но и открывает новые возможности для междисциплинарных исследований, интегрирующих лингвистику, культурологию и политическую лингвистику.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут служить ценным инструментом для переводчиков, политологов и специалистов по международным отношениям, работающих с китайским языком, а также могут быть использованы при разработке курсов китайского языка как иностранного, основ теории межкультурной коммуникации, спецкурсов по политической лингвистике и лингвокультурологии.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

В последние годы концепт стал занимать одно из ведущих мест в исследованиях российских лингвистов. Само понятие «концепт» не является новым и используется в различных отраслях знания, однако, как показал анализ литературы, до сих пор не выработано общепринятого определения этого понятия. Это в первую очередь связано со сложной структурой и многоаспектной природой концепта, которая включает в себя ассоциативный ряд, эмоциональную окраску, оценочные суждения и национальные символы, специфичные для конкретной культуры. Многочисленные методики исследования концептов, их структуры и типов исходят из утверждений Ю. С. Степанова, определившего концепт как «сгусток культуры в сознании человека», ее «ячейку в ментальном мире» людей, благодаря которой человек входит в культуру. Концепт «описывает действительность, но действительность ментальную», «он не только мыслится, но и переживается» [Степанов 2001: 43].

В рамках лингвокультурологического подхода концепт определяется как «базовая еди-

ница культуры, обладающая образным, понятийным и ценностным компонентами, с преобладанием последнего» [Карасик 2002: 116].

Лингвокультурный концепт находит свое выражение во всей совокупности языковых и неязыковых средств, которые прямо или косвенно иллюстрируют, уточняют и развивают его содержание. Он рассматривается как своеобразный символ, несущий в себе культурную информацию. Как подчеркивает В. Г. Зусман, «концепт — микромодель культуры, а культура — микромодель концепта: концепт порождает культуру и порождается ею» [Зусман 2021: 41].

Отсутствует однозначное толкование и в интерпретации «политических концептов». По мнению Е. И. Шейгал, исследователя политического дискурса, восприятие действительности преломляется в сознании языковой личности и отражается в языке в виде концептов, которые детерминированы особенностями национальной культуры и личным опытом говорящего. Концептуальная система адресанта получает свое вербальное выражение именно в процессе порождения дискурса [Шейгал 2002: 24].

Согласно ведущему исследователю политической лингвистики в России А. П. Чудинову, «наибольший интерес для науки представляют концепты, отражающие важнейшие элементы национального политического сознания. Совокупность таких концептов образует политическую концептосферу, в которой концентрируется политическая культура нации» [Чудинов 2006: 43].

Политические концепты также представляют собой концепты национальные, которые В. В. Красных определяет так: «Национальный концепт — самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея „предмета“ в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью» [Красных 2002: 184].

По Фридену, политические концепты — это базовые составляющие политической идеологии. Это мысль, выраженная посредством слова («политического понятия»). Концепт соотносит абстрактные идеи, относящиеся к пониманию политического мира, с реальностью, мыслимой в виде социальных практик [Фриден 1996: 51].

В современном политическом дискурсе выделяют ряд ключевых политических концептов, таких как «политика», «политик», «власть», «благо», «народ», «государство», «интерес» [Гаврилова 2004: 128]. Вокруг центральных концептов концентрируется «обширная смысловая область, для описа-

ния которой необходимо составлять достаточно объемный словарь» [Карасик 1999: 6].

Политические концепты являются частью сложной концептуальной системы, основанной на теории культурных концептов в рамках политической лингвистики и применяемой для анализа политического дискурса. Они формируются в контексте политического дискурса, раскрывая лежащую в его основе социальную практику и отражая глубокую взаимосвязь между языком, властью и идеологией. Другими словами, политические концепты рождаются во взаимодействии языка и политики, являясь неотъемлемой частью политического дискурса и формируя специфическую картину мира политического языка. Каждый политический концепт является важной частью этой картины, пронизывающей политическую коммуникацию, политический дискурс и субъектно-диалогические отношения политической языковой картины мира.

Вопрос о структурной организации концепта и концептосферы является одним из наиболее сложных и дискуссионных в современной лингвистике. В данной работе мы придерживаемся мнения ряда ученых (И. К. Мироновой, В. А. Масловой, А. И. Яценко, И. Е. Головановой, О. Е. Приходько)¹ о том, что концепты и концептосфера обладают полевой структурой, которая предполагает наличие ядра, содержащего основные и общепринятые знания, приядерной зоны (иные лексические репрезентации главного концепта) и периферии, включающей менее значимые, индивидуальные или ассоциативные элементы. Общие смысловые компоненты наиболее ярко выражены в центре и постепенно ослабевают по мере удаления к периферии, при этом между ними не прослеживаются четких границ.

ПОСТРОЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОРПУСА И ПРИНЦИПЫ ОТБОРА МАТЕРИАЛА

На первом этапе работы тексты сборников «Си Цзиньпин. О государственном управлении» (1–3 тома) были загружены автором в программу *LancsBox*. Руководствуясь принципами отбора концептов (Л. П. Халяпина; Н. Гетьманенко, Л. Розбудова; С. С. Василенко и др.)² и учитывая специфику национального дискурса Китая, для отбора политических концептов мы придерживались следующих основных критериев:

1) слово, именующее концепт, должно быть высокочастотным;

2) лингвокультурная отмеченность;

3) значимость концепта для китайской культуры в целом, при этом особое внимание уделяется тем концептам, которые обладают высокой коммуникативной значимостью, то есть они широко представлены в системе языка, имеют легко выявляемое поле и активно участвуют в процессах обмена информацией, являясь предметом обсуждения;

4) принцип тематического соответствия и практической значимости, предполагающий, что концепты должны отбираться в соответствии с изучаемой тематикой (в нашем случае — национальный дискурс) и освоение данных концептов должно иметь практическую значимость и служить основой для осуществления межкультурной коммуникации (Василенко, 2015).

Таким образом было выявлено одно из наиболее частотных слов (240 раз) — 全面建成小康社会 (полное построение среднезажиточного общества), которое сочетается со 112 различными лексемами (47 из которых — существительные). В рамках исследования трехтомного сборника была прослежена динамика концепта, и установлено, что в первом томе данный концепт употребляется 42 раза, во втором — 60 раз, в третьем —

¹ 1) Миронова И. К. Концептосфера «Еда» в русском национальном сознании: базовые когнитивно-пропозиционные структуры и их лексические репрезентации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2002. 20 с.; 2) Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. Москва: Флинта: Наука, 2004. 293 с.; 3) Яценко А. И. Сопоставительный анализ лексических инноваций концептосферы «потребление» (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Курск, 2005. 18 с.; 4) Голованова Е. И. Базовые когнитивные понятия и развитие терминоведения // Вестник Удмуртского ун-та. История и филология. 2010. Вып. 2. С. 85–91; 5) Приходько О. Е. Особенности концептосферы англоязычного песенного метал-дискурса: на примере репрезентации концепта «смерть»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Уфа, 2011. 162 с.

² 1) Халяпина Л. П. Методическая система формирования поликультурной языковой личности посредством интернет-коммуникации в процессе обучения иностранным языкам: дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2006. 426 с.; 2) Гетьманенко Н., Розбудова Л. Концептный подход при обучении иностранным языкам. Praha: Vydala Univerzita Karlova, 2023. 148 с.; 3) Василенко С. С. Методика формирования концептной компетенции у студентов-лингвистов (немецкий язык как второй иностранный после английского): дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2015. 210 с.

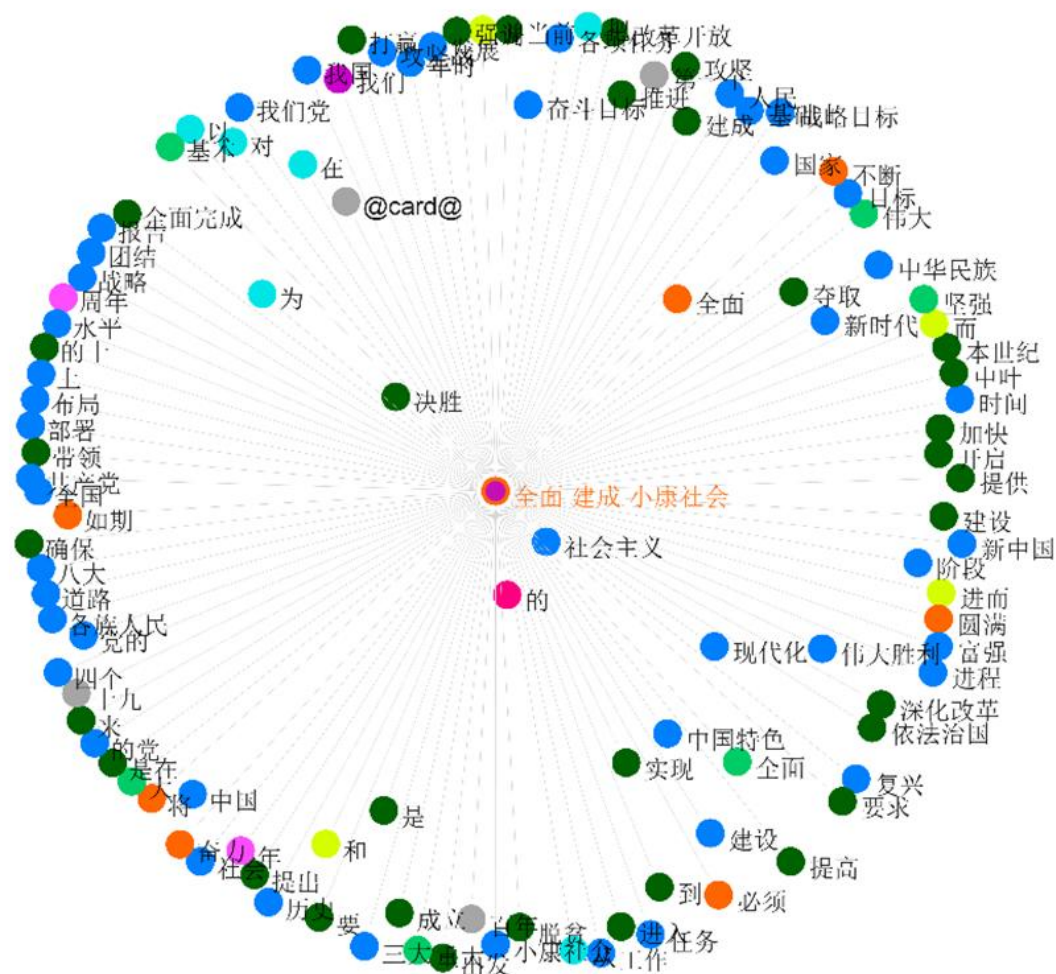

Рис. 1. Поле концепта «全面建成小康社会» в китайском языковом корпусе «Си Цзиньпин. О государственном управлении» (1–3 том)

138 раз, что говорит о возрастающей значимости данного понятия и его развитии в рамках политической мысли Си Цзиньпина. На основе предоставленных данных был сделан вывод о том, что концепт «全面建成小康社会» (полное построение среднезажиточного общества) является ключевым в национальном дискурсе Китая.

На следующем этапе работы с помощью команды *Graphcoll* была проведена лемматизация слов, относящихся к понятию «全面建成小康社会» (полное построение среднезажиточного общества). Было смоделировано номинативное поле концепта (см. рис. 1).

Работа по анализу содержательной структуры политического концепта проводилась в три этапа на основе лингвокультурологического подхода, представленного в современных исследованиях.

Первый этап — сбор и анализ дефиниций, номинирующих концепт «全面建成小康社会» (полное построение среднезажиточного

общества), на основе которых были выделены ядро концепта, приядерная зона, ближняя и дальняя периферия. Ядро включает основной когнитивный признак, приядерная зона охватывает ключевые аспекты, а ближняя и дальняя периферия расширяют и уточняют понимание идентичности [Мосягина 2024: 2]. В данном исследовании к приядерной зоне были отнесены наиболее выраженные слова-номинанты, имеющие частоту сочетаемости с ключевым словом 60 и выше. В центральную область поля вошли слова с частотой употребления от 59 до 20. Для ближней периферии был установлен диапазон 19–10. Остальные слова были отнесены к дальней периферии.

Второй этап — определение ценностных характеристик концепта в китайской лингвокультуре. На этом этапе были задействованы различные словари: БКРС (Большой китайско-русский словарь), «Китайский словарь государственного языка» и «Новый китайско-русский словарь по переводу выра-

жений текущей политики», что позволило расширить синонимический ряд исследуемого концепта.

Третий этап — контекстуальный анализ, позволяющий выявить более скрытые признаки концепта. На этом этапе использовались данные тезауруса «Си Цзиньпин. О государственном управлении» (1–3 тома), который предоставил обширный синонимический ряд, что помогло выявить различные аспекты и нюансы исследуемого концепта, дополнить и расширить спектр лексем, номинирующих свойства данного концепта, и более полно охватить все возможные интерпретации.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основе анализа смоделированного поля лексической сочетаемости концепта, структуру поля концепта «全面建成小康社会» можно представить следующим образом.

Ядро: ключевое слово-репрезентант «全面建成小康社会» (полное построение среднезажиточного общества).

Приядерная зона (12 %): 社会主义 (социализм, 103), 决胜 (решить исход/решающий, 87).

Центр (34 %): 全面 (как наречие «всеобщее», 56), 现代化 (модернизация, 55), 中国特色 (китайская специфика, 48), 实现 (осуществлять, 47), 是 (являться, 38), 夺取 (захватить, 33), 伟大胜利 (великая победа, 32), 全面 (как прилагательное «полный», 32), 新时代 (новая эпоха, 30), 奋斗目标 (цель борьбы, 26), 建设 (как существительное «строительство», 22).

Ближайшая периферия (22,10 %): 建成 (построить, 19), 推进 (продвигать, 19), 中国 (Китай, 16), 到 (достигать, 16), 如期 (к сроку, 16), 百年 (век, 16), 阶段 (этап, 16), 国家 (страна, 15), 成立 (основать, 15), 党的 (партийный, 14), 年时 (в прошлом, 14), 脱贫 (ликвидация бедности, 14), 年 (год, 13), 我们 (мы, 13), 深化改革 (углубление реформ, 13), 中华民族 (китайская нация, 12), 依法治国 (верховенство закона, 12), 开启 (начинать, 12), 加快 (ускорять, 11), 发展 (развитие, 11), 建设 (как глагол «строить», 11), 攻坚战 (бой на овладение укреплением, 10).

Дальняя периферия (27 %): 全国 (вся страна, 9), 各项任务 (различные задачи, 9), 基础上 (на основе, 9), 人民 (народ, 8), 伟大 (великий, 8), 全面完成 (полностью завершить, 8), 八大 (VIII съезд КПК, 8), 各族人民

(народы всех национальностей, 8), 圆满 (удовлетворительно, 8), 复兴 (возрождение, 8), 带领 (возглавлять, 8), 强调 (акцентировать, 8), 我们党 (наша партия, 8), 我国 (наша страна, 8), 目标 (цель, 8), 道路 (путь, 8), 共产党 (КПК, 7), 大 (большой, 7), 战略 (стратегия, 7), 攻坚 (наносить удары по сильным местам, 7), 要求 (требовать, 7), 重大 (важный, 7), 任务 (задача, 6), 历史 (история, 6), 团结 (сплочение, 6), 坚强 (крепкий, 6), 富强 (богатство и могущество, 6), 新中国 (новый Китай, 6), 水平 (уровень, 6), 确保 (гарантировать, 6), 三大 (III съезд партии, 6), 基本 (основной, 5), 奋力 (всеми силами, 5), 工作 (работа, 5), 战略目标 (стратегическая цель, 5), 打赢 (выигрывать, 5), 提高 (повышать, 5), 改革开放 (реформы и открытость, 5), 社会 (общество, 5), 进程 (процесс, 5).

Ядро поля формируется четырьмя языковыми дефинициями: 全面 (полный, всесторонний, всеобъемлющий), 建成 (построение, завершить строительство), 小康 (сяокан), 社会 (общество). Особый интерес для данного исследования представляет понятие 小康, которое состоит из двух иероглифов: 小 (xiǎo) и 康 (kāng). Дословный перевод выглядит как «маленькое спокойствие», «небольшое счастье», «маленькое благополучие». Использование данного термина в рамках современного китайского национального дискурса не является произвольным. Он выполняет функцию актуализации традиционных ценностей и формирует чувство преемственности между историей и современностью. Например, выступая на 20-м коллективном семинаре Политбюро ЦК КПК 18-го созыва 23 января 2015 г., Си Цзиньпин подчеркнул:

(1) “我们即对全面建成小康社会作出全面部署，又强调：“小康不小康，关键看老乡”。 [Т. 2: 23].

Мы разработали общий план всестороннего построения общества средней зажиточности и в то же время подчеркиваем: «Достигли мы этого уровня благосостояния или нет, главное — надо смотреть, как живут простые сельские жители» [Т. 2: 29].

Или, выступая на 2-м пленарном заседании 5-го пленума ЦК КПК 18-го созыва, Си Цзиньпин также отметил:

(2) “不是说各地人均国内生产总值、人均收入等都要达到全国平均水平才是实现了全面小康”。 [Т. 2: 73].

Мы не должны считать, что осуществление всесторонней средней зажиточности предполагает достижение сред-

него уровня по всей стране по таким показателям, как среднедушевой ВВП и среднедушевой доход [Т. 2: 96].

Из приведенных примеров можно заметить, что термин «сяокан» (小康) не имеет точного аналога в западной культуре и подразумевает не только финансовое благосостояние, но и особый образ жизни, основанный на традиционных ценностях и моральных принципах.

В китайской культуре и философии термин «сяокан» (小康) имеет глубокие исторические корни, восходящие к конфуцианским текстам — книге стихов «Ши цзин Да я» (诗经·大雅), где употребляется выражение: «民亦劳止，汔可小康». Буквальный перевод: «Люди так много работают, что выбились из сил, но они приблизились к сяокан», что означает: «Народ устал и с нетерпением ждет, когда можно отдохнуть и подкрепить свой дух» (人民日报海外版 2013), выражая стремление людей к стабильной и благополучной жизни.

В одном из конфуцианских классических трудов, книге «Ли цзи», также очень конкретно описывается состояние «сяокан» (общества средней зажиточности). В сборнике «Си Цзиньпин. О государственном управлении» идея «сяокан» обрела совершенно новое, соответствующее времени звучание, для чего было осуществлено искусное соединение традиционной культуры с современной концепцией развития, чтобы облегчить понимание и принятие сущности концепции «всестороннего построения среднезажиточного общества» в контексте знакомой культуры [汪兴福 / Ван Синфу 2022].

Судя по данным словарей, значение составного имени 小康 включает следующие семантические компоненты: «мир в стране», «материальное благополучие», «зажиточность» (БКРС); «средняя зажиточность» (Новый китайско-русский словарь по переводу выражений текущей политики); китайский словарь государственного языка приводит «богатство» (富裕) и «состоятельность» (殷实) как близкие по значению слова к слову 小康. Сочетание всех элементов создаёт комплексное понятие, которое выходит за рамки простого экономического благосостояния. Однако такое значение, включающее в себя указанные выше семантические компоненты, — лишь намек на более глубокий смысл, только его «копьеватый контур» [Воробьев 2008: 66]. Поэтому прямой перевод «полное построение среднезажиточного общества» не отражает всей глубины и культурной значимости данного понятия. Специалистам, изучающим китайский

язык и политический дискурс Китая, очень важно учитывать не только лингвистические нюансы, но и культурный контекст, чтобы понять не только буквальное значение, но и все сопутствующие ассоциации.

Изучение структуры концептуального поля дает возможность выявить, какие аспекты «среднезажиточного общества» подчеркиваются в национальном дискурсе Китая, а также установить их взаимосвязь с другими важными концептами.

Приядерная зона концепта, представляющая значительный интерес, включает в себя две основополагающие смысловые лексемы: «社会主义» (социализм, 103) и «决胜» (решить исход, решающий, 87). Таким образом, можно заметить, что «всестороннее построение среднезажиточного общества» является решающим звеном в деле построения и развития социализма. Например:

(3) “决胜全面建成小康社会，夺取新时代中国特色社会主义伟大胜利”。[Т. 3: 1].

Добиться решающей победы в полном построении среднезажиточного общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху (Доклад на XIX Всекитайском съезде КПК. 18 октября 2017) [Т. 3: 1].

Прослеживается очевидная взаимозависимость между «полным построением среднезажиточного общества» и реализацией «великой победы социализма с китайской спецификой». Эти цели неразрывно связаны и оказывают взаимное влияние, что подразумевает невозможность достижения победы социализма с китайской спецификой в новую эпоху без полного построения общества средней зажиточности.

Лексема 决胜 указывает на высокую степень важности и решимости в достижении этой цели:

(4) “全面建成小康社会，是我们对全面人民的庄严承诺。脱贫攻坚战的冲锋号已经吹响。我们要立下愚公移山志，咬定目标、苦干实干，坚决打赢脱贫攻坚战...” [Т. 2: 83].

Всестороннее построение среднезажиточного общества является твердым обещанием партии населению страны. Сокрушительная битва за искоренение бедности уже началась. Мы должны проникнуться такой решимостью, с какой Юйгун передвинул гору, поставить перед собой жесткие цели, работать упорно и по-деловому, чтобы выиграть эту битву... (Тезисы выступления на центральном рабочем совещании по оказанию помощи в развитии бедных районов. 27 ноября 2015) [Т. 2: 112].

Из вышеизложенного контекста можно заключить, что эта решимость подобна решимости Юй-гуна (愚公移山志), который передвинул гору, чтобы облегчить путь при прохождении дороги. «愚公移山» («Юй-гун передвигает гору») — древняя китайская притча из трактата «Ле-цзы», которая повествует о бесстрашии и упорстве китайского народа в лице Юй-гуна и учит, что для преодоления трудностей необходимо упорство. Иными словами, необходимо обладать невероятной настойчивостью, упорством и непоколебимой верой в свои силы для достижения поставленной цели, а именно — искоренения бедности и всестороннего построения среднезажиточного общества, даже если эта цель кажется невозможной и чрезвычайно сложной, как высокие горы «Тайхан и Ваньушань».

При рассмотрении центрального фрагмента концептуального поля особое внимание привлекает лексема 全面, функционирующая не только в роли прилагательного «полный, всесторонний» (причем используются оба варианта), но и в качестве наречия «всесторонне». Частотность данной лексемы составляет 27 % от общего количества слов, входящих в центральную часть поля. Выступая на 2-м пленарном заседании 5-го пленума ЦК КПК 18-го созыва 29 октября 2015 года, Си Цзиньпин отметил:

(5) “全面小康，覆盖的人口要全面，是惠及全体人民的小康”。 [Т. 2: 79].

*Всестороннее построение среднезажиточного общества предполагает **полный охват всего населения**, и среднезажиточность должна быть доступна для всех жителей страны* [Т. 2: 106].

Выступая на том же заседании, Си Цзиньпин также подчеркнул:

(6) “全面小康，覆盖的领域要全面，是五位一体全面进步。全面小康社会要求经济更加发展、民主更加健全、科教更加进步、文化更加繁荣、社会更加和谐、人民生活更加殷实。要全面推进经济建设、政治建设、文化建设、社会建设、生态文明建设，促进现代化建设各个环节、各个方面协调发展...” [Т. 2: 78–79].

*Всестороннее построение среднезажиточного общества следует понимать в широком смысле слова, ибо оно подразумевает **всесторонний пятиаспектный прогресс общества**. Оно выдвигает такие требования, как более значительное развитие экономики, более совершенная демократия, более значительный прогресс науки и образования, более бурное процветание культуры, более высокая степень гармонии в обществе и более зажиточная жизнь народа. Необходимо всесторонне*

продвигать строительство в пяти аспектах — экономическом, политическом, культурном, социальном и экокультурном, стимулировать скоординированное развитие модернизации и строительства во всех звеньях и аспектах... [Т. 2: 104–105].

Анализ конкретных примеров показывает, что эффект параллелизма не только способствует усилению логической связности, но и придает динамичность всему выражению. С помощью параллелизма Си Цзиньпин умело формулирует цель построения полноценного среднезажиточного общества, демонстрируя его богатое содержание в различных аспектах, а также эффективно передает решимость и уверенность Китая в продвижении данного строительства.

Таким образом, концепция всестороннего благополучия общества выходит за рамки простого материального достатка. Взаимосвязь между «зажиточностью» и «всесторонним» развитием является ключевой. Подчеркивается комплексный и всеобъемлющий характер поставленной перед китайским государством цели — среднезажиточное общество должно быть построено во всех сферах жизни, охватывать весь народ, все регионы, как городские, так и сельские районы [徐步 / Сюй Бу 2019: 188]. Создание такой «всеохватывающей» среды представляется более сложной задачей, чем обеспечение базового уровня жизни.

Следующими по частотности употребления с данным концептом являются такие значимые политические лексемы, как 现代化 (модернизация, 55) и 中国特色 (китайская специфика, 48). «В начале проведения политики реформ и открытости товарищ Дэн Сяопин прежде всего использовал формулировку „средняя зажиточность“ в трактовке понятия „модернизация китайского типа“ (中国式现

代化), четко поставив цель борьбы — к концу XX века „построить в Китае общество средней зажиточности“» [Си Цзиньпин 2015: 93]. Иными словами, «полное построение среднезажиточного общества» подразумевает модернизацию китайского общества с учетом его уникальных возможностей и потенциала. Данный подход также обозначается как «с китайской спецификой» или «в китайском стиле», что подчеркивает национальную идентичность данного концепта в контексте китайского национального дискурса.

Наличие таких лексем в концептуальном поле, как 夺取 (захватить, 33), 伟大胜利 (великая победа, 32), 奋斗目标 (цель борьбы, 26) в центральной части поля и 攻坚战 (бой на овладение укреплением, 10), 战略 (страте-

гия, 7), 攻坚 (наносить удары по сильным местам, 7), 战略目标 (стратегическая цель, 5) на периферии поля лишь усиливает и подчеркивает стратегический характер этой «сокрушительной битвы». При этом глагол «захватить» (夺取) выступает как указание на метод достижения стратегической цели.

Выступая на тематических курсах для руководящих кадров провинциального и министерского уровня (2 февраля 2015 г.), говоря о четырех всесторонних аспектах (всестороннем построении среднезажиточного общества, всестороннем углублении реформ, всестороннем установлении верховенства закона в стране и всестороннем соблюдении строгой партийной дисциплины), Си Цзиньпин подчеркнул, что «каждый из четырех „всесторонних аспектов“ имеет важное стратегическое значение. Всестороннее построение среднезажиточного общества — это наша стратегическая цель... Всестороннее углубление реформ, всестороннее установление верховенства закона в стране и всестороннее соблюдение строгой партийной дисциплины — это три важные стратегические меры, необходимые для осуществления стратегической цели всестороннего построения среднезажиточного общества» [Т. 2: 30]. Именно поэтому в центральной части поля прослеживается связь данного концепта с такими лексемами, как 党的 (партийный, 14), 深化改革 (углубление реформ, 13) и 依法治国 (верховенство закона, 12).

Отличительной чертой периферии концептуального поля концепта является обилие глаголов, причем большинство из них расположено в ближайшей периферии поля. Во-первых, это глаголы, подразумевающие движение вперед и стремление к прогрессу: 推进 (продвигать, 19), 到 (достигать, 16), 加快 (ускорять, 11), 提高 (повышать, 5); во-вторых, глаголы, обозначающие начало и доведение действия до конца: 建成 (построить, 19), 成立 (основать, 15), 开启 (начинать, 12), 建设 (строить, 11), 全面完成 (полностью завершить, 8); в-третьих, это глаголы, отражающие метафорическое значение: 攻坚 (наносить удары по сильным местам, 7), 打赢 (выигрывать, 5) и другие глаголы: 带领 (возглавлять, 8), 强调 (акцентировать, 8), 要求 (требовать, 7), 确保 (гарантировать, 6). Глаголы влияют на восприятие концепта, поскольку способны номинировать сложные структуры знания, обладающие множеством когнитивных характеристик [Михайлова 2009: 29].

В отличие от глагольных лексем, прилагательные в данном лексико-семантическом

поле представлены в меньшем количестве. Кроме выше рассмотренных прилагательных 决胜 (решающий) в приядерной зоне и 全面 (всесторонний, 32) в центральной зоне, которые демонстрируют высокую степень связи с данным концептом, остальные — 伟大 (великий, 8), 大 (большой, 7), 重大 (важный, 7), 坚强 (крепкий, 6), 基本 (основной, 5) — задают тон серьезности и основательности, однако их расположение на дальней периферии свидетельствует о меньшей релевантности данных лексем в контексте рассматриваемого концепта. Таким образом, на основании представленных данных можно сделать вывод, что в исследуемом корпусе «всестороннее построение среднезажиточного общества» воспринимается как «имеющее существенное значение» и «способное оказать долгосрочное влияние».

Анализ периферии концептуального поля также показал, что концепция «полного построения среднезажиточного общества» во всех отношениях ориентирована на китайский народ, что подчеркивает связь данного концепта с такими лексемами, как 中国 (16), 我们 (мы, 13), 中华民族 (нация, 12), 国家 (16), 人民 (народ, 8), 各族人民 (народы всех национальностей, 8), 社会 (общество, 5), 全面建成小康社会 (ликвидация бедности, 14), 中华民族伟大复兴 (возрождение китайской нации, 8), 民族团结 (сплочение всех национальностей, 6), 富强 (богатство и могущество, 6) всего народа и всей страны. Это является ярким примером народной мысли в современности, подчеркивающим сохранение ключевых ценностей традиционной культуры и приверженность им.

Также прослеживается тесная связь между народом (人民, 8) и государством (国家, 15). Из вышеприведенных примеров видно, что построение среднезажиточного общества связано не только с улучшением качества жизни отдельных лиц, но и с общим развитием и процветанием страны. Начиная с выведения бедных семей из бедности и заканчивая скоординированным развитием регионов для содействия совместному прогрессу между городом и деревней. Всё это показывает, что «судьбы народа тесно связаны с судьбой страны» [瞭望 / Ляован 2021], воплощают в себе национальные чувства реализации личного счастья в развитии страны и содействии процветанию страны в личной борьбе с бедностью. Таким образом, можно сделать вывод о том, что ликвидация

бедности является неотъемлемой частью построения среднезажиточного общества.

Проанализировав лексико-семантическое поле концепта «全面建成小康社会» (полное построение среднезажиточного общества) и исследованный контекст, значения синонимичного и антонимичного рядов концепта можно представить следующим образом:

- 1) это твердое / торжественное обещание партии перед народом и перед историей;
- 2) это стратегия, стратегическая цель;
- 3) это сокрушительная битва за искоренение бедности;
- 4) это «модернизация китайского типа»;
- 5) это пятиаспектный прогресс общества (五位一体全面进步);
- 6) это уровень развития, равномерность, скоординированность и устойчивость развития. Следовательно, антонимами к слову «全面建成小康社会» будут такие понятия, как *неравномерность, нескоординированность и неустойчивость развития*.

(7) «*«小康»*讲的是发展水平, *«全面»*讲的是发展平衡性、协调性、可持续性”。[Т. 2: 78].

«*Средняя зажиточность*» указывает на уровень развития, а «*всестороннее построение*» означает равномерность, скоординированность и устойчивость развития (Фрагмент выступления на 2-м пленарном заседании 5-го пленума ЦК КПК 18-го созыва. 29 октября 2015 г.) [Т. 2: 104].

Ценностное содержание является отличительной чертой лингвокультурного концепта, которое определяет важность категории для индивидуума и коллектива [Литвяк 2021: 145]. Например, по модели В. И. Карасика, ценностный компонент — доминирующий, поскольку он наиболее культурно значим. Политические концепты не являются исключением. Подробный лингвокультурный анализ концепта «полное построение среднезажиточного общества» (全面建成小康社会) позволил нам выявить его лингвокультурологическую ценность, которую можно описать следующим образом.

Во-первых, это укрепление национальной культурной самобытности внутри страны. Концепция всестороннего построения среднезажиточного общества «пробуждает в китайском народе стремление к лучшей жизни, возвращая чувства национальной гордости и содействуя сплоченности общества» [顾海良 / 古 海良 2020: 104]. Победа в борьбе с бедностью позволила увидеть усилия государства по достижению благополучия народа, «сплотить все национально-

сти страны в рамках общей цели, унаследовать трудолюбивый и самоотверженный дух и укрепить культурную идентичность пути развития страны» [瞭望 / 廖望 2021]. Лингвокультурное наполнение концепта также подчеркивает скоординированное развитие всех аспектов общества (экономики, политики, культуры, социума и экологии) и создание гармоничной социальной атмосферы.

Во-вторых, это усиление культурной, «мягкой силы» в международной коммуникации. В сборниках «О государственном управлении» языковое и культурное воплощение концепта «полное построение среднезажиточного общества» (全面建成小康社会) демонстрирует уникальный путь развития и опыт управления Китая. Так, например, практика «борьбы с бедностью» может служить моделью или образцом для глобального решения проблемы сокращения бедности, что способствует культурному влиянию Китая на международной арене. В этом контексте достижение цели «全面建成小康社会» (полного построения среднезажиточного общества) отражает не только внутренние амбиции Китая, но и его стремление к статусу развитой нации на мировой арене.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Язык формирует мир, в котором живут люди. В каждой культуре он представлен сочетанием универсальных концептов [Демкина 2020: 126]. Каждый концепт является ключом к пониманию национального менталитета, имеет культурологическое значение, высокую степень абстрактности и языковое выражение¹. Следовательно, изучение концептуальной системы (концептосферы) национального дискурса Китая с позиций лингвокультурологии — ключ к постижению глубины и многогранности китайской культуры. Китайский национальный дискурс представлен богатым многообразием концептов: «китайская мечта» (中国梦), «реформы и открытость» (改革开放), «зеленое развитие» (绿色发展), «один пояс — один путь» (一带一路) и другие.

В данной работе рассмотрен один из ключевых концептов политической системы Китая — концепт «全面建成小康社会» (полное построение среднезажиточного общества). Лингвокультурологический анализ политического концепта в сборнике «Си Цзиньпин. О государственном управлении» позволил раскрыть не только политические амбиции Китая, но и его глубокие культурные тра-

¹ Трофимова Ю. В. Концепт «политика» в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Новосибирск, 2004. С. 100.

диции и социальные реалии, которые формируют современное китайское общество.

Анализ языкового проявления данного концепта в китайской языковой картине мира позволил установить его ключевые характеристики, выделить основную модель его структурирования, а также представление о концепте в сознании носителей языка. Проанализированный материал позволил сделать следующие основные выводы:

1. Исходя из разработанной модели концепта, было установлено, что **лингвистическая структура** концепта обладает системным и многоуровневым характером семантического поля, включающего в себя **ядро**, **приядерную зону**, **центр** — куда вошли лексические единицы, напрямую обозначающие цель данного концепта («**社会主义**» социализм, «**现代化**» модернизация, «**伟大胜利**» великая победа) и **периферию** — куда вошли термины, отражающие направления реализации данного концепта («**脱贫**» ликвидация бедности, «**各族人民**» народы всех национальностей, «**复兴**» возрождение, «**富强**» богатство и могущество). На наш взгляд, данная структура способствует четкому выражению политической идеи Китая. Была установлена связь с сопутствующими концептами: наиболее частотной стала лексема **社会主义** (социализм, 103), наименее употребительной — **进程** (процесс, 5). Выявлены наиболее явные прямые зависимости: (1) между достижением «полного построения среднезажиточного общества» и «великой победой социализма с китайской спецификой» в новую эпоху; (2) установлена четкая взаимосвязь, согласно которой создание успешного общества не сводится лишь к улучшению уровня жизни, а требует обеспечения его «всестороннего развития», что является наиболее важной и сложной задачей; (3) между «полным построением среднезажиточного общества» и благополучием народа. Эта взаимосвязь ясно определяет суть концепта — его идеологическую направленность, стратегическую значимость и народный характер.

2. Было выявлено богатство и разнообразие **языковых средств**, используемых для выражения данного концепта, что подчеркивает его значимость в китайском политическом дискурсе. Экспликация структуры концепта **全面建成小康社会** (полное построение среднезажиточного общества) осуществляется посредством следующих ключевых смысловых парадигм: полное построение среднезажиточного общества — это твердое / торжественное обещание партии перед народом и перед историей; это стратегия;

это стратегическая цель; это сокрушительная битва за искоренение бедности; это «модернизация китайского типа»; это пятиаспектный прогресс общества; это уровень развития, это равномерность, скоординированность и устойчивость развития. Данные языковые средства не только обогащают политическую концептосферу Китая, но и имеют глубокие культурные корни в китайской традиции, делая концепт более доступным для понимания.

3. **Специфика языковой репрезентации** концепта «**全面建成 小康社会**» (полное построение среднезажиточного общества) в китайском мировидении заключается в его интеграции в уникальную систему политических и культурных смыслов, характерную для Китая. В отличие от схожих понятий «среднезажиточного общества» в западных языковых картинах, где акцент часто ставится на экономических показателях, китайская интерпретация концепта «**小康社会**» (среднезажиточное общество) гораздо шире и включает не только экономическое развитие, но и социальные, экологические и культурные аспекты. Это подтверждается сочетанием концепта с такими понятиями, как «**团结**» (сплочение), **富强** (богатство и могущество), «**确保**» (обеспечение), которые демонстрируют ориентацию на коллективные ценности — ядро китайского мировидения. «Это не новая кампания под лозунгом „прилагать все силы и брать высокие темпы“» [Т. 2: 96], а «идеальное состояние общества, к которому издавна стремилась китайская нация» [徐步 / Сюй Бу 2019: 164]. Таким образом, языковая репрезентация концепта не только транслирует политическую идею, но и отражает уникальные особенности китайской национальной картины мира.

4. **Национально-культурная специфика** политического концепта «**全面建成小康社会**» (полное построение среднезажиточного общества) проявляется в его динамичности, о чем свидетельствует возрастающая частота употребления данного концепта в сборниках, а также сочетание с глаголами (в преобладающем количестве), выражающими «поступательное движение» и «стремление к развитию»: «**推进**» (продвигать), «**到**» (достигать), «**加快**» (ускорять), «**提高**» (повышать), — что отражает уникальный китайский подход к построению «среднезажиточного общества». Таким образом, концепт «**全面建成小康社会**» (полное построение среднезажиточного общества) «не только фиксирует признаки прошлого или настоящего» [Ромашенко 2015: 149], но и служит связующим звеном между прошлым и настоящим,

между традиционными ценностями и современными вызовами.

В заключение можно отметить, что концепт «全面建成小康社会» (полное построение среднезажиточного общества) в трудах китайского лидера Си Цзиньпина «О государственном управлении» несет в себе глубокий лингвокультурологический смысл, который выходит за рамки простого экономического роста и затрагивает основополагающие ценности, исторические корни и культурную идентичность Китая, объединяя в себе современные политические практики страны с глубокими традиционными ценностями.

Полученные выводы открывают перспективы для дальнейшего исследования китайского политического дискурса, изучения взаимосвязей языка, культуры и политики в современном Китае, а также для укрепления взаимопонимания между Китаем и Россией в рамках глобального взаимодействия.

ИСТОЧНИКИ

1. Си, Цзиньпин. Си Цзиньпин. О государственном управлении. Т. 1–3 / Си Цзиньпин. — Пекин : Вайвэнь чубаньшэ, 2017, 2021. — 619 с., 787 с., 846 с. — Текст: непосредственный.
2. 习近平, 习近平谈治国理政. 第1-3 卷 / 北京: 外文出版社. 2018、2017 = Си, Цзиньпин. О государственном управлении. Т. 1–3 / Си Цзиньпин. — Пекин : Изд-во лит-ры на иностр. яз. — 2018, 2017. — 469 с., 569 с., 480 с.
3. 瞭望, 习近平总书记的“小康图谱” = «Ляован». Изображение «Сяокан» в глазах генерального секретаря Си Цзиньпина. — 03.07.2021. — URL: https://www.xinhuanet.com/202107/03/c_1127619617.htm?push_animated=1&webview_progress_bar=1&show_loading=0&theme=light (дата обращения: 2.06.2024).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бальчиндоржиева, О. Б. Среднезажиточное общество в КНР: основные этапы его строительства / О. Б. Бальчиндоржиева // Евразийство и мир. — 2018. — № 1. — С. 30–34. — DOI 10.18101/2306-630X-2018-1-30-34. — EDN NRLHFO.
2. Будаев, Э. В. Современная политическая лингвистика : уч. пособие / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова ; отв. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2011. — 252 с. — EDN QOOEYH.
3. Воробьев, В. В. Лингвокультурология / В. В. Воробьев. — Москва : РУДН, 2008. — 336 с. — ISBN 978-5-209-02717-1 — EDN QTNGJV.
4. Гаврилова, М. В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа / М. В. Гаврилова // Полис. Политические исследования. — 2004. — № 3. — С. 127–139. — EDN HSODUR.
5. Демкина, Я. Ю. Концепты-константы политического дискурса / Я. Ю. Демкина // Дискурс. — 2020. — Т. 6. — № 1. — С. 121–128. — DOI 10.32603/2412-8562-2020-6-1-121-128. — EDN WSUBNE.
6. Кадачиева, Х. М. Концептосфера как способ конструирования когнитивного пространства / Х. М. Кадачиева, Д. С. Алиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2015. — № 6 (48). — Ч. I. — С. 64–66. — EDN TRSOXN.
7. Карасик, В. И. Религиозный дискурс / В. И. Карасик // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. — Волгоград : Перемена, 1999. — С. 5–19. — EDN RKEXVL.
8. Карасик, В. И. Концепт как единица лингвокультурного кода / В. И. Карасик // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2009. — № 10 (44). —

С. 4–11. — EDN MVPZGP.

9. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2. — EDN UGQAMP.
10. Карасик, В. И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В. И. Карасик, Е. Е. Слышкин // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — Москва : Гнозис, 2007. — С. 12–13. — EDN WGNECR.
11. Кошкарлова, Н. Н. Ключевые идеологемы китайского политического дискурса / Н. Н. Кошкарлова, А. И. Бугуева, А. Ю. Епихомова // Политическая лингвистика. — 2022. — № 2 (92). — С. 121–128. — EDN BPDSRI.
12. Ли, Минхуэй. Политические концепты как дискурсивный инструмент непрямого формирования глобального и регионального лидерства (по материалам выступлений президента РФ Владимира Путина на заседании Совета глав государств — членов ШОС) / Ли Минхуэй, Лю Хун // Политическая лингвистика. — 2022. — № 4 (94). — С. 131–136. — EDN JLBHND.
13. Литвяк, О. В. Лингвокультурный концепт как условная ментальная единица / О. В. Литвяк // Гуманитарные науки. — 2021. — № 4. — С. 143–147. — DOI 10.37882/2223-2982.2021.04.19. — EDN TWRJAM.
14. Мосягина, М. С. Моделирование концепта Identity на материале лексикографических источников / М. С. Мосягина // Russian Linguistic Bulletin. — 2024. — № 9 (57). — 2024. — Ст. № 13. — DOI 10.60797/RULB.2024.57.15. — EDN GUNZXW.
15. Пименова, М. В. Политическая концептуальная система / М. В. Пименова // Политическая лингвистика. — 2010. — № (2) 32. — С. 47–55. — EDN MLZUPB.
16. Ромащенко, М. А. Актуализация понятий «концепт» и «концептуальное поле» в методологии историко-философских исследований / М. А. Ромащенко, А. А. Ромащенко. — Текст : непосредственный // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 7 (57). — Ч. I. — С. 147–150. EDN TSXQHV.
17. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2012. — ISBN 978-5-89349-897-4. — EDN UUNAHZ.
18. Шейгал, Е. И. Культурные концепты политического дискурса / Е. И. Шейгал // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах: материалы междунар. науч.-практ. конф. «Коммуникация — 2002». — Пятигорск : ПГЛУ, 2002. — Ч. 1. — С. 24–26. — ISBN 5-89966-309-X, 5-89966-308-1.
19. Юе, Сюе. Культурная интерпретация концептов в китайском стиле в контексте политической лингвистики / Юе Сюе // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 318–328. — EDN IRSINF.
20. 顾海良. 全面建成小康社会的理论与实践意义 / 金台资讯, 2020 = Гу, Хайлан. Теоретическая и практическая значимость всестороннего построения среднезажиточного общества / Гу Хайлан // Золотое вещание. — 2020.
21. 李明徽. 政治语言学视阈下的“观念”研究 / 东北亚外语研究, 2021 = Ли, Минхуэй. Исследование «концепта» в контексте политической лингвистики / Ли Минхуэй // Изучение иностранных языков Северо-Восточной Азии. — 2021.
22. 刘宏、岳雪、杨洲. 政治语言世界图景与政治文化观念研究 / 东北亚外语研究, 2021 = Лю, Хун. Исследование политической языковой картины мира и политических концептов / Лю Хун, Юэ Сюэ, Ян Чжоу // Изучение иностранных языков Северо-Восточной Азии. — 2021.
23. 汪兴福. “学原文·悟原理·谈心得”——《习近平谈治国理政》第四卷 / 学习强国, 2022 = Ван, Синфу. «Изучайте оригинальный текст, постигайте принципы и говорите о том, что у вас на сердце» — «Си Цзиньпин. О государственном управлении». Том 4 / Ван Синфу // Изучение великой державы. — 2022.
24. 徐步. 历史与现实: 100个词了解新中国: 俄文 / 北京: 外文出版社, 2019.10 = Сюй, Бу. История и реальность: 100 выражений, помогающих узнать новый Китай: русский текст / Сюй Бу. — Пекин : Издательство литературы на иностранных языках. — 2019 — 293 с. — Текст : непосредственный.

MATERIALS

1. Si, Czin'pin (2017, 2018, 2021). Si Czin'pin. O gosudarstvennom upravlenii = Xi Jinping. The governance of China. Volume 1–3. Pekin: Vajven' chuban'she. (In Russ.)

2. Si, Czin'pin (2018, 2017). Si Czin'pin. O gosudarstvennom upravlenii. = Xi Jinping. The governance of China. Volume 1–3. Pekin: Izdatel'stvo lit-ry na inost. yaz. (In Chinese)

3. 瞭望, 习近平总书记的“小康图谱” = «Lyaovan». The image of “Xiaokang” in the eyes of General Secretary Xi Jinping. 03.07.2021. Available at June 2, 2024, from https://www.xinhuanet.com/202107/03/c_1127619617.htm?push_animated=1&wbview_progress_bar=1&show_loading=0&theme=light.

REFERENCES

1. Balchindorzheva, O. B. (2018). Srednezazhitoe obshchestvo v KNR: osnovnye etapy ego stroitelstva = Moderately Prosperous Society in the PRC: The Main Stages of Its Construction. *Eurasianism and the World*, 1, 30–34. DOI 10.18101/2306-630X-2018-1-30-34. EDN NRLHFO.

2. Budaev, E. V., Voroshilova, M. B. (2011). Sovremennaya politicheskaya lingvistika = Modern Political Linguistics. Textbook (Resp. ed. A. P. Chudinov). Ekaterinburg, 252 p. EDN QOOEYH.

3. Vorobyov, V. V. (2008). Lingvokulturologiya = Lingvoculturology. — Moscow: RUDN, 336 p. ISBN 978-5-209-02717-1. EDN QTNGJV.

4. Gavrilova, M. V. (2004). Politichesky diskurs kak obekt lingvisticheskogo analiza = Political Discourse as an Object of Linguistic Analysis. *Polis. Political Studies*, 3, 127–139. EDN HSODUR.

5. Demkina, Ya. Yu. (2020). Kontsepti-konstanti politicheskogo diskursa = Concepts-Constants of Political Discourse. *Discourse*, 6(1), 121–128. DOI 10.32603/2412-8562-2020-6-1-121-128. EDN WSUBNE.

6. Kadachieva, Kh. M., Alieva, D. S. (2015). Kontseptosfera kak sposob konstruirovaniya kognitivnogo prostanstva = Kontseptosfera kak sposob konstruirovaniya kognitivnogo prostanstva. *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, 6(48), Part I, 64–66. Tambov: Gramota. EDN TRSOXN.

7. Karasik, V. I. (1999). Religiozny diskurs = Religious Discourse. *Language Personality: Problems of Linguistics and Functional Semantics*, 5–19. Volgograd: Peremena. EDN RKEXVL.

8. Karasik, V. I. (2009). Kontsept kak edinita lingvokulturnogo koda = Concept as a Unit of Linguistic and Cultural Code. *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*, 10(44), 4–11. EDN MVPZGP.

9. Karasik, V. I. (2002). Yazikovoy krug: lichnost, kontsepti, diskurs = Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Volgograd: Peremena, 477 p. ISBN 5-88234-552-2. EDN UGQAMP.

10. Karasik, V. I., Slisshin, E. E. (2007). Bazovye kharakteristiki lingvokulturnykh kontseptov = Basic Characteristics of Linguocultural Concepts. *Antologiya kontseptov* (Eds. V. I. Karasik, I. A. Sternin), 12–13. Moscow: Gnozis. EDN WGNECR.

11. Koshkarova, N. N., Bugueva, A. I., Epichamova, A. Yu. (2022). Klyuchevye ideologemi kitayskogo politicheskogo diskursa = Key ideologemes of Chinese political discourse. *Political Linguistics*, 2(92), 121–128. EDN BPDSRI.

12. Li, Minghui, Liu, Hong (2022). Politicheskie kontsepti kak diskursivnyy instrument nepryamogo formirovaniya globalnogo i regionalnogo liderstva (po materialam vystupleniy prezidenta RF Vladimira Putina na zasedanii Soveta glav gosudarstv — chlenov SHOS) = Political concepts as an important discursive instrument

for the indirect formation of global and regional leadership (on the material of the speeches of the President of the Russian Federation Vladimir Putin at the meeting of the Council of heads of the SCO member states). *Political Linguistics*, 4(94), 131–136. EDN JLBHD.

13. Litvyak, O. V. (2021). Lingvokulturny kontsept kak uslovnaya mentalnaya edinita = Linguocultural Concept as a Conventional Mental Unit. *Humanities*, 4, 143–147. DOI 10.37882/2223-2982.2021.04.19. EDN TWRJAM.

14. Mosyagina, M. S. (2024). Modelirovaniye kontsepta Identiteta na materiale leksikograficheskikh istochnikov = Modelling the concept of Identity on the material of lexicographic sources. *Russian Linguistic Bulletin*, 9(57), No. 13. DOI 10.60797/RULB.2024.57.15. EDN GUHXXW.

15. Pimenova, M. V. (2010). Politicheskaya kontseptualnaya sistema = Political conceptual system. *Political Linguistics*, 2(32), 47–55. EDN MLZUPB.

16. Romashchenko, M. A., Romashchenko, A. A. (2015). Aktualizatsiya ponyatiya «kontsept» i «kontseptualnoye polE» v metodologii istoriko-filosofskikh issledovaniy = Actualization of the Concepts of “Concept” and “Conceptual Field” in the Methodology of Historical and Philosophical Research. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Theoretical and Practical Issues*, 7(57), Part I, 147–150. EDN TSXQHV.

17. Chudinov, A. P. (2012). Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics. Moscow: Flinta, Nauka. ISBN 978-5-89349-897-4. EDN UUAHYZ.

18. Sheygal, E. I. (2002). Kulturnie kontsepti politicheskogo diskursa = Cultural Concepts of Political Discourse. *Communication: Theory and Practice in Various Social Contexts: Proc. of the International Scientific and Practical Conf. “Communication — 2002”*. Part 1, 24–26. Pyatigorsk: PGLU. ISBN 5-89966-309-X, 5-89966-308-1.

19. Yue, Syue. Kulturnaya interpretatsiya kontseptov v kitayskom stile v kontekste politicheskoy lingvistiki / Yue Syue // Politicheskaya lingvistika. — 2024. — № 5 (107). — S. 318–328. — EDN IRSENF.

20. 顾海良. 全面建成小康社会的理论与实践意义 / 金台资讯, 2020 = Gu, Hailang (2020). Theoretical and Practical Significance of Building a Moderately Prosperous Society in an All-Round Way. *Golden Broadcasting*.

21. 李明徽. 政治语言学视阈下的“观念”研究 / 东北亚外语研究, 2021 = Li, Minghui (2021). A Study of “Concept” in the Context of Political Linguistics. *Foreign Language Studies of Northeast Asia*.

22. 刘宏、岳雪、杨洲. 政治语言世界图景与政治文化观念研究 / 东北亚外语研究, 2021 = Liu, Hong, Yue, Xue, Yang, Zhou (2022). A Study of the Political Linguistic Worldview and Political Concepts. *Foreign Language Studies of Northeast Asia*.

23. 汪兴福. “学原文·悟原理·谈心得”——《习近平谈治国理政》第四卷 / 学习强国, 2022 = Wang, Xingfu (2022). “Study the Original Text, Understand the Principles, and Speak Your Mind” — “Xi Jinping: On National Governance.” Volume 4. *Great Power Studies*.

24. 徐步. 历史与现实：100个词了解新中国：俄文 / 北京：外文出版社, 2019.10 = Xu, Bu (2019). History and Reality: 100 Expressions to Help You Get to Know the New China: Russian text. Beijing: Foreign Language Literature Publishing House, 293 p.

Политическая лингвистика. 2025. № 6 (114).
Political Linguistics. 2025. No 6 (114).

УДК 81'27+811.581'42+811.581'38
ББК Ш171.1-51+Ш171.1-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код БAK 5.9.8; 5.9.6

Qi Hongwei¹✉, Ol'ga A. Mel'nichuk²✉

^{1,2} M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

¹ qihongwei@yandex.ru✉, Web of Science ResearcherID: ABF-8261-2022, SPIN code: 9953-2288, <https://orcid.org/0000-0003-3603-5590>

² madrid03@mail.ru✉, Web of Science ResearcherID: AAH-8031-2019, SPIN code: 4998-1287, <https://orcid.org/0000-0002-5864-3434>

Functional Characteristics of Anaphoric Parallel Reiteration Constructions in Congratulatory Speeches of the PRC President Xi Jinping

ABSTRACT. This paper presents a study of the functions and characteristics of anaphoric parallel repetition constructions in Xi Jinping's congratulatory speeches. The relevance of this study is to understand the linguistic structural features of Chinese President Xi Jinping's discourse, with the subsequent understanding of his linguistic style. The purpose of this study is to analyze the pragmatic functions of anaphoric parallel repetition constructions in the congratulatory speeches of Chinese President Xi Jinping, that is to say, to examine the discursive models used in Chinese political discourse. The study of these discursive patterns in this paper can help us understand President Xi Jinping's linguistic style and way of thinking. The novelty of this study is due to the fact that for the first time, the congratulatory speeches of Chinese President Xi Jinping are examined from grammatical, lexical and syntactic points of view, based on which the linguistic means of congratulatory speeches of Chinese President Xi Jinping are analyzed, syntactic anaphoric parallel repetition constructions are investigated for the first time, and the types, characteristics and functions of lexical and syntactic anaphoric parallel repetition constructions are presented. Based on the results of the study, this paper identifies the functions of anaphoric parallel repetition constructions, enhances the ideology, relevance and purpose of President Xi Jinping's speeches, deepens the content of the information conveyed to the audience, facilitates its perception, and achieves the propaganda effect of President Xi Jinping's speech.

KEYWORDS: anaphoric parallel constructions, reiterations, congratulatory speeches, political discourse, Xi Jinping, Chinese politicians, speech, speech genres, congratulatory speech text, linguistic personality, linguopersonology.

AUTHOR'S INFORMATION: Qi Hongwei, Senior Lecturer of Department of English and Translation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

Mel'nichuk Ol'ga A., Doctor of Philology, Professor of Department of French Philology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

FOR CITATION: Qi H., Mel'nichuk O. A. (2025). Functional Characteristics of Anaphoric Parallel Reiteration Constructions in Congratulatory Speeches of the PRC President Xi Jinping. In *Political Linguistics*. No 6 (114), pp. 121-129. (In Engl.).

Ци Хунвэй¹✉, Ольга Алексеевна Мельничук²✉

^{1,2} Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия

¹ qihongwei@yandex.ru✉, Web of Science ResearcherID: ABF-8261-2022, SPIN-код: 9953-2288, <https://orcid.org/0000-0003-3603-5590>

² madrid03@mail.ru✉, Web of Science ResearcherID: AAH-8031-2019, SPIN-код: 4998-1287, <https://orcid.org/0000-0002-5864-3434>

Функциональные характеристики анафорических параллельных конструкций повторов в поздравительных речах председателя КНР Си Цзиньпина

АННОТАЦИЯ. В данной статье представлено исследование функций и характеристик анафорических параллельных конструкций повторов в поздравительных речах Си Цзиньпина. Актуальность данного исследования заключается в истолковании лингвистических структурных особенностей дискурса председателя КНР Си Цзиньпина с последующим объяснением его лингвистического стиля. Цель данного исследования заключается в анализе прагматической функций анафорических параллельных конструкций повторов в поздравительных речах председателя КНР Си Цзиньпина, т. е. изучении дискурсивных моделей, используемых в китайском политическом дискурсе. Изучение этих дискурсивных моделей в данной работе способно помочь нам понять языковой стиль и образ мыслей председателя Си Цзиньпина. Новизна данного исследования обусловлена тем, что впервые поздравительные речи председателя КНР Си Цзиньпина рассматриваются с грамматической, лексической и синтаксической точек зрения, основываясь на которых анализируются языковые средства поздравительных речей председателя КНР Си Цзиньпина, впервые исследуются синтаксические параллельные структуры, представляются типы, характеристики и функции лексических и синтаксических параллельных конструкций повторов. На основе результатов исследования в данной работе выявляются функции параллельной структуры, благодаря которой усиливаются идеологическая нагрузка, актуальность и целена-

© Qi H., Mel'nichuk O. A., 2025

правленность речи председателя Си Цзиньпина, углубляется содержание передаваемой аудитории информации, облегчается ее восприятие, достигается пропагандистский эффект политического выступления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: анафорические параллельные конструкции, повторы, поздравительные речи, политический дискурс, Си Цзиньпин, китайские политики, речевая деятельность, речевые жанры, поздравительные тексты, языковая личность, лингвоперсонология.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Ци Хунвэй, старший преподаватель, кафедра «Английский язык и перевод», Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова; 677000, Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, д. 58, email: qihongwei@yandex.ru.

Мельничук Ольга Алексеевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Французская филология», Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова; 677000, Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, д. 58, email: madrid03@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ци, Х. Функциональные характеристики анафорических параллельных конструкций повторов в поздравительных речах председателя КНР Си Цзиньпина / Ци Х., О. А. Мельничук. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 6 (114). — С. 121-129. — (На англ. яз.).

INTRODUCTION

The congratulatory speeches delivered by the President of China represent a distinctive form of political discourse, characterized by distinct linguistic features and profound political significance. In terms of content composition, these addresses not only contain elements of congratulation for specific events or achievements but also embody significant political discourse expressions [Qi Hongwei, Mel'nichuk 2024:153].

This duality reflects the strategic choices made by the head of state when conveying political ideals and values. Its core political objective lies in leveraging the power of discourse to strengthen emotional bonds with the people, consolidate national identity, and ensure unity across all social strata. From a practical perspective, the speeches delivered by China's heads of state serve as benchmarks in political communication. These speeches function not only as platforms for announcing national policies but also as vital vehicles for shaping national spirit and guiding societal values. By examining the linguistic characteristics of these addresses, we can gain deeper insights into the stances and perspectives of national leaders across different historical periods and political contexts. This understanding not only helps grasp the trajectory of China's political development but also provides the international community with a crucial window for interpreting China's developmental path.

Because of the broad scope and diverse genres of political discourse, coupled with the inherent complexity of defining the concept of "discourse" itself, it is necessary to first explore the concept of "discourse" in order to clarify the concept of "political discourse". We should note that in defining "discourse", «we adopt the perspective of certain scholars who view discourse as a collection of texts connected by a common theme, aligned with specific sociocultural practices, encompassing both linguistic externalities and discourse participants» [Chernyavskaya, 2014; Qi Hongwei, Melnichuk 2023: 78].

As they argue «considering the above definition of the term 'discourse', the author of this paper understands political discourse as a series of texts that are linguistically associated with professional political activity and socio-cultural practices related to socio-political life, as well as linguistically associated with professional political activity and socio-political life. This means that participants in political discourse can be either professional politicians or people who do not engage in professional political activity but produce texts as a reaction to the politician's discourse» [Chernyavskaya 2014: 58-59; Melnichuk, Qi Hongwei 2022: 59].

It should be noted that «in order to achieve their goals in the course of their speeches, political leaders of the country rely not only on a rich vocabulary, but also on the necessary grammatical and linguistic skills to construct expressive texts in political communication and to choose effective and specific linguistic means» [Kudryasheva 2022:180].

Therefore, «in the course of the research attention was paid to the expressive, emotional and figurative aspects of the political discourse on the one hand, and to the informative, skeptical, objective, clear, dynamic, logical and rational aspects of the content of the argumentation on the other» [Shejgal 2004].

METHODS AND MATERIALS

The relevance of this study is meant to understand the linguistic structural features of Xi Jinping's speeches, and then to understand his speech style. In addition, the use of the parallel sentence structure not only expresses President Xi Jinping's aspirations, which include the peaceful reunification of Taiwan China and the mainland as well as the achievements of the great rejuvenation of the Chinese nation. It also glorifies the great achievements of China, the Chinese Communist Party, the Chinese people and the people's army.

The research material for this paper is President Xi Jinping's 2017-2025 congratulatory speeches:

- «习近平：在庆祝中华人民共和国成立70周年大会上的讲话 (2019.10.01)» [Speech by Xi Jinping at the Reception in Celebration of the 70th Anniversary of the Founding of the People's Republic of China].

- «习近平：庆祝中华人民共和国成立70周年招待会上的讲话 (2019.10.01)» [Speech at the Reception in Celebration of the 70th Anniversary of the Founding of the People's Republic of China].

- «习近平：在庆祝中国人民解放军建军90周年大会上的讲话 (2017.08.01)» [Speech at the Commemoration of the 90th Anniversary of the Founding of the People's Liberation Army (PLA)].

The theoretical basis of this study consists of political discourse styles (Sheigal, 2004; Popova, Sternin, 2005; Plotnikova, Domyshcheva, 2009; Kozhukhova, 2012; Chudinov, 2012; Li Xiqun, Ji Yuhua, 2014; Chernyavskaya, 2014; Kudryasheva, 2022; Melnichuk, Qi Hongwei, 2022), and the study of parallel sentences and lexical sentence repetition (Dreeva, 1990; Wang Xinyi, 2003; Karpukhina, 2013; Liu Aiping, 2016; Shevtsova, 2017; Denisova, 2018, Chen Cangyuan, Xu Pinjing, 2021)

The research method of this paper is based on *semantic, contextual and cognitive approaches*. The object of the study is the text of President Xi Jinping's congratulations speeches. The use of parallel structures in political discourse usually indicates that the speaker tries to coordinate a positive response from the addressee by conveying key information. Juxtaposition is an expressive syntactic device that can have a productive verbal impact on the audience, and speakers ensure the effectiveness of their speeches by using juxtaposition as a syntactic device to control the situation in the discourse.

Syntactic parallelism is a phenomenon of repeated application based on syntactic means, manifested primarily across multiple levels: homogeneous constituents within sentences, complete sentences or their components, and even entire paragraphs can serve as structural elements of parallelism. Essentially, syntactic parallel structures or syntactic parallelism constitute a special type of semantic unity, formed by at least two components sharing identical syntactic structures, common logical foundations, and semantic characteristics. Specifically, this structure manifests as a combination of sentences sharing identical independent clause structures. These sentences maintain high syntactic consistency while forming mutually responsive and complementary semantic relationships. Such structures not only enhance linguistic rhythm and rhythmic beauty but also strengthen expressive impact, rendering textual content more logical and coherent [Sanzheeva 2010; Chen Cangyuan, Xu Pingjing 2021: 59-64].

In the construction of political discourse, lexical-syntactic repetition serves as a crucial linguistic technique widely employed to exert rhetorical influence. This repetitive strategy manifests not only at the lexical level but also extends to the repetition and parallel use of syntactic structures. The prevalence of parallel syntactic structures in political discourse stems primarily from their ability to fulfill multiple communicative and pragmatic functions simultaneously: 1) Parallel syntax significantly enhances the expressive power of speech. By repeating similar syntactic patterns, speakers create a sense of rhythm and cadence, making discourse more compelling and persuasive. 2) This structure plays a crucial role in regulating audience emotions. By repeatedly emphasizing specific syntactic patterns, speakers can guide listeners' emotional trajectories to align with the sentiments they wish to convey. 3) Parallel syntax deepens audience retention of key messages through repeated emphasis, thereby strengthening the discourse's persuasiveness. 4) This structure effectively highlights core themes and key points. By repeatedly emphasizing crucial information, it makes it easier for the audience to grasp the speech's central message. In supporting the development of the thesis, parallel syntax provides robust backing for the speaker's arguments through progressive layering or parallel contrast. 5) Parallel syntax also significantly elevates the emotional resonance of speech, amplifying its affective impact [Basyuk 2018: 7; Bondarenko 2019; Dyachenko 2016: 80; U Anna 2019; Shevcova 2017: 26]

In rhetorical devices, repetition of vocabulary and syntax often combines with specific rhetorical techniques to create distinctive expressive effects. Specifically, this combination manifests in three typical forms: 1) Personification repetition, which imparts human-like characteristics to language by repeating identical elements at the beginning of sentences or paragraphs, enhancing vividness and emotional impact; 2) Modifier repetition, which emphasizes repeating specific elements at the end of sentences. This deliberate repetition enhances linguistic rhythm and rhythmic beauty; 3) Framing structure, a rhetorical device that constructs a complete linguistic framework by repeating the opening and closing elements of discourse, rendering the expression more rigorous and logical.

Among these rhetorical devices, parallel structures featuring modifier repetition hold particular significance for politicians. Such structures not only enhance the expressive impact of discourse but also boost its communicative efficiency, making political speeches more persuasive and influential. By skillfully employing this

structure, politicians can better convey their political positions and gain audience recognition and support. Further analysis reveals that when speakers employ parallel structures with referential repetition, this rhetorical device produces a significant amplifying effect. It helps speakers better highlight the core content of general statements, strengthen the persuasiveness of evaluative judgments, and render conclusive expressions clearer and more forceful. Such repetition does not create linguistic redundancy; rather, it reinforces key messages through deliberate repetition, making them easier for audiences to comprehend and retain. Particularly noteworthy is the unique advantage of parallel sentences within a framed structure for revealing the author's thought process. This structure clearly demonstrates the author's reasoning and argumentative logic through a call-and-response approach, enabling readers or listeners to better grasp the text's overall structure and internal connections. This rhetorical device not only enhances textual coherence but also elevates its logical consistency and persuasiveness, resulting in more rigorous and layered expression [Denisova 2018: 144; Bondarenko 2019; Li Xichun, Ji Yuhua 2014].

The practical significance of this study lies in the fact that the speeches of the Chinese head of state are regarded as a means of transmitting political ideas and values to the public, which significantly influence the formation of national mentality and public orientation. Studying the linguistic characteristics of the head of state's speeches helps both to understand the position of the national leaders and to establish links for a successful cross-cultural dialog between the state and the nation.

RESULTS AND DISCUSSION

Anaphoric parallel repetition constructions

In a speech at the ceremony commemorating the 70th anniversary of the founding of the People's Republic of China in 2019 [in celebration of the 70th anniversary of the founding of the People's Republic of China on the occasion of the 70th anniversary of the founding of the People's Republic of China], Chinese President Xi Jinping remarked

«前进征程上，我们要坚持中国共产党领导，坚持人民主体地位，坚持中国特色社会主义道路，全面贯彻执行党的基本理论、基本路线、基本方略，不断满足人民对美好生活的向往，不断创造新的历史伟业。(On our journey forward, we must uphold the CPC's leadership, ensure the principal status of the people, stay on the path of socialism with Chinese characteristics and fully implement the CPC's basic theory, line and policy. We must strive to constantly meet people's aspirations for a better life and make new historic achievements). 前进征程上，我们要坚持“和平统一、一国两制”的方

针，保持香港、澳门长期繁荣稳定，推动海峡两岸关系和平发展，团结全体中华儿女，继续为实现祖国完全统一而奋斗。(On our journey forward, we must uphold the principles of “peaceful reunification” and “One Country, Two Systems”, maintain long-term prosperity and stability in Hong Kong and Macao, promote the peaceful development of cross-Straits relations, unite all Chinese sons and daughters, and continue to strive for the motherland's complete reunification). 前进征程上，我们要坚持和平发展道路，奉行互利共赢的开放战略，继续同世界各国人民一道推动共建人类命运共同体。(On our journey forward, we will stay on the path of peaceful development and pursue a mutually beneficial strategy of opening-up. We will continue to work with people from all countries to build a community with a shared future for mankind.)»

Based on the above example we have determined that this content is an anaphoric repetition «前进征程上，我们要坚持...» (*On our journey forward, we must*), each is framed by «前进征程上» (on the journey ahead) as a temporal and contextual anchor, explicitly stating the historical background, the meaning conveyed is that China is at a critical stage of comprehensively building a modern socialist country and advancing toward the second centenary goal.

«我们要...» (*We must...*) serves as an action-oriented directive, explicitly identifying the “subject” — the collective action unit formed by all Chinese people under the leadership of the CPC. The behavioral framework is structured as «坚持...+ 实现...» (*uphold... + achieving...*), with the first part defining the “action principle” and the second part specifying the “goal orientation,” thus forming a “principle-goal” statement.

The first group emphasizes through parallel sentence structure the “three fundamental principles” of Chinese modernization: «坚持中国共产党领导，坚持人民主体地位，坚持中国特色社会主义道路» (*uphold the CPC's leadership, ensure the principal status of the people, stay on the path of socialism with Chinese characteristics*).

«坚持中国共产党领导» (*uphold the CPC's leadership*) serves as the institutional safeguard. The CPC's leadership is the most essential feature of socialism with Chinese characteristics and the core mechanism ensuring the modernization process remains firmly “people-oriented”. «坚持人民主体地位» (*uphold the principal status of the people*) is the “core value.” The ultimate goal of modernization is to meet the people's aspirations for a better life.

This distinguishes it from the “capital-first” logic of Western modernization and embodies the development philosophy of “putting people at the center”. **《坚持中国特色社会主义道路》 (stay on the path of socialism with Chinese characteristics.)** is the “path selection”. By **《全面贯彻党的基本理论、基本路线、基本方略》 (fully implement the CPC’s basic theory, line and policy)** it ensures the modernization process remains neither closed and rigid nor changes its fundamental direction, maintaining the unity of stability and innovation. Therefore, these three elements collectively form the “institutional — value — pathway” triangle underpinning Chinese-style modernization, providing fundamental guidance for **《创造新的历史伟业》** (make new historic achievements).

The second anaphoric parallel repetition constructions upholds the principle of **《和平统一、一国两制》的方针》 (“peaceful reunification” and “One Country, Two Systems”** as the fundamental policy, representing the practical achievements that safeguard the long-term prosperity and stability of Hong Kong and Macao. **《推动海峡两岸关系和平发展，团结全体中华儿女》 (promote the peaceful development of cross-Straits relations, unite all Chinese sons and daughters)** are the “implementation pathways.” By “fostering unification through development” and “pooling strength through unity,” these approaches transform “national reunification” from a “political objective” into the “shared will of all Chinese people,” thereby reducing resistance to the unification process; **《实现祖国完全统一》 (continue to strive for the motherland’s complete reunification)** is the “central aim”, and upholding sovereignty in its entirety demonstrates the nation’s unwavering commitment to safeguarding its core interests.

The third anaphoric parallel repetition constructions upholds the principle of **《和平发展道路》 (peaceful development)** is the “foundation”; **《奉行互利共赢的开放战略》 (pursue a mutually beneficial strategy of opening-up)** is the “pathway,” achieved by expanding openness and sharing development opportunities; **《继续同世界各国人民一道推动共建人类命运共同体》** (will continue to work with people from all countries to build a community with a shared future for mankind) is the “goal,” integrating China’s development with global progress.

As a result, the anaphoric parallel repetition constructions **《前进征程上，我们要坚持...》 (On our journey forward, we must...)** transcends mere rhetorical flourish to serve as the textual vehicle for national development strategy: 1) The logical progression of “domestic governance — national reunification — foreign

affairs” systematically presents the “fundamental principles, core objectives, and external foundations” of national development; 2) “Repetitive structures and resolute phrasing” play a pivotal role in strategic communication, social mobilization, and international engagement, providing the cognitive foundation and consensus support for advancing Chinese modernization and participating in global governance. 3) Deeply understanding the essence and value of this sentence pattern enables us to grasp the core direction of China’s development strategy and provides insights for its implementation, holding significant theoretical and practical significance.

Subject-predicate anaphoric parallel repetition constructions

In speech at the Reception in Celebration of the 70th Anniversary of the Founding of the People’s Republic of China [在庆祝中华人民共和国成立70周年招待会上的讲话]. Chinese President Xi Jinping said:

《我代表党中央、国务院，向全国各族人民、全体共产党员，向中国人民解放军指战员和武警部队官兵，向各民主党派和无党派人士，致以崇高的敬意！向香港特别行政区同胞、澳门特别行政区同胞、台湾同胞和广大海外侨胞，致以诚挚的问候！向支持和帮助新中国建设事业的友好国家和国际友人，致以衷心的感谢！》 (On behalf of the CPC Central Committee and the State Council, I pay high tribute to the Chinese people of all ethnic groups and all CPC members, to officers and men of the People’s Liberation Army and members of the armed police, and to all the other political parties and personages with no party affiliations in China! I wish to convey sincere greetings to fellow Chinese in the Hong Kong and Macao Special Administrative Regions, in Taiwan and residing abroad! I also wish to express heartfelt thanks to all the countries and international friends who have given support and help to the development of New China!).

The example selected in this paper originates from an official address at the national level. Its parallel structure of **《向..... 致以.....》 (I wish to... to...)** is highly representative and serves as an exemplar for analyzing the rhetorical function of parallelism in political discourse. This parallel sentence pattern clearly delineates three distinct groups — those being honored, greeted, and thanked — precisely conveying the differentiated sentiments and affirmation of value extended by the Party Central Committee and the State Council to groups of varying identities, regions, and fields.

In addition, political discourse must address complex and diverse social groups, each differ-

ing in their roles, contributions, and relevance to national development. The repetitive parallel structure, through fixed subject-predicate patterns with only the objects substituted, enables listeners to rapidly categorize groups within the speech content. The first subject-predicate anaphoric parallel repetition constructions «**全国各族人民、全体共产党员、中国人民解放军指战员和武警部队官兵、各民主党派和无党派人士**» (**the Chinese people of all ethnic groups and all CPC members, to officers and men of the People's Liberation Army and members of the armed police, and to all the other political parties and personages with no party affiliations in China!**) clearly identifying the core domestic construction force as the “endogenous driving group” for national development; the second group, «**香港..... 澳门..... 台湾..... 海外侨胞**» (**Hong Kong and Macao Special Administrative Regions, in Taiwan and residing abroad**) defines the Hong Kong, Macao, Taiwan, and overseas-related groups as the “connective groups” for national unity and external ties; the third group, «**友好国家和国际友人**» (**friendly countries and international friends**) defines the external support groups as the “external collaborative groups” for national development.

We can understand that this classification is not merely a simple list, but rather employs a parallel structure to explicitly reveal the logical connection between the identity attributes of different groups and national development. Internal driving groups are the “main builders,” bond groups are the “emotional ties,” and external collaborative groups are the “partners.” The clarity of this semantic classification avoids ambiguity in information transmission, enabling different groups to swiftly identify their roles within the national system and strengthen their sense of identity.

Accordingly, from the example, we can draw the following conclusions: 1) This parallel structure of discourse encompasses diverse stakeholders across three dimensions—“domestic-overseas,” “individual-collective,” and “internal-external”—binding the interests of different entities to national development goals through an emotional logic of “tribute-greetings-gratitude”; 2) Domestic groups receive recognition for their contributions, overseas groups receive emotional care, and external groups receive acknowledgment for their cooperation; 3) This discourse strategy of “comprehensive coverage + differentiated respect” effectively reduces cognitive differences among diverse actors; 4) It consolidates individual demands into a collective consensus of “jointly advancing national development,” ultimately enhancing social cohesion.

Multiple distant alternating parallel construction with anaphoro-epiphoric and anaphoric repetition

In a speech celebrating the 90th anniversary of the founding of the Chinese People's Liberation Army (hereinafter referred to as “PLA”), we discovered a unique and interesting use of syntactic parallel structure. Since no similar examples have been found in the scientific literature, we refer to this technique as a distant multiple repetition of two alternating anaphora-antimetaphor and anaphora-parallel structures.

At the conference to celebrate the 90th anniversary of the founding of the People's Liberation Army [Speech at the Commemoration of the 90th Anniversary of the Founding of the People's Liberation Army (PLA)], President Xi Jinping noted: «90年来, 在长期实践中, 人民军队在党的旗帜下前进, 形成了一整套建军治军原则, 发展了人民战争的战略战术, 培育了特有的光荣传统和优良作风。这是人民军队从胜利走向胜利的传家宝, 是人民军队必须永志不忘的红色血脉。»

(The People's Liberation Army has been moving forward under the banner of the Communist Party of China during a series of practices over the past nine decades. The army has formed its own principles of army building and governance, developed strategies and tactics for people's war, and cultivated specific fine tradition and exemplary conduct. The people's army should forever bear those cherished heritages in mind as they have helped them win a succession of victories.)

From this point on, the 12 paragraphs contain multiple distant alternating parallel construction with anaphoro-epiphoric and anaphoric repetition. The first parallel construction includes anaphoro-epiphoric repetitions “人民军队从胜利走向胜利, 彰显了.....伟大力量。” (The succession of victories of the people's army has demonstrated the great power.....), the second construction begins with the anaphora “历史告诉我们, ...” (From our history we can see that.....).

Paragraph № 1.1. «人民军队从胜利走向胜利, 彰显了中国共产党领导的伟大力量。» (The succession of victories of the people's army has demonstrated the great power of the Party's leadership.)

Paragraph № 1.2. «历史告诉我们, 党指挥枪是保持人民军队本质和宗旨的根本保障, 这是我们党在血与火的斗争中得出的颠扑不破的真理。» (From our history we can see that the Party's absolute leadership over the people's army guarantees the army's nature and responsibility of root. This is an irrefutable truth which came from the Party's arduous struggles.)

Paragraph № 2.1. «人民军队从胜利走向胜利, 彰显了理想信念的伟大力量。» (The suc-

cession of victories of the people's army has also demonstrated the great power of aspiration and faith.»)

Paragraph № 2.2. «历史告诉我们，革命理想高于天，人民军队之所以能够攻坚克难、战无不胜、发展壮大，关键是人民军队有马克思主义理论武装，有崇高理想信念，有为理想信念而英勇献身的崇高追求。」 (From our history, we can see that revolutionary aspiration is the most noble one above all. The key factor helping the people's army gather ground, overcome all those difficulties, and defeat all those fights is its mind armed with Marxism theories, its noble aspiration and faith as well as determination, and dedication to pursue them.)

Paragraph № 3.1. «人民军队从胜利走向胜利，彰显了改革开放的伟大力量。」 (The succession of victories of the people's army has also demonstrated the great power of reform and innovation.)

Paragraph № 3.2. «历史告诉我们，改革创新、与时俱进，是人民军队不断发展的康庄大道，人民军队的力量来自改革创新，人民军队的胜利来自改革创新。」 (From the history, we can see that reform and innovation featuring advancement with the times is the bright road for the development of people's army. Reform and innovation contribute to the power and victories of the people's army.)

Paragraph № 4.1. «人民军队从胜利走向胜利，彰显了战斗精神的伟大力量。敢于斗争、敢于胜利，一不怕苦、二不怕死，是人民军队血性胆魄的生动写照。」 (The succession of victories the people's army has won has also demonstrated the great power of fighting spirit. The army's courageous and upright characteristics have been vividly portrayed by their courage to fight for victory or having no fear for suffering and death.)

Paragraph № 4.2. «历史告诉我们，战争不仅是物质的较量，更是精神的比拼。没有顽强的意志，没有敢于牺牲的品质，再好的武器装备也不能保证胜利。」 (From the history, we can see that war is not only a contest in terms of material, but also one concerning spirit. Victory can never be guaranteed without a strong will, and the spirit of fearing no sacrifice, no matter how superior the weapons and military equipment are.)

Paragraph № 5.1. «人民军队从胜利走向胜利，彰显了革命纪律的伟大力量。」 (The succession of victories the people's army has gained has also demonstrated the great power of revolutionary discipline.)

Paragraph № 5.2. «历史告诉我们，加强纪律性，革命无不胜。一支军队的力量，不仅要看其人数，不仅要看其武器装备，还要看其纪律

性。一支没有纪律的军队，只能是乌合之众。」 (From the history, we can see that the army will win all battle in revolution as long as the discipline is strengthened. The power of an army should not be judged by only its scale, weapons and equipment, but also its discipline. An army without discipline is nothing but a disorderly mob.)

Paragraph № 6.1. «人民军队从胜利走向胜利，彰显了军民团结的伟大力量。」 (The succession of victories the people's army has won shows the great strength of the army and people.)

Paragraph № 6.2. «历史告诉我们，有了民心所向、民意所归、民力所聚，人民军队就能无往而不胜、无敌于天下。」 (From the history, we can see that our troops will conquer all as long as they are supported by the people.)

This example utilizes multiple distant alternating parallel constructions with anaphoro-epiphoric and anaphoric repetitions, with the first parallel construction consisting of the aphoro-epiphoric repetitions “人民军队从胜利走向胜利，彰显了... 伟大力量。” (The succession of victories the people's army has won shows the great power...) introduces a description of the great strengths of the PAL it from victory to victory, such as the CCP's leadership, ideals and beliefs, reform and innovation, fighting spirit, revolutionary discipline, and uniting the army with the people.

The second parallel construction contains anaphoric repetitions “历史告诉我们,...” (from the history, we can see that ...) concretizes these forces in historical perspective, reveals their essence, role, and shows them as conditions for the victory of the People's Army, such as: the leadership of the CCP, Marxist theories, high ideals and beliefs, revolutionary ideals, reform and innovation, moving with the times, unshakable will, willingness to sacrifice, strengthening discipline, and close connection with the people.

Therefore, we observe the use of multiple distant repetition of two alternating parallel constructions with anaphora-epiphora and anaphora-epiphora. In terms of composition and meaning, this multiple distant repetition of PC elaborates on the two parts of Xi Jinping's statement quoted above, which precedes the parallelism, i.e., understanding the conditions and reasons for the PLA's success in the past and maintaining that success in the future. understanding of the great strength manifested in the following elements, which include the leadership of the Chinese Communist Party, ideals and beliefs, reform and innovation, fighting spirit, the discipline of revolution, and the unification of the army with the people.

So the multiple distant repetitions of two alternating parallel constructions with anaphoro-epiphoric and anaphoric repetitions in Xi Jinping's speech at the solemn meeting on the occasion of the 90th anniversary of the founding of the People's Liberation Army of China fulfill the following functions: 1) focus the audience's attention on the key information; 2) form a "central thematic line" [Davydova, 2018, p.118], which unites 12 paragraphs. This thematic line can be defined as "Strength is the essence of strength"; 3) structures information by presenting it in a unified, symmetrical form, which contributes to the expressive highlighting of the information that the Chinese leader wants to convey to the listeners and its logical and clear perception by the audience.

CONCLUSION

In Chinese President Xi Jinping's congratulatory speeches, anaphoric parallel repetition constructions are clearly expressed in different forms and fulfill different functions. The authors conclude that Chinese President Xi Jinping's linguistic style favors the use of parallel repetition structures to enhance speech delivery and emotional expression.

Particularly in Chinese President Xi Jinping's speeches, anaphoric parallel repetition constructions can be used to reinforce the connotation, deep memory or emphasis of certain key words and concepts to ensure that the audience clearly understands and remembers important information. In addition, the use of anaphoric parallel repetition constructions helps to establish a coherent and powerful discourse structure, which is particularly important in President Xi Jinping's political speeches.

In addition, in President Xi Jinping's congratulatory speeches, there are various forms of anaphoric parallel repetition constructions, including the use of parallel-metaphorical structure, parallel-superlative metaphorical structure, as well as the use of multi-distant alternating parallel structure, which not only maintains linguistic coherence, but also conveys the main idea effectively in different cultural contexts and linguistic environments.

Therefore, the specificity of anaphoric parallel repetition constructions in President Xi Jinping's congratulatory speeches is mainly manifested in the diversity of forms and functions, as well as the enhancement of the language's infectious and communicative effects with the help of anaphoric parallel repetition constructions.

MATERIALS

1. Xi Jinping (2019). Speech by President Xi Jinping at the Reception in Celebration of the 70th Anniversary of the Founding of the People's Republic of China = 习近平: 在庆

祝中华人民共和国成立70周年大会上的讲话 (2019.10.01). Available from <https://www.en84.com/7866.html> (In Chinese and English).

2. Xi Jinping (2017). Speech by President Xi Jinping at the Commemoration of the 90th Anniversary of the Founding of the People's Liberation Army (PLA) = 习近平: 在庆祝中国人民解放军建军90周年大会上的讲话 (2017.08.01). Available from <https://www.en84.com/3295.html> (In Chinese and English).

3. Xi Jinping (2019). Speech by President Xi Jinping at the Reception in Celebration of the 70th Anniversary of the Founding of the People's Republic of China = 习近平: 庆祝中华人民共和国成立70周年招待会上的讲话 (2019.10.01). Available from <https://www.en84.com/7860.html> (In Chinese and English).

REFERENCES

1. Basyuk, I. V. (2018). Svoobrazie povtorov v skazke R. Kiplinga «How the Whale Got his Throat» = Peculiar use of repetitions in R. Kipling's fairy tale "How the Whale Got his Throat". *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 6(416), 7–11. (In Russian)
2. Bondarenko, I. V. (2019). Pragmatischenj potencial ekspressivnogo sintaksisa v politicheskom diskurse = On pragmatic potential of expressive syntax in the political discourse. *From Differentiation of Sciences to Transdisciplinarity. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Dedicated to the 250th Anniversary of Alexander von Humboldt* (Resp. Ed. I. P. Amzarakov), 188–192. Abakan: Publishing House of Khakass State University.
3. Chen Canyuan, Xu Pinjing (2021). Application and Translation of Parallelism in the Third Volume of Xi Jinping: The Governance of China. *Journal of Fujian Business University*, 5, 59–64. = 陈沧渊, 徐晶晶 排比修辞在《习近平谈治国理政》第三卷中的应用及翻译 [J]. 福建商学院学报. 2021.05: 59-64. (In Chinese)
4. Chernyavskaya, V. E. (2014). Fantomy i sindromy diskursivnoj paradigmy = Discourse paradigm: phantom objects and syndrome]. *Issues of Cognitive Linguistics*, 1(038), 54–61. (In Russian)
5. Chudinov, A. P. (2012). Diskursivnye karakteristiki politicheskoj kommunikacii = Discursive characteristics of political communication. *Political Linguistics*, 2(40), 53–59. (In Russian)
6. Davydova, A. R. (2018). Issledovanie osobennostej ispol'zovaniya tematicheskoj progressii na raznyh urovnjah v anglijskom yazyke = Features of thematic progression use at various levels in the English language. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 1(124), 116–120. (In Russian)
7. Denisova, A. K. (2018). Osobennosti leksiko-sintaksicheskogo povtora v rechi avtora (na materiale nemeckoyazychnogo hudozhestvennogo teksta) = The peculiarities of lexical-syntactic repetitions in author's speech (on the material of modern German literature). *Vestnik of Kostroma State University*, 24(1), 112–115. (In Russian)
8. D'yachenko, I. A. (2016). Ispol'zovanie paralel'noj sintaksicheskoy konstrukcii kak tekhnologicheskogo priema vozdejstviya v politicheskom diskurse = Application of parallel syntactic construction as a technological technique of influence in political discourse. *Basic and applied research: problems and results*, 28, 79–85. (In Russian)
9. Kudryasheva, F. S. (2022). Politicheskij mediadiskurs i yazykovye sredstva realizacii ego intencii = Political media discourse and linguistic means of realizing its intentions. *Bulletin of Bashkir University*, 27(1), 179–186. (In Russian)
10. Li Xichun, Ji Yuhua (2014). Functions of Repetition as a Rhetorical Device Viewed from Critical Discourse Analysis — A Corpus-based Contrastive analysis. *Shandong Foreign Language Teaching*, 35(03), 40–45. DOI: 10.16482/j.sdwy37-1026.2014.03.012. = 李锡纯, 纪玉华. 批评语篇分析视阈下“反复”修辞的功能建构——一项基于小型语料库的分析 [J]. 山东外语教学, 2014, 35(03): 40-45. DOI: 10.16482/j.sdwy37-1026.2014.03.012 (In Chinese)
11. Qi Hongwei, Mel'nichuk O. A. (2024). Funkcional'nye karakteristiki paralel'nyh sintaksicheskikh konstrukcij v kitajskom politicheskom diskurse (na materiale pozdravitel'nyh rechej

predsedatelja KNR Xi Jinping) = Functional Characteristics of Parallel Syntactic Constructions in Chinese Political Discourse (On the Material of Congratulatory Speeches of Chinese President Xi Jinping). *Political Linguistics*, 6(108), 152–160. (In Russian)

12. Qi Hongwei, Mel'nichuk O. A. (2023). Pragma-aksiologicheskie funkicii mestoimenij pervogo lica v pozdravitel'nyh obrashhenijah Si Czin'pina = Pragma-Axiological Functions of the First Person Pronouns in Xi Jinping's Congratulatory Addresses. *North-Eastern Journal of Humanities*, 1(42), 77–85. DOI 10.25693/SVG.2023.42.1.007. (In Russian)

13. Sanzheeva, L. C. (2010). Sintaksicheskij paralelizm v buryatskoj Geseriade = Parallel constructions in the poetics of the Buryat epic of Geser. *Siberian Journal of Philology*, 3, 15–25. (In Russian)

14. Shejgal, E. I. (2004). Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of political discourse. Moscow: ITDGK "Gnozis", 326 p. (In Russian)

15. Shevcova, N. I. (2017). Parallel'nye postroeniya i ih funkicii v kitajskom pechatnom interv'yu = Parallel constructions and their functions in the Chinese print interview. *Oriental Institute Journal*, 2(34), 21–27. DOI 10.24866/2542-1611/2017-2/21-27 (In Russian)

16. U, Anna (2016). Stilisticheskie i lingvo-pragmaticheskie harakteristiki publichnoj rechi politicheskikh liderov Rossii konca XX i nachala XXI vekov = Stylistic and linguistic and pragmatic characteristics of the public speech of the Russian political leaders of the late twentieth and early twenty-first centuries. Dis. ... of Cand. Philol. Sciences. Moscow, 174 p. (In Russian)

ИСТОЧНИКИ

1. 习近平：在庆祝中华人民共和国成立70周年大会上的讲话 (2019.10.01) = Речь на торжественной церемонии по случаю 70-летия образования КНР. — URL: <https://www.cn84.com/7866.html>. — (На китайском и английском языке).

2. 习近平：在庆祝中国人民解放军建军90周年大会上的讲话 (2017.08.01) = Речь на торжественной церемонии, посвященной 90-летию со дня основания Народно-освободительной армии. — URL: <https://www.cn84.com/3295.html>. — (На китайском и английском языке).

3. 习近平：庆祝中华人民共和国成立70周年招待会上的讲话 (2019.10.01) = Речь на приеме по случаю 70-летия основания Китайской Народной Республики. — URL: <https://www.cn84.com/7860.html>. — (На китайском и английском языке).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Басюк, И. В. Свообразие повторов в сказке Р. Киплинга «How the Whale Got his Throat» / И. В. Басюк // Вестник Челябинского государственного университета. — 2018. — № 6 (416). — С. 7–11. — DOI 10.24411/1994-2796-2018-10601. — EDN XZCGUH.

2. Бондаренко, И. В. Прагматический потенциал экспрессивного синтаксиса в политическом дискурсе / И. В. Бондаренко // От дифференциации наук — к трансдисциплинарности. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвящ. 250-летию Александра фон Гумбольдта / отв. ред. И. П. Амзаракова. — Изд-во Хакасского госуниверситета, 2019. — С. 188–192. — EDN FWQYSP.

3. Чэнь, Цаньюань. Применение и перевод параллельных конструкций в третьем томе книги Си Цзиньпина о государственном управлении / Чэнь Цаньюань, Сюй Пиньцзин // Журнал Фуцзяньского университета бизнеса. — 2021. — № 5. — С. 59–64. = 陈沧渊, 徐品晶 排比修辞在《习近平谈治国理政》第三卷中的应用及翻译. 福建商学院学报. 2021.05:

59-64. — (На китайском языке).

4. Чернявская, В. Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы / В. Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2014. — № 1 (038). — С. 54–61. — EDN RWCCGP.

5. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. — 2012. — № 2 (40). — С. 53–59. — EDN PCAVQP.

6. Давыдова, А. Р. Исследование особенностей использования тематической прогрессии на разных уровнях в английском языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2018. — № 1 (124). — С. 116–120. — EDN YMNJCR.

7. Денисова, А. К. Особенности лексико-синтаксического повтора в речи автора (на материале немецкоязычного художественного текста) // Вестник Костромского государственного университета. — 2018. — Т. 24. — № 1. — С. 112–115. — EDN YUPALL.

8. Дьяченко, И. А. Использование параллельной синтаксической конструкции как технологического приема воздействия в политическом дискурсе // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. — 2016. — № 28. — С. 79–85. — EDN WKTYAJ.

9. Кудряшева, Ф. С. Политический медиадискурс и языковые средства реализации его интенции // Вестник Башкирского университета. — 2022. — Т. 27. — № 1. — С. 179–186. — DOI 10.33184/bulletin-bsu-2022.1.32. — EDN YRKSOG.

10. Ли, Сицунь. Функциональное построение «повторяющейся» риторики в контексте критического дискурса-анализа — анализ на основе небольшого корпуса / Ли Сицунь, Цзи Юхуа // Преподавание иностранных языков в Шаньдуне. — 2014. — № 35 (03). — С. 40–45. = 李锡纯, 纪玉华. 批评语篇分析视阈下“反复”修辞的功能建构——一项基于小型语料库的分析. 山东外语教学, 2014, 35(03): 40-45. DOI:10.16482/j.sdwy37-1026.2014.03.012. — (На китайском языке).

11. Ци, Хунвэй. Функциональные характеристики параллельных синтаксических конструкций в китайском политическом дискурсе (на материале поздравительных речей председателя КНР Си Цзиньпина) / Ци Хунвэй, О. А. Мельничук // Политическая лингвистика. — 2024. — № 6 (108). — С. 152–160. — EDN OGVMOF.

12. Ци, Хунвэй. Прагма-аксиологические функции местоимений первого лица в поздравительных обращениях Си Цзиньпина / Ци Хунвэй, О. А. Мельничук // Северо-Восточный гуманитарный вестник. — 2023. — № 1(42). — С. 77–85. — DOI 10.25693/SVG.2023.42.1.007. — EDN ADTQKP.

13. Санжеева, Л. Ц. Синтаксический параллелизм в бурятской Гэсэриаде / Л. Ц. Санжеева // Сибирский филологический журнал. — 2010. — № 3. — С. 15–25. — EDN MWDRTB.

14. Шевцова, Н. И. Параллельные построения и их функции в китайском печатном интервью / Н. И. Шевцова // Известия Восточного института. — 2017. — № 2 (34). — С. 21–27. — DOI 10.24866/2542-1611/2017-2/21-27. — EDN YNHZEX.

15. Шейгал, Е. И. Семiotика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 326 с. — ISBN 5-7333-0144-9. EDN QODCTF.

16. У, Анна. Стилистические и лингво-прагматические характеристики публичной речи политических лидеров России конца XX и начала XXI веков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / У Анна. — Москва, 2019. — 174 с.

Политическая лингвистика. 2025. № 6 (114).
Political Linguistics. 2025. No 6 (114).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+81'27
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Елена Николаевна Шеховцева^{1✉}, Маргарита Сергеевна Воробьева^{2✉}

^{1,2} Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань, Россия

¹ elen-gorbachyova@yandex.ru✉, SPIN-код: 8486-4229, <https://orcid.org/0000-0002-3192-4869>

² vorobiewamargarita@yandex.ru✉, SPIN-код: 9915-5530

Манифестация перформативности в военно-патриотическом волонтерском дискурсе (на материале русского языка)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению способов манифестации категории перформативности в военно-патриотическом волонтерском дискурсе. Под перформативностью в работе понимается дискурсивная категория, охватывающая языковые средства объективации коммуникативного поступка. Материалом исследования послужили русскоязычные сайты волонтерских организаций и фондов, направленных на помощь военным и медикам — участникам специальной военной операции, а также мирным жителям, пострадавшим от последствий военных действий. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью волонтерского дискурса в целом и военно-патриотического дискурса в частности. Выделены речевые жанры военно-патриотического волонтерского дискурса, представляющие собой коммуникативные поступки: девиз, самопрезентация волонтерских организаций и фондов, лозунг и электронная рассылка. Установлено, что они имеют идеологически наполненное содержание и на семантическом уровне маркируются идеологемами «защита Родины» и «помощь фронту». Выявленные средства апелляции к ним — речевые акты нарратива, констати́ва, директива и декларатива — служат прагматическими маркерами выделенных коммуникативных поступков и языковыми средствами манифестации двух перформативных стратегий — устанавливающей и подтверждающей. Устанавливающая стратегия реализуется с помощью тактики субъектной идентификации и направлена на демонстрацию волонтерами ценностей добровольчества в целом и военного добровольчества в частности. Подтверждающая стратегия реализуется с помощью тактики доминирующего субъектного позиционирования и направлена на подтверждение волонтерами приверженности волонтерским ценностям путем вовлечения в волонтерскую деятельность других людей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: волонтерский дискурс, волонтеры, военно-патриотический дискурс, военное добровольчество, коммуникативный поступок, перформативность, перформативные стратегии, политическая идеология, идеологемы, речевые жанры, речевые акты, русский язык, СВО, специальные военные операции.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Шеховцева Елена Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии, лингводидактики и перевода, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева; 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а, email: elen-gorbachyova@yandex.ru.

Воробьева Маргарита Сергеевна, ассистент кафедры английской филологии, лингводидактики и перевода, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева; 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а, email: vorobiewamargarita@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шеховцева, Е. Н. Манифестация перформативности в военно-патриотическом волонтерском дискурсе (на материале русского языка) / Е. Н. Шеховцева, М. С. Воробьева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 6 (114). — С. 130-137.

Elena N. Shekhovtseva^{1✉}, Margarita S. Vorobyeva^{2✉}

^{1,2} Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

¹ elen-gorbachyova@yandex.ru✉, SPIN code: 8486-4229, <https://orcid.org/0000-0002-3192-4869>

² vorobiewamargarita@yandex.ru✉, SPIN code: 9915-5530

Expression of Performativity in Military-Patriotic Volunteer Discourse (Based on the Russian Language)

ABSTRACT. The article studies the ways of expression of the category of performativity in the military-patriotic volunteer discourse. This research interprets performativity as a discursive category that encompasses the linguistic means of objectifying a communicative action. The practical research material has been selected from Russian-language websites of volunteer organizations and funds aimed at helping the military and medical personnel — participants of the special military operation, as well as civilians who suffered from the consequences of military actions. The relevance of the study can be attributed to the insufficient study of volunteer discourse in general and military-patriotic discourse in particular. The study has identified the following speech genres of the military-patriotic volunteer discourse, which represent communicative actions: motto, self-presentation of volunteer organizations and funds, slogan and e-mail message. It has been found that they possess ideologically loaded content and are marked at the semantic level by the ideologemes “Defense of the Motherland” and “Help to the Front”. The study has identified the means of appeal to them — the narrative, stative, directive and declarative speech acts — that serve as pragmatic markers of the highlighted communicative actions and linguistic means of manifestation of two performative strategies — establishing and confirming ones. The establishing strategy is implemented

using the tactics of subject identification and is aimed at demonstrating the values of volunteerism in general and military volunteerism in particular. The confirming strategy is implemented using the tactics of dominant subject positioning and is aimed at confirming the commitment of volunteers to volunteer values by engaging other people in volunteer activities.

KEYWORDS: *volunteer discourse, volunteers, military-patriotic discourse, military volunteer movement, communicative act, performativity, performative strategies, political ideology, ideologemes, speech genres, speech acts, Russian language, SMO, special military operation.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Shekhovtseva Elena Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor of Department of English Philology, Linguodidactics and Translation, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia.*

Vorobyeva Margarita Sergeevna, Assistant Lecturer of Department of English Philology, Linguodidactics and Translation, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia.

FOR CITATION: *Shekhovtseva E. N., Vorobyeva M. S. (2025). Expression of Performativity in Military-Patriotic Volunteer Discourse (Based on the Russian Language). In Political Linguistics. No 6 (114), pp. 130-137. (In Russ.).*

1. ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время волонтерское движение стремительно развивается в России: происходит процесс его институционализации, появляется большое количество волонтерских организаций, транслирующих идеи добровольчества, призванного решать острые социальные проблемы [Ульянова 2019: 85]. Это объясняется тем, что, помимо решения социальных проблем, волонтерство способствует развитию гражданского общества и формированию активной жизненной позиции у людей [Воробьева 2024: 20].

По направленности деятельности выделяют такие виды волонтерства, как социальное, экологическое, спортивное (спортивно-ориентированное), событийное (эвент-волонтерство), культурное (арт-волонтерство), культуротворческое, культуроохранное, корпоративное, профилактическое, правозащитное [Ботнар, Даракчан 2020: 423–424; Ульянова 2016: 129]. После начала специальной военной операции на Украине в 2022 г. в России сформировалось направление военно-патриотического волонтерства. Волонтеры покупают продукты, средства связи, медикаменты, военную технику, оборудование для отправки в зону СВО, оказывают гуманитарную помощь пострадавшим в результате военных действий.

Тексты / высказывания, порождаемые в процессе волонтерской деятельности, относятся к волонтерскому дискурсу, который, в свою очередь, наряду с благотворительным дискурсом является частью альтруистического дискурса [Горбачева, Прокофьева 2022: 263]. Несмотря на популярность волонтерского движения в России и за рубежом, волонтерский дискурс не получил адекватного осмысления в современной лингвистике [Дементьев 2021: 308]: выявлены лингвосомиотические характеристики англоязычного волонтерского дискурса [Филиппова 2014], его формы, виды, идеи и ценности в английской и русской лингвокультурах [Филиппова

2016; Горбачева, Прокофьева 2022; Илова 2023], описаны языковые средства реализации коммуникативных стратегий волонтерства в американском варианте английского языка [Жевачевская 2020].

Полагаем, что системное описание волонтерского дискурса предполагает изучение каждого из вышеперечисленных направлений волонтерской деятельности как подвида волонтерского дискурса (социоволонтерский дискурс / дискурс социального волонтерства, спортивно-волонтерский дискурс / дискурс спортивного волонтерства, культурно-волонтерский дискурс / дискурс культурного волонтерства и т. п.). Очевидно, что все эти подвиды будут объединены базовыми характеристиками волонтерского дискурса, а дифференциальные признаки будут заключаться в жанровой специфике их текстов.

Что касается военно-патриотического волонтерского дискурса, его особенность состоит в том, что он охватывает и сферу военного добровольчества в том числе. Это имеет культурную и историческую обусловленность в России. Обе лексемы — «волонтер» и «доброволец» — первоначально имели в русском языке «военные» значения: волонтером в эпоху Петра I называли солдата, находящегося на службе в войске по своей воле и на своем иждивении; слово «доброволец» в пик его употребления в годы Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн обозначало человека, по собственному желанию поступившего на военную службу. В настоящее время эти слова образуют синонимическую пару и взаимозаменяются в разных контекстах [Ильина 2019]. В специальной военной операции также принимают участие добровольцы, не имеющие профессионального военного образования, но в июне 2023 г. получившие статус, приравненный к военным служащим, что обязует их заключать контракт с Минобороны РФ [КОНТРАКТ-СЛУЖБА РФ www.mil.ru]. В связи с этим мы считаем, что военно-патриотиче-

ский волонтерский дискурс включает в себя тексты, агитирующие граждан поступить на контрактную службу.

Цель настоящего исследования заключается в изучении способов манифестации перформативности в военно-патриотическом волонтерском дискурсе. Под перформативностью мы понимаем дискурсивную категорию, охватывающую языковые средства объективации коммуникативного поступка. Военно-патриотический волонтерский дискурс представлен системой речевых жанров / текстов / высказываний, представляющих собой коммуникативные речевые поступки, манифестируемые на двух дискурсивных уровнях — семантическом и прагматическом. Система способов осуществления коммуникативных поступков в рамках того или иного дискурса называется его стратегичностью и включает в себя четыре перформативные стратегии, определенным образом перформатирующие ценностный статус субъекта и/или адресата высказывания: устанавливающую, подтверждающую, трансформирующую и оспаривающую [Горбачева 2015: 102].

Коммуникативные поступки в военно-патриотическом волонтерском дискурсе имеют идеологически наполненное пропозициональное содержание. Под идеологией понимается система взглядов и идей, выражающих социальные интересы отдельных классов, партий, групп и отражающих оценку отношения людей к действительности и друг другу, социальным проблемам и конфликтам [Философский энциклопедический словарь www.encyclopedic.ru; Большая российская энциклопедия www.bse.ru].

Единицами идеологии являются идеологемы — многоуровневые концепты, репрезентированные словами и словосочетаниями с идеологическим компонентом и обладающие национальной специфичностью, общественно-культурной и исторической значимостью для определенного этноязыкового сообщества [Малышева 2009: 35; Пионтек 2010: 87; Гайдаренко 2022: 269].

Идеологемы выступают в качестве семантических маркеров коммуникативных поступков в волонтерском дискурсе. Прагматическими маркерами являются речевые акты, с помощью которых субъект коммуникации апеллирует к тем или иным идеологемам.

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

2.1. Языковые маркеры устанавливающей перформативной стратегии

В военно-патриотическом дискурсе действуют две перформативные стратегии:

устанавливающая и подтверждающая. **Устанавливающая стратегия** позволяет субъектам дискурса — волонтерам — продемонстрировать ценности, составляющие суть их деятельности. Устанавливающая стратегия реализуется с помощью тактики **субъектной идентификации** и направлена на позиционирование субъектов дискурса — волонтеров — как приверженцев ценностей добровольчества в целом и военного добровольчества в частности. Прежде всего данная тактика актуализируется в жанре **де-виза**. Девиз имеет сходные признаки с лозунгом, однако мы разграничиваем эти типы текстов, полагая, что коммуникативной целью девиза является выражение определенной ценности и «руководящей идеи деятельности» [Барышников 2009: 2], а лозунг содержит призыв к действию.

Девизы соответствуют декларативным речевым актам. Главным символом СВО стал девиз «*СВОих не бросаем*», актуализирующий идеологему поддержки специальной военной операции в целом и ее участников в частности, которые воспринимаются как «свои» защитники в противопоставление «чужому» противнику. С позиций дискурсивной перформативности с помощью данного девиза адресант идентифицирует себя как сторонника провозглашенных целей операции — денацификации и демилитаризации Украины — и декларирует свою готовность поддержать тех, кто способствует достижению этих целей. Тот факт, что местоимение «свои» перекликается с аббревиатурой СВО, наделяет девиз эмоциональной насыщенностью и сакральностью.

Девиз «*СВОих не бросаем*» часто употребляется в сочетании с другими девизами на баннерах, агитирующих россиян становиться добровольцами и поступать на военную службу по контракту: «*СВОих не бросаем. Не мы это начали, но нам это Заканчивать*». Такие баннеры сопровождаются визуальным образом военных и содержат тексты, адресантами которых являются добровольцы, вступившие в ряды армии. В них также реализуется перформативная тактика субъектной идентификации: военные позиционируют себя как людей, на которых лежит огромная ответственность за исход СВО и будущее России.

Вербальная составляющая баннеров актуализирует идеологему «защита Родины» через следующие смысловые компоненты:

- «защита Родины как долг»: *Служба по контракту. Долг. Честь. Отвага* (https://t.me/Voennaya_Kontraktnaya_SVO_RF/3460);
- «защита Родины как героизм и отвага»: *Герои З. Кто, если не мы. Военная служба*

по контракту; Север Выбирает **Отважных** (https://t.me/Voennaya_Kontraktnaya_SVO_RF/3460);

– «защита Родины как проявление силы»: *Служба по контракту — выбор **сильных*** (https://t.me/Voennaya_Kontraktnaya_SVO_RF/3460);

– «защита Родины как правильный выбор»: *Служба по контракту — твой **правильный выбор!**; Наше дело правое, Военная служба по контракту. Когда **цель ясна*** (https://t.me/Voennaya_Kontraktnaya_SVO_RF/3460);

– «защита Родины как настоящая профессия / работа / настоящее дело»: *Наша профессия — Родину защищать!; Служба по контракту в Вооруженных силах — моё дело!; Служба по контракту — это мужская работа; Достойная работа для настоящих мужчин; Настоящая обычная работа. Служба по контракту* (https://t.me/Voennaya_Kontraktnaya_SVO_RF/3460);

– «защита Родины гарантирует Победу и будущее страны»: *У Победы твой характер!; Пока мы помним прошлое — у нас есть будущее!* (https://t.me/Voennaya_Kontraktnaya_SVO_RF/3460).

Несмотря на декларативную форму вышеуказанных девизов, все они обладают косвенной имплицитной императивностью, поскольку направлены на побуждение к действию. Для усиления их экспрессивности и эмоциональности в них используются следующие приемы:

- апелляция к прецедентным феноменам: «*Наша профессия — Родину защищать!*» (отсылка к высказыванию из художественного фильма «Офицеры»), «*Наше дело правое*» (отсылка к заключительным словам речи В. М. Молотова, обращенной по радио к советским гражданам 22 июня 1941 года, — «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами» [История РФ www]);

- антитеза: «*Пока мы помним прошлое — у нас есть будущее!*»;

- графические приемы: «*У города-героя свои герои*» (баннер с изображением воина на фоне видов Санкт-Петербурга);

- восклицательное предложение: «*Ты нужен для серьезных задач!*»;

- парцелляция: «*Служба по контракту. Долг. Честь. Отвага.*».

Следующий жанр, в котором используется тактика субъектной идентификации, — **самопрезентация волонтерских организаций и фондов**. Жанр самопрезентации считается относительно новым и осмысливается в основном применительно к интернет-дискурсу и студенческому дискурсу [Бондарькова 2014; Веселкова 2024]. Абстраги-

руясь от материала студенческих самопрезентаций, согласимся с Т. В. Веселковой в том, что жанр самопрезентации преследует несколько целей: информативную, императивную и оценочную. Самопрезентация волонтерских организаций и фондов заключается в описании их миссии:

Мы выступаем в качестве связующего звена между людьми, желающими помочь, и военными, нуждающимися в поддержке. Каждый отправленный на фронт груз гуманитарной помощи, каждый переведенный рубль и каждое слово поддержки приближают Победу и возвращение наших ребят домой. У наших защитников есть семьи, которые ждут и молятся за их скорейшее возвращение. У них есть будущее, которое мы можем сохранить прямо сейчас (svofond.org). Приведенный пример — описание миссии Фонда помощи СВО «Общее дело». В нем актуализируются идеологемы «Защита Родины» и «помощь фронту», раскрывающиеся через смысловые компоненты «победа», «свои», «будущее» («наши защитники», «наши ребята», «приблизить Победу», «у них есть будущее»). Описание миссии обладает скрытой апеллативностью: в нем косвенно — посредством декларативного речевого акта — осуществляется призыв оказать помощь фронту, а повторы в параллельных конструкциях с нисходящей градацией (*Каждый... груз, каждый... рубль и каждое слово*) показывают значимость любой помощи фронту. Апеллативность усиливается в субжанре девиза: *В единстве наша сила! В наших руках жизни бойцов!*

Военно-патриотическая волонтерская деятельность в жанре самопрезентации может быть репрезентирована метафорами. Так, в вышеприведенном примере используется метафора цепи: волонтеры как связующее звено между желающими помочь и военными, т.е. теми, кто в этой помощи нуждается. На сайте Фонда народной поддержки участников СВО с той же целью используется метафора моста: *Мы — надёжный мост между теми, кто готов прийти на помощь, и теми, кто сейчас защищает мирную жизнь России* (<https://fond-npusvo.ru/>). В обоих случаях метафоры актуализируют идеологему «помощь», которая является семантическим маркером коммуникативного поступка высокого порядка — самопрезентации не ради создания желаемого образа, а ради привлечения как можно большего числа единомышленников в деле военно-патриотического волонтерства.

2.2. Языковые маркеры подтверждающей перформативной стратегии

Подтверждающая перформативная

стратегия, направленная на подтверждение со стороны волонтеров приверженности ценностям волонтерства, реализуется с помощью **тактики доминирующего субъектного позиционирования** в директивном речевом акте призыва. Доминирование представителей волонтерских организаций проявляется в социальном плане и заключается в том, что они, выступая от имени социального института, несут ответственность за свою деятельность и могут вовлекать в нее других людей.

Данная тактика актуализируется в жанре **лозунга**. Как было отмечено ранее, лозунг имеет императивный характер. Главным лозунгом военно-патриотического волонтерства в условиях СВО стал декларатив «Всё для Победы!», актуализирующий идеологему «помощь фронту» и отсылающий к прецедентному тексту Великой Отечественной войны — лозунгу «Всё для фронта! Всё для Победы!», публично провозглашенному И. В. Сталиным 3 июля 1941 года в радиообращении к советским гражданам и ставшему объединяющей идеей для всего советского народа [История РФ www]. С начала СВО лозунг «Всё для Победы» символизирует сплоченность гражданского общества России в помощи фронту.

Военно-добровольческие лозунги на баннерах актуализируют идеологему «защита Родины», призывая к службе по контракту в зоне СВО: *Встанем плечом к плечу за Родину!* (https://t.me/Voennaya_Kontraktnaya_SVO_RF/3460).

Как правило, лозунги на баннерах сочетаются с девизами, что позволяет раскрыть следующие смысловые компоненты идеологемы «защита Родины» в дополнение к вышеперечисленным:

– «защита Родины благословенна Богом»: *Мы русские. С нами Бог. Присоединяйся к СВОим. Служи по контракту* (https://t.me/Voennaya_Kontraktnaya_SVO_RF/3460);

– «защита Родины как призвание»: *Присоединяйся к СВОим. Наше призвание — защищать Родину* (https://t.me/Voennaya_Kontraktnaya_SVO_RF/3460);

– «защита Родины как проявление любви и гордости»: *Люблю. Горжусь. Защищаю. Служи по контракту в Армии России* (https://t.me/Voennaya_Kontraktnaya_SVO_RF/3460);

– «защита Родины как проявление единства народа»: *Присоединяйся к СВОим. Вместе любая задача по плечу; Присоединяйся к СВОим. С отвагой в сердце; Время выбрало нас. Вступай в Армию Победы* (https://t.me/Voennaya_Kontraktnaya_SVO_RF/3460).

Еще один жанр, в котором реализуется перформативная тактика доминирующего субъектного позиционирования, — **электронная рассылка**. Прототипом этого жанра является письмо: оба жанра имеют одинаковую композицию. Однако их коммуникативные цели различаются: обычное письмо нацелено на информирование адресата о чем-либо, а электронная рассылка, послужившая материалом настоящего исследования, имеет императивный характер, в ней представители волонтерских организаций и фондов призывают оказать помощь военным на фронте и гражданскому населению, пострадавшему от военных действий. В каждом письме содержится нарративная часть, в которой рассказывается о героизме военных на фронте:

Здравствуйте!

Кадры с передовой заставляют наши сердца биться чаще.

Фронтвые дороги полны опасностей: беспилотники, мины, артиллерия и ловушки врага ждут наших защитников на каждом шагу.

Группа бойцов группировки войск <...> ехала по фронтовой дороге.

Вскоре их «буханка» попала под вражеский прилет. Ребята чудом успели вовремя выскочить из автомобиля. Вместе они отбежали на безопасное расстояние от машины, охваченной огнем.

«В ушах звенит», — не скрывая эмоций, делится один из бойцов.

Далее следует видео и вывод о том, насколько опасно находиться в зоне военных действий:

Посмотрите кадры с передовой без прикрас.

Защитники рискуют собой каждый день, чтобы мы могли спать спокойно (onf.ru).

В заключение приводится список наименований желаемой помощи, которая позволит снизить риск смертельной опасности на фронте и сохранить военным жизнь:

Сейчас они очень нуждаются в вашей поддержке. Давайте уберем ребят от коварного врага! Сделать это помогут:

- маневренные багги;
- детекторы дронов;
- средства радиоэлектронной борьбы и другое крайне необходимое оборудование.

Ваша забота спасает жизни и приближает Победу (onf.ru).

В письме актуализируются две идеологемы — «защита Родины» и «помощь фронту». Первая идеологема раскрывается через смысловые компоненты «защита Родины как борьба своих против врагов» («наши защит-

ники», «ребята»; «коварный враг», «вражеский прилет», «ловушки врага»), «защита Родины как смертельный риск» («рискует собой», «чудом выскочить», «полны опасностей»). Смысловыми компонентами второй идеологемы являются следующие: «помощь как проявление поддержки» («поддержка», «забота»), «спасительная помощь» («спасти жизни») и «помощь, приближающая Победу» («приблизить Победу»).

Апелляция к перечисленным идеологемам в электронной рассылке осуществляется посредством речевых актов: нарратива («Фронтовые дороги полны опасностей...», «Группа бойцов... ехала по фронтовой дороге» и т. д.), директива (призыва «Давайте убережем!»), декларатива («Ваша забота спасает жизни и приближает Победу»), констати́ва («Сейчас они очень нуждаются в вашей поддержке»).

Идеологема «помощь фронту» раскрывается также через смысловые компоненты «помощь военным медикам» и «забота о гражданском населении, пострадавшем от военных действий».

Репрезентантами первого компонента — «помощь военным медикам» — являются метафоры, демонстрирующие спасительную и оберегающую роль военных медиков на фронте: **Среди них военные медики. Они ангелы-хранители наших защитников. Оплот, который всегда готов прийти им на помощь.**

Апелляция к данному компоненту идеологемы осуществляется с помощью следующих речевых актов:

– констати́вов, сообщающих о необходимости медиков в каком-либо оборудовании, транспорте и медикаментах: **Скоро военные медики будут отмечать профессиональный праздник — День военного медика. Им необходим быстрый и маневренный транспорт. В боевых условиях техника быстро выходит из строя** (onf.ru);

– нарративов, повествующих о примерах проявлении героизма среди военных врачей: **Мы хотим рассказать вам историю настоящего героя: человека, который лично спас более тысячи раненых бойцов** (onf.ru);

– директивов, призывающих оказать помощь военным врачам, чтобы они в свою очередь могли спасти раненых бойцов: **Проявите заботу, и медики успеют вовремя помочь ребятам!** (onf.ru).

Репрезентантами идеологемы «забота о гражданском населении, пострадавшем от военных действий» являются следующие приемы:

• метафоры, показывающие, насколько тяжелые испытания пришлось пройти мир-

ным жителям регионов, которых коснулась война: **Противник отступил и оставил в сердцах людей раны. В наших силах помочь им залечить их и оправиться от бед. Впереди — пустота, неизвестность и глубокие раны на душе. Земля там еще полна напоминаний о прошедших сражениях. В условиях жары самый простой, но жизненно важный ресурс стал на вес золота. Сейчас даже техническая вода там — роскошь** (onf.ru);

• лексика с негативной коннотацией, характеризующей противника, виновного в бедственном положении гражданского населения: **Прямо сейчас идет восстановление мирной жизни в регионах, пострадавших от злодеяний врага. Сейчас очень важно оказать помощь тем, кто пострадал от террора врага** (onf.ru);

• военная лексика: **Еще вчера они жили под грохотом обстрелов и жужжанием беспилотников. Мины и неразорвавшиеся боеприпасы остались в полях, дворах, садах...** (onf.ru).

Апелляция ко второму компоненту идеологемы «помощь фронту» — «забота о гражданском населении, пострадавшем от военных действий», — осуществляется посредством следующих речевых актов:

– нарративов, повествующих о мужестве и героизме мирных жителей, испытывающих на себе последствия военных действий: **В трудные времена важно помогать людям просто так. 11-летний Элнур из Донецка каждый день делает то, на что решится не каждый взрослый человек** (onf.ru);

– констати́вов, сообщающих о каждодневных трудностях, с которыми сталкиваются мирные жители: **Тысячи россиян ежедневно совершают искренние поступки во имя добра. В Донецкой Народной Республике острый дефицит питьевой воды. Наша команда продолжает доставлять воду туда, где ее очень ждут** (onf.ru);

– директивов, призывающих помочь пострадавшим, причем призыв может быть выражен эксплицитно — перформативным глаголом «призывать» и имплицитно — модальной частицей «давайте» и повелительной формой глагола: **Мы призываем вас не оставаться в стороне. Жители Донбасса нуждаются в нашей помощи. Давайте сплотимся и передадим им гуманитарную помощь. Позаботимся о соотечественниках прямо сейчас** (onf.ru);

– декларативов, постулирующих ценность помощи мирным людям, особенно детям, пострадавшим из-за войны: **Ваша забота — это шаг к тому, чтобы жизнь мирных жителей в прифронтовых городах и селах**

стала легче уже сейчас. Дети — наше будущее, и это будущее в наших руках. Вместе мы можем обеспечить детям Донбасса достойное настоящее. Ваша забота — это опора для тех, кто возвращается домой! Вместе мы спасем наших людей от жажды и отчаяния! (onf.ru).

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, военно-патриотическое волонтерство стало актуальной формой социокультурной практики в российском обществе после начала специальной военной операции. Военно-патриотический волонтерский дискурс представлен системой коммуникативных поступков — речевых жанров девиза, самопрезентации, лозунга и электронной рассылки. Они имеют идеологически наполненное содержание и на семантическом уровне маркируются идеологемами «защита Родины» и «помощь фронту». Аппелляция к ним осуществляется посредством речевых актов нарратива, констатива, директива и декларатива, служащих прагматическими маркерами выделенных коммуникативных поступков. В них реализуются две перформативные стратегии — устанавливающая (тактика субъектной идентификации) и подтверждающая (тактика доминирующего субъектного позиционирования). Первая стратегия направлена на демонстрацию волонтерами ценностей своей деятельности через позиционирование себя как приверженцев ценностей добровольчества в целом и военного добровольчества в частности.

Вторая стратегия направлена на подтверждение волонтерами приверженности волонтерским ценностям путем вовлечения в волонтерскую деятельность других людей.

Устанавливающая перформативная стратегия используется в жанре девиза на баннерах, агитирующих поступать на военную службу в зоне СВО, и в жанре самопрезентации волонтерских организаций и фондов. В них посредством декларативных речевых актов с косвенно выраженной императивностью идеологема «защита Родины» через такие смысловые компоненты, как «долг», «героизм и отвага», «проявление силы», «правильный выбор», «настоящая профессия / работа / настоящее дело», «гарантия Победы и будущего страны», «свои».

Подтверждающая перформативная стратегия используется в жанрах лозунга и электронной рассылки. В них идеологема «защита Родины» актуализируется через смысловые компоненты «благословение Бога», «призвание», «проявление любви, гордости и единства народа», «борьба своих против врагов», «смертельный риск», а идеологема

«помощь фронту» — через смысловые компоненты «помощь военным медикам», «забота о гражданском населении, пострадавшем от военных действий», «помощь как проявление поддержки», «спасительная помощь» и «помощь, приближающая Победу». В лозунгах апелляция к идеологемам осуществляется с помощью директивного речевого акта призыва, в электронной рассылке — посредством нарративов, констативов, директивов и декларативов.

ИСТОЧНИКИ

1. Барышников, М. С. Семантика и прагматика девизов на монетах : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Барышников М. С. — Волгоград, 2009. — 24 с.
2. Большая российская энциклопедия. — URL: <https://bigenc.ru/c/ideologija-afd834> (дата обращения: 23.08.2025).
3. Жевачевская, К. И. Коммуникативные стратегии волонтерского движения и их языковое выражение в американском варианте английского языка : автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Жевачевская К. И. — Москва, 2020. — 26 с.
4. История РФ. Главный исторический портал страны. — URL: <http://histrf.ru> (дата обращения: 20.08.2025).
5. КОНТРАКТ-СЛУЖБА РФ. — URL: <https://контракт-служба.рф/в-чем-разница-между-контрактником-и-добровольцем-сво/> (дата обращения: 19.08.2025).
6. Филиппова, Т. А. Лингвосомиотика англоязычного волонтерского дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Филиппова Т. А. — Волгоград, 2014. — 24 с.
7. Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. — Москва : Советская энциклопедия, 1983. — URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 19.08.2025).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бондарькова, А. В. Самопрезентация как особый интернет-жанр (на материале русскоязычных блогов) / А. В. Бондарькова // Вопросы психолингвистики. — 2014. — №19. — С. 78–91. — EDN SGSEAX.
2. Ботнар, Д. Ю. Концепция волонтерской деятельности в России / Д. Ю. Ботнар, Г. О. Даракчян // Экономика и социум. — 2020. — № 6 (73). — С. 421–424. — EDN SKINER.
3. Веселкова, Т. В. Жанрообразующие признаки самопрезентации (на материале самопрезентации студентов) / Т. В. Веселкова // Жанры речи. — 2024. — Т. 19. — № 3 (43). — С. 247–255. — DOI 10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-247-255. — EDN LXJXTJ.
4. Воробьева, М. С. Философские основы изучения волонтерского дискурса / М. С. Воробьева // Креативная лингвистика : сборник научных статей. — Астрахань : Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, 2024. — С. 20–25. — EDN YXERSQ.
5. Гайдаренко, В. А. Экономический и политический дискурс в эпоху медийного противостояния (на основе анализа репортажей BBC и российского медийного дискурса) / В. А. Гайдаренко // Культура и цивилизация. — 2022. — Т. 12, № 4-1. — С. 268–275. — DOI 10.34670/AR.2022.70.76.036. — EDN NRRGWA.
6. Горбачева, Е. Н. Стратегическая перформативность в политическом дискурсе / Е. Н. Горбачева // Политическая лингвистика. — 2015. — № 3 (53). — С. 102–106. — EDN UNFGUZ.
7. Горбачева, Е. Н. Языковые средства реализации идей альтруизма в волонтерском дискурсе: прагмалингвистический подход / Е. Н. Горбачева, А. С. Прокофьева // Современное педагогическое образование. — 2022. — № 12. — С. 263–267. — EDN SLMSOS.
8. Деметьев, В. В. Переживательные истории о котиках в Рунете в парадигме жанров волонтерского дискурса / В. В. Деметьев // Жанры речи. — 2021. — № 4 (32). — С. 305–326. — DOI 10.18500/2311-0740-2021-4-32-305-326. — EDN QKJMB.
9. Илова, А. В. Языковая репрезентация ценностей в англоязычном волонтерском дискурсе / А. В. Илова // Креатив-

ная лингвистика : сборник научных статей. — Астрахань, 2023. — Вып. 6. — С. 32–36. — EDN JFMFCL.

10. Ильина, Ю. Н. Значение и употребление слов добровольцев и волонтер в русском языке (по данным Национального корпуса русского языка) / Ю. Н. Ильина // Научный диалог. — 2019. — № 10. — С. 159–171. — DOI 10.24224/2227-1295-2019-10-159-171. — EDN PFUNCR.

11. Малышева, Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация / Е. Г. Малышева // Политическая лингвистика. — 2009. — № 4 (30). — С. 32–40. — EDN LKFZKN.

12. Пионтек, Б. Идеологема как ключевая лексическая единица общественно-политического дискурса и как концепт общественного сознания современной языковой личности в России и в Польше / Б. Пионтек // Вестник Московского университета. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2010. — № 1. — С. 85–95. — EDN LSRDRX.

13. Ульянова, Е. В. Социально-культурные векторы развития волонтерской деятельности в современном российском обществе / Е. В. Ульянова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2016. — № 6 (74). — С. 127–131. — EDN XUXHDX.

14. Ульянова, Е. В. Особенности институционализации волонтерского движения в современном российском обществе / Е. В. Ульянова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2019. — Т. 24. — № 178. — С. 85–92. — DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-178-85-92. — EDN YXCQCL.

15. Филиппова, Т. А. Формы и виды волонтерской деятельности в англоязычной культуре / Т. А. Филиппова // Научный альманах. — 2016. — № 4-4 (18). — С. 372–376. — DOI 10.17117/na.2016.04.04.372. — EDN XSHOHR.

MATERIALS

1. Baryshnikov, M. S. (2009). Semantika i pragmatika devizov na monetakh = Semantics and Pragmatics of Mottos on Coins. Author's Abstract of the Dissertation for the Candidate of Philological Sciences Volgograd, 24 p.

2. Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya = Great Russian Encyclopedia (n.d.). Available from <https://bigenc.ru/c/ideologiya-a-fd834>.

3. Zhevachevskaya, K. I. (2020). Kommunikativnye strategii volonter'skogo dvizheniya i ikh yazykovoye vyrazhenie v amerikanskoy variante angliyskogo yazyka = Communicative Strategies of the Volunteer Movement and Their Linguistic Expression in American English. Author's Abstract of the Candidate's Dissertation. Moscow, 26 p.

4. Istoriya Rossii. Glavnyy Istoricheskiy Portal Strany. = History of Russia. The country's main historical portal (n.d.). Available from <http://histrf.ru>.

5. KONTRAKT-SLUZHBA RF (n.d.). Available from <https://контракт-служба.рф/в-чем-разница-между-контрактником-и-добровольцем-сво/>.

6. Filippova, T. A. (2014). Lingvosemiotika angloyazychnogo volonter'skogo diskursa = Linguistic and Semiotic Aspects of English-speaking Volunteer Discourse. Author's Abstract of the Candidate's Dissertation. Volgograd, 24 p.

7. Ilyichev, L. F., Fedoseev, P. N., Kovalev, S. M., Panov, V. G. (Eds.) (1983). Filosofskiy Entsiklopedicheskiy Slovar' = Philosophical Encyclopedic Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya. Available from <http://dic.academic.ru>.

REFERENCES

1. Bondarykova, A. V. (2014). Samoprezentatsiya kak osobyj Internet-zharn (na materiale russkoyazychnykh blogov) = Self-presentation as a special Internet genre (based on Russian-language blogs). *Questions of Psycholinguistics*, 19, 78–91. EDN SGSEAX.

2. Botnar, D. Y., Darakchyan, G. O. (2020). Kontseptsiya volonter'skoj deyatel'nosti v Rossii = The Concept of Volunteer Activity in Russia. *Economics and Society*, 6(73), 421–424. EDN

CKINEP.

3. Veselkova, T. V. (2024). Zhanroobrazuyushchie priznaki samoprezentatsii (na materiale samoprezentatsii studentov) = Genre-forming Features of Self-presentation (based on student self-presentation). *Speech Genres*, 19(3), 247–255. DOI 10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-247-255. EDN LXJXTJ.

4. Vorobyeva, M. S. (2024). Filosofskie osnovy izucheniya volonter'skogo diskursa = Philosophical Foundations of the Study of Volunteer Discourse. *Creative Linguistics. Collection of Scientific Articles*, 7, 20–25. EDN YXERSQ.

5. Gaidarenko, V. A. (2022). Ekonomicheskiy i politicheskiy diskurs v epokhu mediynogo protivostoyaniya (na osnove analiza reportazhej VVS i rossiyskogo mediynogo diskursa) = Economic and Political Discourse in the Era of Media Confrontation (Analysis of BBC Reports and Russian Media Discourse). *Culture and Civilization*, 12(4-1), 268–275. DOI 10.34670/AR.2022.70.76.036. EDN NRRGWA.

6. Gorbacheva, E. N. (2015). Strategicheskaya performativnost' v politicheskom diskurse = Strategic Performativity in Political Discourse. *Political Linguistics*, 3(53), 102–106. EDN UNFGUZ.

7. Gorbacheva, E. N., Prokofieva, A. S. (2022). Yazykovye sredstva realizatsii idej altruizma v volonter'skom diskurse: pragmaticheskii podkhod = Language Means of Realizing Altruism Ideas in Volunteer Discourse: Pragmatic-Linguistic Approach. *Modern Pedagogical Education*, 12, 263–267. EDN SLMSOS.

8. Dementyev, V. V. (2021). Perzhivatel'nye istorii o kotikakh v Runete v paradygme zhanrov volonter'skogo diskursa = Sentimental Stories about Cats in Runet in the Paradigm of Volunteer Discourse Genres. *Speech Genres*, 4(32), 305–326. DOI 10.18500/2311-0740-2021-4-32-305-326. EDN QJMBIB.

9. Ilova, A. V. (2023). Yazykovaya reprezentatsiya tsennostey v angloyazychnom volonter'skom diskurse = Language Representation of Values in English-speaking Volunteer Discourse. *Creative Linguistics. Collection of Scientific Articles*, 6, 32–36. EDN JFMFCL.

10. Ilyina, Ju. N. (2019). Znachenije i upotrebleniye slov dobrovolets i volonter v russkom yazyke (po dannym Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka) = Meaning and Use of the Words “Volunteer” and “Dobrovolets” in the Russian Language (according to the Russian National Corpus). *Scientific Dialogue*, 10, 159–171. DOI 10.24224/2227-1295-2019-10-159-171. EDN PFUNCR.

11. Malysheva, E. G. (2009). Ideogema kak lingvokognitivnyy fenomen: opredelenie i klassifikatsiya = Ideogema as a Linguistic-Cognitive Phenomenon: Definition and Classification. *Political Linguistics*, 4(30), 32–40. EDN LKFZKN.

12. Piontek, B. (2010). Ideogema kak klyuchevaya leksicheskaya edinita obshchestvenno-politicheskogo diskursa i kak kontsept obshchestvennogo soznaniya sovremennoy yazykovoy lichnosti v Rossii i v Pol'se = Ideogema as a Key Lexical Unit of Socio-Political Discourse and as a Concept of Public Consciousness of the Modern Language Personality in Russia and Poland. *Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 1, 85–95. EDN LSRDRX.

13. Ulyanova, E. V. (2016). Sotsial'no-kul'turnye vektory razvitiya volonter'skoy deyatel'nosti v sovremennom rossiyskom obshchestve = Socio-Cultural Vectors of Volunteer Activity Development in Modern Russian Society. *Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, 6(74), 127–131. EDN XUXHDX.

14. Ulyanova, E. V. (2019). Osobennosti institutsionalizatsii volonter'skogo dvizheniya v sovremennom rossiyskom obshchestve = Features of the Institutionalization of the Volunteer Movement in Modern Russian Society. *Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*, 24(178), 85–92. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-178-85-92. EDN YXCQCL.

15. Filippova, T. A. (2016). Formy i vidy volonter'skoy deyatel'nosti v angloyazychnoy kulture = Forms and Types of Volunteer Activities in English-speaking Culture. *Scientific Almanac*, 4-4(18), 372–376. DOI 10.17117/na.2016.04.04.372. EDN XSHOHR.

Политическая лингвистика. 2025. № 6 (114).
Political Linguistics. 2025. No 6 (114).

УДК 811.111'42+811.112.2'42+808.51+81'27

ББК Ш143.21-51+Ш143.24-51+Ш105.55+Ш100.621

ГРНТИ 16.41.21; 16.21.37

Код ВАК 10.02.04 (Германские языки)

Татьяна Олеговна Яковлева^{1,2}

¹ Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, yakovleva-to@ranepa.ru, SPIN-код: 6407-9683, <https://orcid.org/0009-0002-3446-579X>

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия

Корреляция просодических и невербальных средств в политическом дискурсе: гендерное исследование на материале английского и немецкого языков

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья посвящена исследованию корреляции просодических и невербальных средств в политическом дискурсе на материале выступлений депутатов Палаты общин Великобритании и Бундестага Германии. Эмпирическую основу исследования составляют публичные выступления двадцати парламентариев (десяти британских и десяти немецких депутатов, поровну распределенных по гендерному признаку), представленные на пленарных заседаниях 16 сентября 2025 года. Анализ осуществляется в русле корпусного мультимодального подхода и направлен на выявление взаимосвязи между просодическими параметрами (частота основного тона, интенсивность звукового сигнала и среднеслоговая длительность) и тремя типами акцентуирующих жестов (жест руки, жест головы и телодвижение). Частотное распределение мультимодальных усилителей позволило определить ряд гендерных и межпарламентских различий. Установлено, что женские группы демонстрируют более выраженную активность в использовании комплексных просодико-жестовых моделей, тогда как британские депутаты в целом проявляют более интенсивное мультимодальное акцентирование по сравнению с немецкими парламентариями. Результаты исследования способствуют дальнейшему развитию теории мультимодальной политической коммуникации и могут быть использованы для анализа стратегий риторического воздействия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, мультимодальность, просодия, невербальная коммуникация, гендер, политические деятели, политическая риторика, политические речи, политические тексты, речевая деятельность, речевые жанры, публичные выступления, просодические средства, невербальные средства, гендерные исследования, английский язык, немецкий язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Яковлева Татьяна Олеговна, аспирант кафедры фонетики, факультет английского языка, Московский государственный лингвистический университет; преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Российская академия народного хозяйства и государственной службы (Москва); 119571, Россия, г. Москва, пр-т. Вернадского, д. 82, стр. 1, email: yakovleva-to@ranepa.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Яковлева, Т. О. Корреляция просодических и невербальных средств в политическом дискурсе: гендерное исследование на материале английского и немецкого языков / Т. О. Яковлева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 6 (114). — С. 138-143.

Tat'yana O. Yakovleva^{1,2}

¹ Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, yakovleva-to@ranepa.ru, SPIN code: 6407-9683, <https://orcid.org/0009-0002-3446-579X>

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Correlation Between Prosodic and Nonverbal Means in Political Discourse: A Gender Study Based on English and German Languages

ABSTRACT. The present article investigates correlations between prosodic and nonverbal means in political discourse based on parliamentary speeches delivered in the House of Commons (UK) and the Bundestag (Germany). The empirical research material comprises public speeches of twenty members of parliament (ten British and ten German MPs, equally balanced by gender) delivered at plenary debates held on September 16, 2025. The study employs a corpus-based multimodal approach and aims to identify interrelation between prosodic parameters (fundamental tone frequency, intensity and average syllable duration) and three types of accentual gestures (hand gestures, head movements and body shifts). Frequency analysis of multimodal reinforcement patterns reveals significant gender-based and cross-parliament differences. It has been found that female MPs tend to use combined prosodic-gestural markers more actively, while British parliamentarians display generally higher multimodal emphasis than their German counterparts. The findings contribute to the development of the theory of multimodal political communication and may be employed to analyze persuasive strategies in public speech.

KEYWORDS: political discourse, multimodality, prosody, nonverbal communication, gender, politicians, political rhetoric, political speeches, political texts, speech, speech genres, public speeches, prosodic means, nonverbal means, gender studies, English language, German language.

AUTHOR'S INFORMATION: *Yakovleva Tat'yana Olegovna, Post-Graduate Student of Department of Phonetics, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University, Moscow; Senior Lecturer of Department of Foreign Languages N.2, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Yakovleva T. O. (2025). Correlation Between Prosodic and Nonverbal Means in Political Discourse: A Gender Study Based on English and German Languages. In Political Linguistics. No 6 (114), pp. 138-143. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Политический дискурс представляет собой институционально закрепленную форму публичного взаимодействия, ориентированную на производство, трансляцию и легитимацию политических решений. Будучи социально значимым видом коммуникации, он характеризуется высокой степенью стратегичности, ритуализованности и регламентированности [Van Dijk 2008]. В рамках парламентской речи эти характеристики проявляются особенно ярко: парламентский формат предопределяет необходимость сочетания нормативного поведения, логики аргументации, риторического воздействия и соблюдения процедурных ограничений.

В настоящее время в гуманитарных науках наблюдается устойчивое расширение исследовательского интереса к мультимодальной природе политического дискурса: в современных исследованиях политической коммуникации активно изучаются просодические и невербальные аспекты речевого поведения. Это связано с развитием технологий корпусной обработки аудио- и видеоматериалов, формированием мультимодальных корпусов и активным внедрением методов аннотирования невербальных средств [Григорьева 2017; Кудинова 2020].

Публичные политические выступления, в особенности парламентские дебаты, обладают высокой степенью мультимодальности, что определяет эффективность речевого воздействия и может усиливать убеждающий потенциал высказывания [Чернявская 2013; Chilton 2004; Geuß 2021]. Просодия и жесты нередко формируют единый акцентный комплекс, который направляет внимание аудитории на ключевые лексемы, усиливает эмоционально-экспрессивный эффект и способствует упрочению риторической позиции спикера [Цибуля, Яковлева 2024; Яковлева 2024; Nardi, Morf 2022].

Гендерное измерение политической коммуникации традиционно вызывает исследовательский интерес. Существующие работы показывают, что женщины-политики нередко используют более вариативные просодические стратегии [Korpensteiner, Grammer 2011]. Однако степень проявления просодических и невербальных особенностей может существенно различаться в зависимости от языка, культурных норм и контекста. Для англо-

язычного пространства характерны более свободные модели публичной экспрессии, что может усиливать мультимодальность женских выступлений. В немецкой парламентской традиции, напротив, прослеживаются более сдержанные модели поведения, что влияет как на просодические характеристики, так и на жестовую активность [Цибуля, Яковлева 2024; Яковлева 2024; Shaw 2002; Korpensteiner, Grammer 2011; Klett 2022].

Палата общин Великобритании и Бундестаг Германии являются выборными представительными органами и представляют собой две сопоставимые платформы парламентской коммуникации. При этом существует разница с точки зрения организации заседаний и выступлений: в Палате общин депутаты обращаются к спикеру преимущественно с места, формулируя вопросы или реплики в пределах одной минуты, что создает высокую плотность коммуникативных ходов и усиливает ситуативность диалога. В Бундестаге выступающие выходят к трибуне, где имеют возможность развернуто представить позицию своей фракции. Продолжительность выступлений значительно превышает британскую практику, что формирует более последовательный и менее интерактивный формат обсуждения. В таких условиях структурирование речи подчиняется логике официального доклада, а не обмену репликами в режиме реального времени [Chilton 2004; Geuß 2021; Harmia 2023].

Новизна настоящего исследования определяется, во-первых, фокусом на комплексной мультимодальной корреляции просодических параметров и жестовых средств, во-вторых, сравнением двух парламентов, принадлежащих к разным политическим культурам, в-третьих, привлечением корпусного анализа, позволяющего выявить устойчивые модели усиления аргументации.

Актуальность настоящей работы определяется общей тенденцией развития мультимодальной лингвистики, необходимостью моделирования средств политической аргументации и интересом к выявлению типологических особенностей парламентской коммуникации в англоязычной и немецкоязычной традициях.

В исследовании выдвигаются две рабочие гипотезы. Первая гипотеза заключается в том, что женские парламентские выступления демонстрируют более выраженную тенден-

цию к совместной реализации просодических параметров и акцентирующих жестов, чем выступления мужчин. Вторая гипотеза может быть сформулирована следующим образом: депутаты Палаты общин используют мультимодальные средства (просодия + жест) интенсивнее и чаще, чем депутаты Бундестага, что отражает институциональные особенности британской парламентской традиции.

Цель исследования состоит в уточнении механизмов взаимодействия просодических и невербальных средств в парламентском политическом дискурсе на материале английского и немецкого языков с учетом гендерных различий и институциональных особенностей двух парламентов.

Для достижения цели решаются следующие задачи:

- 1) описать специфику просодических параметров, реализуемых в парламентских выступлениях мужчин и женщин в Палате общин и Бундестаге;
- 2) установить частотность использования акцентирующих жестов в четырех выборах;
- 3) выявить закономерности совместной реализации просодических и кинесических средств;
- 4) сопоставить мультимодальное поведение британских и немецких депутатов;
- 5) подтвердить или опровергнуть исследовательские гипотезы о гендерном и межъязыковом различии мультимодальной акцентуации.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования являются видеозаписи двух парламентских заседаний, состоявшихся 16 сентября 2025 года:

- заседание Палаты общин, посвященное вопросам деятельности Министерства юстиции Великобритании;

- заседание Бундестага, посвященное обсуждению проекта федерального бюджета Германии.

Общая выборка включила выступления 20 депутатов, полный список которых представлен в Таблице 1.

В рамках анализа просодии были рассмотрены такие параметры, как частота основного тона (далее ЧОТ), интенсивность звукового сигнала (далее ИЗС) и среднеслоговая длительность (далее ССД). Совместная реализация просодических параметров классифицировалась по моделям: «ЧОТ», «ИЗС», «ЧОТ + ИЗС», «ЧОТ + ССД», «ИЗС + ССД», «ЧОТ + ИЗС + ССД».

При анализе невербальных средств учитывались акцентирующие жесты, то есть такие жесты, которые усиливают высказывание, а именно: жест руки, жест головы, телодвижение. Просодические и жестовые параметры аннотировались вручную. Каждой акцентной позиции назначалась одна или более просодических категорий. Жесты учитывались количественно и соотносились с соответствующей просодической группой. Для цифровой обработки речевого сигнала использовались такие компьютерные программы, как *Microsoft Office Excel* (версия 2016), *Praat* (версия 6.2.03), *Microsoft Photos* (версия 2022.31060.30005.0).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Частотность просодических и жестовых параметров рассчитывалась в долях единицы от общего количества акцентных позиций. Сводные данные представлены в Таблице 2.

Таблица 1. Список членов Палаты общин и Бундестага

Палата общин		Бундестаг	
Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Джон Глен	Роз Сэвидж	Штеффен Бильгер	Инес Швердтнер
Трис Осборн	Кэт Смит	Бернд Бауманн	Катрин Мишель
Питер Лэмб	Лиза Сمارт	Михаэль Эспендиллер	Ирис Ниланд
Марк Притчард	Кэролайн Вуден	Торстен Рудольф	Сандра Штайн
Энди Слотер	Джесс Браун-Фуллер	Себастьян Шефер	Роня Кеммер

Таблица 2. Результаты эксперимента

Группа	ЧОТ	ИЗС	ЧОТ+ ИЗС	ЧОТ+ ССД	ИЗС+ ССД	ЧОТ+ ИЗС+ ССД	Жест руки	Жест головы	Телодвижение
Палата Общин: мужчины	3%	18%	33%	3%	5%	37%	48%	40%	12%
Палата Общин: женщины	7%	39%	46%	0%	0%	8%	52%	29%	19%
Бундестаг: мужчины	8%	31%	48%	0%	8%	4%	40%	30%	30%
Бундестаг: женщины	8%	29%	40%	0%	6%	18%	45%	38%	16%

Видится целесообразным в первую очередь интерпретировать просодические результаты. Особый интерес представляют такие модели, как ЧОТ+ИЗС, которая является наиболее продуктивным типом в выступлениях британских женщин и немецких мужчин-политиков, а также ЧОТ+ИЗС+ССД, в рамках которой прослеживается резкое различие между Великобританией и Германией: к данному просодическому комплексу прибегают 37 % британских мужчин-политиков, и лишь 4 % их немецких коллег, в то время как среди женщин данная модель превалирует именно в речи немецких спикеров парламента (она встречается в 18 % выступлений немецких и 8 % британских женщин-депутатов). Это подтверждает гипотезу о большей мультимодальности британского парламента, где активно используются комплексные усилители.

Говоря о невербальных характеристиках выступлений политиков Великобритании и Германии, можно отметить, что наиболее частотным невербальным проявлением является жест руки, при этом британские политики, мужчины и женщины, используют мануальные жесты чаще, чем политики из Германии (48 % и 52 % британских политиков и 39 % и 45 % немецких политиков, мужчин и женщин соответственно). Жест руки в британской традиции является центральным маркером акцентирования и риторического давления. Частотность жеста головы составляет от 29 % до 40 % во всех группах. Телодвижение как акцентирующий жест чаще характерно для немецких мужчин — возможно, как следствие компенсаторной стратегии при меньшей интенсивности мелодических акцентов.

Интересной видится возможность рассмотреть конкретные примеры задействования разных модальностей для усиления значения лексических единиц в высказываниях политиков.

Так, Тристан Осборн, политик Лейбористской партии Великобритании, комментирует совместную работу нескольких королевских судов: "In West Kent in particular, there is an initiative going on which is sharing

the resource of Maidstone Crown Court with the Woolwich Crown Court, which is spreading cases into areas where there is not such a backlog."¹

Пиковые просодические показатели (ИЗС, ЧОТ+ИЗС) приходятся на лексемы *West, Kent, resource, areas*, что сопровождается жестами руки. Это формирует четкую риторическую структуру, где каждый акцент подчеркивает логическую последовательность аргумента.

Джекс Браун-Фуллер, либерал-демократ от Чичестера, обращается к министру юстиции со следующим вопросом: "But as court delays continue to slow down our justice system, will the Justice Secretary please give consideration to making Chichester Crown Court a permanent Crown Court, the only one in West Sussex?"²

В данном примере лексемы *slow, down, making, please, permanent* получают усиление через комбинации ЧОТ+ИЗС и жесты руки и головы, что подчеркивает их значимость и, в данном контексте, добавляет ощущение срочной необходимости принятия положительного решения по данному вопросу.

Член Бундестага, политик из правой партии «Альтернатива для Германии» Бернд Бауманн выражает свое мнение касательно сокращения объема государственной поддержки для экономии бюджета: „Ich möchte begründen, warum wir hier reden wollen. Wir müssen die 1000 Einzelanträge akribisch aufzeigen können, indem wir zeigen, wo man sparen kann, sparen muss, insgesamt 110 Milliarden.“³

Пики ЧОТ+ИЗС отмечены на *begründen, Tausend, akribisch, zeigen*. Жесты руки и головы усиливают требовательный и рационально-строгий характер немецкой политической риторики.

Коллега Бернда Бауманна по партии, член Бундестага Ирис Ниланд поддерживает его, заявляя: „Die Maßnahmen der AfD haben weitreichende Auswirkungen auf jeden einzelnen Steuerzahler und alle Branchen.“⁴

Акцентная зона данного высказывания включает лексемы *Auswirkungen, Steuerzahler, Branchen*. Жест руки является домини-

¹ Здесь и далее перевод выполнен автором: «В частности, в Западном Кенте реализуется инициатива по распределению дел между королевскими судами Мейдстона и Вулвича, что способствует переносу части нагрузки в округа, где отсутствует существенная очередь дел».

² «Поскольку задержки в рассмотрении дел продолжают замедлять работу судебной системы, может ли министр юстиции рассмотреть возможность сделать Королевский суд Чичестера постоянным, единственным в Западном Сассексе?»

³ «Я хочу обосновать, почему мы должны обсуждать данный вопрос. Мы обязаны тщательно проработать тысячу индивидуальных предложений, указывая, где можно и где необходимо экономить в рамках ста десяти миллиардов».

⁴ «Меры „Альтернативы для Германии“ оказывают серьезное влияние на каждого налогоплательщика и на все отрасли экономики».

рующим, что подчеркивает категоричность утверждения.

Говоря о результатах исследования с точки зрения гендерных различий в акцентуации значимых лексических единиц, можно отметить, что женские группы обеих стран демонстрируют более высокие показатели ИЗС, большую частотность жестов руки и более эмоциональные и экспрессивные акцентные структуры. В то же время мужчины чаще используют ЧОТ и телодвижение.

На уровне институциональных различий примечательно, что в Палате общин мультимодальность выражена сильнее, используется больше комплексных комбинаций (ЧОТ+ИЗС+ССД), а жест руки является ведущим. При этом в Бундестаге просодия преимущественно однокомпонентная.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило выявить закономерности корреляции просодических и невербальных средств в политическом дискурсе британского и немецкого парламентов в гендерном разрезе. Полученные данные подтверждают представленные в разделе «Введение» рабочие гипотезы.

Во-первых, женские группы обоих парламентов демонстрируют более высокую активность в использовании мультимодальных усилителей. Женские выступления в большей степени опираются на интенсивность звукового сигнала, а мелодические выделения и жест руки — наиболее универсальный тип акцентирующего жеста. Наблюдаемое усиление эмоционально-оценочной компоненты согласуется с результатами исследований, указывающих на большую экспрессивность женской политической речи [Carli, 2023; Lombardo, 2022], однако в настоящей работе фиксируются также структурные, а не только эмоциональные особенности женской мультимодальности.

Во-вторых, межпарламентское сопоставление подтверждает более высокую мультимодальность британской парламентской риторики. В Палате общин активно используются сложные комбинации просодических параметров (ЧОТ+ИЗС+ССД), тогда как для немецкой парламентской традиции характерны более сдержанные просодические модели и умеренная экспрессивность жестов, что коррелирует с данными современных исследований немецкого политического дискурса, подчеркивающих относительно умеренную риторическую динамику в выступлениях немецких депутатов [Hausendorf, 2021; Wengeler, 2022].

Материалы настоящего исследования могут быть использованы при разработке

мультимодальных моделей политической аргументации, в практиках обучения публичной речи, а также в межкультурных исследованиях парламентской коммуникации. Перспективы разработки данного направления исследования включают: расширение корпуса, применение автоматических методов аннотирования жестов, сопоставление с парламентами других политических культур и изучение прагматических функций отдельных типов просодико-жестовых комбинаций.

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА

1. Заседание Палаты общин от 16.09.2025. — URL: <https://parliamentlive.tv/Event/Index/3510debb-e20b-4a14-9ef5-c88bb058b35d>.

2. Заседание Бундестага от 16.09.2025. — URL: <https://www.bundestag.de/mediathek/video?videoId=7635561>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Григорьева, М. В. Реализация акцентуации невербальными средствами в публичной речи (на материале речи ведущего немецкой общественно-политической телепрограммы) / М. В. Григорьева // Теоретические и прикладные аспекты современной германистики : сб. ст. по материалам междунар. студ. конкурса науч.-исследоват. работ / отв. ред. М. В. Беляева. — Москва : Моск. гор. пед. ун-т, 2017. — С. 46–52. — ISBN 978-5-91730-668-1.
- Кудинова, Е. С. Современные методы исследования речесловесного взаимодействия / Е. С. Кудинова // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. — 2020. — Вып. 1 (830). — С. 122–133. — EDN SHEKJE.
- Цибуля, Н. Б. Роль гендерного фактора в корреляции просодических и невербальных средств в английском политическом дискурсе / Н. Б. Цибуля, Т. О. Яковлева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2024. — Вып. 2 (883). — С. 114–119. — EDN PQTHNC.
- Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. — 2-е изд. — Москва : Флинта, 2013. — 128 с. — ISBN 978-5-89349-987-2. — EDN RWKXMP.
- Яковлева, Т. О. Корреляция просодических и невербальных средств в немецком политическом дискурсе: роль гендерного фактора / Т. О. Яковлева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2024. — № 10. — С. 3794–3800. — DOI 10.30853/phil20240536. — EDN HYTHJW.
- Chilton, P. A. *Analysing Political Discourse: Theory and Practice* / P. Chilton. — London ; New York : Routledge, 2004. — 226 p. — ISBN 0-415-31471-2.
- Geuß, A. *Das Parlament als Kommunikationsarena* / A. Geuß. — Bamberg : University of Bamberg Press, 2021. — 231 p. — ISBN 978-3-86309-819-3. — DOI 10.20378/irb-51447.
- Harnia, C. D. *British Parliamentary Debate: A Practical Guide* / C. D. Harnia, K. Denistia, J. Yuda. — Malang : PT. Literasi Nusantara Abadi Grup, 2023. — 55 p. — ISBN 978-623-114-130-9.
- Klett, M. *Prosody and Body Language — Paralinguistic Components in Political Communication. Vocal and/or Instrumental in Non-musical Utterances* // *Word Art + Gesture Art = Tone Art: The Relationship Between the Vocal and the Instrumental in Different Arts* / H-W Heister, H. Polk, B. Rusam. — Cham : Springer Nature Switzerland AG, 2023. — P. 47–63. — DOI 10.1007/978-3-031-20109-7_3.
- Koppensteiner, M. *Body Movements of Male and Female Speakers and Their Influence on Perceptions of Personality* / M. Koppensteiner, K. Grammer // *Personality and Individual Differences*. — 2011. — Vol. 51. — DOI 10.1016/J.PAID.2011.06.014.
- Lombardo, E. *The Symbolic Representation of Gender. A Discursive Approach* / E. Lombardo, P. Meier. — Burlington : Ashgate, 2014. — 225 p. — DOI 10.1017/S1743923X15000367.
- Nardi, A. *Die Übertragung verbaler, prosodischer und kinetischer Signale im interlingualen Untertitelungsprozess am Beispiel eines Redebeitrags im Bundestag. Kommunikative, digitale und didaktische Aspekte* / A. Nardi, M. Morf // *L'Analisi*

Linguistica e Letteraria. — Università Cattolica del Sacro Cuore, Facoltà di Scienze Linguistiche e Letterature Straniere, 2022. — Vol. 30, Iss. 1. — P. 255–284.

13. Rominiecka, M. Non-Verbal Cues in Politics: An Analysis of Gestural Signals Sent by American and European Politicians / M. Rominiecka // *Poznan Studies in Contemporary Linguistics*. — 2008. — Vol. 44, Iss. 2. — P. 247–263. — DOI 10.2478/v10010-008-0012-0.

14. Shaw, S. Language and Gender in Political Debates in the House of Commons. Doctoral thesis / S. Shaw. — London: Institute of Education, University of London, 2002. — 366 p. — ISBN 0-315-45002-9. — EDN FTHMNX.

15. Van Dijk, T. A. Discourse and Power / T. A. Van Dijk. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2008. — 308 p. — ISBN 9780230574083.

16. Wengeler, M. „Deutschlands neue Verantwortung“. Diskurse um Äußere und Innere Sicherheit in Deutschland seit 1990 / M. Wengeler, Kuck K // *aptum. Zeitschrift für Sprachkritik und Sprachkultur*. 2022. № 18.3. S. 261–279.

MATERIALS

1. House of Commons 16.09.2025 session. Available from <https://parliamentlive.tv/Event/Index/3510debb-e20b-4a14-9ef5-c88bb058b35d>.

2. Bundestag 16.09.2025 session. Available from <https://www.bundestag.de/mediathek/video?videoId=7635561>.

REFERENCES

1. Grigor'eva, M. V. (2017). Realizaciya akcentuacii neverbal'nymi sredstvami v publichnoy rechi (na materiale rechi vedushchego nemeckoj obshchestvenno-politicheskoy teleprogrammy) = Implementation of Accentuation by Non-Verbal Means in Public Speech (Based on the Speech of the Host of a German Socio-Political Television Program). *Theoretical and Applied Aspects of Modern German Studies. Coll. Articles Based on the Proceedings of the International Student Research Paper Competition* (Ed. M. V. Belyaeva), 46–52. Moscow: Moscow City Pedagogical University. ISBN 978-5-91730-668-1.

2. Kudinova, E. S. (2020). Multimodal Analysis Tools of Gesture-Speech Interaction. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1(830), 122–133. EDN SHEKJE.

3. Tsibulya, N. B., Yakovleva, T. O. (2024). Correlation between Prosodic and Nonverbal Means of Communication in Political Discourse (Gender Study). *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2(883), 114–119. EDN PQTHC.

4. Chernyavskaya, V. E. (2013). Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdejstviya = The Discourse of Power and the Power of Discourse: Issues of Speech Influence. Textbook. 2nd ed. Moscow: Flinta, 128 p. ISBN 978-5-89349-987-2. EDN RWKXMP.

5. Yakovleva, T. O. (2024). Correlation of Prosodic and Non-verbal Means in German Political Discourse: The Role of the Gender Factor. *Philology. Theory & Practice*, 10, 3794–3800. DOI 10.30853/phil20240536. EDN HYTHJW.

6. Chilton, P. A. (2004). Analysing Political Discourse: Theory and Practice. London ; New York : Routledge, 226 p. ISBN 0-415-31471-2.

7. Geuß, A. (2021). Das Parlament als Kommunikationsarena. Bamberg: University of Bamberg Press, 231 p. ISBN 978-3-86309-819-3. DOI 10.20378/irb-51447.

8. Harmia, C. D., Denistia, K., Yuda, J. (2023). British Parliamentary Debate : A Practical Guide. Malang: PT. Literasi Nusantara Abadi Grup, 55 p. ISBN 978-623-114-130-9.

9. Klett, M. (2023). Prosody and Body Language — Paralinguistic Components in Political Communication. Vocal and/versus Instrumental in Non-musical Utterances. *Word Art + Gesture Art = Tone Art : The Relationship Between the Vocal and the Instrumental in Different Arts* (H-W Heister, H. Polk, B. Rusam), 47–63. Cham: Springer Nature Switzerland AG. DOI 10.1007/978-3-031-20109-7_3.

10. Koppensteiner, M., Grammer, K. (2011). Body Movements of Male and Female Speakers and Their Influence on Perceptions of Personality. *Personality and Individual Differences*, 51. DOI 10.1016/J.PAID.2011.06.014.

11. Lombardo, E., Meier, P. (2014). The Symbolic Representation of Gender. A Discursive Approach. — Burlington: Ashgate, 225 p. DOI 10.1017/S1743923X15000367.

12. Nardi, A., Morf, M. (2022). Die Übertragung verbaler, prosodischer und kinetischer Signale im interlingualen Untertitelungsprozess am Beispiel eines Redebeitrags im Bundestag. Kommunikative, digitale und didaktische Aspekte. *L'Analisi Linguistica e Letteraria*, 30(1), 255–284.

13. Rominiecka, M. (2008). Non-Verbal Cues in Politics: An Analysis of Gestural Signals Sent by American and European Politicians. *Poznan Studies in Contemporary Linguistics*, 44(2). DOI 10.2478/v10010-008-0012-0.

14. Shaw, S. (2002). Language and Gender in Political Debates in the House of Commons. Doctoral thesis. London: Institute of Education, University of London, 366 p. ISBN 0-315-45002-9. EDN FTHMNX.

15. Van Dijk, T. A. (2008). Discourse and Power. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 308 p. ISBN 9780230574083.

16. Wengeler, M., Kuck, K. (2022). „Deutschlands neue Verantwortung“. Diskurse um Äußere und Innere Sicherheit in Deutschland seit 1990. *aptum. Zeitschrift für Sprachkritik und Sprachkultur*, 18.3, 261–279.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Политическая лингвистика. 2025. № 6 (114).

Political Linguistics. 2025. No 6 (114).

УДК 81'374.822+81'25+821.161.1 (Достоевский Ф. М.)

ББК ШП41.12-422+Ш33(2Рос=Рус)5-8,4

ГРНТИ 16.31.41

Код ВАК 5.9.8

Мария Леонардовна Алексеева^{1✉}, Юлия Васильевна Новицкая^{2✉}, Валентина Владимировна Герсонская^{3✉}

^{1,2,3} Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

¹ maria.alekseyeva@gmail.com ✉, SPIN-код: 1531-9809, <https://orcid.org/0000-0001-6416-0618>

² ynovitskaya@gmail.com ✉, Scopus Author ID: 56646422000, <https://orcid.org/0000-0002-4062-1106>

³ valentinagersonskaya@mail.ru ✉

Влияние специфики объекта лексикографирования на структуру словарной статьи диахронического переводного словаря

АННОТАЦИЯ. В данной статье представлена серия разрабатываемых авторских переводных словарей: русско-английский диахронический словарь сравнений Ф. М. Достоевского и русско-английский диахронический словарь окказионализмов Ф. М. Достоевского. Описываются типологические особенности лексикографических разработок нового типа, специфика объекта лексикографирования каждого словаря и основные принципы построения. Данные издания составляются с помощью диахронического корпуса параллельных переводов основных романов Ф. М. Достоевского на английский язык. Корпус основан на проведенной серии диахронических исследований по технике перевода. Он включает работы, выполненные разными переводчиками в период с 1887 по 2023 год с шагом фрагментации переводов в 20 лет.

Диахронические переводные словари создаются для осмысления возможностей перевода, фиксации и представления изменений в технике и адекватности перевода, обучения сопоставительно-переводческому анализу и переводу сложных языковых феноменов. Цель данной статьи состоит в том, чтобы раскрыть особенности авторских переводных словарей нового типа на примере двух русско-английских диахронических словарей-справочников языка Достоевского, фокусируясь на специфике объекта лексикографирования: нерешенности теоретических проблем квалификации авторских окказионализмов и авторских сравнений, на объеме и содержании понятий, зыбкости границ между разными видами и типами фиксируемых единиц, их разнородности. Импульсом к активизации исследований по данной проблематике послужило бурное развитие писательской лексикографии, в частности регулярный научный семинар «Теория и практика авторской лексикографии» Л. Л. Шестаковой и основательная разработка словаря языка Достоевского, в частности труды И. В. Ружицкого.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексикография, русский язык, английский язык, двуязычные словари, англо-русские словари, русско-английские словари, словарные статьи, русские писатели, язык Достоевского, Ф. М. Достоевский, словарь-справочник, диахронический подход, перевод, словарь авторских сравнений, словарь авторских неологизмов.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Алексеева Мария Леонардовна, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии, институт иностранных языков, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; email: maria.alekseyeva@gmail.com.

Новицкая Юлия Васильевна, соискатель, институт иностранных языков, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; email: ynovitskaya@gmail.com.

Герсонская Валентина Владимировна, соискатель, институт иностранных языков, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; email: valentinagersonskaya@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Алексеева, М. Л. Влияние специфики объекта лексикографирования на структуру словарной статьи диахронического переводного словаря / М. Л. Алексеева, Ю. В. Новицкая, В. В. Герсонская. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 6 (114). — С. 144-153.

Mariya L. Alekseyeva^{1✉}, Yuliya V. Novitskaya^{2✉}, Valentina V. Gersonskaya^{3✉}

^{1,2,3} Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

¹ maria.alekseyeva@gmail.com ✉, SPIN code: 1531-9809, <https://orcid.org/0000-0001-6416-0618>

² ynovitskaya@gmail.com ✉, Scopus Author ID: 56646422000, <https://orcid.org/0000-0002-4062-1106>

³ valentinagersonskaya@mail.ru ✉

Influence of the Specificity of the Object of Lexicographic Description on the Structure of a Dictionary Entry in a Diachronic Translation Dictionary

ABSTRACT. This article presents several authorial translation dictionaries which are currently under development: Russian-English Diachronic Dictionary of F.M. Dostoevsky's Similes and Russian-English Diachronic Dictionary of F.M. Dostoevsky's Occasionalisms. It describes the typological features of lexicographic products of a new type, the specificity of the object of the lexicographic description process of each dictionary and the basic principles of its construction. These dictionaries are compiled using a diachronic corpus of parallel translations of F.M. Dostoevsky's main novels into English. The

© Алексеева М. Л., Новицкая Ю. В., Герсонская В. В., 2025

corpus is based on a series of diachronic studies into translation techniques, including the works carried out by different translators between 1887 and 2023, with a translation increment of 20 years.

Diachronic translation dictionaries are created to comprehend the potential to translate, record and present changes in translation techniques and adequacy, to teach comparative-translation analysis and translation of complex linguistic phenomena. The aim of this article is to reveal the specific features of an entry in a new-type of translation dictionary using the example of two Russian-English diachronic reference books, focusing on the specificity of the object of lexicographic description: underdevelopment of theoretical problems of qualifying author's occasionalisms and similes, on the volume and content of concepts, instability of boundaries between different types and kinds of the units under consideration, and their heterogeneity. The impetus for intensifying research in this area was given by the rapid development of authorial lexicography, in particular the regular scientific seminar "Theory and Practice of Authorial Lexicography" by L.L. Shestakova and in-depth lexicographic studies of the dictionary of Dostoevsky's language, in particular in the works of I.V. Ruzhitsky.

KEYWORDS: lexicography, Russian language, English language, translation dictionaries, English-Russian dictionaries, Russian-English dictionaries, dictionary entries, Russian writers, language of F.M. Dostoevsky, F.M. Dostoevsky, reference book, diachronic approach, translation, dictionary of author's similes, dictionary of author's neologisms.

AUTHOR'S INFORMATION: Alekseyeva Mariya Leonardovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Romance-Germanic Philology, Institute of Foreign Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Novitskaya Yuliya Vassilyevna, Post-Graduate Student, Institute of Foreign Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Gersonskaya Valentina Vladimirovna, Degree Applicant, Institute of Foreign Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Alekseyeva M. L., Novitskaya Yu. V., Gersonskaya V. V. (2025). Influence of the Specificity of the Object of Lexicographic Description on the Structure of a Dictionary Entry in a Diachronic Translation Dictionary. In *Political Linguistics*. No 6 (114), pp. 144-153. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время разрабатывается серия авторских двуязычных словарей нового типа — диахронических переводных словарей-справочников (далее ДПС) на материале параллельных переводов основных романов Ф. М. Достоевского: русско-английский диахронический словарь авторских сравнений и русско-английский диахронический словарь авторских неологизмов.

Лексикографируемые единицы отобраны из романов Ф. М. Достоевского и передают состояние русского языка XIX в. и профессионализм великого русского писателя. Это дает возможность отнести разработки нового типа к писательским, которые составляют основной тип авторского справочника [Шестакова 2012: 17]. При конструировании писательских словарей с точки зрения лексикографической параметризации актуальна характеристика словника [Ружицкий 2024: 46]. Если учитывать степень охвата всего творчества данного писателя, то это словари к конкретному произведению: словник включает лексику конкретного произведения, т. е. перед нами неполный писательский словарь. Специфику описываемых в каждом словаре единиц рассмотрим ниже. Здесь отметим такую особенность этих языковых образований, как отсутствие эквивалентов в переводе на любой иностранный язык, в связи с чем мы видим целесообразность разработки именно переводных изданий.

Словарь — это всегда продукт эпохи, память языка, а переводной диахронический словарь — своего рода памятник самого

ценного: опыта многих поколений переводчиков, освещающий, как происходит прогресс, развитие языка и перевода. Он позволяет компактно представить вариативность переводческих решений, богатство языковых средств, вскрывает различия языков, культур, менталитета, помогает осмыслить движение переводческой мысли: изменения в технике перевода и в понимании адекватности передачи художественного текста в разные исторические периоды. Это особенно ценно для безэквивалентных единиц.

Отметим, что ДПС — это корпусно-ориентированные словари. В них описывается история передачи русских единиц на материале диахронического корпуса разновременных английских параллельных переводов романов Ф. М. Достоевского. Под параллельными мы понимаем переводы одного и того же текста на иностранный язык, выполненные разными переводчиками в разные временные периоды.

Специфика данных лексикографических разработок состоит в том, что они имеют широкие хронологические рамки и охватывают в одной словарной статье варианты перевода из нескольких столетий. Если сравнить с двуязычными словарями основного типа со структурой «единица входного языка => единица выходного языка», которые выполняют также и нормативную функцию, данные словари включают несколько разных вариантов перевода, выполненных профессиональными переводчиками и представленных последовательно по хронологическому принципу:

«Единица входного

языка => единица 1 выходного языка,
=> единица 2 выходного языка,
=> единица 3 выходного языка,
=> единица 4 выходного языка,
=> единица 5 выходного языка,
=> единица 6 выходного языка».

Поскольку перевод осуществляется на уровне речи (переводят не отдельные слова, а тексты), каждую единицу сопровождает контекст одинаковой длины, равный одному предложению с отсылкой на страницу, на которой находится данное слово в оригинальном и переводных источниках для обращения к более широкому контексту при принятии переводческих решений.

Также в каждой словарной статье представляется справочная информация о входной единице: раскрывается ее значение, особенности употребления в контексте, дается грамматический, исторический и социологический комментарий, а также информация о переводе: различные варианты перевода в контексте, приводятся все пояснения переводчиков на выходном языке, расположенные вне текста (в постраничных сноски и затекстовых комментариях).

Диахронические переводные словари не только могут дать справку о том, как безэквивалентные единицы передают сейчас и как переводили в то или иное время, но и повлиять на формирование переводческой компетенции, формирование навыков перевода и сопоставительного анализа посредством изучения качества отдельных переводческих решений, стратегий переводчиков, сопоставления перевода с оригиналом и различных переводов между собой. Таким образом, данные лексикографические произведения являются инструментом активного овладения языком и техникой перевода, т. е. переводными словарями активного типа, учебными словарями-справочниками и в то же время представляют площадку для новых исследований — это исследовательские словари.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы раскрыть особенности описываемых единиц в словарях нового типа на примере двух авторских русско-английских диахронических словарей-справочников, построенных на материале корпуса параллельных разновременных английских переводов основных романов Ф. М. Достоевского.

Задачи исследования включают уточнение переводческой и лексикографической терминологии, обоснование целесообразности и актуальности разработки словарей нового типа, описание объекта лексикографирования каждого издания, принципов формирования словника (то есть какие единицы бу-

дут отбираться, по каким критериям), представление фрагментов словарных статей.

МЕТОДЫ И ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При создании словарных продуктов нового типа мы опираемся на общие принципы двуязычной лексикографии, включающие следование сформированным лексикографическим традициям, прагматизм, нормативность в отборе и подаче материала, теоретическую и практическую многоплановость лексикографических произведений [Дубичинский 2009]. Также учитываются методы и приемы авторской лексикографии [Шестакова 2019], опыт лексикографического представления языковой личности и авторского стиля Ф. М. Достоевского [Ружицкий 2024], методы анализа различных языковых феноменов в параллельных переводах Ф. М. Достоевского [Добровольский, Кротова, Парина 2014]. При построении структуры словарной статьи диахронических словарей мы основываемся на разработках по диахроническим корпусам параллельных немецких переводов [Алексеева 2007, 2008, 2016] и параллельных английских переводов [Алексеева 2025: 155–161].

Представим специфику объекта описания **русско-английского диахронического словаря авторских сравнений**. Следует отметить, что сравнение является одним из наиболее часто используемых стилистических приемов в художественной литературе [Малых 2013: 108]. Оно помогает автору ярче выразить мысль, придать тексту образный характер, выразить свою точку зрения, описать предметы и явления, дать оценку персонажам. Благодаря сравнению текст становится более ярким, семантически насыщенным и индивидуализированным. Выступая как тропы, обычные слова могут приобрести большую выразительную силу. Прием сравнения играет огромную роль и как метод познания действительности, и как средство художественной речи для зарисовки образа, выражения замысла, позиции и мироощущения автора [Новикова 2015: 180]. Авторское сравнение является мощным средством раскрытия авторского мироощущения, выявляя субъективно-оценочное отношение писателя к фактам объективной действительности [Новикова: 181].

Проблема перевода сравнения не является до конца исследованной, и актуальность данной темы обусловлена как большим интересом ученых к сравнению, так и необходимостью исследования способов его передачи с одного языка на другой. Передача сравнений и сравнительных конструкций

в художественном переводе представляет собой одну из основных и наиболее сложных проблем [Дзапарова 2016: 117].

Также следует подчеркнуть, что в настоящее время не существует общепринятого определения понятия «сравнение» (Жукова 2014: 75). Его определяют как троп, стилистический прием нетропеического типа или фигуру речи. Приведем несколько распространенных дефиниций этого понятия. Согласно источникам, сравнение может быть определено:

- как троп, состоящий в уподоблении одного предмета другому на основании общего у них признака (Жукова 2014: 75). Так, в справочном источнике Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой сравнение определяется как «троп, состоящий в уподоблении одного предмета другому на основании общего у них признака» [Розенталь 1985]. С точки зрения О. С. Ахмановой, сравнительные конструкции представляют собой «понятия равенства — неравенства, большей или меньшей степени качества, находящихся выражение как в грамматической категории степеней сравнения прилагательных и наречий, так и в лексике и фразеологии» [Филиппов, Сергеев 2010];

- грамматически оформленное образное сопоставление на основе предполагаемого общего признака. В таком понимании сущность стилистического приема «сравнение» раскрывается самим его названием. Два понятия, обычно относящиеся к разным классам явлений, сравниваются между собой по какой-либо одной из черт; то есть под сравнением понимается грамматически оформленное образное сопоставление на основе предполагаемого общего признака [Новикова 2015: 181];

- словесно выраженное сопоставление двух явлений на основе относительного сходства между ними [Брандес 2004: 295];

- парадигматический принцип организации элокутивов (тропов и семантических фигур), а также троп, построенный по этому принципу (эксплицитное сравнение) [Пекарская 2020: 102];

- простейшая форма образной речи, которая всегда двучленна (называются оба сопоставляемых предмета).

Обязательным условием при выделении сравнений является сходство какой-либо одной черты при полном расхождении других. Сходство обычно усматривается в чертах, являющихся существенными не для обоих сравниваемых предметов/явлений, а только для одного из них [Новикова 2015: 181].

Отметим, что это неоднородный слой лексики. Анализ теоретической литературы показывает наличие множества классификаций, построенных на различных принципах. Клас-

сификации могут зависеть от степени развития элементов сравнения, характера восприятия читателем (общезыковое и неожиданное), а также от особенностей структуры и способа образования [Кузнецова 2022: 84].

Согласно структурной классификации, выделяются сравнения:

- вводимые служебными словами (союзами: *как, будто, словно, точно, подобно; like, as, as if, as though, such as*).

- вводимые знаменательными словами (глаголами: *похож, напоминает, подобен, seem, resemble, look like*; существительными);

- имеющие морфологические показатели (в английском языке: суффиксы *-ish, -some, -like, -y*; использование словосложения);

- выраженные творительным падежом существительного (характерно для русского языка);

- выраженные родительным падежом существительного;

- сравнения-образы;

- развернутые сравнения (могут быть оформлены в виде отдельного предложения);

- сравнения с повтором;

- цепочки сравнений (несколько сравнений подряд в узком контексте). Используются для усиления чувства/впечатления, увеличения эмоциональности, добавления иллюстративности.

Также сравнения делятся на устойчивые (языковые) и авторские (индивидуальные/новые). Авторские сравнения зачастую являются более сложными и многословными, чем устойчивые; они часто носят индивидуально-авторский характер и создают впечатляющие наглядные образы, моделирующие картину мира писателя [Баранова 2020: 255].

Перевод сравнений, особенно авторских, относится к сфере узкоспециальных переводческих вопросов. Не существует единого, универсального способа их воспроизведения. Успешность передачи сравнений напрямую зависит от наличия или отсутствия соответствия исходного сравнения в переводящем языке [Рыженкова 2009: 131].

Основные трудности при переводе сравнений включают:

- различия в социально-культурном фоне и образной перспективе слова. Образы сопоставления часто отражают национально-культурную специфику исходного языка. Национальный символ или образ может быть незнаком или иначе интерпретирован в принимающей культуре [Дзапарова 2016: 121];

- отсутствие полного стилистического или экспрессивного соответствия в переводящем языке [Дзапарова 2016: 121];

- трудность достижения «тождественности

эффекта». Передача прагматики исходного текста, образных единиц языка является одной из наиболее сложных проблем. Изменение структурной и семантической составляющей может снизить прагматику текста, привести к утрате национального колорита;

– различия в структурном построении сравнений между языками;

– существенные различия в экспрессивно-оценочных функциях устойчивых сравнений и их авторских преобразований;

– трудности при переводе авторских преобразований устойчивых сравнений, особенно если базовое устойчивое сравнение отсутствует в переводящем языке. При этом могут возникать информационные потери и теряться эффект игры слов;

– Несовпадение образной основы сравнений [Баранова 2020: 257, Рыженкова: 132].

В настоящее время изучаются особенности передачи сравнений разных видов на иностранный язык. Все выявленные варианты перевода будут компактно представлены в разрабатываемом словаре.

Представим фрагмент нового русско-английского диахронического словаря авторских сравнений. Примеры иллюстрируются на материале романа «Преступление и наказание» и параллельных английских переводов, выполненных Констанс Гарнет [Garnett 1915/1914 — С. G.], Джесси Коулсоном [Coulson 1953 — J. C.], Ричардом Пэвиэром и Ларисой Волохонски [Pevear, Volkhonsky 1992 — P&V] (табл. 1).

Сопоставление вариантов передачи одного и того же авторского сравнения в английских переводах романов Ф. М. Достоевского, выполненных в разные годы, позволит проследить как меняются не только лексико-синтаксические приемы перевода, но и пе-

реводческие стратегии в целом — от адаптационной к более буквальной, от модернизации к историко-стилистической реконструкции.

Второй разрабатываемый словарь нового типа посвящен авторским окказионализмам Ф. М. Достоевского.

Перевод шедевров мировой литературы требует от переводчика трепетного отношения к оригиналу, ориентации прежде всего на идиостиль автора и стремления передать всю заложенную в тексте информацию. Выбор такого инновационного подхода в переводе художественного текста предполагает перенос в переводящий язык продуктов авторского творчества — авторских окказионализмов.

Такие слова обладают чрезвычайной семантической емкостью, отражая уникальный стиль автора художественного произведения. Сложность описания данного вида безэквивалентных единиц связана как с использованием ряда терминов для его обозначения — авторские неологизмы (Звегинцев), окказионализмы (Э. И. Ханпира), стилистические неологизмы (В. Н. Тамахин), авторские новообразования, индивидуально-авторские новообразования, словоновшества и др., так и с разными трактовками данного понятия [Дубовицкая 2023 : 2147].

Так, Е. А. Земская понимает под окказионализмами необычные слова, существующие, как правило, лишь в определенном, породившем их контексте, не вошедшие в язык [Земская 2011 : 239]. Есть и более узкие трактовки данного понятия, например, «слово или значение слова, созданное писателем, поэтом, публицистом для обо-

Таблица 1. Фрагмент статьи русско-английского диахронического словаря авторских сравнений

Авторское сравнение	как бы из нежных, словно ведь барышня
Значение	...
Русский контекст	Ф. Д. с. 486. Ноне много таких пошло. Но виду-то <i>как бы из нежных, словно ведь барышня</i> , — и он опять нагнулся над ней.
Перевод № 1	F. W., 1885
Контекст	...
Перевод № 2	C. G., 1909-1914-1915, P. 704
Контекст	There are many like that nowadays. She <i>looks refined</i> , too, <i>as though she were a lady</i> ," and he bent over her once more.
Перевод № 3	J. C., 1953, P. 545
Контекст	Lots of things like this happen nowadays. She looks <i>as if she had been quite nicely brought up</i> , almost <i>like a real young lady</i> ," and he stooped over her again.
Перевод № 4	J. K., 1985
Контекст	...
Перевод № 5	P&V, 1992, P. 583
Контекст	We've got many like that nowadays. She <i>looks like one of the pampered ones, like a young lady</i> ," and he bent over her again.
Перевод № 6	R. C., 2022
Контекст	...

значения новых или выдуманных явлений действительности, новых или выдуманных предметов или понятий» [Гаджиева 2021: 181]. Мы придерживаемся понимания авторских окказионализмов как авторских контекстных новообразований, выделяющихся на общезыковом привычном фоне и создающих особый эффект, формирующий восприятие читателя [Кунигель 2023: 167].

Любое окказиональное образование — созданное путем заимствования, семантически или морфологическим способом — в той или иной мере нарушает языковую норму. Например, при окказиональной словообразовательной деривации нарушаются законы системной продуктивности словообразовательных типов либо законы эмпирической продуктивности (использование непродуктивных/ малопродуктивных типов словообразования) [Земская 2011: 240].

Авторские окказионализмы создают как по продуктивным моделям словопроизводства (суффиксация, префиксация, словосложение), так и окказиональными способами (контаминация, графическая деривация, субституция, голофразис, междусловное наложение и др.) [Козинец 2019: 5–6].

Трудности в лексикографическом описании окказионализмов связаны с проблемой отбора материала для словаря из-за разницы в трактовке понятия, возможности более одного способа описания словообразовательной структуры некоторых моделей окказионализмов, невозможности применения аналогичных приемов описания для всех окказионализмов, субъективности при толковании значения окказионализма и др. При этом интерес к безэквивалентной лексике данного типа и ее передаче в межкультурной литературной коммуникации, прикладные проблемы художественного перевода делают необходимым создание переводческого словаря окказионализмов, рассматривающего передачу данной лексики на примере серии переводов, выполненных в разные периоды времени.

Передача информации, заложенной в окказионализме, является крайне сложной задачей для переводчиков, с которой они зачастую и не пытаются справиться, тем самым ослабляя, нивелируя и даже допуская утрату важной составляющей художественного текста. Окказионализмы имеют как идиоматичную, так и неидиоматичную семантику, поэтому во многих случаях извлечения значения производного окказионального слова только на основе его производящей базы бывает недостаточно [Земская 2011]. В художественном тексте окказионализмы выполняют

«игровую» функцию, при которой основная информационная нагрузка слова не денотативная, а эмотивная/оценочная/экспрессивная/стилевая [Козинец 2019: 5–6]. Таким образом, передача окказионального слова при помощи соответствия, включающего лишь денотативную информацию, фактически «уничтожает» функцию, которую данный окказионализм выполнял в исходном тексте.

Диахронический словарь передачи окказионализмов может иметь большую значимость для практикующих переводчиков художественных текстов и ученых-переводоведов, так как компактное представление в одной статье вариантов передачи окказионализмов в одном и том же контексте показывает примеры работы известных переводчиков, дает информацию о тенденциях в передаче окказионализмов в определенный период времени, позволяет выявить виды окказиональной лексики, вызывающие наибольшие затруднения.

Первый диахронический русско-английский словарь передачи окказионализмов Ф. М. Достоевского представит передачу окказиональных слов в самых известных переводах произведений писателя (Garnet, McDuff, R. Pivear & Volochonsky, Ignat Avsey, Katz и др.).

Окказионализмы в авторском идиостиле Ф. М. Достоевского направлены на преодоление автоматизма речи и, таким образом, механистичности и стандартизованности жизни [Ружицкий 2018: 110]. В текстах его произведений — новообразования как от активной лексики периода его творчества, так и на основе фразеологических единиц, иностранных слов и неупотребленных слов [Николина 2021: 43].

Характерными для творчества Ф. М. Достоевского считают окказионализмы-слова следующих видов [Николина 2021: 43]:

1) суффиксальные новообразования (например, диминутивы с экспрессивно-оценочным значением — *старичишка*, *тысчоночка*, *самоотверженница*);

2) дериваты, образованные комплексными аффиксальными способами (глаголы-новообразования, образованные префиксально-постфиксальным / постфиксальным способом: *заподличаться*, *провраться*);

3) аугментативы (производные с увеличительно-усилительным значением и глаголы с семантикой интенсивности, выражающие гиперболическую оценку (*архисоврал*, *разгений*, *раскапиталист*));

4) дериваты с аффиксами субъективной оценки (*торговлишка*, *старичишка*);

5) словосложение (*благоглупость*, *благородно-развязный*, *мелко-надменная*);

6) сращение + суффиксация (*всемство, малословесный*);

7) контаминация (*сверлива, облизьяна*).

Также характерны словосочетания с нарушением семантической валентности слов (*изгибы души, войти в заботу, горе надорванное*) [Ружицкий 2013: 76].

Диахронический переводной словарь авторских неологизмов Ф. М. Достоевского будет разработан на основе изучения современных тенденций неографии и авторской лексикографии, специфики художественного перевода и особенностей идиостиля писателя.

Макроструктура словаря будет включать предисловие, корпус, приложения, среди которых планируется указатель по словообразовательным моделям окказионализмов и данные о переводчиках, работы которых будут включены в словарь.

Единица словарного описания — слово.

Словарные статьи будут представлены в алфавитном ранжировании.

Разнообразие видов авторских окказионализмов требует включения в словарную статью как обязательных, так и факультативных зон. На основе анализа работ В. В. Никульцевой [Никульцева 2008], А. В. Батулиной [Батулина 2024], Л. В. Алешиной [Алешина 2018], Л. Л. Шестаковой [Шестакова 2019], С. Б. Козинца [Козинец 2019], Е. А. Земской [Земская 2011] в рабочем варианте словарной статьи мы выделили следующие зоны, необходимые для диахронического переводческого словаря:

- заголовочное слово (без ударения);
- грамматическая зона;

– отсылка к мотивирующему;

– факультативные зоны:

а) дополнительная информация: экспрессивная, эмотивная, оценочная, функционально-стилистическая;

б) словарное слово русского языка, образованное по аналогичной словообразовательной модели;

в) исторический/социолингвистический комментарий;

– употребление окказионализма в контексте с соответствующим адресом;

– переводы окказионализма на английский язык в том же контексте, в хронологическом порядке, с указанием переводчиков и адресами.

Представим фрагмент нового русско-английского словаря окказионализмов Ф. М. Достоевского на материале романа «Братья Карамазовы» и параллельных английских переводов, выполненных Констанс Гарнет [Garnett 1912 — С.Г.], Ричардом Пивиаром и Ларисой Волохонски [R. Pivear, L. Volochonsky, 1992 — P&V] и Майклом Р. Кацем [M.R. Katz, 2023 — M.R. K.] (табл. 2).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, подчеркнем, что полного лексикографического описания авторских сравнений и авторских неологизмов Ф. М. Достоевского в настоящий момент нет. Эти единицы не представлены системно и в переводных словарях. Поэтому мы посчитали целесообразным и актуальным описать различные возможности передачи таких нестандартных языковых единиц, не имеющих эквивалентов

Таблица 2. Фрагмент статьи русско-английского словаря окказионализмов

Окказионализм	тысчоночка
Грам. значение	сущ., ж.р., конкр.
Мотивирующее	от «тысяча» (-оночка); ср. девчоночка — ж.р., ласк. к сущ. девочка.
Стил. особенности	разг., уменьш.-ласкат.
Русский контекст	Ф. Д. с. 19. Ну что ж, пожалуй, у тебя же есть свои две тысчоночки , вот тебе и приданое, а я тебя, мой ангел, никогда не оставлю, да и теперь внесу за тебя что там следует, если спросят.
Перевод № 1	С. Г., 1912, P. 23.
Контекст	<i>Well, to be sure you have your own two thousand. That's a dowry for you. And I 'll never desert you, my angel. And I'll pay what's wanted for you there, if they ask for it.</i>
Перевод № 2	D. M., 1958.
Контекст	...
Перевод № 3	A. McA., 1970.
Контекст	...
Перевод № 4	J. K., 1980.
Контекст	...
Перевод № 5	P&V, 1990, P. 17.
Контекст	<i>After all, you do have your little two thousand — there's a dowry for you! — and I, my angel, will never forget you, I'll pay in for you now, too, whatever's due, if they ask.</i>
Перевод № 6	M.R K., 2023, P. 51.
Контекст	<i>Well, if you like, you have your own two thousand; that's a dowry for you; and, my angel, I won't ever desert you, even now I'll contribute for you as needed if they ask.</i>

в другом языке, с помощью корпуса опубликованных переводов, выполненных профессиональными переводчиками и подвергавшихся редактированию и рецензированию. Полагаем, что такие разработки вносят вклад в освоение творчества великого русского писателя в англоязычном пространстве и являются новым шагом в авторской лексикографии.

Отметим, что передача окказиональных лексических единиц и авторских сравнений, не имеющих эквивалентов в других языках, остается одной из сложнейших задач в современной теории перевода. Она усложняется при переводе художественных текстов, дистанцированных во времени, поскольку приходится учитывать специфику значения и употребления этих единиц в XIX столетии, и при переводе для носителей другой культуры, другого языка и для другого поколения читателей приходится передавать актуализированные оттенки значения, сохраняя национальный и исторический колорит, особенности стиля писателя. Лексикографические разработки нового типа, позволяющие обобщить опыт ведущих переводчиков нескольких поколений, а также выявить тенденции в переводе безэквивалентных единиц данного типа, могут внести существенный вклад в решение лексических проблем перевода. Они позволят осветить огромный спектр возможностей перевода, изучить языковые средства, переводческие операции, стратегии перевода.

Структура словарной статьи двух новых диахронических переводных словарей различается, поскольку мы учитываем особенности объекта лексикографирования. В целом такая структура словарной статьи позволяет указать важную для переводчика (в том числе и не являющегося носителем русского языка), релевантную для понимания окказионализма или авторского сравнения информацию, представить эти единицы в контексте, достаточном для понимания функционирования в ткани всего текста. Также она составлена с учетом возможности осуществления сопоставительного анализа вариантов перевода этих единиц в синхронии и диахронии.

Полагаем, что создание диахронических переводных словарей авторских сравнений и авторских новообразований является не просто новым лексикографическим проектом, но и важным шагом в развитии теории и практики перевода. Такие словари помогут описать эволюцию переводческих стратегий, позволят переводчикам осознанно выбирать между дословной передачей и интерпретацией при работе над сохранением культур-

ного кода оригинального текста, стиля и замысла автора.

ИСТОЧНИКИ

1. Алексеева, М. Л. Русские реалии в разновременных немецких переводах романов Ф. М. Достоевского : словарь-справочник / М. Л. Алексеева. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2007. — 244 с. — ISBN 5-7186-0036-8.
2. Алексеева, М. Л. Русские реалии в зеркале немецкого языка : электронный словарь-справочник / М. Л. Алексеева ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2008. — 25 МБ.
3. Алексеева, М. Л. Диахронический русско-немецкий словарь-справочник русских реалий. По материалам разновременных немецких переводов романов Ф. М. Достоевского / М. Л. Алексеева ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2016. — ISBN 978-5-7186-0758-1. — EDN WETMQL.
4. Алешина, Л. В. Словарь новообразований Н. С. Лескова / Л. В. Алешина. — Москва : Флинта, 2018. — 704 с.
5. Козинец, С. Б. Словарь окказионализмов русского языка / С. Б. Козинец. — Москва : Флинта, 2019. — 224 с.
6. Никульцева, В. В. Словарь неологизмов Игоря Северянина / В. В. Никульцева. — Москва : Азбуковник, 2008. — 379 с.
7. Приемышева, М. Н. Словарь русского языка коронавирусной эпохи : около 3500 слов / ред. М. Н. Приемышева. — Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2021.
8. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. — Москва : Просвещение, 1985. — 399 с.
9. Шестакова, Л. Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность : дис. ... д-ра филол. наук / Шестакова Л. Л. — Москва, 2012. — 570 с. — EDN QFOCHF.
10. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы : роман / Ф. М. Достоевский. — Москва : Эксмо, 2004. — 800 с.
11. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание : роман / Ф. М. Достоевский. — Москва : Эксмо, 2005. — 544 с.
12. Dostoevsky, F. The Brothers Karamazov / F. Dostoevsky ; tr. from Rus. Garnett C. — London : Heinemann, 1912. — 699 p.
13. Dostoyevsky, F. The Brothers Karamazov / F. Dostoyevsky ; tr. from Rus. Pevear R. and Volokhonsky L. — New York : Vintage Classics, 1990. — 816 p.
14. Dostoevsky, F. The Brothers Karamazov / F. Dostoevsky ; tr. from Rus. M. R. Katz. — New York : WW Norton & Co, 1953. — 928 pp.
15. Dostoyevsky, F. Crime and Punishment / F. Dostoevsky ; tr. from Rus. Garnett C. — London : Heinemann, 1912. — 527 p.
16. Dostoevsky, F. Crime and Punishment. A Novel in Six Parts and an Epilogue / F. Dostoevsky ; tr. from Rus. J. Coulson. — London : Oxford Univ. Pr., 1953. — 576 p.
17. Dostoyevsky, F. Crime and Punishment / F. Dostoevsky ; tr. from Rus. Pevear R. and Volokhonsky L. — London : Penguin Random House UK Ltd, 1992. — 756 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеева, М. Л. Техника перевода в диахронии как основа диахронического русско-английского словаря безэквивалентной лексики / М. Л. Алексеева, Н. С. Казанцев // Политическая лингвистика. — 2025. — № 3 (111). — С. 155–161. — EDN DBWTRK.
2. Баранова, Т. М. Особенности перевода индивидуальных образных сравнений с семантически парадоксальным сочетанием компонентов (на материале романов Т. Пратчетта серии «Плоский мир») / Т. М. Баранова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — № 6. — С. 254–261. — DOI 10.30853/filnauki.2020.6.48. — EDN CTZVCB.
3. Батулина, А. В. Выразить невыразимое: окказиональное слово как объект лексикографического описания / А. В. Батулина // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. — 2024. — № 1 (11). — С. 67–80. — DOI 10.34680/VERBA-2024-1(11)-67-80. — EDN WNKXTL.
4. Брандес, М. П. Стилистика текста. Теоретический курс / М. П. Брандес. — Москва : Прогресс-Традиция : ИНФРА-М, 2004. — 416 с. — ISBN 5-89826-185-0. — EDN RAYTPT.
5. Гаджиева, А. Р. Авторские неологизмы в современной художественной литературе / А. Р. Гаджиева // Научные меж-

дисциплинарные исследования. — 2021. — С. 179–182. — EDN FGCQUN.

6. Дзапарова, Е. Б. Передача сравнительных конструкций оригинала на язык перевода: специфика переводческих стратегий / Е. Б. Дзапарова // Известия СОИГСИ. — 2016. — № 20 (59). — С. 117–125. — EDN WHYKKL.

7. Добровольский, Д. О. Корпусная лексикография (материалы мастер-класса) / Д. О. Добровольский, Е. Б. Кротова, И. С. Парина // Русская германистика : ежегодник Российского союза германистов. Т. 11. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — С. 237–278. — EDN TYAZLP.

8. Дубичинский, В. В. Лексикография русского языка / В. В. Дубичинский. — Москва : Наука, 2009. — 432 с. — ISBN 978-5-9765-0658-9. — EDN QUCFZB.

9. Дубовицкая, М. А. Индивидуально-авторские новообразования в произведениях Бернардин Эваристо как лингвокультурный феномен / М. А. Дубовицкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — Т. 16. — № 7. — С. 2145–2150. — DOI 10.30853/phil20230350. — EDN VBXXEX.

10. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование : учеб. пособие / Е. А. Земская. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва : Флинта : Наука, 2011. — 328 с. — ISBN 978-5-89349-634-5.

11. Кузнецова, Н. Н. Классификации сравнений // Филологический аспект : междунар. науч.-практ. журнал. — 2022. — № 2 (82). — EDN HFHWLW.

12. Кунигель, В. А. Способы перевода авторских неологизмов во франкоязычной газетной статье / В. А. Кунигель // Романия: языковое и культурное наследие — 2023 : материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 16–17 мая 2023 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О. В. Лапунова (гл. ред.) [и др.]. — Минск : БГУ, 2023. — С. 166–170.

13. Малых, Л. М. Статус категории сравнения в современных лингвистических исследованиях / Л. М. Малых // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». — 2011. — № 2. — С. 105–110. — EDN NUXNDR.

14. Николина, Н. А. Экспрессивные словообразовательные средства в произведениях Ф. М. Достоевского / Н. А. Николина // Вестник Московского государственного областного университета. — 2021. — № 3. — С. 41–47. — DOI 10.18384/2310-7278-2021-3-41-47. — EDN FTORWF.

15. Новикова, В. П. Некоторые вопросы перевода авторских сравнений / В. П. Новикова // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. — 2015. — № 6. — С. 179–185. — EDN UKKSOR.

16. Осокина, Е. А. Авторские неологизмы и окказионализмы. Феномен «Маленького героя» Ф. М. Достоевского / Е. А. Осокина // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2019. — № 3. — С. 653–664. — DOI 10.22363/2313-2299-2019-10-3-653-664. — EDN HUIKOL.

17. Пекарская, И. В. Специфика функционирования феномена художественного сравнения в контексте контаминации и конвергенции элокутивов (на материале произведения «Тропа бабьих слез» сибирского писателя Владимира Топилина) / И. В. Пекарская, В. Е. Лютенко // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2020. — № 2 (27). — С. 101–105. — DOI 10.36809/2309-9380-2020-27-101-105. — EDN EVSTOK.

18. Пюрбеев, Г. Ц. Опыт создания ассоциативного словаря сравнений / Г. Ц. Пюрбеев, Е. В. Голубева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — № 2. — С. 223–226. — DOI 10.30853/filnauki.2019.2.48. — EDN YWMNTV.

19. Рыженкова, А. А. Авторские преобразования устойчивых сравнений как проблема перевода / А. А. Рыженкова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Язык и литература. — 2009. — № 4. — С. 127–132. — EDN LSPWRV.

20. Ружицкий, И. В. О языке Достоевского / И. В. Ружицкий // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. — 2013. — С. 74–81. — EDN QZQFEN.

21. Ружицкий, И. В. Механизмы языковой игры у Достоевского и Лескова / И. В. Ружицкий // Неология как проблема лингвистической поэтики. — Москва : Азбуковник, 2018. — С. 110–112. — EDN YVHKNM.

22. Ружицкий, И. В. Язык Ф. М. Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос / И. В. Ружицкий. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Изд-во Московского университета, 2024. — 606 с. — ISBN 978-5-19-011931-2.

23. Филиппов, А. Л. Интерпретация термина «сравнение» в филологии / А. Л. Филиппов, В. И. Сергеев // Вестник Чувашского государственного университета. — 2010. — № 1. — С. 231–238. — EDN MBZZRJ.

24. Шестакова, Л. Л. Авторские неологизмы как предмет лексикографического описания / Л. Л. Шестакова // Труды Института русского языка имени В. В. Виноградова. — 2019. — С. 244–253. — EDN QMTDYZ.

MATERIALS

1. Alekseyeva, M. L. (2007). Russkije realii v raznovremennykh nemetskich perevodach romanov F. M. Dostoevskogo: slovar'-spravochnik = Russian Realias in German Translations of F. M. Dostoevsky's Novels: A Dictionary-Reference Book. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 231 p.

2. Alekseyeva, M. L. (2008). Russkije realii v zerkale nemetskogo yazyka. Elektronnyj slovar'-spravochnik = Russian realias in the mirror of the German language. Electronic dictionary-reference book. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 25 MGB.

3. Alekseyeva, M. L. (2016). Diachronitseskij perevodnoy slovar' russkich realii = Diachronic Translation Dictionary of Russian Realities. Based on the materials of multi-temporal German translations of F. M. Dostoevsky's novels. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 225 p.

4. Aleshina, L. V. (2018). Slovar' novoobrazovaniy N. S. Leskova = N. S. Leskov's dictionary of neologisms. Moscow: Flinta, 704 p.

5. Kozinets, S. B. (2019). Slovar' okkazionalizmov russkogo yazyka = Dictionary of Russian Occasionalisms. Moscow: Flinta, 224.

6. Nikul'tseva, V. V. (2008). Slovar' neologizmov Igorya Severyanina = Igor-Severyanin's Dictionary of Neologism. Moscow: Azbukovnik, 379 p.

7. Priyemysheva, M. N. (Ed.) (2021). Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoy epokhi = Russian Dictionary of the Coronavirus Era: About 3,500 Words. St. Petersburg: ILI RAN, 550 p.

8. Rosental', D. E., Telenkova, M. A. (1985). Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov = Dictionary-reference book of linguistic terms. Moscow: Prosveshcheniye, 399 p.

9. Shestakova, L. L. (2012). Russkaya avtorskaya leksikografiya: teoriya, istoriya, sovremennost' = Russian Author's Lexicography. Theory. History and Modernity. Dis. of Doct. Thesis of Dr. of Philology. Moscow, 570 p.

10. Dostoevsky, F. (2004). Brat'ya Karamazovy = The Brothers Karamazov. Moscow, 800 p.

11. Dostoevsky, F. (1912). The Brothers Karamazov (Tr. from Rus. C. Garnett). London, 699 p.

12. Dostoyevsky, F. (1990). The Brothers Karamazov (Tr. from Rus. Pevear R. and Volokhonsky L.). New York, 816 p.

13. Dostoevsky, F. (1953). The Brothers Karamazov (Tr. from Rus. M. R. Katz). New York: WW Norton & Co, 928 p.

14. Dostoevsky, F. (2005). Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment. Moscow, 544 p.

15. Dostoyevsky, F. (1912). Crime and Punishment (Tr. from Rus. Garnett C.). London : Heinemann, 527 p.

16. Dostoevsky, F. (1953). Crime and Punishment. A Novel in Six Parts and an Epilogue (Tr. from Rus. J. Coulson). London : Oxford Univ. Pr., 576 p.

17. Dostoyevsky, F. (1992). Crime and Punishment (Tr. from Rus. Pevear R. and Volokhonsky L.). London: Penguin Random House Uk Ltd, 756 p.

REFERENCES

1. Alekseyeva, M. L., Kazanchev, N. S. (2025). Tekhnika perevoda v diachronii kak osnova dikhronisheskogo russko-angliiskogo slovary bezekvivalentnoy leksiki = Translation technique in diachrony as a basis for a diachronic Russian-English dictionary of non-equivalent vocabulary. *Political Linguistics*, 3(111), 155–161. EDN DBWTRK.

2. Baranova, T. M. (2020). Osobennosti perevoda individual'nykh obraznykh sravnenij s semanticheskim paradoksal'nym sochetaniem komponentov (na materiale romana T. Pratchetta serii «Ploskij mir») = Features of the translation of individual

figurative comparisons with a semantically paradoxical combination of components (based on the novels of T. Pratchett's 'Discworld' series). *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 6, 254–261. DOI 10.30853/filnauki.2020.6.48. EDN CTZVCB.

3. Batulina, A. V. (2024). Vyrzhit' nevyrazimoye: okkazional'noye slovo kak ob'yekt leksikograficheskogo opisaniya = Expressing the Inexpressible: Occasional Word as an Object of Lexicographical Description. *VERBA. North-Western Linguistic Journal*, 1(11), 67–80. DOI 10.34680/VERBA-2024-1(11)-67-80. EDN WNKXTL.

4. Brandes, M. P. (2004). Stilistika teksta. Teoreticheskiy kurs = Text stylistics. Theoretical course. Moscow: Progrs-Tradiciya, INFRA-M, 416 p. ISBN 5-89826-185-0. EDN RAYTPT.

5. Gadzhieva, A. R. (2021). Avtorskiye neologizmy v sovremennoy khudozhestvennoy literature = Author's neologisms in modern fiction. *Scientific interdisciplinary research*, 179–182. EDN FGQCUN.

6. Dzaparova, Ye. B. (2016). Peredacha sravnitel'nykh konstruktsiy originala na yazyk perevoda: specifika perevodcheskikh strategiy = Transfer of comparative constructions of the original into the target language: specifics of translation strategies. *Izvestiya SOIGSI*, 20(59), 117–125. EDN WHYKKL.

7. Dobrovol'skiy, D. O., Krotova, Ye. B., Parina, I. S. (2014). Korpusnaya leksikografiya = Corpus lexicography. *Russian Germanistics. Yearbook of the Russian Union of Germanists*, 11, 237–279. EDN TYAZLP.

8. Dubichinskiy, V. V. (2009). Leksikografiya russkogo yazyka = Russian lexicography. Moscow: Nauka, 432 p. ISBN 978-5-9765-0658-9. EDN QUCFZB.

9. Dubovitskaya, M. A. (2023). Individual'no-avtorskiye novobrazovaniya v tvorchestve Bernardina Evaristo kak lingvokul'turnyy fenomen = Individual-authorial innovations in the works of Bernardine Evaristo as a linguocultural phenomenon. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 16(7), 2145–2150.

10. Zemskaya, Ye. A. (2011). *Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovaniye* = Modern Russian language. Word formation. Moscow: Flinta: Nauka, 328 p. ISBN 978-5-89349-634-5.

11. Kuznecova, N. N. (2022). Klassifikatsiya sravneniy = Classifications of comparisons. *Philological aspect. International scientific and practical magazine*, 2(82). EDN HFHWLW.

12. Kunigel, V. A. (2023). Sposobi perevoda avtorskikh neologizmov vo frankoyazichnoy gazetnoy state = Methods for translating author's neologisms in a French newspaper article. *Romania: Language and Cultural Heritage — 2023. Proceedings of the 13th International Scientific Conference (Minsk, May 16–17, 2023)*, 166–170. Minsk: BGU.

13. Malych, L. M. (2011). Status kategorii sravneniya v sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniyakh = The status of the category of comparison in modern linguistic research. *Bulletin of the Udmurt University. The series "History and Philology"*, 2, 105–110. EDN NUXNDR.

14. Nikolina, N. A. (2021). Ekspressivnyye slovoobrazovatel'nyye sredstva v proizvedeniyakh F.M. Dostoyevskogo = Ex-

pressive word-formation in Dostoevsky's works. *Bulletin of the Moscow State Regional University*, 3, 41–47. DOI 10.18384/2310-7278-2021-3-41-47. EDN FTORWF.

15. Novikova, V. P. (2015). Nekotorye voprosy perevoda avtorskikh sravneniy = Some issues of translating author's comparisons. *Bulletin of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University*, 6, 179–185. EDN UKKSOR.

16. Osokina, Ye. A. (2019). Avtorskiye neologizmy i okkazionalizmy. Fenomen «Malen'kogo geroya» F. M. Dostoyevskogo = Author's neologisms and occasionalism. Dostoevsky's «Little Hero» phenomenon. *Bulletin of the RUDN University. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, 10(3), 653–664. DOI 10.22363/2313-2299-2019-10-3-653-664. EDN HUIKOL.

17. Pekarskaya, I. V., Liutenko, V. Ye. (2020). Specifika funktsionirovaniya fenomena khudozhestvennogo sravneniya v kontekste kontaminatsii i konvergentsii elokutivov (na materiale proizvedeniya «Tropa bab'ich slez» sibirskogo pisatelya Vladimira Topilina) = The specifics of the functioning of the phenomenon of artistic comparison in the context of contamination and convergence of elocutions (based on the work «The Path of Women's Tears» by the Siberian writer Vladimir Topilin). *Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies*, 2(27), 101–105.

18. Pyurbeev, G. Ts., Golubeva, Ye. V. (2019). Opyt sozdaniya assotsiyativnogo slovary sravneniy [Experience in creating an associative dictionary of comparisons]. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 2, 223–226. DOI 10.30853/filnauki.2019.2.48. EDN YWMNTV.

19. Ryzhenkova, A. A. (2009). Avtorskiye preobrasovaniya ustoychivyykh sravneniy kak problema perevoda = Author's transformations of stable comparisons as a translation problem. *Bulletin of St. Petersburg State University. Language and literature*, 4, 127–132. EDN LSPWRV.

20. Ruzhitskiy, I. V. (2013). O yazyke Dostoyevskogo = About Dostoevsky's language. *Actual issues of modern philology and journalism*, 74–81. EDN QZQFEN.

21. Ruzhitskiy, I. V. (2018). Mekhanizmy yazykovoy igry u Dostoyevskogo i Leskova = Mechanisms of language play in Dostoevsky and Leskov. *Neology as a problem of linguistic poetics*. Moscow: Azbukovnik, 110–112. EDN YVHKNM.

22. Ruzhitskiy, I. V. (2024). *Yazyk F. M. Dostoyevskogo: ideoglossariy, tezaurus, eidos* = Language of F.M. Dostoyevsky: idiosglosary, tesaurus, aidos. Moscow: MGU, 606 p. ISBN 978-5-19-011931-2.

23. Philippov, A. L., Sergeev, V. I. (2010). Interpretatsiya termina sravneniya v filologii = Interpretation of comparison in philology. *Bulletin of the Chuvash State University*, 1, 231–238. EDN MBZZRJ.

24. Shestakova, L. L. (2019). Avtorskiye neologizmy kak predmet leksikograficheskogo opisaniya = Author's neologisms as a subject of lexicographic description. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language*, 19, 244–253. EDN QMTDYZ.

Политическая лингвистика. 2025. № 6 (114).
Political Linguistics. 2025. No 6 (114).

УДК 81'42+81'38+336.743
ББК Ш105.51+Ш105.551.5

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Анастасия Игоревна Золотайко

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, Liani@list.ru, SPIN-код: 8331-5420

Метафора спорта в политических карикатурах как отражение противостояния ведущих мировых валют

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье рассматривается метафорическое представление противостояния ведущих мировых валют в политических карикатурах. Широкой выборкой было отобрано 127 работ с сайта cartoonstock, стокового хранилища изображений сатирического характера на различные актуальные темы. Во внимание принимались работы с установленным авторством за период с 2000 года со сферой-источником «валюты» и мишенью метафорической экспансии «спорт». Особое значение уделялось определению связи вербальных и невербальных компонентов с учетом манипулятивного потенциала конечного прагматического смысла. Результаты исследования показывают, что распространено метафорическое развертывание образов через персонификацию, использование универсальных условных обозначений, зооморфизм, апелляцию к культурным символам, а также артефактным метафорам банкнот и монет. Продуктивны в том числе и структурные элементы (композиционное построение карикатур, цветовые решения, стилистическое оформление), игра слов и корреляционные связи вербальных и невербальных компонентов. Автор отмечает, что в представленной выборке наиболее частотны метафорические воплощения доллара, юаня и евро, что свидетельствует об образном противостоянии Запада и Востока в борьбе за расширение сфер влияния через экспансию валют. Борьба носит агрессивный и бескомпромиссный характер, при этом соперники допускают ведение «грязной игры» и жульничество. В большинстве карикатур используется цветовым контрастом с использованием апелляций к культурным символам стран. Важной особенностью анализируемых карикатур является частотность аллюзий к идиоматическим выражениям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, спортивные метафоры, метафорические единицы, политическая карикатура, полкодовые тексты, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-ресурсы, метафора валюты, финансовые метафоры, политические метафоры, языковые единицы, когнитивная лингвистика, креолизованные тексты, экономические метафоры, мировые валюты, Интернет, интернет-пространство, интернет-коммуникация, интернет-технологии, социальные сети.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Золотайко Анастасия Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Уральский юридический институт МВД России; 620000, Россия, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66, каб. 318, email: Liani@list.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Золотайко, А. И. Метафора спорта в политических карикатурах как отражение противостояния ведущих мировых валют / А. И. Золотайко. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 6 (114). — С. 154-164.

Anastasiya I. Zolotayko

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ekaterinburg, Russia, Liani@list.ru, SPIN code: 8331-5420

Sports Metaphors in Political Cartoons as a Reflection of Confrontation Between Major Global Currencies

ABSTRACT. This article explores the metaphorical representation of the confrontation between the world's leading currencies in political cartoons. A wide sample of 127 works was selected from the Cartoonstock.com, a stock repository of satirical images on various topical issues. The sample included works by established authors for the period from 2000 to the present time with the source domain "currency" and the target domain of metaphorical extension "sport". Particular attention was paid to identifying the correlation between the verbal and nonverbal components, taking into account the manipulative potential of the final pragmatic meaning. The results of the study show that metaphorical construction of images is often carried out through personification, use of universal symbols, zoomorphism, and appeal to cultural symbols, as well as artifact metaphors of banknotes and coins. Structural elements (composition of cartoons, color choice, and stylistic format), language games and correlations between verbal and nonverbal components can also be productive. The author notes that the works under analysis most frequently employ metaphorical uses of the dollar, yen and euro, which indicates a figurative confrontation between the West and the East in the struggle for wider spheres of influence through expansion of their currencies. The confrontation is aggressive and uncompromising, and the opponents resort to "dirty play" and cheating. The composition of the major part of the cartoons uses opposition to accentuate struggle and rivalry. Visually, this is accompanied by a color contrast using appeals to the cultural symbols of the countries. An important feature of the cartoons under analysis consists in the frequency of allusions to idiomatic expressions.

KEYWORDS: *political discourse, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, sports metaphors, metaphorical units, political cartoon, polycode texts, Internet discourse, Internet texts, Internet resources, currency metaphor, financial metaphors, political metaphors, linguistic units, cognitive linguistics, creolized texts, economic metaphors, global currencies.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Zolotayko Anastasiya Igorevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Zolotayko A. I. (2025). Sports Metaphors in Political Cartoons as a Reflection of Confrontation Between Major Global Currencies. In Political Linguistics. No 6 (114), pp. 154-164. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

В контексте стремительности глобальных политических процессов, влияющих на финансовую стабильность и экономический рост, а также появления новых технологий и участников международного рынка, усложняющих прогнозирование и управление рисками, особый исследовательский интерес вызывает метафорическое представление противостояния ведущих мировых валют. Анализ метафор валюты требует многослойной расшифровки международных отношений, культурных контекстов и общественного восприятия экономических явлений, что помогает реципиенту глубже понять современную реальность и ее динамику. Как отмечает А. П. Чудинов, актуальность финансовой метафоры объясняется тем, что «источниками метафорической экспансии и метафорического притяжения обычно становятся понятийные сферы, которые очень актуальны для общества, хорошо известны людям и вызывают их повышенный интерес» [Чудинов 2024 [www](#)]. К подобным аттракционными сферам представляется возможным отнести конфликтогенные ситуации политико-экономического противостояния различных стран. Столкновение интересов и раздел сфер влияния привлекает внимание мировой общественности, что находит выражение в СМИ через вербальные и невербальные средства воздействия на целевую аудиторию. Именно их манипулятивно-прагматический потенциал вызывает исследовательский интерес лингвистов-когнитивистов. Одним из наиболее популярных способов трансляции и развертывания метафорических образов является политическая карикатура.

Анализ литературы, проведенный исследователем Дж. П. Медина [Medina 2022: 4], указывает на тенденцию в международной лингвистике описывать смешанные тексты, такие как политическая карикатура, термином «мультимодальный»; в русистике филологи предпочитают термины «креолизованный» и «поликодовый». Предлагаемое исследование основано на использовании термина «поликодовый текст», который понимается как сочетание в едином графическом

пространстве семиотически разнородных компонентов: вербальных и невербальных.

В политическом дискурсе карикатура может рассматриваться как источник информации о взаимоотношениях людей, определенных политических событиях и власти. С. Лиепа, В. Шаудина и Д. Олехнович утверждают, что «визуальные и мультимодальные метафоры зависят от окружающей среды, что требует их выявления и интерпретации именно в рамках той специфической области, к которой они относятся, особенно в политических карикатурах, где эта область представляет собой преимущественно социально-политический ландшафт» [Liepa, Šaudiņa, Oļehnovičs 2021: 391]. Среди множества острых социальных, экономических и политических дилемм, миссией и объектом насмешек в подобных поликодовых текстах становятся политики и их некомпетентность, неспособность решать проблемы в чрезвычайных ситуациях, а также повсеместное злоупотребление властью. Н. М. Дугалич, рассматривая политическую карикатуру как жанр политического дискурса, выделяет «следующий набор тем: политический лидер как личность, политический лидер и его политика; экономические реформы; предвыборная борьба; военные конфликты; теневая политика и экономика; репутация страны; внутренняя политика государства» [Дугалич 2018: 159].

А. Гуэрриери, Ф. Эрвас и Э. Гола отмечают, что «визуальные метафоры, рассчитанные на мгновенную интерпретацию, активизируют формирование ментального представления у воспринимающего субъекта. Данная когнитивная операция становится необходимой в ситуациях, когда одна из сопоставляемых областей остается неэксплицитной» [Guerrieri, Ervas, Gola 2023: 2]. Таким образом, восприятие карикатуры адресатом предполагает наличие у него определенных пресуппозиций, отражающих национальную и культурную специфику. Осмысление природы политической карикатуры обычно невозможно без обращения к феномену прецедента или прецедентным феноменам. О. В. Власова считает, что «главное условие

использования прецедентной ситуации — интернет-пользователь должен быть знаком с ней. Сама ситуация может быть описана не эксплицитно, а имплицитно с использованием намеков, сопроводительной надписи и т. д.» [Власова 2022: 1233]. Таким образом, данный феномен в карикатурах проявляется как визуально (посредством визуальных метафор), так и вербально (за счет подписей к изображениям). Е. А. Нахимова выделяет следующие типы прецедентных феноменов в контексте мультимодальности: лексемы, высказывания, фразеологизмы, тексты, невербальные феномены (музыкальные, живописные произведения и т. д.), ситуации, имена, события, действия, календарные даты, жесты, знаки) [Нахимова 2018: 44]. По мнению исследователя, этот список не является окончательным и будет дополняться и детализироваться по мере дальнейшего развития теории прецедентности.

Типология карикатур включает два основных жанра: политические карикатуры, которые также называют редакционными, и комические карикатуры, которые трактуются как шутки, представленные в графической форме. Как правило, формальные признаки двух видов карикатуры совпадают: обязательным и доминирующим элементом является изображение, которое часто (но не всегда) сопровождается текстом, содержащим признаки естественного языка. В отличие от комических карикатур, характеризующихся способностью вызывать смех, политические карикатуры, как правило, несут в себе более серьезный социальный посыл, что предопределяет их сатирический характер. Это обусловлено их двойственной природой: с одной стороны, эти карикатуры являются частью политической коммуникации, с другой — лежат в плоскости юмористического дискурса. П. В. Середа и Н. Ю. Граббе отмечают, что «при рассмотрении основных параметров политического дискурса в корреляции с „комическим“, исследователями было обосновано, что возможность комического все же заложена в его специфических характеристиках. <...> Этому также способствует наличие в политическом дискурсе диалогических жанров (парламентские дебаты, интервью, встреча с избирателями) и оценочность политического общения (применение комического, как правило, носит негативный и критический характер, выражающийся в сарказме, иронии и т. п.)» [Середа, Граббе 2016: 4].

Политические карикатуры интегрированы в медиатекст. Они служат визуальным воплощением либо индивидуального видения карикатуриста, либо редакционной позиции по актуальным общественно значи-

мым вопросам. В связи с этим С. Ю. Павлина полагает, что «сюжет политической карикатуры основан на новостях, поэтому эти графические отображения действительности ограничены определенными временными рамками и могут рассматриваться как зеркало своего времени» [Павлина 2022: 164]. С точки зрения функциональных характеристик исследователи замечают выраженность аттрактивной функции, поскольку «через эмоциональную компоненту активируется интеллектуальная составляющая — зритель/читатель задумывается о важном вопросе политической реальности» [Беляева 2023: 166], а также развлекательной: она «направлена на привлечение внимания аудитории с последующей эмоциональной релаксацией и удовлетворением ее познавательных потребностей» [Ражина, Манаенко 2022: 96]. Однако А. В. Останина к наиболее важным функциям относит социальную или манипулятивную, «поскольку задачей авторов карикатур является формирование определенного отношения к событиям или политическим деятелям, которое соответствует политике самого автора или изданию, на которое он работает» [Останина 2024: 2]. Такой взгляд разделяет и С. Ю. Павлина: «...получателю информации необходимо понять широкий контекст, расшифровать точку зрения автора и сделать собственный выбор. Таким образом, можно заключить, что функция воздействия является основной в репертуаре функций, выполняемых политическими карикатурами» [Павлина 2025: 64].

Учитывая *актуальность* изучения мировой финансово-политической динамики, *цель настоящего исследования заключается в выявлении особенностей репрезентации противостояния мировых валют в интернет-дискурсе через анализ политических карикатур.*

Широкой выборкой было отобрано 127 работ профессиональных авторизованных карикатуристов с сайта cartoonstock, стокового хранилища изображений сатирического характера на различные актуальные (чаще политические) темы. Во внимание принимались работы с установленным авторством за период с 2000 г., содержащие вербальные и невербальные образы со сферой-источником «валюта». Критерием включения карикатуры в набор данных была ее тематическая связь с изменениями или событиями на мировом финансовом поле, а также наличие лингвистического компонента, представленного как минимум несколькими лексемами на разных уровнях текста: вербальном и невербальном.

Для обеспечения достоверности и надежности результатов использовался ряд

методологических инструментов когнитивно-дискурсивного подхода. В частности, применялись сравнительный анализ, контент-анализ, лексический анализ и статистические методы. Первый метод способствовал определению сходств и различий тем и символов в разных карикатурах, отличительных черт, связанных с развитием ситуации за определенный период времени, а также тенденций общественного восприятия. Контент-анализ выявил преобладающие концепции, символические представления и поведенческие парадигмы, заложенные в метафорическом воплощении валют. Статистические методы помогли подтвердить и оценить распространенность наблюдаемых тенденций. Поисковые запросы осуществлялись через различные комбинации ключевых слов: «валюта», «мировые валюты», «деньги», «мировой рынок», «отношения валют».

Особое значение уделялось определению связи вербальных и невербальных компонентов с учетом манипулятивного потенциала конечного прагматического смысла и его воздействия на аудиторию. Анализ отобранных карикатур проходил в несколько этапов: а) отбор материала; б) выявление основных сюжетов и содержания изображений; в) интерпретация вербального компонента; г) интерпретация невербального компонента; д) синтез имплицатур обоих компонентов; е) расшифровка конечного прагматического смысла изображения; ж) кластеризация изображений в соответствии с выявленными доминантными средствами метафоризации валют [Dymova, Kareva, Zolotaiko 2024: 117].

Совокупность обозначенных действий позволила выявить доминантную модель метафорической экспансии «ОТНОШЕНИЯ МИРОВЫХ ВАЛЮТ — ЭТО СПОРТ», обладающую разветвленной фреймовой структурой: «Поединок», «Гонка», «Покорение вершин», «Нарушение правил», «Игра», «Физическая форма».

МЕТАФОРА СПОРТА ДЛЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ МИРОВЫХ ВАЛЮТ

Определение сильнейшего через соревнования является общемировой распространенной практикой: спорт — это воплощение борьбы, соперничества и стремления к превосходству. Спортивные состязания непременно имеют правила, определяющие рамки действий участников, а также четкие регламенты и судейство, что обеспечивает объективность выявления победителя. Справедливо утверждать, что данные качества и установки присущи и игрокам на политической арене: политико-экономическая сфера регулируется рядом регламентов, норм и законов. Для обеих сфер немаловажно наличие стратегии и тактики для достижения целей.

Метафорическое развертывание внутри модели «ОТНОШЕНИЯ МИРОВЫХ ВАЛЮТ — ЭТО СПОРТ» осуществляется на основе сферы-источника «валюта». Доминантными средствами метафорического переноса в этом контексте являются антропоморфные (62 % от общего числа задействованных в карикатурах образов), зооморфные (27 %) и артефактные преобразования (11 %). Количественное распределение отобранного материала по фреймам отражено в Таблице 1.

1. Фрейм «Поединок»

Данный фрейм наиболее широко представлен в рамках рассматриваемой модели. В нем визуализируется экономическое противостояние внутри ринга, воплощающего мировой рынок. Валюты выступают в качестве соперников, и исход борьбы определяется их выносливостью, тактикой и силой ударов. Вербальное содержание карикатур несет интерпретативную функцию (надписи и символы на одежде, оформление сопровождающих звуков и фраз). Характерными для данного фрейма приемами передачи прагматических смыслов невербальных компонентов являются композиционное противопоставление изображаемых объектов, их динамика и цветовой контраст (при этом семантика цвета обязательно полярна, а также включает аллюзию на принадлежность к противоборствующей стороне).

Таблица 1

ОТНОШЕНИЯ МИРОВЫХ ВАЛЮТ — ЭТО СПОРТ		
Поединок	48	37,8%
Нарушение правил	29	22,8%
Гонка	21	16,5%
Покорение вершин	16	12,6%
Игра	8	6,4%
Физическая форма	5	3,9%
Итого:	127	

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 1. иллюстрирует вышесказанное, при этом на изображении присутствует и третий участник в форме рефери с надписью «Global Economy» — «Глобальная экономика». Таким образом, вербальный компонент способствует дешифровке всей карикатуры и вступает в отношения дополнения с невербальным (обозначение валют на перчатках бойцов, надпись на майках), когда реципиенту становится понятно, что в конечном итоге участники поединка наносят урон не столько друг другу, сколько тем, кто наблюдает за битвой, то есть всему остальному мировому сообществу. Визуальная репрезентация противостояния на рис. 2 схожа с первым примером, однако автор карикатуры переносит динамику не столько на удары, сколько на «игру мускулами», что является графической интерпретацией идиоматического выражения «*to flex one's muscle*» — *демонстрировать силу и собственное превосходство* [The Free Dictionary www]. Стаτικότητα бойцов символизирует отсутствие активно предпринимаемых шагов в реальном экономическом противостоянии, однако соперничество ведется через манифестацию экономической мощи (мышц) стран.

Аналогичный пример развития конфликта в стадию физического противостояния можно наблюдать на рис. 3, при этом вербально он сопровождается подписью «*C'mon champ, you need to rally, the Euro is killing you! Don't make me have to play the Rocky theme...*» — «Давай, чемпион, нужно собраться, евро тебя убивает! Не заставляй

меня включать тему Рокки...». Данная фраза апеллирует к массовой культуре через прецедентность изображаемой ситуации (бой Рокки Бальбоа, где он одерживает победу в трудном бою, что сопровождается мотивирующей композицией «Eye of the Tiger»). Валюты предстают в виде купюр, наделенных антропоморфными чертами и физиологическими параметрами. Автор карикатуры ставит акцент на композиции работы: реципиенту предлагается вид из-за «плеча» доминирующего соперника, что усиливает уничижающий эффект.

Вне ринга «Поединок» реализуется в том числе через артефактные и зооморфные образы. Валюты на рис. 4 выступают в качестве оружия или средства ведения боя, а на рис. 5 предстают в качестве животных, удерживаемых с помощью цепи, что свидетельствует о едва сдерживаемой агрессии, при этом их физическое воплощение транслируется через знаковое обозначение денежных единиц. Невербально конфликт выражен через анималистические признаки: злобный оскал, содрогание от желания вступить в бой с противником. Повторность схватки имплицитно усиливается наличием заживающих раннее полученных ранений. Вербальный компонент дополняет прагматику агрессии имитацией рычания.

2. Фрейм «Нарушение правил»

Вторым по частотности фреймом в рамках метафорической модели со сферой-мишенью «спорт» стали карикатуры, запе-

Рис. 6

чатлевшие всевозможные способы обойти установленные правила и обернуть даже заведомо проигрышную ситуацию в свою пользу. Жульничество в спорте, равно как и в политике, формально запрещено, но привлекательно в силу целого ряда причин (прежде всего, устранения противника и скорости достижения желанной цели). В контексте финансово-валютного соперничества оно представлено разносторонне: коварством формулировок, обманутым ожиданием, использованием каких-либо приспособлений и проч. Все это способствует деморализации конкурентов и облегчению пути к

Получение преимущества в соревновании посредством жульничества особенно наглядно в карикатурах. Удачное сочетание постепенного роста и одновременной неустойчивости мировых валют передано на рис. 6, где парад воздушных шаров символизирует изменчивость позиций денежных знаков на мировом рынке. При этом некоторые из них ведут свою борьбу с применением силы (боксерские перчатки) и специальных средств (механизм запуска), оправдывая это особой целью: «*We fight inflation!*» — «*Мы боремся с инфляцией!*». Остроумная игра слов в данном примере обусловлена двойственностью семантики лексемы «inflation», которая в бытовом и экономическом контекстах наделяет фразу совершенно иным смыслом (*inflation — the act of filling something with air, or of being filled with air (заполнение чего-либо воздухом), а general, continuous increase in prices and fall in the purchasing value of money (инфляция, т. е. общий, непрерывный рост цен и падение покупательной стоимости денег)* [Cambridge Dictionary www]). Вербальные и невербальные компоненты на изображении вступают в поддерживающую и интерпретативную корреляцию, а метафорический перенос основан на артефактных образах (шар, перчатки).

Неожиданным эффектом на рис. 7 в противостоянии валют становится появление третьего участника, олицетворяющего мощь

Рис. 7

наличием устрашающего способа быстрого решения вопроса о силовом превосходстве (дубины). Более того, новый соперник крупнее остальных по размерам и возможностям, поскольку находится не в человеческом облике, а в зооморфном воплощении, символизирующем свою страну. Примечательно, что денежного знака на конкуренте нет, но вербальный компонент «China» расположен сбоку на драконе. Такой прием, вероятно, служит для усиления эффекта внезапности и упрощения считывания символизма.

3. Фрейм «Гонка»

Данный фрейм отражает динамику изменений в политико-экономической среде, где рост и падение валют — это скорость движения. Таким образом, победителем в соревнованиях становится тот, кто быстрее и устойчивее на дистанции. Отобранные карикатуры содержат все указанные преобразования: антропоморфные, артефактные и зооморфные. В первом случае (рис. 8–9) валюта предстает как спортсмен, состязющийся в забеге на определенную дистанцию, чтобы занять пьедестал. Примечательно, что атрибутами участников становятся культурные символы стран (флаги, цвета, внешность) и их количественная представленность. Этот критерий представляет препятствие для представителей стран Евросоюза, ведь их много, а соревноваться может только один. Принятое решение объединиться в громоздкую и неустойчивую конструкцию, транслирует иронию и сомнение в правильности подобной тактики. Автор изображения прибегает к нулевой корреляции, поскольку вербальный компонент практически не представлен.

Необычная гонка с применением новых технических средств представлена на рис. 10, где экономическое противостояние выражено через стремление к небесным высотам. Карикатура выполнена в стиле комиксов, где протагонист — аналог Супермена в зеленом, соответствующем цвету ассигнаций, трико,

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

а его соперник — неизвестный в синем костюме (символизирующем цвет Евросоюза). Вербальный компонент автор поместил в характерный пузырь, и потому он более выразителен, значим и снисходительно-поучителен: «Береги себя, малыш... Никогда не позволяй политике подорвать твои позиции». В отличие от рис. 8 корреляция между вербальным и невербальным компонентами играет ключевую роль для формирования конечного смысла изображения.

Валюты в качестве скакунов представлены на рис. 11, тем самым транслируя анималистические образы для метафорического переноса. Идентификация с репрезентируемой страной осуществляется с помощью одежды наездника и его взаимодействия с противником. Так, уверенный в себе соперник более раскрепощен и стремителен (поднимая пыль на дороге), чем тот, кто испытывает усталость, а потому медлителен и угрюм.

4. Фрейм «Покорение вершин»

Данный фрейм визуализирует препятствия в виде отвесной скалы, восхождение или спуск с которой воплощает укрепление или ослабление валют на мировом рынке. Элемент соревновательности заключается в демонстрации выносливости, хваткости,

наличия правильной стратегии и умения рассчитать силы. Для примера представлены две вариации карикатур с бинарной оппозицией «подъем/спуск с горы», композиционно схожих своей упорядоченностью изображения соперников, но отличающихся корреляционными отношениями компонентов поликодового текста.

Трудное восхождение к вершине на рис. 12 предстает суровым испытанием перед участниками, маркированными денежными знаками, при этом сам образ горы воплощает желанное доминирование и превосходство. Композиционно карикатура организована таким образом, чтобы вербальный компонент привлек внимание реципиента за счет цветового контраста и его изолированности в противопоставление графически нагруженному невербальному. Более того, в речевом пузыре использован верхний регистр, что является элементом текстовой экспрессии и понимается как речь на повышенных тонах или крик. Дальнейшее рассмотрение содержания вербального компонента позволяет определить наличие идиоматического выражения «*scale the heights*», что способствует расширению семантического пространства поликодового текста, наполняя его многозначностью. Идиома

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

Рис. 16

подразумевает метафорическое восхождение на вершину избранного начинания, аналогичное буквальному акту восхождения на горы («If you scale the heights of a type of work, you are very successful in it» [Cambridge Dictionary www]), и потому, реализуясь в оригинальном контексте «We'll scale greater heights...» — «Мы достигнем больших высот», она превращается в игру слов. При этом коннотативный вектор транслирует прагматические смыслы поражения и отчаяния, поскольку исходит от того, кто остался

Противоположные импликатуры представлены на рис. 13, где сложность и медленность подъема заменены легкостью и стремительностью спуска, акцентированного наличием крыльев у каждого денежного знака. Антропоморфизм представлен лишь частично в виде ног. Схождение с горы отождествляет преодоление кризиса и трудностей, что подтверждается отсутствием негативных проявлений соревновательности. Автор изображения не прибегает к использованию вербального компонента.

5. Фрейм «Игра»

Политические карикатуры в данной группе отобраны по критерию актуализации образов, связанных с игровыми видами спорта или физической активностью, осуществляемой с элементами игры. Примечательной чертой представленных примеров является трансляция противостояния через какой-

либо объект или инвентарь. Так, наиболее частотны в рамках фрейма карикатуры (рис. 14–16) с изображением качели, склоняющейся, подобно весам, под тяжестью (значимостью и влиянием) одного из находящихся на ней объектов. Вербальный компонент задействован минимально.

Общей чертой для всех карикатур в данном фрейме является отсутствие агрессии в соперничестве, поскольку победа достигается холодным расчетом, стратегией и дальновидностью, необходимой для успешной шахматной партии, где клетки поля — отдельные страны, а фигуры — способ расширения влияния валюты, как на рис. 17, или ловкостью и умением, как на рис. 18, изображающем теннисный матч. Во втором случае невербальный компонент в виде мяча визуализирует идиоматическое выражение «the ball is in your court» — «мяч на твоей стороне» (it is time for someone to deal with a problem or make a decision, because other people have already done as much as they can [Cambridge Dictionary www]), что предполагает ожидание следующего шага или действия от оппонента.

6. Фрейм «Физическая форма»

Данная группа наименее широко представлена и включает разрозненные изображения физической формы персонифицированной валюты, достигаемой через спорт и тренировки, что в конечном счете позволяет

Рис. 17

Рис. 18

Рис. 19

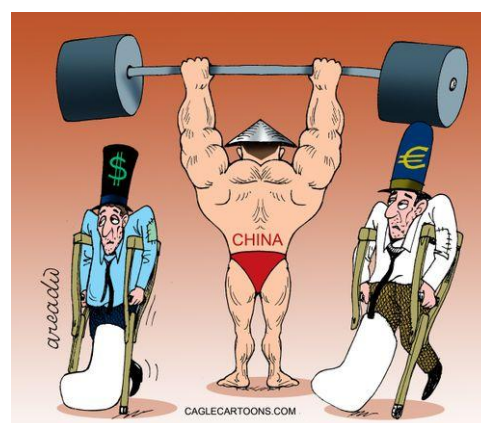

Рис. 20

реципиенту судить об успешности и состоятельности спортсмена — денежного знака.

Так, на рис. 19 запечатлен Бенджамин Франклин, олицетворяющий доллар, с трудом справляющийся с беговой дорожкой в виде купюры евро. Широкая расстановка ног, удаленность от поручней, утомление и мимика свидетельствуют о неспособности поддерживать задаваемый темп. Противоположные смыслы транслируются на рис. 20, где спортсмен гордо демонстрирует рельефное тело без какой-либо одежды. Его соперники ретируются с соревнования с унылым видом и симметричными травмами ног, что является аллюзией на идиому «*step on someone's toes*» — «наступать на пятки». С английского выражение интерпретируется более корректно и пересекается с прагматическим смыслом карикатуры: «*to upset someone, esp. by getting involved in something that is that person's responsibility*» — дословно «*расстраивать кого-либо, вмешиваясь в то, что является ответственностью/сферой деятельности этого человека*» [Cambridge Dictionary www].

ВЫВОДЫ

Ранее проведенные изыскания по данной теме затрагивали средства репрезентации метафор мировых валют. Замечено, что

«наиболее широко распространено метафорическое разворачивание образов через персонификацию, использование универсальных условных обозначений, зооморфизм, апелляцию к культурным символам, а также артефактным метафорам банкнот и монет» [Золотайко 2025: 207]. Результаты текущего исследования показывают, что продуктивны в том числе и структурные элементы (композиционное построение карикатур, цветовые решения, стилистическое оформление), игра слов и корреляционные связи вербальных и невербальных элементов. Данные приемы позволяют усилить манипулятивный эффект и дополнить семантическое пространство изображений юмористическими тональностями в зависимости от взглядов самих авторов. В своей совокупности указанные средства предоставляют инструменты для декодирования различных смысловых уровней, заложенных в визуальных репрезентациях. Они включают как эксплицитные текстовые элементы (подписи, метки, речевые пузыри), так и имплицитные подсказки, полученные из символов, метафор, каламбуров и интертекстуальности.

Следует отметить, что в представленной выборке наиболее частотны метафорические воплощения доллара, юаня и евро, что свидетельствует об образном противостоянии интересов Запада и Востока в борьбе за

расширение сфер влияния через экспансию валют.

Исходя из количественной представленности фреймов в рамках модели со сферой-мишенью «спорт», борьба носит агрессивный и бескомпромиссный характер, при этом соперники допускают ведение «грязной игры» и жульничества.

Укрепление или ослабление валют визуализируется как горизонтально, так и вертикально через образы дороги (трека, дистанции), позиции (пьедестал, доминирование в пространственном положении), высоты и размера. Временной фактор происходящих трансформаций выражен через скорость: статика объектов на карикатурах свидетельствует о пассивности и стагнации денежных знаков, в то время как динамика имплицитует стремительный рост и влияние.

Применительно к большинству карикатур авторы предпочитают поляризацию композиции для акцентуации борьбы и соперничества: противники расположены лицом друг к другу по разные стороны или углам ринга. Визуально это сопровождается цветовым контрастом с использованием апелляций к культурным символам стран. Зачастую подчеркивается динамика соревнований, что позволяет судить об изменчивости финансово-политических процессов и позиционной неустойчивости конкурентов.

Еще одной важной особенностью анализируемых карикатур является использование аллюзий к идиоматическим выражениям. Их невербальное воплощение способствует скорости и целостности восприятия заложенных прагматических смыслов. Верифицировать правильность интерпретации таких аллюзий представляется возможным с помощью лексического анализа.

Определение корреляционных отношений между вербальными и невербальными компонентами имеет решающее значение для анализа поликодовых текстов. В рамках проведенного исследования они носят дополняющий и интерпретационный характер, упрощая и углубляя восприятие реципиентов.

Усматривается возможным заключить, что разнообразие и смысловая насыщенность визуализации отношений мировых валют представляет собой широкое поле для лингвистического анализа, поскольку они всегда тонко реагируют на каждое изменение в политико-экономической среде и позволяют выявить отношение к этим событиям как самих авторов, так и обществ стран-субъектов. Исследовательский интерес вызывает и появление новых участников в борьбе за влияние в условиях новых политических реалий и технологических дости-

жений: развитие цифровых валют и криптовалют ставит вопросы касательно устойчивости традиционных денежных единиц. Эти технологии создают дополнительные риски и возможности, которые требуют глубокого изучения и осмысления.

ИСТОЧНИКИ

1. Cartoonstock.com. — A Cartoon Collections Company. — URL: <https://www.cartoonstock.com> (date of access: 12.06.25—23.08.25).

2. Cambridge Dictionary — URL: <https://www.dictionary.cambridge.org> (date of access: 12.06.25—23.08.25).

3. The Free Dictionary — Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus. — URL: <https://www.thefreedictionary.com> (date of access: 12.06.25—23.08.25).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Беляева, Е. В. Политическая карикатура в современном мире: понятие и сущность / Е. В. Беляева // Коммуникология. — 2023. — Т. 11. — № 4. — С. 162–170. — DOI 10.21453/2311-3065-2023-11-4-162-170. — EDN WBLOVB.

2. Власова, О. В. Сказочные образы в интернет-меме как креолизованном тексте / О. В. Власова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15. — Вып. 4. — С. 1231–1241. — DOI 10.30853/phil20220198. — EDN SLVXHG.

3. Дугалич, Н. М. Политическая карикатура как жанр политического дискурса / Н. М. Дугалич // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2018. — Т. 9. — № 1. — С. 158–172. — DOI 10.22363/2313-2299-2018-9-1-158-172. — EDN YVXKRO.

4. Золотайко, А. И. Способы метафоризации доминирующих мировых валют в политических карикатурах / А. И. Золотайко // Политическая лингвистика. — 2025. — № 3 (111). — С. 203–208. — EDN IMGRBJ.

5. Нахимова, Е. А. О классификации и дифференциации видов прецедентных феноменов в политической коммуникации / Е. А. Нахимова // Политическая лингвистика. — 2018. — № 1 (67). — С. 41–46. — DOI 10.26170/pl18-01-04. — EDN YSUNKW.

6. Останина, А. В. Невербальные средства интерпретации образа Дональда Трампа в англоязычной прессе (на примере карикатур) / А. В. Останина // Russian Linguistic Bulletin. — 2024. — № 6 (54). — URL: <https://rulb.org/archive/6-54-2024-june/10.60797/RULB.2024.54.21> (дата обращения: 16.08.2025). — DOI 10.60797/RULB.2024.54.21. — EDN TABAIQ.

7. Павлина, С. Ю. Прагматические и стилистические особенности британских и американских политических карикатур на тему COVID-19 / С. Ю. Павлина // Russian Journal of Linguistics. — 2022. — Т. 26. — № 1. — С. 162–193. — DOI 10.22363/2687-0088-27107. — EDN OVKGGOV.

8. Павлина, С. Ю. Англоязычная политическая карикатура в социокультурном контексте / С. Ю. Павлина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2025. — Т. 16. — № 1. — С. 61–76. — DOI 10.22363/2313-2299-2025-16-1-61-76. — EDN PKSTWQ.

9. Ражина, В. А. Политическая карикатура как поликодовый текст во вторичном политическом дискурсе / В. А. Ражина, Е. А. Манаенко // Гуманитарные и социальные науки. — 2022. — Т. 92. — № 3. — С. 93–97. — DOI 10.18522/2070-1403-2022-92-3-93-97. — EDN EERYSK.

10. Серeda, П. В. Комическое в контексте различных типов дискурса / П. В. Серeda, Н. Ю. Граббе // Научные труды КубГТУ. — 2016. — № 1. — С. 1–9. — EDN VKLZJN.

11. Чудинов, А. П. Финансовая метафора в политической речи / А. П. Чудинов // Русская речь. — 2003. — № 4. — С. 51–55. — (Опубликовано в научной цифровой библиотеке PORTALUS.RU). — URL: https://portalus.ru/modules/different/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1723459558&archive=&start_from=&ucat=&. — EDN OONEJF.

12. Dymova, A. V. Rishi Sunak vs Keir Starmer: Cartoon Representation in the Context of the 2024 General Election / A. V. Dymova,

V. Yu. Kareva, A. I. Zolotaiko // Филологические науки в МГИМО. — 2024. — Vol. 10, No. 4. — P. 114–131. — DOI 10.24833/2410-2423-2024-4-41-114-131. — EDN GHBWJE.

13. Guerrieri, A. Multimodal artistic metaphors: Research on a corpus of Sardinian art / A. Guerrieri, F. Ervas, E. Gola // *Frontiers in Psychology*. — 2023. — Vol. 14:1146639. — P. 1–12. — DOI 10.3389/fpsyg.2023.1146639. — EDN EXXETV.

14. Liepa, S. Metaphorical Representation of the European Union in Political Cartoons in English and Latvian / S. Liepa, V. Šaudiņa, D. Oļehnovičs // *Research in Language*. — 2021. — Vol. 19. — Iss. 4. — P. 389–400. — DOI 10.18778/1731-7533.19.4.04. — EDN BAKRUM.

15. Medina, J. P. Mixed Texts: Creolised vs Polycode vs Multimodal / J. P. Medina // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15. — Вып. 6. — С. 2017–2023. — DOI 10.30853/phil20220297. — EDN RUUZWK.

MATERIALS

1. Cartoonstock.com (n.d.). A Cartoon Collections Company. Retrieved at June 12, 2025 from <https://www.cartoonstock.com>.

2. Cambridge Dictionary (n.d.). Retrieved at July 17, 2025 from <https://www.dictionary.cambridge.org>.

3. The Free Dictionary (n.d.). Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus. Retrieved at July 17, 2025 from <https://www.thefreedictionary.com>.

REFERENCES

1. Belyaeva, E. V. (2023). Politicheskaya karikatura v sovremennom mire: ponyatie i sushchnost' = The concept and the essence of political cartoon in the modern world. *Communicology*, 11(4), 162–170. DOI 10.21453/2311-3065-2023-11-4-162-170. EDN WBLOVB.

2. Vlasova, O. V. (2022). Skazochnye obrazy v internet-meme kak kreolizovannom tekste = Fairy-Tale Images in an Internet Meme as a Creolised Text. *Philology. Theory & Practice*, 15(4), 1231–1241. DOI 10.30853/phil20220198. EDN SLVXHG.

3. Dugalich, N. M. (2018). Politicheskaya karikatura kak zhanr politicheskogo diskursa = Political cartoon as a genre of political discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9, 158–172. DOI 10.22363/2313-2299-2018-9-1-158-172. EDN YVXKRO.

4. Zolotayko, A. I. (2025). Sposoby metaforizatsii dominiruyushchih mirovyyh valyut v politicheskikh karikaturah = Methods of Metaphorization of the Main World Currencies in Political Cartoons. *Political Linguistics*, 3(111), 203–208. EDN IMGRBJ.

5. Nakhimova, E. A. (2018). O klassifikatsii i differentsiatsii vidov precedentnykh fenomenov v politicheskoi kommunikatsii = Classification and differentiation of the types of precedent phenomena in political communication. *Political Linguistics*, 1, 41–46. DOI 10.26170/pl18-01-04. EDN YSUNKW.

6. Ostanina, A. V. (2024) Neverbal'nye sredstva interpretatsii obraza Donal'da Trampa v angloyazychnoj presse (na primere karikatur) = Non-verbal means of interpreting the image of Donald Trump in the English-language press (based on cartoons). *Russian Linguistic Bulletin*, 6(54). Available from <https://rulb.org/archive/6-54-2024-june/10.60797/RULB.2024.54.21>. DOI 10.60797/RULB.2024.54.21. EDN TABAIQ.

7. Pavlina, S. Y. (2022). Pragmaticheskie i stilisticheskie osobennosti britanskikh i amerikanskikh politicheskikh karikatur na temu COVID-19 = Pragmatic and stylistic perspectives on British and American COVID-19 cartoons. *Russian Journal of Linguistics*, 26(1), 162–193. DOI 10.22363/2687-0088-27107. EDN OVKGGOV.

8. Pavlina, S. Y. (2025). Angloyazychnaya politicheskaya karikatura v sociokul'turnom kontekste = British and American Political Cartoons in Sociocultural Context. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(1), 61–76. DOI 10.22363/2313-2299-2025-16-1-61-76. EDN PKSTWQ.

9. Razhina, V. A., Manaenko, E. A. (2022). Politicheskaya karikatura kak polikodovyy tekst vo vtorichnom politicheskom diskurse = Political caricature as a polycode text in the subordinate political discourse. *The Humanities and Social Sciences*, 92(3), 93–97. DOI 10.18522/2070-1403-2022-92-3-93-97. EDN EERYSK.

10. Sereda, P. V., Grabbe, N. Yu. (2016). Komicheskoe v kontekste razlichnykh tipov diskursa = Comic in the context of different types of discourse. *Scientific Works of the Kuban State Technological University*, 1, 1–9. EDN VKLZJN.

11. Chudinov, A. P. (2024). Finansovaya metafora v politicheskoy rechi = Financial metaphor in political speech (pp. 51–55). At Nauchnaya tsifrovaya biblioteka PORTALUS.RU. Retrieved from https://portalus.ru/modules/different/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1723459558&archive=&start_from=&ucat=&. EDN OONEJF.

12. Dymova, A. V., Kareva, V. Yu., Zolotaiko, A. I. (2024). Rishi Sunak vs Keir Starmer: Cartoon Representation in the Context of the 2024 General Election. *Philological Sciences at MGIMO*, 10(4), 114–131. DOI 10.24833/2410-2423-2024-4-41-114-131. EDN GHBWJE.

13. Guerrieri, A., Ervas, F., Gola, E. (2023). Multimodal artistic metaphors: Research on a corpus of Sardinian art. *Frontiers in Psychology*, 14(1146639), 1–12. DOI 10.3389/fpsyg.2023.1146639. EDN EXXETV.

14. Liepa, S., Šaudiņa, V., Oļehnovičs, D. (2021). Metaphorical Representation of the European Union in Political Cartoons in English and Latvian. *Research in Language*, 19(4), 389–400. DOI 10.18778/1731-7533.19.4.04. EDN BAKRUM.

15. Medina, J. P. (2022). Mixed Texts: Creolised vs Polycode vs Multimodal. *Philology. Theory & Practice*, 15(6), 2017–2023. DOI 10.30853/phil20220297. EDN RUUZWK.

Политическая лингвистика. 2025. № 6 (114).
Political Linguistics. 2025. No 6 (114).

УДК 811.161.1'23+811.161.1'37
ББК Ш100.3+Ш141.12-3

ГРНТИ 16.21.29

Код ВАК 5.9.8

Вероника Александровна Каменева^{1✉}, Наталья Вадимовна Потапова^{2✉}, Надежда Владимировна Рабкина^{3✉},
Антонина Павловна Картавецова^{4✉}, Наталья Валентиновна Григорьева^{5✉}, Светлана Эдуардовна Зябрева^{6✉}

^{1,2,3} Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

^{4,5} Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева в г. Прокопьевске, Прокопьевск, Россия

¹ russia_science@mail.ru ✉, SPIN-код: 9659-7646, <https://orcid.org/0000-0001-8146-9721>

² nv_potapowa@mail.ru ✉, SPIN-код: 2682-1146, <https://orcid.org/0000-0001-7593-1713>

³ nrabkina@mail.ru ✉, SPIN-код: 5166-3567, <https://orcid.org/0000-0002-6623-6679>

⁴ ngrigorn311@gmail.com ✉, SPIN-код: 8946-2444, <https://orcid.org/0000-0001-9440-4986>

⁵ ngrigorn311@gmail.com ✉, SPIN-код: 5936-7766, <https://orcid.org/0000-0003-1491-4113>

⁶ Донецкий государственный педагогический университет имени В. Шаталова, Горловка, Россия,
svetlana_zyabreva1964@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0009-0006-2775-2618>

Пересечение понятий *дом*, *Родина*, *Отечество* в языковом сознании молодежи Кузбасса и Донбасса

АННОТАЦИЯ. Обращение к языковому сознанию позволяет изучать не только особенности хранения социально и культурно значимой информации, но и выявлять ценностные ориентиры у определенных возрастных групп. Цель статьи — установить пересечение понятий «дом», «Родина», «Отечество» в языковом сознании представителей молодежи двух регионов страны, выявив ценностные ориентиры респондентов. В направленном ассоциативном эксперименте приняли участие 100 студентов кузбасского вуза и 100 студентов донбасского вуза. Респондентам были предложены три слова-стимула: «дом», «Родина», «Отечество». Обращение к понятиям «дом», «Родина», «Отечество» значимо и актуально особенно сейчас, когда во всем мире в связи с процессом глобализации происходит переоценка ценностей и смена стереотипов, формируется новое мышление, новая картина мира. В исследовании применялись методы анкетирования, направленного цепочечного психолингвистического эксперимента, семантического геистальта Ю. Н. Караулова. Общие ассоциаты двух групп сравнения: 1) на слово-стимул «дом»: место; уют; тепло; безопасность; защита; семья; очаг; любовь; Родина; еда; сон; комфорт; родители; телевизор; 2) на слово-стимул «Родина»: дом; семья; Россия; страна где родился; любовь; гордость; вера; место; детство; люди; земля; культура; 3) на слово-стимул «Отечество»: патриотизм, защита, победа/ы, Россия, страна, сила, народ, история, гордость, честь, долг, подвиг, единство, мощь, Родина, предки. Дом концептуализируется как конкретное, овеянное пространство, противопоставленное внешнему холоду. Родина — территория, которой человек принадлежит по праву рождения, с характерным пейзажем; Отечество — концептуальное пространство, объединенное общим прошлым и культурой, которое необходимо защищать.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковое сознание, направленный ассоциативный эксперимент, ассоциат, дом, отечество, родина, молодежь, ценностные ориентации, система ценностей.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Каменева Вероника Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики преподавания гуманитарных дисциплин, Институт образования, Кемеровский государственный университет; 650060, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6; email: russia_science@mail.ru.

Потапова Наталья Вадимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Кемеровский государственный университет; 650060, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6; email: nv_potapowa@mail.ru.

Рабкина Надежда Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и лингвистики, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Кемеровский государственный университет; 650060, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6; email: nrabkina@mail.ru.

Картавецова Антонина Павловна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, филиал Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева в г. Прокопьевске; 653039, Россия, г. Прокопьевск, ул. Ноградская, 19а; email: ngrigorn311@gmail.com.

Григорьева Наталья Валентиновна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, филиал Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева в г. Прокопьевске; 653039, Россия, г. Прокопьевск, ул. Ноградская, 19а.

Зябрева Светлана Эдуардовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и методики преподавания иностранных языков, Донецкий государственный педагогический университет имени В. Шаталова; 284626, Россия, г. Горловка, ул. Рудакова, 25; email: svetlana_zyabreva1964@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Каменева, В. А. Пересечение понятий *дом*, *Родина*, *Отечество* в языковом сознании молодежи Кузбасса и Донбасса / В. А. Каменева, Н. В. Потапова, Н. В. Рабкина, А. П. Картавцева, Н. В. Григорьева, С. Э. Зябрева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 6 (114). — С. 165-185.

Veronika A. Kameneva¹, Natalya V. Potapova², Nadezhda V. Rabkina³, Antonina P. Kartavtseva⁴,
Natalya V. Grigoryeva⁵, Svetlana E. Zybrev⁶

^{1,2,3} Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

^{4,5} Prokopyevsk Branch of T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Prokopyevsk, Russia

¹ russia_science@mail.ru, SPIN code: 9659-7646, <https://orcid.org/0000-0001-8146-9721>

² nv_potapova@mail.ru, SPIN code: 2682-1146, <https://orcid.org/0000-0001-7593-1713>

³ nrabkina@mail.ru, SPIN code: 5166-3567, <https://orcid.org/0000-0002-6623-6679>

⁴ ngrigorn311@gmail.com, SPIN code: 8946-2444, <https://orcid.org/0000-0001-9440-4986>

⁵ ngrigorn311@gmail.com, SPIN code: 5936-7766, <https://orcid.org/0000-0003-1491-4113>

⁶ V. Shatalov Donetsk State Pedagogical University, Gorlovka, Russia, svetlana_zyabreva1964@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0006-2775-2618>

Overlapping Concepts of *DOM*, *RODINA*, and *OTECHESTVO* in the Linguistic Consciousness of University Students of Kuzbass and Donbass

ABSTRACT. With linguistic consciousness in view, it becomes possible to study not only features of storing socially and culturally significant information, but also to identify value orientations among certain age groups. The aim of the article is to identify the overlapping areas of the concepts of *DOM*, *RODINA*, and *OTECHESTVO* (*HOME*, *HOMELAND*, and *FATHERLAND*) in the linguistic consciousness of the youth of two regions of the country, based on the value orientations of the respondents. 100 students of Kuzbass University and 100 students of Donbass University took part in a directed associative experiment. The respondents were given three stimuli: words *DOM*, *RODINA*, and *OTECHESTVO*. The appeal to these concepts is significant and relevant especially now, when all over the world, due to the process of globalization, one can observe reassessment of values and change of stereotypes, new way of thinking, and a new picture of the world. The research draws on the methods of questioning, directed chain psycholinguistic experiment, and semantic gestalt by Y. N. Karaulov. The common associates of the two comparison groups include the following: 1) for the stimulus *DOM*: place; comfort; warmth; safety; protection; family; hearth; love; Homeland; food; sleep; comfort; parents; TV set; 2) for the stimulus *RODINA*: home; family; Russia; the country where you were born; love; pride; faith; place; childhood; people; land; culture; 3) for the stimulus *OTECHESTVO*: patriotism, protection, victory, Russia, country, strength, people, history, pride, honor, duty, feat, unity, power, Homeland, ancestors. *DOM* is conceptualized as a concrete, materialized space, opposed to the external cold. *RODINA* is a territory where a person belongs by right of birth, with a characteristic landscape; *OTECHESTVO* is a conceptual space united by a common past and culture that must be protected.

KEYWORDS: linguistic consciousness, directed associative experiment, associate, *DOM*, *RODINA*, *OTECHESTVO*, youth, value orientations, system of values.

AUTHOR'S INFORMATION: Kameneva Veronika Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Theory and Methods of Teaching Humanities, Institute of Education, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Potapova Natalya Vadimovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Romance and Germanic Philology, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Rabkina Nadezhda Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Translation Studies and Linguistics, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Kartavtseva Antonina Pavlovna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Department of Social and Humanitarian Disciplines, Prokopyevsk Branch of T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Prokopyevsk, Russia.

Grigoryeva Natalya Valentinovna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Department of Social and Humanitarian Disciplines, Prokopyevsk Branch of T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Prokopyevsk, Russia.

Zybrev Svetlana Eduardovna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Department of Pedagogy and Methods of Teaching Foreign Languages, V. Shatalov Donetsk State Pedagogical University, Gorlovka, Russia.

FOR CITATION: Kameneva V. A., Potapova N. V., Rabkina N. V., Kartavtseva A. P., Grigoryeva N. V., Zybrev S. E. (2025). Overlapping Concepts of *DOM*, *RODINA*, and *OTECHESTVO* in the Linguistic Consciousness of University Students of Kuzbass and Donbass. In *Political Linguistics*. No 6 (114), pp. 165-185. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Ассоциативный эксперимент (АЭ), который часто используется психолингвистами для всестороннего изучения, структуризации,

моделирования языкового сознания представителей различных социальных групп, позволяет не только выяснить то, каким образом реализуются и взаимодействуют между собой компоненты языка в языковом сознании,

но и очертить ценностные ориентиры респондентов [Голев 2013; Черкасова 2014].

Цель данной работы — установить пересечение понятий *дом*, *Родина*, *Отечество* у представителей молодежи двух регионов страны, выявив ценностные ориентиры респондентов.

Слова *дом*, *Родина*, *Отечество* в значительной степени семантически взаимосвязаны и номинируют важнейшие для носителя языка и культуры понятия. Исследование указанных культурных констант проводилось учеными на материале единиц различного уровня абстракции, но значительную часть работ составляют исследования концептов ДОМ, РОДИНА, ОТЕЧЕСТВО. Критический анализ научной литературы позволил систематизировать имеющиеся данные и выявить теоретические лакуны.

Концепт ДОМ

Изучению универсального концепта ДОМ, который представляет собой одну из ключевых культурных констант, посвящен не один десяток работ. Указанный концепт выступал и продолжает выступать объектом исследования в работах разной направленности: с позиций когнитивной лингвистики, философии языка и семантики, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации и др. Исследователи посвящают свои работы изучению концепта в творчестве определенных писателей (М. Цветаевой, Л. Н. Толстого, Вирджинии Вулф, А. И. Эртеля, Ф. А. Абрамова и др.); в художественных произведениях; анализу репрезентации концепта на разных языковых уровнях, на материале разных языков (русского, английского, немецкого, испанского, китайского, татарского, селькупского, хантыйского, ненецкого, татарского и др.).

С целью всестороннего изучения концепта исследователи обращают внимание на данные АЭ, основанные на реакциях на слово-стимул *дом*. Так, на основе проведенного в вузах Таджикистана направленного АЭ было показано, что реакции на слово-стимул *дом* относятся к следующим тематическим группам: место (жительства) / пространство, размеры дома, ценностные доминанты (семья, счастье, любовь). Как показал эксперимент, дом — место жительства, Родина, пространство, край, где человек чувствует себя спокойно и непринужденно [Искандарова и др. 2016].

В лингвокогнитивном исследовании универсального концепта ДОМ и его китайского аналога в сознании носителей русского и

китайского языков¹ были выявлены как универсальные, так и национально-специфические признаки концепта, свидетельствующие о том, что концепт ДОМ является комплексным. Хотя ДОМ в китайской лингвокультуре — символ счастья и богатства, эксперимент зафиксировал и негативные эмоции, связанные с психологическим давлением, которое испытывает китайская молодежь в связи с высокой стоимостью жилья.

В сознании носителей русского языка ДОМ — здание, постройка, где живет его семья; семья; история семьи; учреждение, заведение; династия; Родина; прошлое, детство. Ядро составили такие реакции, как *семья, тепло, уют, родитель, любовь, вкусная еда, очаг*; а также были зафиксированы такие метафоры о доме, как *крепость, защита, щит*. Результаты АЭ показали, что концепт ДОМ наделяется физическими и психическими значениями и отражает широкий спектр понятий и чувств (*счастье, спокойствие, радость* и др.). Таким образом, сопоставительный анализ этнокультурных представлений о доме на материале двух языков отражает более материалистическое отношение китайцев к дому по сравнению с русскими².

На материале хантыйского языка ассоциативного поля ХОТ (ДОМ) как фрагмента картины мира, отражающего культурные и гендерные стереотипы [Потпот 2017], удалось выявить динамичную организацию данного концептуального поля и его национально-культурные и гендерные особенности. Сопоставительный анализ ассоциативного поля ДОМ в сознании носителей хантыйского и ненецкого языков показал, что для хантов *дом* ассоциируется с различными характеристиками дома, а для ненцев — с родственными отношениями [Потпот 2021].

При помощи свободного АЭ, проведенного среди молодых носителей удмуртской культуры, был сделан следующий вывод: дом — это прежде всего семья, люди, живущие под одной крышей, а также быт, хозяйство семьи [Касаткина 2020].

Свободный АЭ среди носителей русского и американского английского языков в возрасте 20–25 лет показал, что представления о доме в сознании носителей двух культур в целом схожи: это место для комфортной жизни, место отдыха и общения с родными. Однако для русских дом ассоциируется с заботой и помощью, в то время как американцы больше рассчитывают на свои силы [Зими́на, Байкова 2021].

^{1,2} Чжан Я. Опыт лингвокогнитивного исследования этнокультурных представлений о доме (на материале русского и китайского языков): дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2017. 266 с.

В сопоставительном аспекте также были рассмотрены концепты ДОМ и HOME / HOUSE в сознании носителей русского и английского языков. К центральному компоненту ядра относятся сходные понятия *family* — *семья*, *comfort* — *уют*, *warm* — *тепло*; ко второму ядерному слою принадлежат понятия *house* — *крепость*, *крыша*, *safe* — *покой*. Данные реакции соотносятся с русскими вариантами *родители*, *мама*, *счастье*, *крепость*; внешний ядерный слой состоит из схожих вариантов *comfortable*, *cozy* — *кошка*, *комфорт*, *очаг*; *children*, *family*, *father* — *родные*. Единственным отличительным признаком является расширение понятия *дом* до понятия *Родина* в языковом сознании россиян [Аганина, Люляева 2021].

Концепт ДОМ в качестве ассоциаций часто встречается в вербализации других концептов, например, РОДИНА, ОТЕЧЕСТВО / ОТЧИЗНА и др., которые позволяют «интерпретировать его в качестве лингвоидеологического конструкта» [Плисов 2020: 231].

Таким образом, на сегодняшний день сложилось несколько подходов в изучении концепта ДОМ в науке. В рамках лингвистического направления концепт предстает как единица описания языковой картины мира, включающая понятийный, образный и оценочный компоненты, акцент делается на этимологическом рассмотрении основных лексем-номинантов концепта, выявлении их синонимических рядов, структурировании поля концепта. При сравнении особенностей концептуализации дома в разных языках привлекаются фразеологические единицы, пословицы и поговорки. Интерес представляют результаты ассоциативных экспериментов, которые позволяют установить универсальные когнитивные признаки, общую аксиологическую направленность схожих концептов в разных лингвокультурах. Антропоцентрическая направленность концепта проявляется в контексте формирования национальной самоидентичности.

Концепт РОДИНА

Концепт РОДИНА является основополагающим для российского этноса и неоднократно становился объектом исследования литературоведов, лингвистов, психологов, философов. Анализировалась языковая репрезентация концепта в творчестве определенных писателей (М. А. Шолохов, С. А. Есенин, П. Н. Шубин, Ф. Рот, И. Альенде, Г. Гарсиа Маркес, М. В. Семенова, М. А. Астуриас и др.); в разных лингвокультурах (русской,

британской, американской, немецкой, испанской, польской, грузинской, казахской и др.); с гендерных позиций и пр. Данный концепт привлекал и привлекает внимание исследователей, «поскольку он теснейшим образом связан как с этническим самосознанием, так и с государственной идеологией»¹.

И. Сандомирская отмечает, что «Родина / Отечество / Отчизна — это не имена географических или административно-политических единиц. Это группа метафор, через призму которых концептуализируется определенная социальная конструкция, некая специальная модель отношений между индивидом и обществом, между гражданином и государством, между личностью и централизованной идеологической системой» [Сандомирская 2001: 23].

По мнению С. Г. Воркачев, лексема *Родина* является доминантной в синонимическом ряду единиц *Родина*, *Отечество*, *отчизна*: по данным Русского ассоциативного словаря, число реакций на слово-стимул *Родина* (205) в два раза больше реакций на стимулы *отчизна* (105) и *отечество* (103), причем около трети этих реакций (65) представлено словом *мать* [Караулов и др. 2002: 420, 428, 558]. Данное обстоятельство связано с основными глубинными культурными архетипами патриотического сознания: архетипом рода и архетипом матери-земли [Воркачев 2006].

Этой же точки зрения придерживается А. К. Перевозникова: структура концепта РОДИНА определяется базовой константой «родная земля», восходящей к древнейшим мифологическим архетипам «мать — сыра земля», «родина-мать», «земля-матушка». Этот образ женщины как продолжательницы рода и нации закрепился в паремиях русского языка [Перевозникова 2019].

С целью выявления специфики структуры базового слоя концептов РУССКИЙ ЯЗЫК / РОДИНА / the ENGLISH LANGUAGE / NATIVE LAND в русской и англоязычной концептосферах была проведена серия свободных АЭ, в результате которых исследователи пришли к выводу, что репрезентация указанных концептов в рассматриваемых концептосферах различна. Для анализа ассоциативно-смыслового поля слов-стимулов *Родина* и *native land* в русской и англоязычной концептосферах был осуществлен свободный АЭ, в котором приняли участие 200 носителей русского языка (100 мужчин, 100 женщин) в возрасте 16–65 лет и 88 носителей английского языка (36 мужчин, 52 женщины) в возрасте 18–64 лет.

¹ Игнатова Е. М. Концепт «Родина» в идеологическом дискурсе: на материале немецкой политической пропаганды 20–40-х гг. XX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2008. С. 5.

При сопоставлении результатов САЭ был сделан вывод о том, что экстралингвистические факторы оказывают серьезное влияние на восприятие респондентами исследуемых концептов. Асимметрия базового слоя концепта РОДИНА в русской женской и мужской концептосферах состоит в следующем: а) разное количество реакций, отражающих представления и понятие; б) в основном положительное восприятие концепта РОДИНА женщинами и биполярное — мужчинами; в) в русской женской концептосфере концепт РОДИНА является понятийным, в то время как в русской мужской концептосфере — образно-понятийным.

Асимметрия базового слоя концепта NATIVE LAND в американской женской и мужской концептосферах заключается в следующем: а) разное количество реакций, отражающих представления; б) положительное восприятие концепта NATIVE LAND женщинами и биполярное — мужчинами; в) в американской женской и мужской концептосферах концепт NATIVE LAND является понятийным [Колабинова, Кузнецова 2010].

Э. А. Кечина проанализировала национально-культурную специфику образа Родины в русском и арабском языковом сознании студентов Рязанского государственного медицинского университета. Отличительной особенностью носителей русского языка является восприятие Родины как родного края с его природно-географическими особенностями, а также присутствие демографического пространства Родины в сфере «личностного-своего» пространства человека. В языковом сознании носителей арабского языка Родина предстает как социальный институт и государство и обладает высоким статусом и авторитетом [Кечина 2010].

На материале ассоциативных экспериментов С. В. Филиппова исследовала образы мира якутов и русских, проживающих в Якутии, посредством анализа вербальных ассоциаций на слова-стимулы *дом* и *Родина*. Исследуемые образы в языковом сознании сельских якутов обнаруживают культурно окрашенные элементы в виде устойчивых вербальных ассоциаций. У городских якутов в меньшей степени сохранились элементы традиционного мировоззрения, так как использование русского языка в общении сближает языковое сознание якутов с языковым сознанием русских [Филиппова 2013].

С помощью психолингвистических экспериментов — семантического шкалирования и свободного АЭ — был также проведен сравнительный анализ содержания общечеловеческих ценностей *Родина* и *патриотизм*, их репрезентации в языковом созна-

нии молодых представителей указанных культур. Было выявлено, что в сознании и русских, и якутов заложен архетип Родины-матери. Кроме этого, частотными были реакции *отчизна* и *отечество*, которые находились в тесной семантической близости со словами *патриотизм*, *долг*, *защита*. Ядерная часть ассоциативного поля РОДИНА у всех групп испытуемых схожа: это место психологически комфортного существования; это особое место, где тебя всегда ждут; где родители, где находится дом, родная земля. Отличия были обнаружены в том, что русские Родиной чаще называли Россию, а якуты отмечали малую родину — Республику Саха (Якутия), а также конкретные топонимы, то есть для якутов образ Родины тесно связан с местом их рождения, постоянного проживания, городом, селом [Григорьева, Никаева 2016].

Однако А. А. Степанова в ходе сопоставительного исследования ассоциативных полей, сформированных на стимулы *родной* и *родина* по материалам Русского ассоциативного словаря (2008–2011 гг.) и пилотажных ассоциативных экспериментов в Республиках Коми и Татарстан, приходит к выводу, что ввиду повсеместного функционирования русского языка на изучаемых территориях регионально окрашенные национальные реакции уходят на второй план, уступая место реакциям общегосударственным. Родина воспринимается респондентами прежде всего как *большая родина, страна, отчизна*, а не как *родина малая* [Степанова 2016].

Автор сопоставительного исследования репрезентации концептов РОДИНА, PATRIA, NATIVE LAND в русской, латиноамериканской и американской лингвокультурах на основе АЭ делает следующее заключение: концепт РОДИНА способен порождать наибольшее количество уникальных реакций; концепт PATRIA более стереотипен, концепт NATIVE LAND значительно более клиширован. Типологическая модель концепта РОДИНА представляет данный концепт как бинарный (в составе оппозиции «родина — чужбина»); многоуровневый (содержащий иерархию макро- и микрослогов «государство» (название страны, атрибуты государства, лицо) и «малая родина» (местность, дом, родственные связи)); биполярный (с преобладанием положительной коннотации). Гендерный изоморфизм исследуемых концептов реализован в более стереотипном составе женских вариантов, что можно объяснить стремлением женщины сохранить культурные традиции этноса. Алломорфизм языковой объективации концепта составляют: 1) наличие доминант в рус-

ском (*Родина*) и испанском (*patria*) языках и 2) отсутствие доминанты в английском языке. Периферийность языковых единиц *native land, homeland, motherland, fatherland* в номинативном поле концепта детерминирована эксплицированной семой *место* в лексеме *land*¹.

На материале русского и немецкого языков в рамках межкультурного сопоставления были проанализированы особенности общечеловеческих ценностей *Родина / дом / семья* на уровне общественного официального и обыденного сознания молодежи. Для анализа общечеловеческих ценностей на уровне общественного официального сознания использовались дефиниции из различных типов словарей на русском и немецком языках. Для анализа общечеловеческих ценностей на уровне общественного обыденного сознания были привлечены данные ассоциативных словарей и результаты цепочечного АЭ и психосемантического эксперимента. Полученные данные свидетельствуют о том, что содержание общечеловеческих ценностей *Родина / дом / семья* в русской и немецкой культурах представляет собой одну из важнейших констант, составляющих национальные картины мира. Анализ словарных статей показал, что слова *Родина / дом / семья* в русском и немецком языках имеют разные источники происхождения, но обладают смысловой и этимологической общностью.

Авторы приходят к выводу, что семантика слова *Родина* в языковом сознании современных русских и немцев шире и разнообразнее, чем представленная в словарях. К инвариантным чертам относится связь человека и пространства (*малая родина, личностно-свое пространство, большая родина*), а также идеологическая составляющая, что свидетельствует о способе выражения национальной идентичности. В сознании представителей немецкой культуры стимул *Родина* ассоциируется с защищенностью, в сознании русскоговорящих респондентов подобных реакций зафиксировано не было. Интерпретация экспериментальных данных свидетельствует о коммуникативной востребованности исследуемой общечеловеческой ценности представителей двух культур².

Еще одно исследование концепта HEIMAT (РОДИНА) в немецкой языковой картине мира свидетельствует о том, что специфика

концептуальной сети лексемы *Vaterland* заключается в осмыслении отечества через тесные взаимосвязи с такими понятиями, как *единый народ, любовь, служение, свобода, защита*. Отечество для носителей немецкой культуры — основа жизни человека, тесно связанная с понятиями семьи. Важными концептуальными признаками являются такие характеристики отечества, как *дорогое, любимое, требующее верности, защиты и жертвенного служения* [Плисов 2019].

На основе свободного группового АЭ исследователями была выработана методика семантического дифференциала (СД), с помощью которого определялось семантическое пространство понятия *Родина*. Большинство опрошенных с образом Родины ассоциировали не малую родину (место, где они родились и выросли), а Родину как некую общность в единстве территории, природы и культуры. Важной независимой переменной, влияющей на изменяемость образа Родины, является возраст и образование, а половая принадлежность и место проживания незначительно влияют на представления о ней [Тарасов 2020].

С целью выявить компоненты концепта РОДИНА проводились АЭ среди студентов российских вузов. По результатам цепного ранжированного АЭ был смоделирован концепт РОДИНА. Самой распространенной реакцией среди респондентов оказалось слово *дом*; далее следовали *семья, Россия, страна, природа, язык, друзья, Отечество, патриотизм, культура, родные / родственники, народ, традиции*. Помимо положительных реакций были зафиксированы единичные реакции с отрицательной коннотацией (*война, коррупция, несправедливость, репрессия, упадок, водка, беспредел* и др.). Таким образом, в массовом сознании студентов образ Родины вписывается в ценностный ряд «семья — дом — родина». Ядро концепта составляют ценностные понятия, периферию — как положительные, так и отрицательные явления современной жизни [Гимаев 2021].

Таким образом, концепт РОДИНА признан исследователями одной и важнейших культурных, ментальных, языковых констант, составляющих национальную языковую картину мира того или иного этноса; связан как с этническим, так и государственным сознанием носителей той или иной культуры.

¹ Колабинова Т. И. Специфика репрезентации концептов *Родина, Patria, Native Land* в русской, латиноамериканской и американской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2010. 23 с.

² Казакова Н. Ю. Общечеловеческие ценности *Родина / Дом / Семья — Heimat / Haus / Familie* в языковом сознании: на материале русского и немецкого языков: дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 205 с.

Концепт ОТЕЧЕСТВО

Концепт ОТЕЧЕСТВО исследуется разными авторами в научно-философском, психологическом, патриотическом, педагогическом, художественном дискурсе: изучаются вопросы формирования ценностных ориентаций у младших школьников и формирования понятия *Отечество* у старшеклассников; рассматриваются проблемы патриотического воспитания в средней общеобразовательной школе; репрезентация концепта в трудах писателей (Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, Л. Н. Толстой и др.) и в культурном сознании русской эмиграции 1920-х гг.; сравнивается понятие *Отечество* в русской и английской культурах; изучается идея служения Отечеству в немецкой философии и др. Однако в настоящее время не существует дефиниции, объективно раскрывающей содержание и объем понятия *Отечество*. Отечество можно рассматривать как в узком, так и в широком смысле. В узком смысле понятие включает в себя семью, историю рода (родословную), отчий край — край отцов. В широком смысле — Российское государство, Родину, исторические личности и их патриотическую деятельность.

Отечество — одно из релевантных понятий по отношению к Родине — определяется и как «родная земля, отчизна, где, кто родился, вырос; корень, земля народа, к которому принадлежат по рождению, языку и вере; государство в отношении к подданным своим», то есть Родина в широком смысле¹. В словаре под ред. Д. Н. Ушакова приводятся два значения слова *Родина*, одно из которых совпадает с содержанием понятия *Отечество*: Родина — «Отечество; страна, в которой человек родился и гражданином которой он состоит. Место возникновения чего-н.»².

В современном русском языке смысловые различия между Родиной и Отечеством почти нивелированы, эти слова воспринимаются как взаимозаменяемые. Однако с научной точки зрения, «понятие *Родина* обладает более широким объемом, а понятие *Отечество* является подчиненным по отношению к нему» [Чикаева 2017: 95]. В качестве основания для разграничения выделяют гендерный критерий: в этих понятиях воплощены «древние, противоположные, но взаимосвязанные архетипы Богини-Матери и Бога-Отца, мужского и женского начала»

[Там же]. Маскулинность Отечества и феминность Родины обсуждают также и другие отечественные исследователи (Н. А. Комлева, И. В. Наливайченко и др.).

Анализ двух концептов в контексте позволяет говорить о том, что Родина часто связывается с различными характеристиками места рождения (географическими, историческими, этнологическими, экономическими, политическими). Понятие же *Отечество* определяется в первую очередь социальными условиями, включая кровнородственные отношения (слово *Отечество* восходит к слову *отец*: «состояние отца, бытность отцом, родительство», по В. И. Далю).

Возникновение и эволюция концепта ОТЕЧЕСТВО прослеживается в анализе античных и христианских источников. В эпоху Античности Отечество (*terra patria*), что на русский язык переводится как *земля отцов*, ассоциировалось с понятием *малая родина*. Это было место, где похоронены предки, где исповедовали общую религию, где жило все племя. Античное понятие *Отечество* соотносилось с родным городом-государством. Отсюда появилось понятие *patriota* (живущий в этом городе). Греческое слово *патриот* означало священное для гражданина отношение к месту, где он родился и вырос — Отечеству. В Отечестве устанавливался регламент поведения для людей, совместно проживающих на данной территории. Самым суровым наказанием в древних Афинах было лишение Отечества, изгнание из полиса.

У ранних христиан истинное отечество (небесное царство) и земное отечество (человеческий удел, преграда на пути в мир духовный) находились в особых отношениях друг к другу: «„земное отечество“, будучи явлением материального мира, занимало место внизу иерархии христианских ценностей» [цит. по: Иванова, Резепова 2023: 147].

Религиозная модель сопоставления земного и небесного отечеств претерпевает трансформации и в конце XVII в. сменяется просветительской моделью государства, когда формируется понятийный ряд *отечество*, *сыны отечества*, *долг перед отечеством*, *обязанность сынов отечества*, *отец отечества*. В советской системе ценностей понятие *Отечество* трансформиро-

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык-Медиа, 2003. Т. 2: И—О. С. 599.

² Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. С. 601.

валось: оно утратило религиозную составляющую и стало идеологизированным и политизированным.

Существуют разные точки зрения на содержание понятия *Отечество*. Исследователи сходятся во мнении, что основу содержания Отечества составляют ценности и цели, воспринятые от предков, отцов, сохраняемые, развиваемые и транслируемые потомкам.

Отечество относится к абсолютным общечеловеческим ценностям и является одним из важнейших средств воспитания патриотизма у подрастающего поколения. Патриотизм — понятие, которое в общественном сознании неразрывно с понятиями Отечества и Родины и которое, по мнению Т. А. Чикаевой, естественно и является «следствием исполнения Отечеством функции вочеловечивания. Тот, у кого нет Отечества, низводит себя на уровень животного» [Чикаева 2023: 55].

По мнению И. Я. Мурзиной, концепт ОТЕЧЕСТВО является константой культуры и вписывается в следующий синонимический ряд: *родина, отчизна; край отцов, родная сторона, родная страна, отчий край, страна, родная земля, родная сторонка, родные палестины*. Данное понятие несет в себе понимание родной земли как завещанной, врученной народу, освященной свыше [Мурзина 2017: 44–46]. Данный аспект (все его четыре) в содержании понятия *Отечество* можно охарактеризовать как религиозно-философский. Следующий аспект — социальный: Отечество имеет пространственно-временные характеристики, свою судьбу на пути от прошлого к будущему. Третий аспект — субъективно-объективный: Отечество — данная субъекту общность, в которой жили и действовали предшествующие поколения; экономическая, политическая, культурная среда, которую должен учитывать субъект в своей деятельности; объект преобразований. Четвертый аспект — гносеологический: Отечество — объект патриотических чувств и патриотической деятельности.

С позиций прикладной психологии основу отношения к Отечеству составляют четыре компонента: ценностный, когнитивный, эмоциональный и поведенческий [Грачев 2018].

Ценностный компонент определяется тем, насколько Отечество способствует гражданам реализовать основные жизненные ориентации — дефицитарную, ориентацию на самореализацию и духовную. Когнитивный компонент представляет собой совокупность терминальных образов (Отечества в целом, Родины, государства, политиков, представителей власти, соотечественников, род-

ных и близких людей и др.). Эмоциональный компонент отношения гражданина к Отечеству (комфорт; чувство радости; чувство долга, ответственности) представлен в любви к Отечеству — патриотизме в узком смысле этого слова. Поведенческий компонент реализуется в готовности к определенному гражданскому поведению: а) дефицитарному, основанному на взаимной выгоде; б) самореализационному, предполагающему условия и свободу в реализации потенциала гражданина; в) духовному, имеющему форму служения.

Все четыре компонента, проявляющие отношение человека к Отечеству, представлены в национальной культуре и соответственно в менталитете.

Таким образом, изучение специальной литературы показывает, что понятие *Отечество* со временем эволюционировало и в настоящее время интерпретируется несколько иначе. Данное понятие неразрывно связано с понятиями *Родина, патриотизм* и является одной из общечеловеческих ценностей.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании применялись методы анкетирования, направленного цепочечного психолингвистического эксперимента, семантического гештальта Ю. Н. Караулова [Караулов 2000]. В направленном ассоциативном эксперименте приняли участие 100 студентов кузбасского вуза (Кузбасский государственный технический университет, далее — КузГТУ) и 100 студентов донбасского вуза (Донбасский государственный педагогический университет, далее — ДГПУ). Возраст респондентов варьируется от 18 до 23 лет. Всем участникам ассоциативного эксперимента в анкете были предложены 3 слова-стимула: *дом, Родина, Отечество*. Респондентам было предложено зафиксировать первые 5 слов, которые пришли им на ум. Список стимулов для эксперимента был составлен на основании слов, входящих в ядро ментального лексикона носителей русского языка и являющихся ключевыми в картине мира этноса.

Одним из трех основных видов АЭ является направленный АЭ, используемый для глубинного описания семантики слова. Данный вид АЭ основан на определенном ограничении респондентов при выборе ответов (только имена существительные, подобрать видовое или родовое понятие, развернуть предложение на базе данных слов и др.). Данные, полученные в ходе направленных АЭ, надежны, так как

направленность ассоциаций во многом обуславливает их сосредоточенность и конкретность, снижает разброс и неопределенность [Борисова 2019: 267].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вербальный стимул *дом*

В Таблице 1 представлены реакции, повторявшиеся в анкетах минимум три и более раз. В целом группа ДГПУ дала на треть больше однократно и двукратно встречающихся реакций, чем КузГТУ. Очевидно, что в обеих группах наиболее частотны реакции *место, уют, тепло, безопасность, любовь*. Однако участники из ДГПУ привели несколько частотных вербальных реакций, которых не было у участников из КузГТУ, среди которых: *комфорт, покой, воспоминания, тишина* и т. д. Очевидно, что внутренняя организация пространства дома для участников из ДГПУ оказалась важнее его физических границ. Среди уникальных для КузГТУ реакций обращает на себя внимание *свобода / место, где хорошо и свободно*. Семантика свободы не встречалась среди наиболее частотных реакций от ДГПУ. Интересно, что при почти одинаковом количестве упоминаний ассоциации *безопасность* в обеих группах, в число наиболее частотных реакций КузГТУ вошли синонимичные *защищенность*

и *защита*. Представляется, что участники из Кузбасса концептуализируют внешнее пространство как гораздо более агрессивную среду.

Семантические пересечения анкет из двух регионов можно наглядно представить в виде Таблицы 2: для обеих групп *дом* — это место, расположенное в пространстве родины; обе группы респондентов воспринимают дом как определенное место, пространство уюта и комфорта, тепла (которое обеспечивает очаг), безопасности и защиты от внешних угроз, где проживают любящие родители и где можно выспаться и отдохнуть. Среди уникальных для донбассовцев ассоциаций выделяются *покой* и *тишина*, а также предметная, «вещная» конкретика этого пространства, а для кузбассовцев, как уже было отмечено выше, приоритетным является тот факт, что пространство дома защищает внутреннюю свободу его обитателей.

В Таблице 3 представлена семантика *дома* в наивной картине мира. Все реакции, в том числе и однократные, были сгруппированы по темам и посчитаны. Некоторые реакции попали сразу в две группы из-за полисемантичности слова. Результаты тематического анализа полученных ассоциаций выстраиваются во внутреннюю структуру этого пространства.

Таблица 1

Наиболее частотные реакции на стимул *дом*

КузГТУ	ДГПУ
<i>место</i> (54) (в том числе: <i>место, где хорошо и свободно</i> (15) / <i>где любят</i> (16) / <i>где ждут</i> (13)), <i>уют</i> (28), <i>тепло</i> (23), <i>свобода</i> (18), <i>защита</i> (16), <i>безопасность</i> (16), <i>защищенность</i> (12), <i>семья</i> (11), <i>очаг</i> (10), <i>любовь</i> (5), <i>родина</i> (5), <i>спокойствие</i> (5), <i>сон</i> (4), <i>дети</i> (3), <i>еда</i> (3), <i>ковер</i> (3), <i>комфорт</i> (3), <i>отдых</i> (3), <i>печка</i> (3), <i>родители</i> (3), <i>телевизор</i> (3)	<i>уют</i> (33), <i>тепло</i> (24), <i>место</i> (20); <i>безопасность</i> (15), <i>покой</i> (12), <i>комфорт</i> (9), <i>воспоминания</i> (6), <i>любовь</i> (6), <i>семья</i> (6), <i>Родина</i> (5), <i>тишина</i> (5), <i>защита</i> (4), <i>крыльцо / крылечко</i> (4), <i>личное пространство</i> (4), <i>мама</i> (4), <i>окна</i> (4), <i>родители</i> (4), <i>свет</i> (4), <i>счастье</i> (4), <i>баня / банька</i> (3), <i>близкие</i> (3), <i>гараж</i> (3), <i>диван</i> (3), <i>друзья</i> (3), <i>еда</i> (3), <i>забота</i> (3), <i>комнаты</i> (3), <i>крыша</i> (3), <i>кухня</i> (3), <i>очаг</i> (3), <i>порядок</i> (3), <i>праздник(и)</i> (3), <i>Россия</i> (3), <i>сон</i> (3), <i>телевизор / телик</i> (3)

Таблица 2

Наиболее частотные ассоциаты на стимул *дом*: уникальные и совпадающие в анкетах КузГТУ и ДГПУ

Уникальные для КузГТУ	Общие ассоциаты	Уникальные для ДГПУ
<i>свобода, защищенность, спокойствие, дети, ковер, отдых, печка</i>	<i>место, уют, тепло, безопасность, защита, семья, очаг, любовь, родина, еда, сон, комфорт, родители, телевизор</i>	<i>покой, воспоминания, тишина, крыльцо / крылечко, личное пространство, мама, окна, свет, счастье, баня / банька, близкие, гараж, диван, друзья, забота, комнаты, крыша, кухня, порядок, праздник(и), Россия</i>

Таблица 3

Тематический анализ реакций на стимул *дом*

КузГТУ	ДГПУ
Дом как пространство, хронотоп	
Внешнее пространство (за пределами дома) (10): Прокопьевск (2), Россия (2), город, мамина, работа, мир, поселок, улица, двор	Внешнее пространство (за пределами дома) (17): (часть моей) Родина/ы (6), Россия (3), (мой) двор (2), Горловка (2), город, Донбасс, пристань, страна
Время суток: ночь	Время (6): (моя собственная / личная) история (2), вечер, будущее без войны, нити прошлого, настоящего и будущего; ощущение укорененности
—	Пейзаж (2): солнце, чистое небо
Отделенность дома от внешнего пространства (52): защита (16), безопасность (16), защищенность (12), крепость (2), крыша (2), опора (2), надежность, родные стены	Отделенность дома от внешнего пространства (39): безопасность (15), защита (4), крыша (над головой) (3), дверь (2), (родные) стены (2), укрытие (от внешнего мира) (2), безопасное место, замок, защищенность, кров; место, где я чувствую себя в безопасности; Мой дом — моя крепость; покосившийся забор, убежище, уединение; место, куда хочется возвращаться; место, куда можно вернуться в любой момент и открыть дверь своим ключом
Принадлежность дому по рождению и проживанию (12): (малая) родина (5), место жительства (2), где все мое, где родился и вырос, родная земля, родное место, родной	Принадлежность дому по рождению и проживанию (7): место жительства/а (2), Родное место; чувство, что это «моё»; место, где я живу; место, где родился и вырос; место проживания
Доступность дома для человека, ему принадлежащего (14): место, где ждут (13), где всегда придут	Доступность дома для человека, ему принадлежащего (9): место, где тебя ждут; где тебя ждут и понимают; место, где меня всегда ждут; место, где тебя ждут и любят; место, где всегда поддержат и примут, накормят; место, в которое я хочу вернуться; куда хочется возвращаться; место, куда можно вернуться в любой момент и открыть дверь своим ключом; место, где ты свой
Внутреннее обустройство дома (34): уют (28), комфорт (3), где красиво и чисто, чистое крыльцо, чистота	Внутреннее обустройство дома (53): уют (33), комфорт (9), порядок (3), (чистые) комнаты (3), чистота (2), свежая постель, чисто, чистота
Функция дома (1): источник силы и вдохновения	Функция дома (4): возможность отдохнуть и восстановить силы; символ начала, корней, принадлежности; то, что дает мне силы идти дальше и жить; гнездо
Структура дома и его содержание	
Тип строения (6): квартира (2), крепость (2), недвижимость, постройка	Тип строения (7): дом как строение с крышей, жилище, жилье, замок, квартира, постройка, строение
Части дома (19): очаг (10), печка (3), крыша (2), окна, родные стены, чистое крыльцо, камин	Части дома (29): крыльцо / крылечко (4), (пластиковые) окна (4), (чистые) комнаты (3), крыша (над головой) (3), (родной) очаг (3), дверь (2), печка (2), (синие) ставни (2), (родные) стены (2), камин, натяжной потолок, обои, труба
Помещения по назначению (4): кухня (2), спальня, балкон	Помещения по назначению (9): личное пространство (4), кухня (3), моя комната, спальня
Прилегающее пространство (5): огород (2), беседка, двор, красивый приусадебный участок	Прилегающее пространство (14): баня / банька (3), гараж (3), (мой) двор (2), огород (2), (мой) сад (2), веранда, покосившийся забор
Обстановка прилегающего пространства (5): качеля*, клумбы, мангал, песочница, скамейка	Обстановка прилегающего пространства (2): дым, сено
Мебель и техника (8): телевизор (3), диван (2), кровать, стол, тубаретки*	Мебель и техника (14): диван (3), телевизор / телик (3), стол (2), бук (судя по окружению, сокр. от ноутбук), кресло, кровать, накрытый стол, плита, свежая постель
Предметы быта (10): ковер (на стене) (3), ведро угля, гитара, занавески, кастрюля, ключи от дома, половики, шторы	Предметы быта (11): (личные / привычные) вещи (2), детские игрушки, ключи, книги, портреты предков, семейные реликвии, тряпка, чаша, швабра, шторы (на дверях)
Материал (3): деревянный, кирпич, отделка	Материал (1): ламинат
Уровень достатка (1): шикарный	Уровень достатка (1): достаток

Окончание таблицы 3

КузГТУ	ДГПУ
Восприятие дома органами чувств его обитателей	
Температура (39): тепло (23), очаг (10), печка (3), ведро угля, камин, огонь	Температура (32): тепло (24), (родной) очаг (3), печка (2), камин; ощущение тепла, любви и принятия; плита, холод
Гастрономическая картина (7): еда (3), где пахнет пирогами и жареной картошкой, где хорошо и всегда есть еда, обед, сытость	Гастрономическая картина (11): еда (3), вкусный ужин, воскресные обеды, горячий чай, корм, накрытый стол, огурчики, парное молоко, самогоночка; место, где всегда поддержат и примут, накормят
Звуковая картина (3): тишина, шум, тихие разговоры	Звуковая картина (10): тишина (5), ор, песни, ругань, скандал, ссоры
Ольфакторная картина (1): где пахнет пирогами и жареной картошкой	Ольфакторная картина (4): запах домашней еды, запах хлеба, запахи, сено
Зрительная картина (2): свет, ночь	Зрительная картина (8): свет (4), красота (2), светло, солнце
Обитатели пространства дома	
Люди (30): семья (11), дети (3), родители (3), мама (2), мама и папа (2), бабушка, близкие люди, дочь, муж, предки, родные люди, семейные узы, соседи, я ребенок	Люди (38): семья (6), мама (4), родители (4), близкие (3), друзья (3), бабушка (2), (маленькие) дети (2), дочь / дочурка (2), папа (вернулся) (2), родные (2), брат, бабушка, жена, люди, муж, сестра, собутыльники, чужие
Внешний вид обитателей (3): босиком, пижама, халат	—
Возраст обитателей (2): детство, я ребенок	Возраст обитателей (1): детство
Занятия обитателей (12):	Занятия обитателей (25):
Позитивные и продуктивные: сон (4), отдых (3), домашние дела, компьютер, игры, помощь, хлопоты	Позитивные и продуктивные: забота (3), праздник(и) (3), сон (3), (счастливая) жизнь (2), отдых (2), поддержка (2), традиции (2), важные события, воскресные обеды, встречи, мытье пола, привычки, привычный уклад жизни, уборка
—	Негативные: драки, прощания, пьянки, расставания, ругань, скандал, ссоры
Животные (2): животные, кот	Животные (3): животные, корова, кот
Растения (2): крыжовник, цветы	Растения (1): яблони
Внутренний мир обитателей дома и абстрактные понятия, с ним связанные	
Позитивные (77): свобода (18), место, где любят (16), где хорошо и свободно (15), любовь (5), спокойствие (5), смех (2); где любят и смеются; где любил; где поддержат, пожалеют; верность, добро, доброта; место, где хорошо и всегда есть еда; надежда, преданность, покой, радость, сочувствие, счастье, сытость, уверенность, спокойная атмосфера	Позитивные (46): покой (12), любовь (родных и близких) (6), забота (3), счастье (4), благодать (2), радость (2), (детский) смех (близких) (2), атмосфера, близость, веселье, надежда; ощущение тепла, любви и принятия; свобода, связь с семьей, уединение; чувство, что это «мое» место; место, где я могу быть самим собой; место, где я чувствую себя самим собой; место, где можно расслабиться и быть собой; место, где можно быть собой; место, где ты можешь снять свою броню и быть самим собой, без этих ваших притворств; место, в которое можно вернуться
Негативные (4): беда, печаль, слезы, страх	Негативные (5): грусть, дрожь, злость, одиночество, страх
Когнитивные категории (3): мечта, память, понимание	Когнитивные категории (10): воспоминания (6), понимание (2), мечта, память
Коммуникация (4): где можно лежать и разговаривать, где можно поговорить, общение, тихие разговоры	—

Примечание: * ассоциация дана в разговорной форме.

Тематический анализ реакций обеих групп позволяет обобщить пространственную семантику дома в наивном сознании: дом — это место, некий хронотоп, отличный от всех остальных и имеющий некие грани-

цы или свойства, позволяющие отделить его от внешнего пространства. Это пространство не просто отделено от внешнего хаоса физической границей, которая обеспечивает безопасность и защищенность, но и отличается

от него особой внутренней структурой: в нем уютно и хорошо. Следовательно, это внутреннее пространство космизировано, структурировано в соответствии с потребностями внутреннего мира человека, который принадлежит ему по праву рождения. Однако доступ субъекта к этому пространству объясняется скорее не правом по рождению, а тем, что другие субъекты, его населяющие и связанные с ним кровными узами, не против его присутствия там: там любят и ждут. Примечательно, что основные характеристики этого пространства — *тепло* и *свобода* (КузГТУ) / *комфорт* (ДГПУ). Тепло — реакция, чуть более частотно представленная в ответах КузГТУ — противопоставляется мифопоэтическому холоду внешнего хаоса: очаг побеждает внешний холод за счет того, что пространство дома имеет физические границы. Как стало очевидно уже по результатам количественного анализа, в представлении сибиряков границы дома дают гораздо более надежную защиту от внешнего, агрессивного хаоса. А вот участники из ДГПУ эксплицитно вписывают пространство дома в более географически протяженную ойкумену — пространство родной страны.

Частотность реакции *свобода* / *свободно* у респондентов из КузГТУ интерпретировать сложнее. Логично предположить, что внешнее пространство хаоса с его аморфностью предполагает от человека необходимость защищаться от него при помощи неких искусственных границ, которые ему приходится выстраивать самостоятельно. Попадая в пространство дома, он не тратит усилия на поддержание этих внешних границ, поэтому внутри дома можно расслабиться: это территория спокойствия и покоя. Примечательно, что хотя реакция *свобода* не встречается в анкетах ДГПУ, среди последних достаточное частотными были попытки передать смысл *быть собой* — перестать притворяться, сбросить маску и т. д. Представляется, что этот смысл имеет нечто общее с семантикой свободы. Итак, дом концептуально предполагает отсутствие необходимости тратить энергию на индивидуальную космизацию.

Пространство дома заселено обитателями, которые связаны между собой родственными узами. Эти обитатели воспринимают пространство дома при помощи органов чувств и испытывают в нем некие эмоции, чувства, приобретают в связи с ним какие-то ценностные качества. Хотя реакций, связанных с негативными эмоциями, в обеих анкетах зафиксировано одинаково мало, в анкетах ДГПУ оказалось значительно меньше реакций, связанных с позитивными эмо-

циями и чувствами. Обращает на себя внимание тот факт, что у студентов ДГПУ несколько более многочисленны и многообразны реакции, связанные с восприятием пространства дома при помощи органов зрения, обоняния, слуха. Концептуальные обитатели пространства дома в представлении ДГПУ гораздо более деятельны, они активно обживают это пространство. Представляется также, что обитатели дома часто остаются неназванными: они проявляются себя на уровне грамматики внутри семантики глаголов третьего лица множественного числа в безличных конструкциях типа *где тебя ждут / любят / примут / накормят*. Очевидно, что семья, населяющая пространство дома, концептуализируется как нечто неделимое, коллективное, где все члены неотделимы и от дома, и друг от друга. Без семьи дом перестает быть домом. Стоит отметить, что в анкетах ДГПУ более разнообразно и многочисленно представлена группа когнитивных смыслов: пространство дома в большей степени принадлежит плану прошлого (воспоминаниям), это некий «мнемослепок». При этом общение, коммуникация между обитателями концептуального пространства дома находит мало отражения в анкетах из обоих вузов и совсем не представлена в ответах ДГПУ.

Дом — обжитое пространство (ойкумена), освоенное конкретными объектами, вещами, то есть овеществленное. Мифопоэтически здесь проявляется демиургический аспект человека как создателя вещей, «интимно-душевная связь человека и вещи», «прилепленность души к вещи» [Топоров 1995: 9]. Для участников из ДГПУ вещьественность, конкретизация этого пространства при помощи вещей представляется более важной, чем для участников из КузГТУ. В совокупности с тем фактом, что уют и комфорт также имеют для студентов из Донбасса большее значение, чем для их ровесников из Кузбасса, можно предположить, что так находит отражение хрупкость концептуального пространства дома: чтобы поддерживать его существование, необходима постоянная деятельность по его упорядочиванию, космизации, постоянная борьба с наступающим хаосом.

Вербальный стимул *Родина*

В Таблице 4 представлены реакции, повторявшиеся в анкетах КузГТУ и ДГПУ минимум 3 и более раз. Примечательно, что здесь мы получаем перекрестную реакцию с ассоциатами на стимул *дом*: если ассоциатов *Родина* на стимул *дом* было относительно мало (по 5 в обеих группах), то реакций

дом на стимул *Родина* было получено гораздо больше: 37 — в анкетах сибиряков и 17 — в анкетах донбассовцев. Кроме того, в реакциях студентов ДГПУ появляется ассоциат *Отечество*, который будет рассматриваться в качестве стимула в следующем АЭ. Реакций *семья* на порядок больше в анкетах из КузГТУ, а вот ассоциатов, определяющих Родину как место, а принадлежность к ней — правом по рождению, — гораздо больше в анкетах ДГПУ. Ассоциаты *любовь* и *гордость* демонстрируют практически одинаковые количественные данные, при том что ассоциат *счастье* возникает только в анкетах кузбассовцев. *Семья* встречается гораздо чаще в реакциях КузГТУ, чем ДГПУ, в то время как у последних появляется уникальный ассоциат — *друзья*. Ответы сибиряков дают более визуальную, пейзажную картину, и частотный для них ассоциат *свобода*, как и в случае с реакциями на стимул *дом*, не встречается у донбассовцев. Ассоциат *Россия* как реакция на стимул *Родина* студенты КузГТУ приводят в 2 раза чаще, чем студенты ДГПУ. При этом сибиряки менее склонны ассоциировать Родину с культурой, традицией и языком.

В Таблице 5 представлены семантические пересечения, то есть ассоциаты, общие в обеих группах. На их основе можно сделать вывод, что как для кузбассовцев, так и

для донбассовцев *Родина* — это определенная территория (земля, страна), с культурой которой человек себя ассоциирует, или же дом, где человек родился и где прошло его детство, где проживает любящая семья. Для студентов ДГПУ круг людей, населяющих концептуальное пространство Родины, оказался шире, чем для студентов КузГТУ: кроме семьи, в него входят друзья. При этом для донбассовцев *Родина* связана с пространством прошлого (воспоминаний) и будущего (надеждой), а также с родным языком. Для кузбассовцев *Родина* — более визуально яркий конструкт, неотъемлемой характеристикой которого является специфический для русской лингвокультуры концепт СВОБОДЫ ВОЛИ. Частотность ассоциата *мать* можно объяснить высокой прецедентностью сочетания *Родина-мать*.

В Таблице 6 все ассоциаты, включая однократные, сгруппированы тематически. На основе количественного анализа можно сделать вывод, что концептуальная родина — это пространство, территориально отделенное от внешнего мира, для которого характерен определенный пейзаж и которое населяют люди, объединенные родственными узами, общими символами и историей, которые положительно относятся к этому пространству.

Таблица 4

Наиболее частотные реакции на стимул *Родина*

КузГТУ	ДГПУ
дом (39), семья (20), Россия (15), страна (11); где родился (8); любовь (9), свобода (9), гордость (8), природа (8), мать (7), счастье (7), береза(-ы/-ки/-онька) (6), лес(а) (6), земля (6), тайга (6), вера (5), дорога (5), место (5), Прокопьевск (5), родители (5), дети (4), детство (4), Кузбасс (4), поля (4), люди (3), Москва (3), гимн (3), защита (3), земля (3), культура (3), покой (3), поле (3), просторы (3), Русь (3)	место (27), где родился (21), дом (17), любовь (9), семья (8), гордость (7), друзья (7), Россия (7), культура (6), страна (7), земля (5), родные (5), традиции (5), Горловка (4), город (4), детство (4), место рождения (4), надежда (4), природа (4), язык (4), близкие (3), вера (3), воспоминания (3), Донбасс (3), корни (3), люди (3), небо (3), Отечество (3)

Таблица 5

Наиболее частотные ассоциаты на стимул *Родина*: уникальные и совпадающие в анкетах КузГТУ и ДГПУ

Уникальные для КузГТУ	Общие	Уникальные для ДГПУ
свобода, мать, счастье, береза(-ы/-ки/-онька), лес(а), тайга, дорога, Прокопьевск, родители, дети, Кузбасс, поля, Москва, гимн, защита, покой, поле, просторы, Русь, природа	дом, семья, Россия; страна, где родился; любовь, гордость, вера, место, детство, люди, земля, культура	друзья, родные, традиции, Горловка, город, место (моего) рождения, надежда, язык, близкие, воспоминания, Донбасс, корни, небо, Отечество

Таблица 6

Тематический анализ реакций на стимул *Родина*

КузГТУ	ДГПУ
Родина как пространство, хронотоп	
Внешнее пространство (за пределами) (2): мир (2)	Внешнее пространство (за пределами) (1): мир
Отделенность от внешнего пространства (8): защита (3), безопасность, беречь, защищать, оберегать, оплот	Отделенность от внешнего пространства (2): защита, опора
Определенная территория (73): Россия (15), (родная / самая великая) страна (где родился человек / где ты родился и вырос / в которой я родился и живу) (11), родная земля (6), (город) Прокопьевск (5), (родной) Кузбасс (4), Москва (3), земля (3), (Святая) Русь (3), (родной) город (2), деревня (2), матушка земля (2), мир (2), отчизна (2), Сибирь (2), Государство, огород; город, где родился; Кемеровская область, Красная площадь, Кузнецкая земля, Кузнецкий край, мой поселок, Новокузнецк, родная сторона, родной край, родные места, родные улицы, русская земля	Определенная территория (42): Россия (7), (моя / родная) страна (6), (родная / священная) земля (5), Горловка (4), город (4), Донбасс (3), Отечество (3), вольные края, ДНР, любимый край, любимые места, шахтерский край, шахтерский поселок, территория, республика, святая Русь, село
Принадлежность родине по рождению и проживанию (5): место рождения (2), здесь все для меня родное; частичка меня; страна, где ты родился и вырос	Принадлежность родине по рождению и проживанию (25): место, где (я) родился / родилась (10); место (моего) рождения (4), моё всё (2), родные/ое места/о (2); то, что живет внутри, даже если я уеду далеко; проживание близких; не всегда справедливая, но все равно моя; место, где ты родился и жил долгое время; место, где я живу, думаю, учусь, чувствую; место, где все понятно и знакомо; место, которое человек считает своим домом
—	Доступность для человека, ему принадлежащего (1): где тебя всегда ждут
Функция (1): источник силы	Функция (3): (источник) вдохновения / вдохновение (2), символ родного дома
Внутреннее обустройство (3): уют (2), порядок	Внутреннее обустройство (1): где хорошо и комфортно в любом возрасте; не там, где родился, а там, где хорошо
Время и возраст (9): детство (4), юность (2), отрочество, лето, рассвет	Время и возраст (9): детство (4), богатое прошлое, моё начало, мое будущее; страна, с которой я связываю своё настоящее и будущее; сложное настоящее
Пейзажные характеристики пространства Родины	
Естественный ландшафт (32): (родная / красивая) природа (родного края) (8), (сосновый) лес(а) (6), (бескрайняя) тайга (6), поля (4), (широкие / родные) просторы (3), (зеленое) поле (3), (прохладный / степной) ветер (2), бабушкино болото, холмы	Естественный ландшафт (8): (окружающая) природа (4), Донецкая степь, пейзажи, родные просторы, степные просторы
Промышленный и рукотворный ландшафт (8): (заснеженная) дорога (в школу / к дому) (5), были шахты, разрезы, трасса	Промышленный и рукотворный ландшафт (11): (школьный / родной) двор (2), улица (2), аллея ангелов, пассажирские поезда и самолеты, родные улицы, сад, шахтовые копры, черное золото, шахта
Строения (45): (мой наш / родительский / свой / бабушкин) дом (37), аэропорт, деревянная церковь, закрома Родины, здания, магазин, маленькие дома с огородами, храмы, школа	Строения (19): (родной / отчий / разрушенный) дом (17), школа (2)
Водные объекты (5): Байкал, Волга, пруд, река, речушка	—
Растения (12): (белая) береза(-ы/-ки/-онька) (6), березняк, деревья, кусты красной смородины, роца, трава, яблони	Растения (1): куст сирени
Звуковая картина (3): музыка, пение птиц, тишина	Звуковая картина (3): школьный вальс, тихо, тишина
Температура (2): тепло, теплота	Температура (1): тепло

Окончание таблицы 6

КузГТУ	ДГПУ
—	Зрительная (2): свет, светло
—	Ольфакторная (1): запах хлеба
Символика пространства (8): гимн (3), (красное) знамя (2), двухглавый орел, памятники, триколор	Символика пространства (8): горловская мадонна
Прочее (4): (мирное) небо (2), воздух, горизонт	Прочее (4): (чистое / голубое) небо (3), яркое солнце
Обитатели пространства	
Люди (59): семья (20), мать (7), родители (5), дети (4), (добрые / знакомые) люди (3), армия (2), друзья (детства) (2), мама (2), родные (люди) (2), бабушка, близкие, деды, мама и папа, мамуля, матушка, наш народ, предки, Путин, родня, соседи; тот, кто теряет родину, несчастный человек — перекасти поле	Люди (34): семья (8), (маленькие) друзья (7), родные (люди) (5), близкие (3), (сильные / красивые) люди (3), первая учительница (2), родители (2), шахтеры (2), мама, мама и папа
Деятельность (8): покой (3), заботы, работа, помощь, учеба, хлопоты	Деятельность (7): бесконечная борьба, бытность, война, выбор, покой, трудовой подвиг, счастливая жизнь
Внутренний мир и абстрактные понятия	
Эмоции и чувства (56):	Эмоции и чувства (48):
Позитивные (54): любовь (9), свобода (9), гордость (8), счастье (7), вера (5), ответственность (2), преданность (2), спокойствие (2), благодать, благополучие, величие, мамина улыбка, надежда, ностальгия, патриотизм, уважение, честность, широта души	Позитивные (45): (моя) любовь (9), (моя) гордость (7), (моя) надежда (на светлое будущее) (4); (моя) вера (в счастливое будущее) (3), преданность (2), (эмоциональная / глубокая) привязанность (2), уважение (2), чувство привязанности (2), чувство принадлежности (2), веселый смех, восхищение, легко, патриотизм, признательность; скорее чувство, чем место, то, что внутри; счастливые лица, радости, эмоциональный отклик, эмоциональная связь; место, которое люблю; места, дорогие сердцу
Негативные (1): опасность	Негативные (3): горести, слезы, мамин плач
Качество (8): большая и малая, добрая, лучшая, непобедимая, непоколебимость, родное, святое, сила, справедливость	Качество (11): несломленная (2), гордая, любимая, многострадальная, мужество, независимая, непопранная, сила, сильная, стойкость
Когнитивные категории (2): менталитет, правда	Когнитивные категории (17): (первые) воспоминания (3), ностальгия (2), память (2), сложное и многогранное понятие (2), абстрактное понятие, которыми легко манипулировать; важное и значимое понятие, много воспоминаний, не географическое понятие; не отвлеченное, а личное и живое; образ из детства, образ матери, понимание ответственности
—	Волюнтаристические категории (3): желание жить; место, где хочется жить, творить, рожать детей; место, где человек хочет жить и работать, растить детей
—	Духовные категории (2): душа, сердце
Преемственность (9): культура (народа) (3), история (2), (мои) корни (2), наследие, традиции	Преемственность (25): культура (6), традиции (5), (родной) язык (4), корни (3), бабушкины сказки, верность предкам, глубокая связь с землей, история семьи и народа, культурная идентичность, могила деда в огороде, могилы предков
Прочее: технология, нельзя купить, нельзя продать	Прочее: сложность ситуации

Как и в случае со стимулом *дом*, для сибириков более важна отделенность от внешнего пространства. Они склонны географически четко определять это пространство, в то время как донбассовцы акцентирует тот факт, что Родина является таковой по факту рождения и проживания. Для воспринимающего это пространство изнутри

Родина — это место, где он родился: как территория оно отличается от других именно этим фактом. Внутреннее обустройство как таковое не важно, но студенты ДГПУ более ориентированы на план прошлого и преемственность: это пространство укоренено не в географическом, а во временном плане. Можно сказать, что «корни» Родины уходят

вглубь истории, а не территории. Кроме того, у донбассовцев гораздо больше ассоциатов, которые можно условно отнести к когнитивным категориям: понятие, память.

Образ Родины, воссозданный по анкетам КузГТУ, гораздо более визуальный: это конкретный, знакомый пейзаж, заполненный определенными строениями, растениями, дорогами и т. д. И это пространство плотно населено людьми: ассоциаций из этой тематической группы было в 2 раза больше у сибиряков, чем у донбассовцев. Примечательно, что студенты КузГТУ дали в 2 раза больше реакций *семья* на стимул *Родина*, чем на стимул *дом*. Таким образом, по материалам ДГПУ, Родина — пространство с отличной от окружающих территорий историей, а по материалам КузГТУ — это ойкумена, отделенная от окружающего хаоса по принципу отличного от других населения и территории с особым пейзажем.

Вербальный стимул *Отечество*

В Таблице 7 представлены реакции на стимул *Родина*, повторявшиеся в анкетах 3 и более раз. В анкетах кузбассовцев, кроме пространственно-географического обозначения *страна*, на первое место по количеству упоминаний выходят такие гражданские качества, как *патриотизм*, *гордость*, *мужество*, *долг*, а также ассоциаты, связанные с нападением извне — *защита*, *война*, *победа*, *армия*. У донбассовцев также присутствуют ассоциаты *страна*, *долг*, *история*, *гордость*,

народ, *подвиг* и т. д.; *защита*, *победа* и *патриотизм* количественно менее выражены, чем у студентов КузГТУ, но все равно относятся к наиболее частотным ассоциатам. При этом в анкетах ДГПУ часто встречаются ассоциаты *ответственность* и *культура*.

Таблица 8 позволяет наглядно представить ассоциаты, которые встречались в анкетах как из Донбасса, так и из Кузбасса. Можно сделать вывод, что для обеих групп респондентов *Отечество* — это отчизна, страна, к которой долгое время проживающий в ней народ испытывает патриотические чувства и гордость, а также готов защищать ее из чести и долга. Становится видно, что многие из уникальных для КузГТУ ассоциатов связаны с защитой этой страны, а для ДГПУ — с чувством ответственности и любви, а также принадлежностью к стране по признаку гражданской и культурной общности. При этом понятие отчизны у респондентов из Донбасса оторвано от политического понятия *государство*.

Тематический анализ (Таблица 9) показывает, что *Отечество* — это территория и государство (Россия без концептуально присущей Родине пейзажной составляющей), которое требуется защищать от внешней угрозы, связанное скорее не с правом по рождению, а с понятием исторической и культурной преемственности, населенное людьми, не связанными между собой родственными узами.

Таблица 7

Наиболее частотные реакции на стимул *Отечество*

КузГТУ	ДГПУ
<i>патриотизм</i> (21), <i>защита</i> (17), <i>победа/ы</i> (17), <i>страна</i> (16), <i>война/ы</i> / <i>ВОВ</i> (15), <i>сила</i> (13), <i>армия</i> (12), <i>мужество</i> (12), <i>народ</i> (11), <i>история</i> (10), <i>гордость</i> (8), <i>государство</i> (8), <i>честь</i> (8), <i>долг</i> (7), <i>Россия</i> (7), <i>подвиг</i> (6), <i>единство</i> (5), <i>отвага</i> (5), <i>дом</i> (4), <i>мир</i> (4), <i>отчизна</i> (4), <i>память</i> (4), <i>Родина</i> (4), <i>семья</i> (4), <i>флаг</i> (4), <i>вера</i> (3), <i>герой/и</i> (3), <i>героизм</i> (3), <i>дух</i> (3), <i>защитник</i> (3), <i>мощь</i> (3), <i>нация</i> (3), <i>предки</i> (3), <i>служба</i> (3), <i>традиции</i> (3), <i>уверенность</i> (3)	<i>страна</i> (20), <i>долг</i> (13), <i>история</i> (12), <i>защита</i> (11), <i>ответственность</i> (11), <i>патриотизм</i> (10), <i>гордость</i> (8), <i>культура</i> (8), <i>народ</i> (8), <i>место</i> (8), <i>победа/ы</i> (7), <i>Россия</i> (7), <i>подвиг/и</i> (6), <i>гражданин/-е</i> (4), <i>любовь</i> (4), <i>предки</i> (4), <i>родина</i> (4), <i>сила</i> (4), <i>судьба</i> (4), <i>уважение</i> (4), <i>честь</i> (4), <i>готовность</i> (3), <i>держава</i> (3), <i>единство</i> (3), <i>мощь</i> (3), <i>понятие</i> (3), <i>ценности</i> (3)

Таблица 8

Наиболее частотные ассоциаты на стимул *Отечество*: уникальные и совпадающие в анкетах КузГТУ и ДГПУ

Уникальные для КузГТУ	Общие	Уникальные для ДГПУ
<i>Война</i> , <i>армия</i> , <i>мужество</i> , <i>государство</i> , <i>отвага</i> , <i>дом</i> , <i>мир</i> , <i>отчизна</i> , <i>память</i> , <i>семья</i> , <i>флаг</i> , <i>вера</i> , <i>герой/и</i> , <i>героизм</i> , <i>дух</i> , <i>защитник</i> , <i>нация</i> , <i>служба</i> , <i>традиции</i> , <i>уверенность</i>	<i>Патриотизм</i> , <i>защита</i> , <i>победа/ы</i> , <i>Россия</i> , <i>страна</i> , <i>сила</i> , <i>народ</i> , <i>история</i> , <i>гордость</i> , <i>честь</i> , <i>долг</i> , <i>подвиг</i> , <i>единство</i> , <i>мощь</i> , <i>Родина</i> , <i>предки</i>	<i>Ответственность</i> , <i>культура</i> , <i>место</i> , <i>гражданин/-е</i> , <i>любовь</i> , <i>судьба</i> , <i>готовность</i> , <i>держава</i> , <i>понятие</i> , <i>ценности</i>

Таблица 9

Тематический анализ реакций на стимул *Отчизна*

КузГТУ	ДГПУ
Отечество как пространство, хронотоп	
Определенная территория (48): (родная / великая) страна (в которой я живу / предков) (16), (великое) государство (8), Россия (7), отчизна (4), Родина (4), Москва (2), Бородино, город, Держава, земля предков, Кузбасс, родная земля, Святая Русь	Определенная территория (21): Россия (7), (моя / историческая) родина (4), (великая / могучая / сильная / мощная) держава (3), Горловка (2), государство (2), Донбасс (2), донбасский край
Строение (6): дом (4), Кремль, хутор	—
Географический объект, пейзаж (2): река Дон, река Ахтуба	Географический объект, пейзаж (1): природа
Растения (1): ковыль	—
Внешнее пространство (за пределами) (4): мир (4)	Внешнее пространство (за пределами) (1): мир
Отделенность от внешнего пространства (17): защита (17)	Отделенность от внешнего пространства (23): защита (страны) (11), готовность (служить и защищать / отстаивать свою землю / пойти на смерть) (3), надежда на защиту, неприступная крепость (2), защищенность; то, за что не жалко отдать жизнь; которая защищает тебя, и ты готов отдать за нее жизнь / которая защищает тебя, делает тебя счастливым, обеспечивает твоё будущее / (родное) место (которое человек хочет защищать / которое ты должен защищать / отличие от других
Принадлежность по рождению и проживанию (1): место, где родилась	Принадлежность по рождению и проживанию (4): где родился и стал гражданином / где живу / которую считаю Родиной / к которому человек относит себя
Функция (1): символ	—
Символика пространства (8): флаг (4), гимн, медали, памятники ВОВ, с нами Бог	Символика пространства (3): гимн, паспорт, флаг
Обитатели пространства	
Люди (69): армия (12), мужество (12), народ (11), семья (4), герой/и (3), защитник (3), нация (3), предки (3), дед(ы) (2), патриот (2), Путин (2), солдаты (2), ветераны, воины, казачество, люди, отец, прадед, Пушкин, род, родные, соотечественники	Люди (24): (единый / непокоренный) народ (8), гражданин-е (4), предки (4), защитник(и) (2), патриот (2), Путин (2), герои, человек
Деятельность (14): подвиг (6), служба (3), жизнь (2), правое дело, праздник, развитие	Деятельность (11): подвиг/и (шахтеров) (6); все, что делается в стране; восстановление, восхваление, служение, события
Внутренний мир и абстрактные понятия	
Качества, чувства, эмоции (111): патриотизм (народа) (21), сила (13), гордость (8), честь (8), долг (7), единство (5), отвага (5), вера (3), героизм (народа) (3), дух (3), мощь (3), уверенность (3), величие (2), опасность (2), смелость (2), совесть (2), стойкость (2), богатство души, великое, верность, достоинство; легендарное, любовь, любить, могучее, могущество; независимость, несокрушимое, обязательство; ответственность, преданность, слава, уважать, уважение, храбрость, целеустремленность, ценить, чувство принадлежности	Качества, чувства, эмоции (84): долг (13), ответственность (9), (чувство) патриотизм(а) (10), (моя) гордость (8), любовь (к стране) (4), сила (4), честь (4), уважение к прошлому / предкам (4), единство (3), мощь (3), ценности (3), верность, боль, власть, героизм, гражданственность, возвышенное, могущество, независимость, слава, совесть, солидарность, сплоченность, уверенность; что-то великое, непобедимое; которая занимает в моем сердце особое место; которая делает тебя счастливым, обеспечивает твоё будущее, великая, могучая
Когнитивные категории (7): память (4), менталитет; общее понятие о стране и народе; правда	Когнитивные категории (12): (не политическое / осмысленное / абстрактное) понятие (более взрослого человека / которыми легко манипулировать) (3), память (о трагических событиях последних лет) (2), духовный мир, идентичность народа; пространство, которое хочу понять и изменить к лучшему; размышление, интересы, формальное и возвышенное название страны

Окончание таблицы 9

КузГТУ	ДГПУ
Волеизъявительные категории: воля (2)	Волеизъявительные категории (6): желание служить народу; пространство, которое хочу понять и изменить к лучшему; стремление; место, которое человек хочет защищать; место, в котором хочется жить
Преемственность (22): (вековая / вся наша) история (страны / народа) (10), традиции (3), наследие (2); всё, что создается и переходит от предков; здесь жили из поконов веков наши отцы; земля предков, легендарное, от отца к сыну; русский язык, учебник по истории	Преемственность (46): история (поколений) (12), культура (8), ответственность (перед прошлым и будущим / за будущее) (2), (историческая / общая) судьба (4), уважение к прошлому / предкам (4), верность корням, историческое наследие (2), надежда на будущее (2), будущее, корни, причастность к истории и России; связь поколений, то, что мы должны сохранить и передать дальше; традиции; ты часть этого, часть идентичности; я часть истории; язык, страна (предков / со своей историей и культурой / которая защищает тебя, делает тебя счастливым, обеспечивает твоё будущее / наполненное историей и ценностями / откуда пошла моя нация)
Военная деятельность (39): (Парад / День / уверенность в) победа/ы/е (17), (Великая Отечественная) война/ы (и мир) / ВОВ (15), щит (и меч) (2), тыл, фронт, битва, винтовки, СВО	Военная деятельность (12): (Парад) победа/ы (7), Бессмертный полк, война, щит и меч, разрушения, потери
—	Взлеты и падения (5): достижения (2), взлеты, падения, поражения
Другое (4): гражданство, масштаб, правосудие, ответственность	Другое (6): благополучие граждан, боль, больше, чем Родина, гражданство, законы, конкретное воплощение Родины и России
Цитата (2): мне дым отечества так сладок и приятен; мой отчий край, земля моя родная, к тебе единой все мои пути	—

Обращает на себя внимание тот факт, что Отечество для кузбассовцев — пространство, в отличие от дома, не дающее ощущения защиты. Напротив, это пространство требуется активно и агрессивно защищать от внешней угрозы, причем не за счет его упорядочивания, а за счет удерживания границ при помощи военных действий. Патриотизм в большей степени связан с эмоциями, чем дом или родина, причем в случае ДГПУ эти чувства и эмоции обращены внутрь (долг, ответственность, жертвенность), а в случае КузГТУ — наружу (патриотизм, героизм). Историческая преемственность здесь — гораздо более важный объединяющий фактор, чем территория, и гораздо более ярко выраженный, чем для стигмы *Родина*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе анализа ассоциатов на стимулы *дом*, *Родина* и *Отечество*, полученных от студентов кузбасского и донбасского вузов,

обнаружены пересечения с результатами ассоциативных экспериментов, которые другие исследователи проводили с носителями русской лингвокультуры: дом — это здание, где живет его семья¹, ассоциируется с заботой и помощью [Зими́на, Байкова 2021], расширяется в языковом сознании до понятия *Родина* [Аганина, Люляева 2021], часто встречается в вербализации смежных концептов РОДИНА, ОТЧИЗНА [Плисов 2020: 231]; Родине присуще женское начало (*мать*) [Караулов и др. 2002], это общность в единстве территории, природы и культуры [Тарасов 2020], родной край с его природно-географическими особенностями [Кечина 2010], место психологически комфортного существования, где тебя всегда ждут родители и дом, находящееся в семантической близости с понятиями *патриотизм*, *долг*, *защита* [Григорьева, Никеева 2016], не имеет ассоциаций с защищенностью²; Отечество определяется политическими и социальными условиями.

¹ Чжан Я. Опыт лингвокогнитивного исследования этнокультурных представлений о доме (на материале русского и китайского языков): дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2017. 266 с.

² Казакова Н. Ю. Общечеловеческие ценности Родина / Дом / Семья — Heimat / Haus / Familie в языковом сознании: на материале русского и немецкого языков: дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 205 с.

Для студентов ДГПУ дом — это конкретное, овеянное и предметно упорядоченное пространство, где температура выше, чем снаружи, населенное любящими родственниками, ведущими активную деятельность по космизации этого пространства и адаптации его к своим нуждам за счет продуктивной деятельности и генерации положительных эмоций.

Родина — более абстрактный конструкт, чем дом с его бытовой конкретикой, «вещностью» и пространственной определенностью; это конкретная территория, к которой человек принадлежит по праву рождения, с нечетко выраженными пейзажными характеристиками, но конкретной символикой (*горловская мадонна*) и сильной исторической преемственностью, населенный родными людьми, которые испытывают позитивные эмоции и чувства по отношению друг к другу и этой территории.

Отечество — это пространство (а также понятие), объединенное исторической преемственностью, на котором проживают люди, объединенные не столько родственными связями, сколько общей историей, традициями и языком, которые испытывают по отношению к этому пространству положительные эмоции и готовы защищать его ценой своей жизни в силу тех качеств (долг, ответственность, патриотизм), которые присущи им именно потому, что они ассоциируют себя с этой территорией. При этом Отечество для донбассовцев гораздо более хрупкий в смысле внешней незащищенности конструкт, чем Родина или дом.

Для студентов КузГТУ дом — пространство, которое прежде всего гарантирует защиту и комфортный температурный режим, космизированное и овеянное, населенное родственниками, которые испытывают по отношению друг к другу и этому пространству положительные эмоции.

Родина — некое пространство свободы с конкретными, ярко выраженными пейзажно-ландшафтными характеристиками, объединенное этим узнаваемым пейзажем, а также некоторой общепонятной символикой и населенное родными людьми, которые испытывают по отношению к этому пространству и друг к другу в нем положительные эмоции.

Отечество — это территория, отличающаяся от других исторической преемственностью и символикой, населенная людьми, объединенными не родственными связями, а общим прошлым и культурой, которые испытывают по отношению к этой территории положительные эмоции и готовы защищать ее при помощи военных действий в силу тех качеств, которыми они обладают как резуль-

тат принадлежности к этой территории (патриотизм). Как и у донбассовцев, эта территория интерпретируется сознанием как наиболее уязвимая, но историческая укорененность здесь гораздо выше, чем, например, для Родины.

Мифопоэтически *дом* — пространство родовой общности, которое дает защиту от внешнего хаоса и космизировано своей вещностью, а *Отечество* — исторически сложившаяся абстрактная общность, которую требуется защищать, в то время как *Родина* укоренена как во внутреннем мире человека (душе), так и во внешнем мире (ландшафте), космизированном за счет своей символической значимости.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аганина, М. К. Концепты ДОМ и HOME / HOUSE в концептосферах русского и английского языков в 2001–2020 гг. / М. К. Аганина, Н. А. Люляева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Т. 14. — № 7. — С. 2247–2254. — DOI 10.30853/phil210338. — EDN MSBKRY.
2. Борисова, Ю. А. Ассоциативный эксперимент в современных психолингвистических исследованиях / Ю. А. Борисова // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. — 2019. — Т. 8. — № 1-1. — С. 265–275. — DOI 10.25799/AR.2019.43.1.074. — EDN NAEVTR.
3. Воркачев, С. Г. Слово «Родина»: значимостная составляющая лингвоконцепта / С. Г. Воркачев // Язык, коммуникация и социальная среда. — 2006. — № 4. — С. 26–36. — URL: <https://lse2010.narod.ru/olderfiles/LSE2006pdf/LSE2006Vorkachev.pdf>.
4. Гимаев, Я. А. Моделирование концепта *родина* в сознании студентов 1–2 курсов финансового университета / Я. А. Гимаев // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2021. — № 5. — С. 12–22. — DOI 10.18384/2310-7278-2021-5-12-22. — EDN SACQER.
5. Голев, Н. Д. Словарь обыденных толкований слов: концепция и опыт реализации / Н. Д. Голев // Вопросы лексикографии. — 2013. — № 2 (4). — С. 48–64. — EDN RDTEIN.
6. Грачев, А. А. Отношение к Отечеству как проблема прикладной психологии / А. А. Грачев // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. — 2018. — Т. 3. — № 2 (10). — С. 134–153. — EDN OVHYQR.
7. Григорьева, Я. И. Общечеловеческие ценности «Родина» и «Патриотизм» в языковом сознании русских и якутов / Я. И. Григорьева, Т. М. Никаева // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. — 2016. — № 4 (54). — С. 67–77. — EDN WJBINL.
8. Зими́на, М. В. Специфика ассоциативной составляющей концептов «Home» и «Дом» (на материале английского и русского языков) / М. В. Зими́на, А. С. Байкова // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. — 2021. — № 2. — С. 90–95. — DOI 10.25586/RNU.V925X.21.02.P.090. — EDN NEIEU.
9. Иванова, М. Е. Патриотизм и служение отечеству как национальная идея: общественно-исторический обзор / М. Е. Иванова, Н. В. Резепова // Власть истории и История власти. — 2023. — Т. 9. — № 6 (48). — С. 143–157. — EDN SKGJGH.
10. Искандарова, Д. М. Исследование толерантности в молодежной среде Таджикистана (лингвистические аспекты) / Д. М. Искандарова, З. А. Гулова, М. Б. Давлатмирова [и др.]. — Москва : ИД «Академия естествознания», 2016. — 142 с. — ISBN 978-5-91327-378-9 — EDN WASRWZ.
11. Караулов, Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети / Ю. Н. Караулов // Язы-

ковое сознание и образ мира / отв. ред. Н. В. Уфимцева. — Москва : ИЯ РАН, 2000. — С. 191–206. — EDN SIJQLH.

12. Касаткина, Т. Ю. Ассоциативное поле как модель анализа значения слова / Т. Ю. Касаткина // Ежегодник финно-угорских исследований. — 2020. — Т. 14. — № 4. — С. 589–603. — DOI 10.35634/2224-9443-2020-14-4-589-603. — EDN PLOKRM.

13. Кечина, Э. А. Исследование национально-культурной специфики языкового сознания носителей русской и арабской культур на основе сравнительного анализа образа «Родины» / Э. А. Кечина // Мир науки, культуры, образования. — 2010. — № 6-2 (25). — С. 6–9. — EDN NDPCJR.

14. Колабинова, Т. И. Асимметрия структуры базового слоя концептов *русский язык / родина / the English language / native land* в русской и англоязычной концептосферах / Т. И. Колабинова, И. И. Кузнецова // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. — 2010. — № 2 (20). — С. 87–92. — EDN MUDSFL.

15. Мурзина, И. Я. Концепт «Отечество» в патриотическом дискурсе / И. Я. Мурзина // Вестник славянских культур. — 2017. — Т. 46. — С. 39–50. — EDN YSYWNL.

16. Перевозникова, А. К. Концепт «Родина» как составляющая национального образа России в русской языковой картине мира / А. К. Перевозникова // Концепт: философия, религия, культура. — 2019. — № 1 (9). — С. 54–61. — DOI 10.24833/2541-8831-2019-1-9-54-61. — EDN IEPEDP.

17. Плисов, Е. В. Лексические взаимосвязи в иерархической организации концепта НЕИМАТ (РОДИНА) в немецком языке / Е. В. Плисов // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация : материалы III Междунар. науч. конф. (Москва, 19 апр. 2019 г.) / науч. ред. Т. А. Чикаева. — Москва : МХПИ, 2019. — С. 166–169. — EDN XRCYOZ.

18. Плисов, Е. В. Методологические подходы к изучению концепта *Дом* в отечественной германистике / Е. В. Плисов // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация : материалы IV Междунар. науч. конф. (Москва, 18 сент. 2020 г.) / науч. ред. Т. А. Чикаева. — Москва : МХПИ, 2020. — С. 231–235. — EDN WXSVRH.

19. Потпот, Р. М. Ассоциативный анализ концепта *хот* 'дом' с позиций гендера (на материале хантыйского языка) / Р. М. Потпот // Вестник угроведения. — 2017. — Т. 7. — № 4 (31). — С. 52–59. — EDN YPQGWV.

20. Потпот, Р. М. Дом в этнокультурном пространстве хантов и ненцев / Р. М. Потпот // Этнокультурное пространство Югры: опыт реализации проектов и перспективы развития : материалы межрегиональной науч.-практ. конф. (Ханты-Мансийск, 28–29 мар. 2021 г.) / отв. ред. Е. В. Косинцева. — Ханты-Мансийск : Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2021. — С. 142–147. — EDN SKXCDI.

21. Сандомирская, И. Книга о родине: опыт анализа дискурсивных практик / И. Сандомирская. — Wien : Ges. zur Förderung slawistischer Studien, 2001. — 281 с.

22. Степанова, А. А. Репрезентация образов «родной» и «Родина» в региональном языковом сознании / А. А. Степанова // Вопросы психолингвистики. — 2016. — № 28. — С. 258–263. — EDN WDDXXZ.

23. Тарасов, М. В. Образ Родины: обоснование и апробация диагностического инструментария / М. В. Тарасов // Экспериментальная психология. — 2020. — Т. 13. — № 4. — С. 205–219. — DOI 10.17759/exprpsy.2020130415. — EDN FDQYRF.

24. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. Избранное / В. Н. Топоров. — Москва : Прогресс — Культура, 1995. — 624 с. — ISBN 5-01-003942-7. — EDN UCFKRP.

25. Филиппова, С. В. Образы «Дом» и «Родина» в языковом сознании носителей русской и якутской культур / С. В. Филиппова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2013. — № 5. — С. 274–279. — EDN RAFQCI.

26. Черкасова, Г. А. Динамическая ассоциативно-вербальная модель языкового сознания носителей русского языка / Г. А. Черкасова // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. — 2014. — № 17. — С. 405–414. — EDN SDBYXF.

27. Чикаева, Т. А. Концепция Отечества и патриотизма А. С. Шишкова / Т. А. Чикаева // Научный результат. Соци-

альные и гуманитарные исследования. — 2023. — Т. 9. — № 2. — С. 55–66. — DOI 10.18413/2408-932X-2023-9-2-0-5. — EDN FHQTMJ.

28. Чикаева, Т. А. Родина или Отечество: разграничение понятий / Т. А. Чикаева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2017. — № 1. — С. 90–99. — EDN YJTUST.

REFERENCES

1. Aganina, M. K., Lyulyaeva, N. A. (2021). Kontsepty DOM i HOME / HOUSE v kontseptosferakh russkogo i angliyskogo yazykov v 2001–2020 gg. = Concepts DOM and HOME / HOUSE in conceptual spheres of the Russian and English languages (by the material of 2001–2020 studies). *Philological sciences. Theoretical and practical issues*, 14(7), 2247–2254. <https://doi.org/10.1177/10.30853/phil210338>. EDN MSBK YR.

2. Borisova, Yu. A. (2019). Assotsiativnyy eksperiment v sovremennykh psikholingvisticheskikh issledovaniyakh = Association experiment in the modern psycholinguistic research. *Psychology. Historical and critical reviews and modern research*, 8(1-1), 265–275. <https://doi.org/10.25799/AR.2019.43.1.074>. EDN: NAEVTR.

3. Vorkachev, S. G. (2006). Slovo «Rodina»: znachimostnaya sostavlyayushchaya lingvokontsepta = The word “Motherland”: the significant component of the linguoconcept. *Language, communication and social environment*, 4, 26–36. Available from <https://lse2010.narod.ru/olderfiles/LSE2006pdf/LSE2006Vorkachev.pdf>.

4. Gimaev, Ya. A. (2021). Modelirovanie kontsepta *rodina* v soznanii studentov 1–2 kursov finansovogo universiteta = Modeling the concept of *motherland* in the consciousness of the first- and second-year students of the financial university. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*, 5, 12–22. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2021-5-12-22>. EDN SACQER.

5. Golev, N. D. (2013). Slovar' obydennykh tolkovaniy slov: kontsepsiya i opyt realizatsii = The dictionary of the common interpretation of Russian words: The conception and the experience of its implementing. *Questions of lexicography*, 2(4), 48–64. EDN RDTEIN.

6. Grachev, A. A. (2018). Otnoshenie k Otechestvu kak problema prikladnoy psikhologii = Relationship to the fatherland as a problem of applied psychology]. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*, 3(2), 134–153. EDN OVHYQR.

7. Grigorieva, Ya. I., Nikaeva, T. M. (2016). Obshchechelovecheskie tsennosti «Rodina» i «Patriotizm» v yazykovom soznanii russkikh i yakutov = Universal human values “Motherland” and “Patriotism” in linguistic consciousness of Russian and Yakut peoples: Semantic differential lines of evidence. *Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov*, 4(54), 67–77. EDN WJBINL.

8. Zimina, M. V., Baykova, A. S. (2021). Spetsifika assotsiativnoy sostavlyayushchey kontseptov «Home» i «Dom» (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov) = The specifics of the associative component of the concept “Home” (on the material of English and Russian languages). *Bulletin of the Russian New University. Series: Man in the Modern World*, 2, 90–95. <https://doi.org/10.25586/RNU.V925X.21.02.P.090>. EDN NEIIEU.

9. Ivanova, M. E., Rezepova, N. V. (2023). Patriotizm i sluzheniye otechestvu kak natsional'naya ideya: obshchestvenno-istoricheskiy obzor = Patriotism and service to the fatherland as a national idea: A socio-historical review. *The Power of History and the History of Power*, 9(6), 143–157. (In Russ.) EDN SKGJGH.

10. Iskandarova, D. M., Gulova, Z. A., Davlatmirova, M. B. [et al]. (2016). Issledovaniye tolerantnosti v molodezhnoy srede Tadjikistana (lingvisticheskie aspekty) = Study of tolerance among the youth of Tajikistan (linguistic aspects). Moscow: ID «Akademiya Estestvoznaniya», 142 p. ISBN 978-5-91327-378-9. EDN WASRWZ.

11. Karaulov, Yu. N. (2000). Pokazateli natsional'nogo mentaliteta v assotsiativno-verbal'noy seti = Indicators of national mentality in the associative-verbal network. *Linguistic consciousness and the image of the world*, 191–206. Moscow: IYa RAN. EDN SIJQLH.

12. Kasatkina, T. Yu. (2020). Assotsiativnoe pole kak model' analiza znacheniya slova = Associative field as a model for word meaning analysis. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, 14(4), 589–603. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2020-14-4-589-603>. EDN PLOKRM.
13. Kechina, E. A. (2010). Issledovanie natsional'no-kul'turnoy spetsifiki yazykovogo soznaniya nositeley russkoy i arabskoy kul'tur na osnove sravnitel'nogo analiza obraza «Rodiny» = Research of national-cultural specificity of Russian and Arabian language consciousness on the basis of comparative analysis of image “Homeland”. *The world of science, culture, education*, 6-2(25), 6–9. EDN NDPCJR.
14. Kolabinova, T. I., Kuznetsova, I. I. (2010). Asimetriya struktury bazovogo slova kontseptov russkiy yazyk / rodina / the English language / native land v russkoy i angloyazychnoy kontseptosferakh = Structural differences in the nuclei of concepts русский язык / родина / the english language / native land in Russian and English mentaleses. *Bulletin of the Tatar State Humanitarian and Pedagogical University*, 2(20), 87–92. EDN MUDSFL.
15. Murzina, I. Y. (2017). Kontsept «Otechestvo» v patrioticheskom diskurse = The concept of “Fatherland” in the patriotic discourse. *Bulletin of Slavic Cultures*, 46, 39–50. EDN YSYWNL.
16. Perevoznikova, A. K. (2019). Kontsept «Rodina» kak sostavlyayushchaya natsional'nogo obraza Rossii v russkoy yazykovoy kartine mira = The “Rodina” concept as a component of the national image of Russia in the Russian language picture of the world. *Concept: philosophy, religion, culture*, 1(9), 54–61. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2019-1-9-54-61>. EDN IEPEDP.
17. Plisov, E. V. (2019). Leksicheskie vzaimosvyazi v ierarhicheskoy organizatsii kontsepta NEIMAT (RODINA) v nemetskom yazyke = Lexical relationships in the hierarchical organization of the concept HEIMAT (HOMELAND) in German. *Image of the Motherland: content, formation, actualization: materials of the III Intern. Sci. Conf. (Moscow, April 19, 2019) (Ed. T. A. Chikaeva)*, 166–169. Moscow: MKhPI. EDN XRCYOZ.
18. Plisov, E. V. (2020). Metodologicheskie podkhody k izucheniyu kontsepta Dom v otechestvennoy germanistike = Methodological approaches to the study of the concept of Home in domestic German studies. *Image of the Motherland: content, formation, actualization: materials of the IV Intern. Sci. Conf. (Moscow, September 18, 2020) (Ed. T. A. Chikaeva)*, 231–235. Moscow: MKhPI. EDN WXSVRH.
19. Potpot, R.M. (2017). Assotsiativnyy analiz kontsepta khot ‘dom’ s pozitsiy gendera (na materiale khantyyskogo yazyka) = Associative analysis of the concept of ‘House’ from the position of gender (on the material of the Khanty language). *Bulletin of Ugro Studies*, 7(4), 52–59. EDN YPQGWV.
20. Potpot, R. M. (2021). Dom v etnokul'turnom prostranstve khantov i nentsev = House in the ethnocultural space of the Khanty and Nenets. *Ethnocultural space of Ugra: experience in implementing projects and development prospects: materials of the interregional Sci.-Prac. Conf. (Khanty-Mansiysk, March 28–29, 2021) (Ed. E. V. Kosintseva)*, 142–147. Khanty-Mansiysk: Printed World of Khanty-Mansiysk. EDN YPQGWV.
21. Sandomirskaya, I. (2001). Kniga o rodine: Opyt analiza diskursivnykh praktik = Book about the Motherland: An experience of analyzing discursive practices. Wien: Ges. zur Förderung slawistischer Studien, 281 p.
22. Stepanova, A. A. (2016). Reprezentatsiya obrazov «rodnoy» i «Rodina» v regional'nom yazykovom soznanii = Representation of images ‘Native’ and ‘Homeland’ in regional language consciousness. *Questions of psycholinguistics*, 28, 258–263. EDN WDDXZX.
23. Tarasov, M. V. (2020). Obraz Rodiny: obosnovanie i aprobatsiya diagnosticheskogo instrumentariya = Image of motherland: Justification and approbation of diagnostic tools. *Experimental Psychology*, 13(4), 205–219. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2020130415>. EDN FDQYRF.
24. Toporov, V. N. (1995). Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe = Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the Field of Mythopoeic: Selected. Moscow: Progress — Kul'tura, 624 p. ISBN 5-01-003942-7. EDN UCFKRP.
25. Filippova, S. V. (2013). Obrazy «Dom» i «Rodina» v yazykovom soznanii nositeley russkoy i yakutskoy kul'tur = The images of “Home” and “Motherland” in the linguistic consciousness of the bearers of Russian and Yakut cultures. *Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences*, 5, 274–279. EDN RAFQCI.
26. Cherkasova, G. A. (2014). Dinamicheskaya assotsiativno-verbal'naya model' yazykovogo soznaniya nositeley russkogo yazyka = Dynamic associative-verbal model of linguistic consciousness of native Russian speakers. *New Information Technologies in Automated Systems*, 17, 405–414. EDN SDBYXF.
27. Chikaeva, T. A. (2023). Kontseptsiya Otechestva i patriotizma A.S. Shishkova = The concept of Fatherland and patriotism by A.S. Shishkov. *Scientific Result. Social and Humanitarian Research*, 9(2), 55–66. <https://doi.org/10.18413/2408-932X-2023-9-2-0-5>. EDN FHQTMJ.
28. Chikaeva, T. A. (2017). Rodina ili Otechestvo: razgraniichenie ponyatiy = Homeland or Fatherland: Distinction between concepts. *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*, 1, 90–99. EDN YJTUST.

Политическая лингвистика. 2025. № 6 (114).
Political Linguistics. 2025. No 6 (114).

УДК 811.161.1'42
ББК Ш141.12-51

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.5

Екатерина Евгеньевна Меньшикова

Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, canoe@list.ru, Author ID:632890, <https://orcid.org/0000-0001-8410-3223>

Идеологема «ОЗЕРО БАЙКАЛ» в рекламном туристическом нарративе

АННОТАЦИЯ. Цель исследования — определить особенности репрезентации идеологемы «ОЗЕРО БАЙКАЛ» как лингвокогнитивного феномена в рекламном туристическом нарративе. Научная новизна работы определяется самой постановкой проблемы: ранее идеологема «ОЗЕРО БАЙКАЛ» как лингвокогнитивный феномен не рассматривалась на материале текстов рекламного туристического нарратива. Новизна определяется также тем, что идеологема «ОЗЕРО БАЙКАЛ» рассматривается в рекламном туристическом нарративе как ментальная единица ценностно-языкового и национально-специфического когнитивного уровня. Изучены и кратко представлены научные работы, репрезентирующие идеологему как в текстах политической коммуникации, так и в других текстах и дискурсах, а также их классификация по разным основаниям. Обосновывается мысль о том, что идеологема «ОЗЕРО БАЙКАЛ» в рекламном туристическом нарративе актуализирует локальную этническую специфику коренных народов Байкала, живущих, как известно, не только по берегам Байкала, но и в долине Ангары и верховьях Лены. В статье излагаются взгляды на уникальные традиции и обычаи бурятов, эвенков (тунгусов) и тофаларов, деятельность которых есть синтез исторической, материальной, социальной и духовной практики. Отмечаем, что этнокультуры динамичны, подвержены некоторым трансформациям, поскольку опосредуются бытовым коммуникационным контактом с другой этногруппой, ее потребностями и интересами, целями и мотивами. В результате исследования установлено, что идеологема «ОЗЕРО БАЙКАЛ» в рекламном туристическом нарративе характеризуется локальной этнокультурной спецификой, высокой степенью мифологизации, символизации и ритуализации, аксиологичностью, разнообразием способов знаковой репрезентации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: реклама, рекламный дискурс, рекламные тексты, туризм, рекламный туристический нарратив, идеологемы, идеологема «Озеро Байкал», этнокультурная специфика, знаковая репрезентация, средства репрезентации, лингвокогнитивный феномен, когнитивная лингвистика.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Меньшикова Екатерина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для профессиональных целей, Байкальский государственный университет; 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11; email : canoe@list.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Меньшикова, Е. Е. Идеологема «ОЗЕРО БАЙКАЛ» в рекламном туристическом нарративе / Е. Е. Меньшикова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 6 (114). — С. 186-194.

Ekaterina E. Men'shikova

Baikal State University, Irkutsk, Russia, canoe@list.ru, Author ID:632890, <https://orcid.org/0000-0001-8410-3223>

The Ideologeme “LAKE BAIKAL” in Tourist Advertising Narrative

ABSTRACT. The aim of the research is to identify the specific features of representation of the ideologeme “LAKE BAIKAL” as a linguocognitive phenomenon in tourist advertising narrative. The scientific novelty of the work is determined by the problem statement: the ideologeme “LAKE BAIKAL” has not been previously considered as a linguocognitive phenomenon in the texts of tourist advertising narrative. The novelty is further corroborated by the fact that the ideologeme “LAKE BAIKAL” is considered in tourist advertising narrative as a mental unit of value-based linguistic and national-specific cognitive level. The author reviews and summarizes scholarly works that represent this ideologeme both in political communication texts and other types of texts and discourses, and classifies them according to various criteria. The study substantiates the idea that the ideologeme “LAKE BAIKAL” in advertising tourist narrative actualizes the local ethnic specificity of the indigenous peoples of Lake Baikal, who live not only along the shores of Lake Baikal, but also in the Angara valley and the upper Lena river valley. The article discusses the unique traditions and customs of the Buryats, the Evenks (the Tungus) and the Tofalar people, whose cultures represent a synthesis of historical, material, social and spiritual practices. It is noted that these ethnic cultures are dynamic and are subject to some transformations as they are influenced by interaction with other ethnic groups, their needs, interests, goals, and motives. The author concludes that the ideologeme “LAKE BAIKAL” in tourist advertising narrative is characterized by local ethnocultural specificity, high degree of mythologization, symbolization and ritualization, axiological nature and a variety of ways of semiotic representation.

KEYWORDS: advertising, advertising discourse, advertising texts, tourism, tourist advertising narrative, ideologemes, ideologeme “LAKE BAIKAL”, ethnocultural specificity, semiotic representation, representation means, linguocognitive phenomenon, cognitive linguistics.

AUTHOR'S INFORMATION: Men'shikova Ekaterina Evgen'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages for Professional Purposes, Baikal State University, Irkutsk, Russia.

FOR CITATION: Men'shikova E. E. (2025). The Ideologeme "LAKE BAIKAL" in Tourist Advertising Narrative. In *Political Linguistics*. No 6 (114), pp. 186-194. (In Russ.).

1. ВВЕДЕНИЕ

Актуальность работы обусловлена тем, что идеологема «ОЗЕРО БАЙКАЛ» отражает ценностные ориентиры локальной туристской дестинации, участвует в формировании идеологических и аксиологических установок. Идеологема (в том числе и идеологема «ОЗЕРО БАЙКАЛ») как ментальная единица когнитивного уровня «воплощает лучшие морально-этические качества, значимые для представителей той или иной лингвокультуры, сохраняет этническую самобытность и национальную идентичность»¹. Актуальным направлением исследований является классификация идеологем, их функций в соответствии с уровнями реализации языковых единиц в текстах рекламного туристического нарратива, а также эффективность идеологем в аспекте речевого воздействия и мотивации, «которые способствуют достижению суггестивного эффекта в рекламном тексте» [Зырянова, Санина 2023: 779].

В ходе анализа материала применялись метод выборки, метод наблюдения, метод систематизации и обобщения языковых фактов, метод интерпретации, метод контекстуального и прагматического анализа.

Материалом исследования послужили тексты рекламного туристического нарратива сети Интернет от имени российских туроператоров и турагентств, актуальность использования которых детерминируется их социальными и технологическими характеристиками: интерактивностью; возможностью размещать туринаформацию на множестве веб-сайтов; социокультурной адаптацией к потребителю услуги; структурно-композиционным оформлением текста, т. е. наличием «вербального и невербального компонентов в их взаимосвязи», усиливающих «информационный и воздействующий потенциал текста» [Луц, Универсалюк 2025: 184]. Интернет-коммуникация «является благоприятной средой для языкового творчества», «способствует появлению и быстрому распространению языковых изменений» [Китова 2024: 551].

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использовать полученные результаты в университетских

курсах по стилистике, лексикологии и межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, социолингвистике, а также в процессе написания студенческих научных работ.

2. ОБСУЖДЕНИЕ

Идеология и идеологемы как ее элементы постоянно находятся в центре внимания ученых в качестве объекта философских, лингвистических и иных исследований. Так, например, с философской точки зрения В. С. Малицкий трактует идеологию как учение, являющееся регулятором поведения, директивной действий индивидов, целостной структурой, которая определяет экономическую, политическую, духовную, социальную сферы и жизнедеятельность общества². В. А. Жилина рассматривает идеологию как атрибут социального бытия, которая присутствует на таких уровнях, как (1) «объективация символического характера социального бытия», (2) «историческая идеология», (3) «самоидентификация „Я“»; 4) «позиционно-историческая идеология»³.

Идеология с лингвистической точки зрения, согласно мнению М. О. Гузиковой и Д. В. Спиридонова, «всегда представляет собой некоторый связный образ идеальной социальной реальности», где образ «обладает некоторым языковым коррелятом», а описание идеологии «можно понимать как описание ее языка, т. е. системы понятий, структурирующих тот образ реальности, который лежит в основе этой идеологии» [Гузикова, Спиридонов 2014: 106–107]. Как отмечает Н. Г. Дядык, идеология есть «совокупность духовно-идеологического бытия социума», включающего в себя политику, науку, философию, искусство, мораль, религию и ориентированное на речевое (прагматическое) воздействие, т. е. «влияние, оказываемое субъектом на сознание и поведение массы, осуществляемое на основе вербальных знаковых систем» [Дядык 2011: 115; 113]. Язык и идеология активно, взаимно и разносторонне влияют друг на друга и, как констатирует М. Е. Иванова, «именно знаковая природа идеологии позволяет всесторонне рассматривать ее связь с языком, ибо язык и выступает той системой знаков, посредством которой

¹ Таскаева А. В. Реализация героической парадигмы в национальной языковой картине мира: 10.02.19: дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2021. С. 7.

² Малицкий В. С. Идеология: сущность, структура, исторические типы: социально-философский анализ: 09.00.11: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 41 с.

³ Жилина В. А. Идеология как атрибут социального бытия: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Челябинск, 2010. С. 11–12.

оказывается возможным выражение идеологии, закрепление и трансляция идеологического содержания» [Иванова 2020: 133].

Элементами идеологии выступают идеологемы, которые являются объектом анализа различных исследований и по-разному определяются учеными, в зависимости от научного направления и задач исследования. Так, например, С. А. Журавлев на основе анализа толковых словарей русского языка XVIII–XXI вв. и текстов отдельных газетных публикаций XX–XXI вв. рассматривает идеологему как ценностно-мотивированное знаковое образование и конкретную цельную единицу «синкретичной лингвосемиотической природы; это знаковое образование идеологического метаязыка; это дискурсивная единица, значимость которой определяется метаконтекстуально»¹. Ученый констатирует, что слово/словосочетание есть элемент идеологизированного манипулирования, к системе которого привлекаются различные лингвистические средства выразительности.

Е. Г. Малышева пишет, что в современной лингвистике идеологема рассматривается как вербальная единица, репрезентирующая базовые идеологические установки, ценности в языке и как единица «любого языкового (и даже текстового) уровня, функцией которой становится экспликация системы идеологических доминант» [Малышева 2009: 34]. Автор понимает под идеологемой «единицу когнитивного уровня — особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [Там же: 35].

А в докторской работе 2011 г. Е. Г. Малышева уточняет (на основе концептуальных доминант русского спортивного дискурса) понятие идеологемы как устойчивого стереотипного концепта с преобладающим идеологически значимым компонентом и предлагает понимание идеологемы как единицы когнитивного уровня и особого типа многоуровневого концепта, в структуре которого «актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто сте-

реотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» и т. д.². Можно сделать вывод о том, что идеологема в концепции Е. Г. Малышевой есть ментальная единица, конструкт, воздействующий на массовое сознание с определенной целью.

В концепции А. П. Чудинова, применительно к институциональному политическому дискурсу, выделяются два вида идеологем, различие которых заключается, по нашему мнению, в смысловом наполнении конкретной языковой единицы: (1) слово или словосочетание, «смысловое содержание которого неодинаково понимается сторонниками различных политических взглядов» [Чудинов 2012: 92] и (2) наименования (часто составные), которые «используются только сторонниками определенных политических взглядов», тогда как их политические противники для характеристики тех же реалий предпочитают использовать иные обозначения, что обуславливает специфический взгляд на происходящее [Там же 2012: 93].

Н. И. Клушина, рассматривая становление и развитие теории идеологем в российской лингвистике, дает следующее определение идеологемы: заранее заданная идея, «которая ложится в основу номинации и ориентирует массовое сознание в нужном направлении», идеологема есть «динамический феномен, а не статический мыслительный конструкт: Идеологема = заданная идея — стилистическое оформление — „вмонтирование“ в сознание» [Клушина 2014: 56–57]. Автор утверждает, что идеологема должна пониматься только феноменологически, т. е. как ментально-стилистический феномен, сложный когнитивно-стилистический процесс и результат.

Т. В. Романова рассматривает идеологический и ценностный аспекты русской ментальности на хронологическом срезе с 2015 г., т. е. на современном речевом материале российских социальных медиа, институционального политического дискурса, обыденного дискурса, современных электронных словарей, тезаурусов и корпусов русского языка, а также на основе программных средств *AntConc*, *BootCaT*, *Yandex Mystem*, *Sketch Engine* и др. Автор считает, что идеологемы как «ценностно мотивированные знаковые образования являются формой воплощения

¹ Журавлев С. А. Идеологемы и их актуализация в русском лексикографическом дискурсе: 10.02.01: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. С. 7.

² Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования: 10.02.01. Омск, 2011. С. 27.

концептуальной идеи, ценности, концептуальной сущности, служащей основой для формирования аксиологических категорий (аксиокатегорий), единицей выражения которых являются аксиологемы» [Романова 2019: 6].

Гуань Цзюньбо, опираясь на проведенный сравнительный анализ и сопоставляя существующие подходы к определению понятия идеологема в современной лингвистике, делает вывод, что идеологема представляет собой «лингвокультурный феномен, совмещающий в себе лингвистические (знаковые) и когнитивно обусловленные характеристики»¹, при этом, согласно точки зрения автора, идеологема есть «идеологический концепт, т.е. концепт особого типа, который включает в себе идеологический (имеющий целью сформировать единое коллективное представление носителей языка о политической действительности) компонент, выполняющий функцию воздействия на сознание и поведение адресата»².

Таким образом, исходя из анализа научной литературы и с опорой на вышеприведенные трактовки природы идеологемы, можно заключить, что идеологема объективируется в языке с помощью вербальных и невербальных средств, представляет собой многоуровневый концепт и как фрагмент картины мира, включающий идеологические, политические и социальные установки, обладает высокой степенью оценочности и воздействия. Считаем релевантным выделить три способа представления данного феномена: (1) функциональный подход [Клушина 2014] — идеологема есть регулятивное средство выражения той или иной идеологии и социально-политических идей, направленных на формирование национально-государственного самосознания; (2) лингвистический (лексикологический и семиотический) подход [Чудинов 2012] — идеологема есть конкретное слово или словосочетание, имеющее/получившее в своем значении приращение; (3) когнитивный подход [Малышева 2009; 2011³] — идеологема есть ментальная единица / элемент сознания, включающая в себя идеологический компонент с когнитивно-прагматической природой и разнообразными способами репрезентации.

Актуальной является проблема классификации идеологем. Так, например, С. А. Журавлев, эксплицируя «идеологемы как ценностно мотивированные знаковые образования», группирующие вокруг того или иного значимого концепта, «служащего основой для формирования аксиологических категорий»⁴, проводит следующую классификацию на основе совокупности разнообразных историко-функциональных признаков идеологем: (1) общие (или диахронические) идеологемы, «значимость которых является универсальной», «их внешнее и внутреннее содержание будет ценностно актуализовано на любой стадии социально-политического развития общества»; (2) частные (синхронические) идеологемы, «значимость которых будет иметь место только в пределах аксиосферы конкретной эпохи»; (3) описательные идеологемы, «вспомогательные дискурсивные единицы», несущие в себе логическую оценку и используемые как средство предикации «в стандартных идеологически значимых контекстах»⁵.

Типология идеологем, согласно мнению Е. Г. Малышевой, возможна по таким базовым основаниям, как (1) специфика концептуализируемой информации: идеологемы-понятия (гимн), идеологемы-фреймы (Государственная дума), идеологемы-гештальты (равенство), идеологемы-архетипы (Путин); (2) сферы употребления и понимания носителями языка: общеупотребительные идеологемы, понимаемые носителями языка по-разному (свобода), общеупотребительные идеологемы, понимаемые носителями языка одинаково (гимн), идеологемы ограниченного употребления, понимаемые носителями языка одинаково (советские солдаты-освободители); (3) особенности прагматической и коммуникативной характеристик идеологемы: идеологемы с положительным аксиологическим модусом (флаг), идеологемы с отрицательным аксиологическим модусом (фашизм), идеологемы со смешанным аксиологическим модусом (президент); (4) актуальность/неактуальность идеологемы в современной идеологической картине мира: идеологемы-историзмы (царь), современные идеологемы (парламент), реактуализованные идеологемы (губернатор), универсальные идеологемы (Родина) [Малышева 2009: 37].

¹ Гуань Цзюньбо. Идеологема «национальная идея» в русской православной проповеди: лингвокультурологический аспект: 5.9.5: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2023. С. 27.

² Там же. С. 32.

³ Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования: 10.02.01. Омск, 2011. 47 с.

⁴ Журавлев С. А. Идеологемы и их актуализация в русском лексикографическом дискурсе: 10.02.01: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. С. 7.

⁵ Там же. С. 10–11.

А. А. Карамова, понимая под идеологемой лексико-фразеологическую единицу, в значение которой входит идеологический компонент, и учитывая тематическое своеобразие идеологем, предлагает следующую классификацию: (1) собственно идеологемы — лексика и фразеология с идеологическим макрокомпонентом: идеологические лексемы (полные идеологемы), т. е. идеологии, идеологические учения, теории, идеи, принципы, положенные в основу идеологий, общественно-экономические формации и общественный строй, характеризующий формацию, идеологически значимые реалии и события, идеологические течения, направления, партии, символы идеологий; идеологические значения лексем (неполные идеологемы), т. е. многозначные слова, один (или более, но не все) лексико-семантический вариант которого содержат идеологический компонент; (2) идеологизированная лексика — слова и фразеологизмы, денотация которых осложнена идеологическим микрокомпонентом, отражающим субъективное отношение определенной идеологии к обозначаемому понятию в виде квалификации «свой/чужой»: идеологические лексемы (полные идеологемы), т. е. слова, обозначающие угнетаемое капитализмом сословие, слова, обозначающие социалистические реалии, слова, обозначающие эксплуататорский класс, слова, обозначающие противоборство и противников революции, слова, обозначающие понятия, соотносимые с капиталистическим строем; идеологические значения лексем (неполные идеологемы), например, слова из области религии, из области «свой» и области «чужой», лексика с семантическими идеологическими трансформациями — деидеологизация идеологизированной лексики и т. д.; (3) смысловые (контекстуальные) идеологемы, т. е. слова и фразеологизмы, идеологическое значение которых, не отраженное непосредственно в самой структуре, формируется в результате активного употребления в определенных идеологических контекстах: моноидеологические смысловые идеологемы (слова и фразеологизмы, в которые вкладываются идеологические смыслы, значимые для какой-то одной идеологии); полиидеологические смысловые идеологемы (слова и фразеологизмы, в которые вкладываются идеологические смыслы, значимые не только для одной идеологии) [Карамова 2015].

Принимая во внимание приведенные выше мнения ученых касательно природы идеологии и идеологемы, в данной работе идеологему понимаем как лингвокогнитивный феномен, характеризующийся национальной

специфичностью, аксиологичностью, разнообразием способов знаковой репрезентации как по своей сущности (т. е. по структурно-функциональной организации языка как знаковой системы), так и по форме (т. е. по форме содержания и форме выражения) и мифологизированной составляющей. Определяя идеологему как лингвокогнитивный феномен, мы исходим из мнения Е. Г. Малышевой, которая рассматривает идеологему как мыслительную, когнитивную единицу картины мира, «которая объективируется в тексте (в том числе в тексте креолизованном) и — шире — в дискурсе собственно языковыми единицами разных уровней, а также знаками других семиотических систем» [Малышева 2009: 34].

3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Идеологема «ОЗЕРО БАЙКАЛ» представлена прежде всего множеством метафорических номинантов озера Байкал, являющихся информационным и прагматическим ядром рекламного туристического нарратива: Байкал — священный дар природы; Славное море — священный Байкал; Великое море — священный Байкал; Байкал — голубой бриллиант планеты; Байкал — голубое око планеты Земля; Байкал — голубая жемчужина Сибири; Священное, Святое озеро; Батюшка Байкал; Байкал — великан, богатырь, красавец и т. д.

Анализ текстов рекламного туристического нарратива показал связь наименований туров с идеологемой «ОЗЕРО БАЙКАЛ»: 1) осенние туры: «Золотая осень на Байкале», «Золотой Байкал», «Бархатная осень на Байкале», «Золотые краски Байкала и Саян»; 2) зимние туры: «Льды Байкала и Величие Саян», «Зимний Байкал: путешествие на другую планету», «Хрустальный лёд Байкала», «Хрустальное кольцо Байкала», «Зимняя сказка Байкала», «В царстве льда», «Хрустальные замки Ольхона»; 3) весенние туры: «Пробуждение Байкала», «Байкальские эндемики», «Весеннее могущество Байкала», «Чудеса Ольхонской земли»; 4) летние туры: «Спокойствие Байкала», «Волшебные пейзажи Ольхона», «Путешествие на загадочный остров Ольхон», «Вдохновляющее летнее путешествие». Номинации туров определяют смысловую последовательность развития события текста рекламного туристического нарратива и коммуникативную перспективу идеологемы «ОЗЕРО БАЙКАЛ». Идеологема «ОЗЕРО БАЙКАЛ» как лингвокогнитивный феномен представлена, как демонстрируют вышеприведенные примеры, различными метафорическими моделями.

Исследование показало, что относительно идеологии «ОЗЕРО БАЙКАЛ» следует говорить об «универсальных идеологемах»¹, которые актуализированы в картине мира независимо «от общественно-политического строя и воззрений политической элиты», аксиологический модус которых коррелирует с принятой системой ценностей, они всегда являются актуальными и востребованными национально-лингвокультурным сообществом². Идеологема «ОЗЕРО БАЙКАЛ» есть единица концептуального характера, характеризуется локальной этнокультурной спецификой (локальной этнической культурой), высокой степенью мифологизации, символизации и ритуализации, аксиологичностью, разнообразием способов знаковой репрезентации. Под локальной этнической культурой в данной работе мы подразумеваем культуру этнической группы, в рамках которой репрезентируются этническая самобытность, природные, культурно-языковые и иные условия существования группы. В трактовке И. И. Дьяченко, локальная этнокультурная система (культурные и ментальные признаки, качества конкретной этногруппы, этнической общности) репрезентируется многообразием «условий ее существования: природных, производственно-экономических, политико-правовых, культурно-языковых и т. п.»³.

Как известно, коренными народами Байкала с древних времен являются буряты, эвенки (тунгусы) и сибирский этнос тофалары (тофы/тоьфы, карагасы). Текст рекламного туристического нарратива от имени Feniks Travel Club [<https://fenikstravel.ru/baikal-winter?ybaip=1&yclid=8124012371274891263>] предлагает погружение в бурятскую этнокультуру Байкала, восхищаясь красотой природы и мощью озера: *познакомимся с культурой и бытом; получим яркие эмоции и заряд нежности; посетим знаменитое место силы и завяжем ленточку на удачу; увидим загадочный остров Огой, где ступа Просветления наполнит мощной энергией и исполнит самое сокровенное желание; пройдем через разнообразные ледяные просторы, увидим все виды байкальского льда — зелёный, голубой, пенистый, с трещинами; заглянем в одну из пещер — Королевство кривых зеркал, созданное руками самой природы*. А текст «Байкал с бурятским колоритом» [https://dzen.ru/a/Y43ubDU8Qy_Pnvhd] знакомит потенциальных потребителей ту-

ристской услуги с загадочным, колоритным и неповторимым Байкалом: *живописные виды с суровыми утесами, нависающими над водной гладью; галечные пляжи; возможность стать участником духовных практик, окунуться в шаманскую мифологию или попытаться заглянуть в будущее, получив предсказание буддийского монаха; увидеть байкальскую нерпу, баргузинского соболя, грациозную кабаргу, снежного барса; вдохнуть аромат реликтового ельника, ольхонского астрагала, зундуского копеечника; отведать буузу, тартар, согудай; чай с молоком и солью, с кедровыми орехами в мёде; смолка, обереги, чётки, благовония, камни с сине-черными прожилками*.

Данные тексты отражают интегральные характеристики бурятской этнокультурной системы, которые определяются исконными этнокультурными особенностями, признаками менталитета, условиями проживания и гастрономическими особенностями. Изобразительно-выразительные средства (эпитеты, метафора, метонимия, олицетворение, гипербола, сравнение и т. д.) способствуют достижению большего суггестивного эффекта идеологии «ОЗЕРО БАЙКАЛ»: *кристальность вод, загадочный и колоритный Байкал, могучее озеро, причудливые узоры, пейзажи нереальной красоты, вода теплая, как парное молоко* и т. д.

Мифологизация, символизация и ритуализация в рамках идеологии «ОЗЕРО БАЙКАЛ» наглядно представлены в тексте рекламного туристического нарратива «Дух Байкала Light» [<https://pribaikal.com/tours/duh-bajkala-light.html>]: *неповторимый мир бурятской культуры и традиций на берегу величественного озера Байкал; национальные костюмы, символизирующие природу и духовный мир бурят; мудрость и философия бурятского народа; природа и духовность переплетаются, создавая уникальную атмосферу; богиня Янжимы — покровительница искусств, наук, ремесел, мудрости и олицетворение материнства; Ининский сад камней, обладающий магической силой; легендарный остров Ольхон — жемчужина Байкала, где сливаются воедино природа и легенды, реальность и мистика; гроты, искрящиеся на солнце, словно гигантские драгоценные камни; шепот ветра, скользящего по ледяной глади; окунуться в мир легенд батюшки Байкала, по-*

¹ Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования: 10.02.01. Омск, 2011. С. 28.

² Там же.

³ Дьяченко И. И. Локальные этнокультурные системы: основные характеристики и закономерности: 24.00.01: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. С. 15–16.

знакомиться с традициями и обычаями местного населения. Мифология в данном тексте переплетается с системой символов и ритуалов и является эффективным средством воздействия на потенциального потребителя туристской услуги. Миф здесь является средством символизации туристской реальности, а ритуал как форма символического действия является эффективным механизмом формирования аксиологической значимости событий, явлений, мест туристской действительности.

Рекламный туристический нарратив предлагает туризм, посвященный знакомству с эвенкийскими традициями и культурой, которые есть часть идеологии «ОЗЕРО БАЙКАЛ»: туры «В гости к эвенкам-оленьводам Северного Байкала», «Чарующий Северный Байкал: прогулки и погружение в культуру», «Тропой старого эвенка», «По следам сибирских эвенков», «Путешествия по старым эвенкийским тропам», «Благородный народ Байкала — эвенки», «К таёжным эвенкам», «Охота и рыбалка с семьей эвенков», «Эвенки — первый народ Байкала» предлагают знакомство с культурой и традиционным укладом жизни эвенков, которые исторически населяли территорию вокруг озера Байкала, с жилищем охотников-оленьвод, с шаманизмом, традиционными ремеслами и этнической системой родовых связей эвенков. Текст рекламного туристического нарратива «Эвенки — первый народ Байкала» [<https://www.chitatravel.ru/evenki-pervyj-narod-bajkala.html>] в плане мифологизации репрезентирует обожествление определенных деревьев, источников, камней, различные культы (культ медведя, культ нерпы). Реальная жизнь, определяемая законом гостеприимства, представлена художественным промыслом (резьба по кости и дереву, вышивание бисером, аппликация мехом, теснение по бересте, изготовление туесков, поплавок, ревунов, поняг, кулем и т. д.) [<https://ecotours.ru/bajkal/eko-i-etnotur-v-gosti-k-evenkam-olenevoda-m-severnogo-bajkala>].

TravelAsk [<https://travelask.ru/>] репрезентирует туристическую Тофаларию и ее автохтонное (местное, коренное по происхождению) население, преимущественно располагающееся вдоль рек Ия, Бирюса, Уда, Кан, Гутара в юго-западном районе Иркутской области, прилегающем к Байкалу, в таких небольших поселениях, как Алыгджер, Верхняя Гутара, Нерха. Локальная этническая культура тофаларов туристически эксплицируется охотой, отгонным оленеводством, рыболовством, собирательством (сараны, черемши, съедобных корней, грибов, ягод, кедровых орехов и т. д.), ремеслами (куз-

нечным делом, резьбой по рогу, бересте, обработкой кожи и вышивкой) [<https://travelask.ru/articles/tofalary-tofa-karagasy-malochislenyy-sibirskiy-etnos-s-glubokimi-kornyami>].

Как показал анализ текстов рекламного туристического нарратива сети Интернет, локальная этнокультурная специфика идеологии «ОЗЕРО БАЙКАЛ» характеризуется такими базовыми параметрами, как пространственно-временной, социальный и аксиологический. Например, в тексте «Тофалария — затерянный мир шаманов, дикой тайги и исчезающего народа» пространственно-временные характеристики реальности базируются на различных типах пространства — психологическом, социальном, космическом и т. д. Наибольшую репрезентативность имеет географическое пространство, как глобальное сферное, так и локальное (региональное): *сердце Восточной Сибири, где горы Саян поднимаются в небо; бескрайние леса; затерянный мир шаманов и дикой тайги; прикоснуться к древности, сохранившейся сквозь века в горах и лесах; путешествие в глубину, вглубь лесов, вглубь культуры...* Пространство и время преломляются в содержании данного текста рекламного туристического нарратива. Пространственные образы переходят во временные, где включенность пространства во временное движение осуществляется, в частности, сезонным видом регламентации времени: *Летом — цветение лугов, бурные реки, медовый запах трав. Осенью — охристые и багряные пейзажи, дикие ягоды и глухой рев изюбря. Зимой — белоснежные хребты, морозные рассветы и следы соболя на искрящемся снегу. Весной — пробуждение мира, когда с гор сходят лавины, и в каждой капле воды звучит песня пробуждающейся тайги* [<https://vc.ru/id5032662/2054166-tofalariya-zagadka-shamanov-i-priroda>].

Идеология «ОЗЕРО БАЙКАЛ» и ее составляющая — туристическая Тофалария — актуализируются в вышеприведенном тексте множеством изобразительно-выразительных средств: например, эпитетами (*таинственная, уединённая, первозданная Тофалария; вековые лиственницы и кедры; бескрайние просторы; искрящийся снег*); олицетворением (*живое дыхание древней тайги, шепот ветров в кедровниках; пробуждение мира; в каждой капле воды звучит песня пробуждающейся тайги; дышит лес; природа — безусловный хозяин*); метафорами (*Тофалария — сердце Восточной Сибири; животный мир Тофаларии — это энциклопедия дикой Сибири; Тофалария — настоящая, негибкая душа Сибири*), а также мо-

нолексемными цветовыми прилагательными вторичной номинации и сложными именами прилагательными вторичной номинации (*охристые и багряные пейзажи; медовый запах трав*) и т. д. Отметим, что цветообозначения идеологемы «ОЗЕРО БАЙКАЛ» составляют один из важнейших компонентов любой локальной этнической культуры. Играя лексико-семантическую и стилистическую роли, являясь в своем большинстве адъективными метафорами цвета, вторичные цветообозначения приобретают особую эмоциональность и выразительность, реализуя на лексическом уровне свой эстетический, ассоциативный и символический потенциал.

Таким образом, идеологема «ОЗЕРО БАЙКАЛ» в рекламном туристическом нарративе актуализирует локальную этническую специфику бурятской культуры, эвенкийские традиции и культуру тофаларов. Заметим, что вышеназванные этнокультуры динамичны, подвижны, подвержены трансформации, поскольку этнос/этногруппа всегда находится в коммуникации и бытовом контакте, аккумулируя черты и признаки другой этногруппы.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщением полученных результатов работы являются следующие выводы. Анализ научной литературы показал, что современные исследования рассматривают идеологему как лингвокогнитивный феномен. Идеологема «ОЗЕРО БАЙКАЛ», являясь универсальной идеологемой, характеризуется локальной этнокультурной спецификой, обладает значительным суггестивным потенциалом в плане мифологизации, символизации и ритуализации действительности, аксиологичностью, разнообразием способов знаковой репрезентации. Как ментальная единица ценностно-языкового и национально-специфического когнитивного уровня идеологема «ОЗЕРО БАЙКАЛ» актуализируется в рекламном туристическом нарративе на семантическом, когнитивном, ситуативном и лингвокультурном уровнях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бурсевич, В. В. Взаимодействие идеологии и языка как проблема дискурс-анализа / В. В. Бурсевич // Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя, філасофія, псіхалогія, паліталогія. Сацыялогія, эканоміка. Права. — 2010. — № 3. — С. 40–44. — EDN SJSKVX.
- Гузикова, М. О. Лингвистическое описание идеологий : проблема методологии / М. О. Гузикова, Д. В. Спиридонов // Политическая лингвистика. — 2014. — № 4. — С. 105–112. — EDN TJAQSH.
- Дядык, Н. Г. Язык и идеология: афоризм как идеологема / Н. Г. Дядык // Социум и власть. — 2011. — № 1. — С. 112–116. — EDN NYDGUX.
- Жилина, В. А. Идеология: новый взгляд : моногр. / В. А. Жилина. — Новосибирск : ЦРНС, 2009. — 160 с. — ISBN 978-5-94301-103-0.
- Зекрист, Р. И. Идеологически нагруженный язык как

орудие власти / Р. И. Зекрист // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 35. — С. 66–72. — (Философия. Социология. Культурология. Вып. 28). — EDN PUKHAV.

6. Зырянова, И. Н. Суггестивный потенциал синтаксических особенностей текстов экологической рекламы (на материале русского и английского языков) / И. Н. Зырянова, Е. Н. Санина // Известия Байкальского государственного университета. — 2023. — Т. 33. — № 4. — С. 772–781. — DOI 10.17150/2500-2759.2023.33(4).772-781. — EDN WHUSBY.

7. Иванова М. Е. Язык идеологии и идеология языка: аспекты взаимодействия / М. Е. Иванова // Манускрипт. — Тамбов : Грамота, 2020. — Т. 13. — Вып. 1. — С. 133–140. — DOI 10.30853/manuscript.2020.1.27. — EDN NHRJVC.

8. Карамова, А. А. Идеологемы: определение понятия и типология / А. А. Карамова // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 2–1. — EDN UHXCNI.

9. Китова, Е. Б. Англоязычные аббревиатуры как сфера языкового творчества / Е. Б. Китова // Известия Байкальского государственного университета. — 2024. — Т. 34. — № 3. — С. 547–552. — DOI 10.17150/2500-2759.2024.34(3).547-552. — EDN OGCABP.

10. Клушина, Н. И. Теория идеологем / Н. И. Клушина // Политическая лингвистика. — 2014. — № 4. — С. 54–58. — EDN TJAQOV.

11. Луц, С. С. Особенности взаимодействия вербального и иконического компонентов текста в комментариях к статьям в СМИ (на материале аналитических статей британских и итальянских изданий) / С. С. Луц, Е. А. Универсалик // Известия Байкальского государственного университета. — 2025. — Т. 35. — № 1. — С. 177–185. — DOI 10.17150/2500-2759.2025.35(1).177-185. — EDN BTSNGU.

12. Малицкий, В. С. Идеология в современной России / В. С. Малицкий // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2012. — № 2. — С. 247–251. — EDN PFRXUJ.

13. Малышева, Е. Г. Идеологема как лингвокультурный феномен : определение и классификация / Е. Г. Малышева // Политическая лингвистика. — 2009. — № 4 (30). — С. 32–40. — EDN LKFZKN.

14. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер. — Москва : Academia-Центр : Медиум, 1995. — 411 с. — EDN SNCYNJ.

15. Романова, Т. В. Идеологемы и аксиологемы русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности : моногр. / Т. В. Романова. — Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2019. — 120 с. — ISBN 978-5-89533-444-7.

16. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — 4-е изд. — Москва : Флинта : Наука, 2012. — 254 с. — ISBN 978-5-89349-897-4. — EDN UHHAHZ.

REFERENCES

- Bursevich, V. V. (2010). Vzaimodeystvie ideologii i yazyka kak problema diskurs-analiza = Interaction of Ideology and Language as a Problem of Discourse Analysis. *Bulletin of the BDU. Series 3, History. Philosophy. Psychology. Political Science. Sociology. Economics. Jurisprudence*, 3, 40–44. EDN SJSKVX.
- Guzikova, M. O., Spiridonov, D. V. (2014) Lingvisticheskoe opisanie ideologii : problema metodologii = Linguistic description of ideology : in search of methodology. *Political Linguistics*, 4, 105–112. EDN TJAQSH.
- Dyadyk, N. G. (2011). Yazyk i ideologiya : aforizm kak ideologema = Language and ideology : the aphorism as ideologema. *Society and Power*, 1, 112–116. EDN NYDGUX.
- Zhilina, V. A. (2009). Ideologiya: novyy vzglyad = Ideology: A New Look. Monograph. Novosibirsk: TSRSN, 160 p. ISBN 978-5-94301-103-0.
- Zekrist, R. I. (2012). Ideologicheski nagruzhennyy yazyk kak orudie vlasti = Ideologically Loaded Language as an Instrument of Power. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 35 (Philosophy. Sociology. Cultural Studies. Issue 28), 66–72. EDN PUKHAV.
- Zyryanova, I. N., Sanina, E. N. (2023). Suggestivnyy potentsial sintaksicheskikh osobennostey tekstov ekologicheskoy reklamy (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) = Suggestive

Potential of Syntactic Features of Environmental Advertising Texts (Based on the Russian and English Languages). *News of the Baikal State University*, 33(4), 772–781. DOI 10.17150/2500-2759.2023.33(4).772-781. EDN WHUSBY.

7. Ivanova, M. E. (2020). Yazyk ideologii i ideologiya yazyka : aspekty vzaimodeystviya = Language of Ideology and Ideology of Language: Aspects of Interaction. *Manuscript*, 13(1), 133–140. EDN NHRJVC.

8. Karamova, A. A. (2015). Ideologemy: opredelenie ponyatiya i tipologiya = Ideologemes: notion definition and typology. *Modern problems of science and education*, 2-1. EDN UHXCNI.

9. Kitova, E. B. (2024). Angloyazychnye abbreviatury kak sfera yazykovogo tvorchestva = English abbreviations as a sphere of linguistic creativity. *Bulletin of Baikal State University*, 34(3), 547–552. DOI 10.17150/2500-2759.2024.34(3).547-552. EDN OGCABP.

10. Klushina, N. I. (2014). Teoriya ideologem = The theory of ideologeme. *Political Linguistics*, 4, 54–58. EDN TJAQOV.

11. Luts, S. S., Universalyuk, E. A. (2025). Osobennosti vzaimodeystviya verbal'nogo i ikonicheskogo komponentov teksta v kommentariyakh k stat'yam v SMI (na materiale analiticheskikh statey britanskikh i ital'yanskikh izdaniy) = Peculiarities of verbal interaction and iconic text components in comments to articles in mass media (based on analytical articles of british and italian

publications). *Bulletin of Baikal State University*, 35(1), 177–185. DOI 10.17150/2500-2759.2025.35(1).177-185. EDN BTSHGU.

12. Malitskiy, V. S. (2012). Ideologiya v sovremennoy Rossii = Ideology in Contemporary Russia. *Bulletin of the Adyghe State University. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies*, 2, 247–251. EDN PFRXUJ.

13. Malysheva, E. G. (2009). Ideologema kak lingvokognitivnyi fenomen : opredelenie i klassifikatsiya = Ideologeme as a Linguo-Cognitive Phenomenon : Definition and Classification. *Political Linguistics*, 4(30), 32–40. EDN SNCYNJ.

14. Riker, P. (1995). Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germe-nevtike = Conflict of Interpretations. Essays on Hermeneutics. Moscow: Academia-Tsentr, Medium, 411 p. EDN SNCYNJ.

15. Romanova, T. V. (2019). Ideologemy i aksiologemy rus-skogo yazykovogo soznaniya kak otrazhenie konstant i dinamiki natsional'noy mental'nosti = Ideologemes and axiologemes of Russian linguistic consciousness as a reflection of the constants and dynamics of national mentality. Monograph. Nizhniy Novgorod: DEKOM, 2019. 120 p. ISBN 978-5-89533-444-7.

16. Chudinov, A. P. (2012). Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics. 4th ed. Moscow: Flinta, Nauka, 254 p. ISBN 978-5-89349-897-4. EDN UUHAHZ.

Политическая лингвистика. 2025. № 6 (114).
Political Linguistics. 2025. No 6 (114).

УДК 811.161.1'27+14
 ББК Ш141.12-003+Ю228.1

ГРНТИ 16.21.29

Код ВАК 5.9.8; 5.9.5

Ник Жером

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия,
 jerome.nick@urfu.ru, SPIN-код: 4117-6521, <https://orcid.org/0009-0009-7436-4097>

Динамика представлений о нравственности в свете концепций основных философских школ

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье анализируется совместимость основных признаков представлений о нравственности в русской языковой картине мира с опорными этическими положениями первостепенных философских школ. Онтологическая дилемма о первичности духа или материи служит основанием наиболее глубоких разногласий между философскими школами, поскольку вопрос, лежащий в основе дилеммы, обуславливает весь философский теоретический аппарат. Ответ на этот вопрос привел к формированию, с одной стороны, материалистических, с другой, идеалистических течений. «Ключевая» этнолингвистическая специфика понятия «нравственность» также связана с философским подходом к постижению бытия носителей русского языка, что отражено как в синтаксической структуре языка, так и в его лексической системе. Проведенное исследование раскрывает эти два аспекта осмысления понятия «нравственность» посредством корпусного анализа с использованием статистического метода и дефиниционного анализа по результатам сплошной выборки. В статье представлен анализ корреляций полученных выводов с концепциями основных философских школ. Результаты данного исследования позволяют подтвердить центральность понятия нравственности в русской языковой картине мира, описать основные контексты его современного употребления, а также уточнить его место в системе философской концептосферы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: нравственность, языковая картина мира, материализм, идеализм, философские школы, этика, мораль, русский язык, анализ совместимости концепций.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ник Жером, аспирант, ассистент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620062, Россия, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, email: jerome.nick@urfu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ник, Ж. Динамика представлений о нравственности в свете концепций основных философских школ / Ник Жером. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 6 (114). — С. 195-206.

Nick Jerome

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, jerome.nick@urfu.ru,
 SPIN code: 4117-6521, <https://orcid.org/0009-0009-7436-4097>

Ideas About Morality in the Russian Linguistic Worldview in the Light of the Conceptions of the Main Philosophical Schools

ABSTRACT. This article analyzes the compatibility of the typical features of the ideas of morality in the Russian linguistic worldview with the basic ethical concepts of the main philosophical schools. The ontological dilemma about the primacy of spirit or matter serves as the basis for deepest disagreements between philosophical schools, since the question underlying the dilemma determines the entire philosophical theoretical apparatus. The answer to this question led to the formation of the materialistic trends on the one hand and of the idealistic ones on the other. The “key” ethnolinguistic specificity of the concept of “morality” is also related to the philosophical approach to understanding the existence of native speakers of the Russian language, which is reflected both in the syntactic structure of the language and in its lexical system. The undertaken research reveals these two aspects of understanding the concept of “morality” through corpus analysis using the statistical method and definitional analysis based on the results of a continuous sample. The article presents an analysis of the correlations of the findings obtained with the concepts of the main philosophical schools. The results of this study allow confirming the central place of the concept of morality in the Russian linguistic worldview, describe the main contexts of its modern use, and clarify its place in the system of philosophical conceptsphere.

KEYWORDS: morality, linguistic worldview, materialism, idealism, philosophical schools, ethics, morals, Russian language, analysis of concept compatibility.

AUTHOR'S INFORMATION: Nick Jerome, Post-Graduate Student of Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Nick Jerome. (2025). Ideas About Morality in the Russian Linguistic Worldview in the Light of the Conceptions of the Main Philosophical Schools. In *Political Linguistics*. No 6 (114), pp. 195-206. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Каждый язык является набором понятий и представлений народа о мире и его закономерностях, т. е. является основой определенной языковой картины мира. Ср.: «Народное мировидение, отраженное в языке, ярко проявляется в номинациях объектов конкретных денотативных сфер, описание которых должно дать комплексное представление о внутренней форме языка в гумбольдтовском понимании, т. е. представление о том, как внешняя действительность преломляется в языке народа» [Коновалова 2012: 5]. Передающиеся из поколения в поколение слова несут в себе смыслы, которые как сознательно, так и подсознательно влияют на сознание человека, поэтому их изучение находится на стыке таких наук, как языкознание, философия, психология. Данное исследование вписывается в русло междисциплинарных исследований, в рамках которых анализ «процессов языковой концептуализации и категоризации действительности объясняется потребностью в выявлении национальной специфики отдельных фрагментов языковых систем, особенностей национального менталитета и традиций духовной культуры этносов» [Гридина 2019: 29].

Понимание и называние взаимосвязей духовного и физического миров были движущей силой исследований и дискуссий с момента зарождения науки, и философские и научные школы разных цивилизаций представили свои идеи и теории, соткав обширную и разнообразную сеть представлений. Понятие *нравственность* в его оперативном смысле — универсальная регуляция поведения человека через совесть, связанная с внутренним, физическим ощущением Высших космических сил — представляет собой один из основных регуляторов деятельности человека, вне зависимости от его национальности, пола или иных личных признаков [Ник 2023]. Нравственность является одним из центральных понятий русской картины мира, но осмысление этого понятия человеком неизбежно зависит от определенного мировоззрения. Анализ представлений о бытии, являющихся центральной темой философского размышления, интересен в плане поисков философских положений, которые не противоречат пониманию нравственности в русской картине мира, и, наоборот, тех, которые противоречат постулатам, необходимым для понимания изучаемого понятия.

Целью анализа является определение места мировоззренческих основ представ-

лений о нравственности среди положений основных философских школ.

В соответствии с поставленной целью были определены следующие задачи:

- описать употребление лексемы «нравственность» представителями русской лингвокультуры в разных сферах общественной жизни (экономика, наука и технологии, политика и общественная жизнь);
- выявить первостепенные признаки представлений о нравственности в русской языковой картине мира;
- проанализировать совместимость выявленных признаков с положениями основных философских школ.

Сбор языковых единиц из Национального корпуса русского языка [НКРЯ], отражающих современную русскую языковую картину мира, осуществлялся с использованием статистического метода обработки данных, полученных методом сплошной выборки.

Актуальность работы связана с наблюдаемым отрывом в современном цифровом мире от духовных основ народов через управление сознанием, за которым следует неизбежно разрушение основных структур обществ. Слова являются воплощением существующих в сознании людей понятий, и именно философские категории и понятия управляют сознанием человека, которое в свою очередь на основе этих понятий управляет поведением и действиями людей [Бубнова 2025; Русский язык... 2014; Ян 2025]. Современная стратегия России на восстановление первоочередного использования слов с русскими корнями — политическая реакция на внедрение и распространение вмешательства в сознание и жизнь россиян. Возрождение духовных и нравственных качеств человека считается одной из главных задач для России сегодня. С этой целью среди ученых возникают идеи, например, о создании Института человека, который бы выработал и соединил идейные, научные, образовательные, религиозные, культурные и просветительские исследования, посвященные человеку, в единое целое [см.: Смирнов 2023: 345].

Первая часть анализа в данной статье направлена на то, чтобы прояснить признаки представлений о нравственности в русской языковой картине мира через корпусный анализ и анализ словарных дефиниций. Вторая часть включает обзор философских школ, основные положения которых не противоречат этим концептуальным признакам. Наконец, завершает исследование обзор философских школ, основные положения

Рис. 1. График распределения употребления леммы «нравственность» в основном корпусе НКРЯ с 1682 по 2022 г. (частота на миллион словоформ)

которых противоречат представлениям о нравственности в русской языковой картине мира.

КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ

График употребления русской леммы «нравственность» в основном корпусе Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) в течение последних трехсот лет вызывает определенный интерес в качестве введения в анализ статистических данных и их интерпретации.

На графике наблюдается частота употребления леммы «нравственность» до 2021 г., который является последним доступным годом в корпусе. Очевидна значимость понятия нравственности для российского общества в двух больших временных периодах до и после 1917 г. В период до этой даты преобладало нематериалистическое мировоззрение, а после 1917 г. был период господства материализма.

Обращают на себя внимание три пика частоты употребления леммы «нравственность»: 1) с 1799 по 1806 г.; 2) с 1814 по 1829 г.; 3) с 1890 по 1900 г.

Вероятно, можно связать эти пики с социально-политическими событиями России того времени:

- первый пик употребления соответствует по времени приходу Наполеона к власти (в результате государственного переворота 9 ноября 1799 г.), в разгар швейцарского похода А. В. Суворова в 1799 г., последующему провозглашению Наполеона Императором в 1804 г., а также войне России и Австрии с Наполеоном в 1805 г.;

- второй пик соответствует по времени Отечественной войне России с Наполеоном с 1812 по 1815 г. В 1814 г. Наполеон капитулировал, бросил свои верные войска и уехал

в Париж. К этому периоду относится и русско-турецкая война 1828–1829 г., принесящая России колоссальные потери солдат от болезни из-за плохой организации военной кампании;

- третий пик (с 1890 по 1900 г.), вероятно, связан со сменой ключевых союзников России с Австрии и Германии на Францию и Великобританию на основании тайной военной конвенции с Францией, заключенной Александром III и закреплённой Николаем II в 1891 г., что может считаться началом движения к Первой мировой войне.

Эти исторические события, по-видимому, тесно связаны с пониманием российским обществом недопустимости отказа от ответственности за жизнь людей — предательства преданных и зависимых людей (солдат, партнеров), что, как мы покажем далее, соответствует пониманию нравственности различными идеалистическими философскими школами.

Снижение частоты употребления леммы «нравственность» с 1917 г. до начала 80-х г., вероятно, связано с господством материалистической идеологии, когда понятие «нравственность» теряет свою значимость, так как через него проявляется связь с нематериалистическим мировоззрением.

Основная часть корпусного анализа посвящена интерпретации статистики преобладающих конструкций, выражающих определенные типы синтаксических и логических отношений. Нами было исследовано 448 цитат из трех подкорпусов корпуса «центральные СМИ» [НКРЯ]: 1) «бизнес, коммерция, экономика, финансы»; 2) «наука и технология»; 3) «политика и общественная жизнь».

Виды синтаксических отношений леммы «нравственность» представлены в следующей таблице по убыванию частотности.

Таблица 1. Частотность отношений с леммой «нравственность» (%)

Отношения на уровне присловной связи	Отношения на уровне связи в предложении	
–	перечисление	48
атрибутивные отношения	–	39
объектные отношения	–	8
–	сопоставление/противопоставление	4
–	причина — следствие	1

Проиллюстрируем статистические данные примерами словоупотреблений.

1. Кластер «бизнес, коммерция, экономика, финансы»

В 123 цитатах были отмечены перечисления: из них 61 % относится к теме законодательства и обороны (*правопорядок* — 25, *права* — 14, *законные интересы* — 11, *безопасность государства* — 5, и т. п.); 22 % характеризуют личные качества, ощущения (*здоровье* — 22, *духовность* — 1, *честность* — 1); 10 % относятся к ценностям и социальным явлениям (*мораль* — 12, *этика* — 1, *экономика*, *культура* — 1, *религия* — 1, *эстетика* — 1). При этом *нравственность* выступает с указанными словами в одном ряду однородных членов как соположенное явление — в области бизнеса отмечается **взаимосвязь между экономикой и нравственностью**: «...экономика, идеология, нравственность тесно связаны, обуславливают друг друга»¹; **сомнение в их совместности**: «И то, что мы переживаем в последнее время в социально-экономической политике, заставляет серьезно задумываться о сочетании нравственности и экономики»² и т. п.

В анализируемой выборке представлено 82 словосочетания с леммой «нравственность», использованной в предложении в качестве несогласованного определения или дополнения. В этих случаях можно говорить о выражении объектных или определительных отношений, дифференциация которых основана на разграничении конкретных видов объектов («объект конкретного действия, объект мысли, объект речи, объект-орудие, объект-адресат» [РГ-80: 19]. Выделим несколько семантических доминант, актуализирующих компоненты значения анализируемого понятия: а) **нравственность как принадлежность к социальным группам** (81 %) или **личности** (3 %): *общественная нравственность*, *нравственность граждан*,

нравственность населения, *нравственность подрастающего поколения*, *нравственность детей*, *личная нравственность*; б) **нравственность как сфера нормы** (41 %): *основы нравственности*, *нормы нравственности*, *кодекс нравственности*, *правила нравственности*, *степень нравственности*, *высокая нравственность*; в) **нравственность как объект защиты, требующий поддержки** (28 %): *защита нравственности*, *блюстители нравственности*, *обеспечение нравственности*, *восстановление нравственности*; г) **нравственность как тема размышлений** (18 %): *с точки зрения нравственности*, *вопрос нравственности*, *в сфере нравственности*, *на тему нравственности*; д) **нравственность как объект угрозы** (11 %): *угроза основам нравственности*, *угроза для нравственности*, *нанесение ущерба нравственности*, *упадок нравственности*, *кризис нравственности*, *крах нравственности*, *вреден для нравственности*; е) **нравственность как принадлежность к сферам деятельности** (11 %): *рекламная нравственность*, *нравственность российской рекламной продукции*, *нравственность балетных постановок*, *нравственность реформ*.

Семантика сопоставления / противопоставления в значительной мере представлена в более широких контекстах употребления. Ср., например: «Основной темой выступления была „нравственность наращивания богатства“»³, **превосходство нравственности над экономикой**: «...уделить больше внимания общественной нравственности и поставить ее, а не экономику во главу угла»⁴.

Причинно-следственные связи выражены в 4 контекстах. В одном из них потеря связи с нравственностью считается существенной причиной кризиса, а в других отмечается, что выход из кризиса возможен «*путем признания безнравственности*» или

¹ Коновалов Валерий. Президент Татарстана Минтимер Шаймиев: Никакая реформа не отменит совесть // Труд-7, 09.03.2005 (981510:183:10).

² Коновалов Валерий. Президент Татарстана Минтимер Шаймиев: Никакая реформа не отменит совесть // Труд-7, 09.03.2005 (981510:11:17).

³ Капустин Федор. Инвестор инвестору рознь // Труд-7, 20.05.2000 (977352:13:4)

⁴ Виктор Логинов. Константин Малофеев: «В банке заявили: у тебя же есть деньги» // Известия, 21.02.2013 (963692:55:11).

«тогда, когда удастся увязать экономическую жизнь с моралью, бизнес — с нравственностью». См. также мнение о том, что **утрата связи с нравственностью в обществе является причиной кризиса**: «...среди многих причин кризиса одна, возможно, весьма существенная — утрата связи с нравственностью»¹.

2. Кластер «политика и общественная жизнь»

В данном кластере представлены те же типы синтаксических отношений: 206 примеров с перечислениями, 203 — с определителями обоих типов, единичными являются случаи употребления леммы «нравственность» в контексте сопоставления, противопоставления и причинно-следственных связей. При этом заметим, что ранжированный список семантических доминант здесь отличается от представленного в предыдущем кластере. Приведем конкретные примеры: а) **нравственность как принадлежность к социальным группам** (79 %) или **личности** (17 %): *общественная, общества, российского общества, граждан, народная, народа, населения, молодёжи, детей, школьников, наша, моя, их, личная, человеческая, человека, людей, женщины, прокурора*. Заметное место в этой группе занимают словоупотребления леммы «нравственность» в значении принадлежности к социальным системам (*власти, традиционная, традиционная китайская, политическая, партийная, социалистическая, советская и т. п.*). Такая ситуация закономерна: само название кластера требует включения в него самых широких социальных страт; б) **нравственность как объект защиты, требующий поддержки** (55 %): *защита нравственности, борьба за нравственность, борец за нравственность, поборник нравственности, блюстители нравственности, соблюдение нравственности, сохранение нравственности, обеспечение нравственности, восстановить нравственность*; в) **нравственность как сфера нормы** (15 %): *основы нравственности, нормы нравственности, золотое правило нравственности, закон о нравственности, законопроект о нравственности, общественный совет по нравственности в СМИ*; г) **нрав-**

ственность как тема размышлений (13 %): *вопросы нравственности, тема нравственности, с точки зрения нравственности, проблемы нравственности, представления о нравственности, понятие нравственности*; г) **нравственность как объект угрозы** (12 %): *падение нравственности, упадок нравственности, вышла за грань нравственности, отход от нравственности, замена нравственности, покушение на нравственность*.

В дополнение к семантическим доминантам предыдущего кластера выделяются также: д) **качества нравственности** (20 %): *высокая, абстрактная, всякая, неустойчивая, вопиющая, убийственная*; е) **шкала измерения нравственности** (5 %): *уровень нравственности, индикатор нравственности, критерии и стандарты нравственности, состояние нравственности, проверять будущих супругов на нравственность*.

Данные НКРЯ показывают значимость для русского языкового сознания идеи относительно того, что в области политики и общественной жизни нравственность является **одним из основополагающих элементов успеха российской стратегии**: «Со-причастность каждого к успеху России — это мейнстрим, стратегия Путина, в которой главное — достоинство и уважение к человеку, суверенитет и безопасность страны, целостность и нравственность»², и что «отсутствие нравственности в любой среде (...) обуславливает ситуацию, в которой все остальное начинает рушиться»³. Подчеркивается её важность как **регулятора проведения граждан** и как **основания образовательной системы**: «в России каждый человек должен для себя сделать выбор между инстинктом и нравственностью — для этого надо прививать понятие о добре и зле и надо, чтобы система образования не оставалась системой трансляции знаний и навыков, а стала проводником нравственных ориентиров»⁴ — и всего **социума**: «Мы уверены, что человек не может жить в мире и счастье, если в социуме нет понятия „нравственности“»⁵. См. зафиксированное в НКРЯ примечательное суждение XIV Далай-ламы о советской

¹ Степашин предлагает строить в России «экономику счастья» // РИА Новости, 20.05.2009 (669843:2:12).

² Яровая: предложенные президентом меры должны улучшить жизнь российских семей // Парламентская газета, 2020.01.15 (1378435:11:23).

³ Записал Михаил Карпов. «Большевистская сволочь хотела грабить и держаться у власти» // lenta.ru, 21.10.2017 (974478:88:1).

⁴ Валентина Матвиенко поручила разработать единый закон о многодетных семьях // Парламентская газета, 2018.01.25 (1346667:36:16).

⁵ Патриарх Кирилл напомнил миру о золотом правиле нравственности // Парламентская газета, 2017.10.16 (1342986:13:16).

социалистической системе, высвечивающее роль духовно-нравственных ценностей каждого индивида в развитии государственных систем: «Он (Далай-лама XIV) также вспомнил „социалистическую систему“ и СССР, отметив, что идея была прекрасной, но людям не хватило нравственности, чтобы воплотить ее в жизнь»¹.

Последние примеры содержат импликатуры сопоставления, противопоставления и причинно-следственных связей, грамматически прямо не выраженных, но выводимых из широкого (дискурсивного) контекста.

3. Кластер «наука и технологии»

В общем объеме выборки 36 примеров содержат перечисления, из них 42 % относятся к личным чертам, ощущениям (духовность — 5, совесть — 2, смысл жизни — 1, любовь — 1 и т. п.); 30 % — к теме социальные явления (культура — 1, общество — 1, политика — 1, всеобъемлющая иерархия — 1 и т. п.); 24 % — к ценностям (мораль, общественная мораль — 7, этика — 2).

Выделено 42 примера, включающих в себя словосочетания с леммой «нравственность», использованной в предложении в качестве дополнения, согласованного или несогласованного определения. Отметим, что список семантических доминант в плане их приоритетного ранжирования снова меняется в сравнении с предыдущими, неизменно на первом месте остается только одна: а) **нравственность как принадлежность к социальным группам** (50 %): общественная, русская, самих ученых, маршалитета российской науки. Далее следуют доминанты б) **нравственность как объект защиты, требующий поддержки** (33 %): защита нравственности, заражение нравственности, Высший совет по нравственности, борцы за нравственность и т. п.; в) **нравственность как принадлежность к сферам деятельности** (29 %): нравственность технологии, нравственность экономики, нравственность политики, нравственность труда; г) **нравственность как сфера норм** (26 %): основы нравственности, закон о нравственности, нормы нравственности, абсолютные учебники нравственности, статьи Конституции о соблюдении нравственности и т. п.; д) **нрав-**

ственность как тема размышлений (26 %): идеал нравственности, представления о нравственности, дискуссия о науке и нравственности; е) **нравственность как объект угрозы** (11 %): падение нравственности, тяжелейшее преступление против нравственности, пренебрежение к нравственности. Единичными случаями представлена семантика шкалы и качества нравственности — *существа с повышенным уровнем нравственности; высокая нравственность*, в том числе временной маркированности понятия — *нравственность XIX века*.

Значения противопоставления выражены единичными примерами и касаются темы насилия (*нравственность* противопоставляется *насилию, безнравственности, бандитизму*) и техническим возможностям человечества (в связи с широко развернувшейся дискуссией об искусственном интеллекте).

Причинно-следственные связи представлены в 3 контекстах: «отсутствие нравственности может привести к разрушению человека», «нравственность способствует достижению истины», «путь к свободе через нравственность».

Подводя предварительные итоги интерпретации статистических материалов по данным НКРЯ, отметим, что **универсальный характер нравственности** как явления отмечается в примерах из области науки и технологии: «Порядок, логика, всеобъемлющая иерархия и нравственность — главные свойства мира сотворенного»², «Нравственность — отношение человека к человеку, а духовность — к Богу»³, так же, как её упадок: «Считается, что нравственность упала»⁴, «Проводившаяся в жизнь десятилетиями политика государственного атеизма и разрушение системы традиционных для России ценностей привели к потере ориентации, духовному кризису, падению нравственности»⁵.

Представления о нравственности тесно связывают развитие и благосостояние общества с духовно-нравственными качествами его членов (большая часть рядов перечислений с леммой «нравственность» в их составе включает в себя личные черты, ощущения и ценности). Частотность появления семантики нравственности в сферах защиты (43 %), нормативного регулирования (25 %), а также

¹ Далай-лама объяснил критический настрой к Трампу // Московский комсомолец, 09.07.2019 (78162:3:16).

² Анна Максимова. Похоть знания. О колдовстве, любопытстве, прогрессе и Фаусте // Независимая газета, 30.04.1996 (2663155:34:5).

³ Борис Клиш. Эксперимент в Дубне: что принять на веру? // Известия, 07.11.2007 (947723:59:0).

⁴ С интеллектом шутки плохи // Аргументы и факты, 2005.09.09 (1505811:25:2).

⁵ Виктор Михайлов. Помнить о прошлом — смотреть в будущее // Независимая газета (приложение «Независимое военное обозрение»), 20.08.1999 (2698983:128:21).

нравственности как объекта угрозы, ее недостаток (12 %) вызывает озабоченность. В то же время частое совместное употребление лексем «мораль» и «нравственность» в перечислениях (16 %) демонстрирует семантическую дифференциацию понятий в представлениях носителей языка.

Таким образом, корпусный анализ на материале российских СМИ подтверждает идею о том, что лексема «нравственность» обладает «ключевой» этнолингвистической спецификой.

Нравственность, по данным НКРЯ, принадлежит не только личностям, но и социальным группам (60 %), и даже социальным системам (6 %), что, на наш взгляд, отходит от исходного строгого смысла понятия. Рассмотрим далее динамику семантического развития анализируемого понятия и его представленность в разных философских концепциях.

ДЕФИНИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

Лексемы, соответствующие нравственности, в других языках происходят либо от латинского корня «moralis» — относящийся к нраву, характеру, складу души, привычкам [Педагогический терминологический словарь], — либо от греческого корня «ethos» — обычай, нрав, характер [Большой энциклопедический словарь]. Выявление истоков аксиологической значимости концепта «нравственность» в российском менталитете требует семантического и этимологического изучения термина и определения главных признаков понятия. Лексема «нравственность» происходит от корня «нрав», и сама лексема «нрав» «является заимствованной из старославянского языка (ср. русск. нор)» [Шанский 1971: 295]. «Нрав» и «норов» обозначают характер. «Норов» — это «особое, личное свойство человека или животного, более в неодобрительном значении; своеобычие, упрямство, упорство» [Даль 1956: 555]. Наоборот, слово *нрав* употребляется только тогда, когда речь идет о характере человека. Словарь В. И. Даля определяет *нрав* как «вообще, одна половина или одно из двух основных свойств духа человека: Ум и нрав слитно образуют Дух (Душу, в высшем значении)», далее в определении нрава он указывает «общее выражение свойств человека, постоянных стремлений воли его» [Там же: 558]. Это определение нрава дает главные признаки понятия: нрав отделен от ума, но они вместе формируют основу — Дух и Душу человека. Этот характер человека связан с тем, что он взаимодействует с Высшими силами в своем поведении, в своих действиях. Словарь С. И. Ожегова основывает свое определение

нравственности на этом взаимодействии: «внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами» [Ожегов 1986: 360].

Итак, концепция нравственности основана на связи между Божественным разумом и человеком. Человек получает руководство в поведении от этого разума, и следование этому руководству в действиях и есть нравственность. В российской картине мира духовно-нравственные ориентиры играют ключевую роль не только во внутреннем мире человека, а во взаимодействиях, в обществе, что подчеркивает М. К. Шемякина: «Аксиологический вектор, как и идея духовности человеческого бытия, особенно значимы для русской культурной традиции, модели мира и человека, аксиологии возрождения и ее постижения. <...> При этом во всей многоаспектности освещения главная идея русской культуры — нравственная — не обретет абстрактности звучания, закрепится рамками „большой традиции“ (в терминологии Р. Редфильда), многомерно: включения во все жизненные направления: идеологическое, религиозное, творческое, социальное» [Шемякина 2011: 106].

Исходя из корпусного и дефиниционного анализов, предлагаемый анализ совместимости опирается именно на следующие основные признаки представлений о нравственности в русской языковой картине мира: 1) осмысление мира как стройной взаимосвязанной системы, управляемой Божественными космическими силами; 2) идея духовности человеческого бытия и принятие порядка и законов бытия при решении собственных жизненных задач; 3) наличие универсальной внутренней регуляции поведения человека через совесть, т. е. через физическое ощущение Бога; 4) существование в человеке одновременно двух независимых друг от друга информационных потоков — нравственности изнутри и морали извне.

АНАЛИЗ СОВМЕСТИМОСТИ

В эпохе «восточной преднауки» у разных народов в мире были широкие, глубокие, точные и тонкие знания о мире и о месте человека в нем, только частично сохранившиеся до нашего времени. Распространена идея о том, что начало формирования идеализма в Древней Греции приходится примерно на V–IV века до нашей эры, но следует учитывать, что «эллыны всюду указывали на огромные знания, которые были получены ими от Египта, Халдеи, Востока. Мы должны теперь признать это правильным» [Вернадский 1988: 71], и среди представителей идеалистического мировоззрения на Востоке необходимо

выделить великого Будду Шакьямуни (ок. 563 до н. э. или 623 до н. э. — ок. 483 до н. э. или 543 до н. э.), последователи которого в настоящее время предпочитают это мировоззрение сохранять как одну из мировых религий [см.: Филимонов 2019].

Согласно объективному идеализму, реальность существует независимо от человеческого сознания, и в ее основе лежит нечто идеальное, духовное. Платон (428 или 427 г. до н. э. — 348 или 347 г. до н. э.) считается классическим представителем этого направления. В контексте обсуждения онтологических и эпистемологических проблем рассматривалось учение о Логосе, проистекавшее из представления о Боге как Перводвигателе вселенной и присутствии Его разумного начала (логоса) во всех вещах сотворенного Им мира.

В учении Платона единая творческая причина названа «Божественным Логосом», она бесконечна как по содержанию, так и по объему. Понятие «Логос», введенное в греческую философию Гераклитом, в высшем смысле понимается как разумный принцип мироздания, присущий всем вещам сотворенного мира, и имеет три уровня существования: 1) уровень Трансцендентного Бога (источник разумности и принцип единства умопостигаемого мира); 2) уровень Единого Логоса (где речь определяет связь между умопостигаемым и видимым мирами); 3) уровень Имманентного принципа единства чувственного мира, мировая душа, «порядок земного мира» (исток преодоления беспорядка). Введение понятия «Логос» сопровождалось «рационализацией и теоретизацией представлений о законе. Само понятие „логос“ выражает в греческом языке одновременно и слово, и разум <...> и собственно закон — как закон природы, так и социальный закон» [Кашперский 2007: 66]. Разные философские учения сходятся с учением о Логосе. Согласно Большой советской энциклопедии, учение о Логосе представляет собой близкую историко-философскую аналогию учению Лао-цзы о Дао [Аверинцев 2017], и в большинстве китайских переводов Библии для «Логос» используется понятие «Дао» [Golahny 2004: 38].

В индивидуальной части этической концепции Платона находим учение об интеллектуальном и нравственном совершенствовании человека, связываемое с гармонизацией его души, определенной в концепции Платона как бессмертная и нематериальная сущность, поселяющаяся в начале жизни в физическом теле. Для философа душа способна соприкоснуться с настоящим миром — миром вечных идей и «в неё входят три части: вожделеющая, страстная (яростная) и разумная. Чтобы поведение человека было

нравственным и соответствовало идее блага, разумная часть души должна подчинять две другие» [Бойко 2021: 68].

В русской языковой картине мира душа воспринимается достаточно близко к ее пониманию в учении Платона, т. е. «невидимый орган, „заведующий“ внутренней жизнью человека. Каждый человек обладает уникальной, неповторимой душой — сколько людей, столько душ, и поэтому людей удобно считать по душам. Именно такой способ счета и принят в России» [Шмелев 2002: 21].

Трансцендентальный идеализм — философское учение, предложенное И. Кантом (1724–1804), обосновывавшего свою систему, которая отличается от других метафизических систем. С точки зрения этого направления человек принадлежит к двум мирам: 1) к чувственно воспринимаемому миру как существо чувственное, индивидуальный субъект чувственных потребностей и желаний; 2) к умопостигаемому миру как существо сверхчувственное и свободное — свобода понимается как независимость от определяющих причин чувственно воспринимаемого мира, т. е. от законов необходимости природы.

Лишь связь с разумом дает способность действовать не только по законам природы, но и по законам должностования, т. е. в соответствии с представлением о цели, которая носит всеобщий характер. Эта свободная воля человека, руководствующаяся всеобщими целями, постижимыми только для разума, была названа «практическим разумом». Человек может, следуя этой внутренней силе, самостоятельно начинать причинно-следственный ряд, не будучи детерминирован природной необходимостью.

Таким образом, нравственность в рамках трансцендентального идеализма И. Канта связана с трансцендентальной идеей свободы, которая, по мнению философа, образует основу нравственности. И. Кант считал, что нравственность была бы невозможна без свободы воли. В его системе роль нравственности выражается в первичности практического разума по отношению к теоретическому. Поэтому трансцендентальный идеализм составляет основу не только его метафизики природы, но и метафизики нравов.

Представитель немецкого классического идеализма И. Г. Фихте (1762–1814) считал, что человек обладает нравственностью, разумностью и духовностью — это три его главных качества. Достичь состояния чистого «Я» поможет волевое усилие и осознание себя таковым. Через самосознание человек чувствует свободу и способность определять себя. Фихте считал нравственность немыс-

лимою без свободы воли. Полное нравственное возрождение не может быть произведено собственными силами отдельных существ и нуждается в помощи Бога. И. Г. Фихте не только не признает преобладание практического ума над теоретическим, но и видит в нравственности предпосылку онтологии в целом. Внешняя природа, как и природное начало в человеке, понимаемое как все эгоистически-индивидуальное, выступает у Фихте лишь как средство для нравственного совершенствования. Постоянно преодолевая природное начало в себе, человек стремится к идеалу, т. е. к высшему нравственному началу.

Согласно теории абсолютного идеализма всё существующее является частью единого целого, «Абсолютного духа» или «разума». Это философское направление развивали такие мыслители, как Г. В. Ф. Гегель (1770–1831) и Ф. В. Шеллинг (1775–1854). Согласно Г. В. Ф. Гегелю, основой всего существующего является «абсолютное понятие» или «абсолютный дух»: самораскрытие «абсолютного духа» в пространстве есть природа и его самораскрытие во времени есть история. По мнению философа, нравственность связана с осознанием индивидуумом действий и их последствий. Это осознание выстраивает личную ответственность, основанную на внутреннем убеждении и ценностях, и каждый человек несет эту ответственность за свои действия, влияющие на других и на общество в целом. Нравственность, по Гегелю, считается высшей ступенью развития идеи свободной воли [см.: Кашин 2005].

Итак, в русской языковой картине мира нравственность тесно связана и с душевными качествами, и с движением человека в материальном мире. Нравственным обычно называют того, кто своими поступками показал силу духа, честность, выбор действовать по совести в сложные моменты жизни. В статичности нет нравственности. Эти признаки понятия «нравственность» — опора на движение и честность перед душой (в конечном счете перед «абсолютным духом») — чётко отражены в гегелевском соединении идеализма и историзма.

Феноменологический идеализм, одно из течений субъективного идеализма, сосредотачивается на изучении сознания и его структур. Согласно основателю феноменологической школы Э. Гуссерлю (1859–1938), в акте направленности сознания раскрывается сущность реальности. Философ считал, что моральные нормы и ценности обладают деонтологическим значением. Априорным признаком моральной нормы является то, что она является правилом или принципом, обязательным для выполнения, и имеет свое исходное основание в представлениях субъекта о должном [см.: Епифанова 2008]. В концепте нравствен-

ности четко выделяется не долженствование по каким-либо внешним, групповым, общественным принципам (морали, этики, деонтологии), а сонастройка с «внутренним цензором» — своей совестью. В этом коренное отличие от воззрений Э. Гуссерля.

М. Шеллер (1874–1928) — член феноменологической школы — выступил с обоснованием этического персонализма и попытался в противовес формальной этике И. Канта разработать систему априорно содержательной («материальной») этики и аксиологии [см.: Попов 2022]. По мнению М. Шеллера, в нравственном поведении теория не играет существенной роли и проверяется только в поступках, конкретных актах. Все ценности имеют своей основой ценность «бесконечного личного духа», то есть Бога. Философ утверждал, что следует различать нравственное усмотрение и просто сознание долга, не смешивать этику усмотрения и этику долга. Для него сердце может быть органом нравственного познания — вида опыта, предметы которого полностью скрыты от рассудка.

Таким образом, если взгляды Э. Гуссерля на мораль связаны со стоической идеей о долге, чем отклоняются от представлений о нравственности в русской языковой картине мира, то идеи М. Шеллера во многом сходятся с исходными основами исследуемого концепта.

В качестве заключения этого обзора нельзя не упомянуть отечественное философское учение второй половины XIX–XX веков: русский космизм. Течение ориентировано на нравственное совершенство человека и человечества с целью создания целостной модели мировоззрения, в котором синтезированы религиозные, культурные, экономические, политические и философские аспекты. Относятся к этому направлению такие философы, как Н. Ф. Фёдоров (1829–1903), К. Э. Циолковский (1857–1935) и В. И. Вернадский (1863–1945). Основные идеи этого течения проистекают из стремления осознать всеобщую взаимозависимость и единство, исследовать взаимосвязь космических и земных процессов, из необходимости соизмерять деятельность человека с принципами целостности мира. По мнению С. Г. Семеновой [см.: Семенова 1990], главная принципиально новая идея в русском космизме состоит в идее активной эволюции, т. е. необходимости нового сознательного этапа развития мира, когда человечество направляет это развитие в ту сторону, в какую диктует ему разум и нравственное чувство. С точки зрения культурологии, «русский космизм рассматривается как срез мирового общекультурного целого, как определенная ориентация русской культуры, как космическое мирозерцание. Он

возникает на основе осмысления социально-исторического, религиозно-мистического, художественно-эстетического опыта эпохи Серебряного века и становится новым мировоззренческим синтезом философской и культурологической мысли России» [Овечкина 1999]. По мнению оригинального русского мыслителя С. Л. Франка, своеобразие русского мышления состоит в том, что оно «изначально основывалось на интуиции». Русский дух стремится к освоению «полной действительности самого предмета в его живой целостности» [цит. по: Тимкин 2009: 97]. Русский космизм предлагает концепцию, в которой нравственный закон не ограничивается сферой личности и социальных связей, а вносится в саму природу, в подоснову вещей, где человек находится в непосредственном отношении к этим законам.

Перед тем как рассматривать философские школы, основные положения которых противоречат представлениям о нравственности в русской языковой картине мира, следует обратить внимание на то, что этические вопросы осмысливаются в языках западных стран, опираясь на термин латинского происхождения «мораль» или на термин греческого происхождения «этика» — оба обозначают регуляцию поведения человека извне. Этот языковой фактор неизбежно приводит к склонности к противоречию с концептом нравственности в русской языковой картине мира.

Субъективный идеализм или «имматериализм» утверждает, что реальность существует только в сознании людей и внешний мир зависит от восприятия и мышления конкретного субъекта. Д. Беркли (1685–1753) — англо-ирландский философ, основоположник теории субъективного идеализма — пришел к выводу о существовании Бога, или «бесконечного Духа», который порождает ощущения в сознании людей («конечных духов»). Моральная философия Д. Беркли основана на таких идеях, как наличие общих законов морали, общества, религии, т. е. тесной связи между моралью и социальной жизнью человека; все установленные «законодателем вселенной» правила являются законами природы; отрицаются связи между моралью и самосохранением.

Механический материализм — это философское направление, получившее широкое распространение в XVI–XVII вв. в европейской науке и философии. Сторонники механического материализма полагали, что в основе всех изменений природы, общества и человека лежит механическая форма движения материи (Г. Галилей, Т. Гоббс, П. Лаплас, И. Ньютон, Ж. О. де Ламетри и другие). Ж. О. де Ламетри первым во Франции дал последовательное

изложение системы механистического материализма. Философ считал, что состояние тела всецело обуславливает состояние души через посредство чувственных восприятий. Французский мыслитель выделяет два рода морали: мораль природы и мораль, которую благоразумно изобрело человеческое искусство. Мораль природы (у которой есть своя мораль) ощущает истину, мораль, изобретенная человеческим искусством, «проникнута уважением к небесному источнику, из которого она вытекает (религия)». «Прислушайтесь, — пишет Ж. О. де Ламетри, — к первого рода нравственности. Она будет властно предписывать вам побеждать самих себя, решив без колебаний, что нет ничего легче этого, что „для того, чтобы быть добродетельным, надо только захотеть“. Прислушайтесь к голосу второй: она будет приглашать вас следовать своим наклонностям и привязанностям и всему тому, что вам нравится, вернее тому, чему вы уже давно следуете. Что же, пусть доставляемое нам ею наслаждение заставит нас сильно чувствовать без всяких лишних рассуждений, кроме тех, при помощи которых можно быть счастливым» [цит. по: Гущина 2017: 59]. В этом противопоставлении религиозного стоицизма или даже фанатизма, следующего за религиозной моралью, основанной на заповедях и догматах, и гедонизма (второй, человеческой морали) нет места феномену совести, например, как внерелигиозному и не связанному с удовольствием феномену.

Диалектический материализм вывернул наизнанку диалектику Гегеля. Это учение появилось в середине XIX в. в Германии. Его основоположниками стали К. Маркс (1818–1883) и Ф. Энгельс (1820–1895). Все явления рассматриваются через диалектический метод как процессы, т. е. постоянно изменяющиеся во времени объекты. В диалектическом материализме нравственность рассматривается как когнитивная форма, которая служит для выражения соответствующего ей уровня развития социальных противоречий. Согласно этому подходу, нет абсолютной нравственности, так как всё относительно. Нравственным считается то, что служит интересам определенной социальной группы или диктатуры, т. е. относится в нашем анализе к понятию «мораль» — как социальная регуляция поведения человека извне — а не к понятию «нравственность». Диалектический материализм подразумевает множество классовых «моралей», в зависимости от выгоды каждого класса. О совести и нравственности как нейтральном, внеклассовом, общечеловеческом регуляторе поведения тут нет речи. У сторонников диалектического материализма всё формируется внутри экономического класса, определяется

принадлежностью к нему, а значит, всегда имеет классовые экономические и политические ориентиры и цели. В какой-то мере этот подход имеет корни в философии киников (Антисфен, Диоген), которые демонстрировали несогласие с необходимостью иерархического порядка в обществе и мире, полагая всех равными от природы, и не соглашались, что социальные различия основаны на некой естественной, разумной основе, а не только на обладании капиталом. Это учение оказалось очень удобным для расшатывания не только нравственности, но и вообще общепринятых, традиционных ценностей.

Научный материализм сложился во второй половине XX в. в англоязычных странах (Великобритания, США, Канада, Австралия). Представители этого течения рассматривают явления психики и сознания как эпифеномен физиологических процессов, происходящих в мозге и центральной нервной системе. Развиваются идеи о том, что нравственность имеет биологическую природу и определяется генами. С такой точки зрения не существует свободной воли, а нравственность, духовность и совесть сводятся к чистой биологии. Это воззрение может восприниматься как ревизия вульгарного материализма (Л. Бюхнер (1824–1899), Я. Молешотт (1822–1893), К. Фохт (1817–1895)).

Таким образом, встречаются в философских школах, относящихся к материализму, разные варианты учения о морали и этике, но основная предпосылка материализма, предполагающая, что материя является единственной фундаментальной субстанцией, лежащей в основе бытия, противоречит представлению о мире как материальном воплощении Божественных сил, которое лежит в основе русской картины мира.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам:

1) понятие нравственности опирается на специфическую этнолингвистическую структуру, изучение которой представляет несомненный лингвистический, социологический и философский интерес, так как концепт нравственности имеет центральное положение в русской языковой картине мира и вопросы, связанные с ним — повседневный прикладной характер в жизни людей;

2) положения философских течений, вытекающие из объективного идеалистического направления, имеют много общего с представлениями о нравственности в русской языковой картине мира;

3) принятие аксиомы, согласно которой материя лежит в основе бытия, исключает

возможность понимания нравственности, даже ее принятия как явления;

4) многочисленные примеры употребления слова *нравственность* в самых разных контекстах (по данным НКРЯ) свидетельствуют о размывании его исходной семантики, об утрате дифференциации близких, но нетождественных понятий «нравственность» и «мораль» в современном языковом сознании.

ИСТОЧНИКИ

1. Аверинцев, С. С. Логос / С. С. Аверинцев // Большая российская энциклопедия. — 2017. — URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2181697> (дата обращения: 08.05.2025).
2. Большой энциклопедический словарь. — URL: <https://gufo.me/dict/bes/ЭТИКА>. (дата обращения: 23.11.2024).
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. Т. 2 / В. И. Даль. — Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. — 779 с.
4. Национальный корпус русского языка. — URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 12.09.2025).
5. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. / С. И. Ожегов. — Москва : Русский язык, 1986. — 797 с.
6. Педагогический терминологический словарь. — URL: https://gufo.me/dict/pedagogy_terms/Мораль (дата обращения: 23.11.2024).
7. Попов, Ю. Н. Шелер Макс / Ю. Н. Попов // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. — URL: <https://bigenc.ru/c/sheler-maks-0c50ae/?v=10777470> (дата обращения: 09.05.2025).
8. РГ-80 = Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. — Москва : Наука, 1980. — 709 с.
9. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский [и др.]. — Изд-е 2-е, испр. и доп. — Москва : Просвещение, 1971. — 542 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бойко, О. А. Учение Платона о душе / О. А. Бойко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2021. — №10-1. — DOI 10.24412/2500-1000-2021-10-1-67-72. — EDN GFAYHS.
2. Бубнова, И. А. Как связаны добро и зло, или Меняется ли нравственный идеал русской культуры? / И. А. Бубнова, Д. В. Горохова // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 25–31. — EDN OEIZGZ.
3. Вернадский, В. И. Философские мысли натуралиста / В. И. Вернадский. — Москва : Наука, 1988. — 520 с. — ISBN 5-02-003325-1. — EDN HDSRA.
4. Гридина, Т. А. Метафора как способ образной категоризации в национальных лингвокультурах / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Межкультурная коммуникация в новой эпохе: теория и практика : сборник науч. тр. — Гуанчжоу ; Екатеринбург, 2019. — С. 28–38. — EDN PMREOY.
5. Гущина, А. В. Идеи Ж. О. Де Ламетри, Д. Дидро о морали и нравственности в их приложении к воспитанию / А. В. Гущина // Азимут научных исследований: педагогика и психология. — 2017. — №1 (18). — С. 58–61. — EDN YKOGGJ.
6. Епифанова, Н. Н. Аксиологические принципы «Жизненного мира»: Э. Гуссерль и неокантианская методология / Н. Н. Епифанова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2008. — № 8. — EDN KGLMJV.
7. Кашин, В. В. Учение Гегеля о нравственности / В. В. Кашин // Вестник ОГУ. — 2005. — № 7. — EDN IVSVUM.
8. Кашперский, В. И. Закон. Законы науки / В. И. Кашперский // Эпистемы : сб. науч. статей. — Екатеринбург, 2007. — С. 63–75. — EDN VMDVX.
9. Коновалова, Н. И. Традиционная народная культура в зеркале языка / Н. И. Коновалова // Филологический класс. — 2012. — № 3 (29). — С. 005–011. — EDN PDZTPR.
10. Ник, Ж. Концепт «нравственность» в русской лингвокультуре глазами француза / Ж. Ник // Linguistica Juvenis. — 2023. — № 25. — С. 158–167. — EDN CTEONZ.
11. Овечкина, И. С. Космизм и русское искусство первой трети XX века : автореф. дис. ... канд. культурологии / Овечкина, И. С. — Екатеринбург, 2007. — 100 с.

кина И. С. — Краснодар : Краснодар. гос. ун-т культуры и искусств, 1999. — 18 с. — EDN VUGDNV.

12. Русский язык в многогортном социокультурном пространстве / Б. М. Гаспаров, Н. А. Купина, И. Т. Вепрева [и др.] ; Уральский федеральный университет ; отв. ред. Б. М. Гаспаров, Н. А. Купина. — Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2014. — 324 с. — ISBN 978-5-7996-1083-8. — EDN RXLJTF.

13. Семенова, С. Г. Н. Ф. Федоров: творчество жизни / С. Г. Семенова. — Москва : Советский писатель, 1990. — 383 с. — ISBN 5-265-01529-9.

14. Смирнов, С. А. Антропологическая альтернатива : манифест / С. А. Смирнов // ЧЕЛОВЕК. RU — 2023. — № 18. — С. 325–348. — DOI 10.32691/2410-0935-2023-18-325-348. EDN UZSZFD.

15. Тимкин, Ю. Н. К вопросу о ведических чертах русского мировоззрения / Ю. Н. Тимкин // Вестник ВятГУ. — 2009. — № 1. — EDN KVJTHX.

16. Филимонов, А. А. Специфика буддизма как философии и религии / А. А. Филимонов, Е. Н. Бетехтина, А. В. Кузнецова, М. В. Трапезников // Colloquium-journal. — 2019. — № 1 (25). — EDN VRPMCG.

17. Шемякина, М. К. Русская культурная традиция: бытийные основания и базовые понятия / М. К. Шемякина // Система ценностей современного общества. — 2011. — № 21. — EDN RQADVR.

18. Шмелев, А. Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю / А. Д. Шмелев. — Москва : Языки славянской культуры, 2002. — 224 с. — ISBN 5-94457-052-0.

19. Ян, Ц. Лексикографические практики закрепления активных процессов в русской лексике / Ц. Ян, Н. И. Коновалова // Начала Русского мира. — 2025. — № 4. — С. 27–32. — EDN FNHQXA.

20. Golahny, A. Points of contact: crossing cultural boundaries / Amy Golahny. — Lewisburg, Pa. : Bucknell Univ. Pr. ; Cranbury, N.J. : Associated Univ. Pr., 2004. — 157 p. — URL: <https://archive.org/details/pointsofcontact00amyg/page/n167/mode/2up> (date of access: 01.04.2025). ISBN 0-8387-5602-6.

MATERIALS

1. Averintsev, S. S. (2017). Logos. *The Great Russian Encyclopedia*. Available at May 8, 2025 from <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2181697>.

2. Bol'shoy ehntsiklopedicheskiy slovar' (n.d.) = The Great Encyclopedic Dictionary. Available at Nov. 23, 2024 from <https://gufo.me/dict/bes/EHTIKA>.

3. Dal', V. I. (1956). *Tolkovnyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka v 4 t. T. 2* = Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language in 4 volumes. Vol. 2. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 779 p.

4. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka (n.d) = National Corpus of the Russian Language. Available at Sept. 12, 2-25 from <https://ruscorpora.ru/>.

5. Ozhegov, S. I. (1986). *Slovar' russkogo yazyka* = Dictionary of the Russian language. Moscow: Russkiy yazyk, 797 p.

6. Pedagogicheskiy terminologicheskiy slovar' (n.d.) = Pedagogical terminological dictionary. Available at Nov. 23, 2024 from https://gufo.me/dict/pedagoggy_terms/Moral.

7. Popov, Yu. N. (n.d.). Sheler Maks. *Great Russian Encyclopedia: scientific and educational portal*. Available at Sept. 5, 2025 from <https://bigenc.ru/c/sheler-maks-0c50ae/?v=10777470>.

8. RG-80 (1980). *Russkaya grammatika*. T. II. Sintaksis = Russian grammar. Vol. II. Syntax. Moscow: Nauka, 709 p.

9. Shanskiy, N. M. (1971). *Kratkiy etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* = Brief Etymological Dictionary of the Russian Language. Ed. 2nd, corrected and supplemented. Moscow: Prosveshchenie, 542 p.

REFERENCES

1. Boyko, O. A. (2021). Uchenie Platona o dushe = Plato's Doctrine of the Soul. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 10-1. DOI 10.24412/2500-1000-2021-10-1-67-72. EDN GFAYHS.

2. Bubnova, I. A., Gorokhova, D. V. (2025). Kak svyazany dobro i zlo, ili Menyayetsya li npravstvennyy ideal russkoy kul'tury? = How are good and evil connected, or Is the moral ideal of Russian culture changing? *Political Linguistics*, 2(110), 25–31. EDN OEIZGZ.

3. Vernadskiy, V. I. (1988). *Filosofskie mysli naturalista* =

Philosophical Thoughts of a Naturalist. Moscow: Nauka, 520 p. ISBN 5-02-003325-1. EDN HDSRA.

4. Gridina, T. A., Kononova, N. I. (2019). Metafora kak sposob obraznoy kategorizatsii v natsional'nykh lingvokul'turakh = Metaphor as a Method of Figurative Categorization in National Linguistic Cultures. *Intercultural Communication in the New Era: Theory and Practice: Collection of Scientific Papers*, 28–38. Guanchzhou, Ekaterinburg. EDN PMREOY.

5. Gushchina, A. V. (2017). Idei Zh. O. De Lametri, D. Didro o morali i npravstvennosti v ikh prilozhenii k vospitaniyu = Ideas of J. O. de La Mettrie, D. Diderot on Morality and Ethics in Their Application to Education. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 1(18), 58–61. EDN YKOGGJ.

6. Epifanova, N. N. (2008). Aksiologicheskie printsipy «Zhiznennogo mira»: Eh. Gussler' i neokantianskaya metodologiya = Axiological Principles of the “Life-World”: E. Husserl and Neokantian Methodology. *Bulletin of Adyge State University. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies*, 8. EDN KGLMJV.

7. Kashin, V. V. (2005). Uchenie Gegelya o npravstvennosti = Hegel's Doctrine of Morality. *Bulletin of OSU*, 7. EDN IVSVUM.

8. Kashperskiy, V. I. (2007). Zakon. Zakony nauki = Law. Laws of Science. *Epistemes. Collection of Scientific Articles*, 63–75. Ekaterinburg. EDN VMODVX.

9. Kononova, N. I. (2021). Traditsionnaya narodnaya kul'tura v zerkale yazyka = Traditional Folk Culture in the Mirror of Language. *Philological Class*, 3(29), 005–011. EDN PDZTPR.

10. Nik, Zh. (2023). Kontsept «npravstvennost'» v russkoy lingvokul'ture glazami frantsuza = The Concept of “Morality” in Russian Linguoculture through the Eyes of a Frenchman. *Linguistica Juvenis*, 25, 158–167. EDN CTEONZ.

11. Ovechkina, I. S. (1999). Kosmizm i russkoe iskusstvo pervoy treti XX veka = Cosmism and Russian Art of the First Third of the Twentieth Century. Abstract of a Dissertation of Culture and Arts, 18 p. EDN VUGDNV.

12. Gasparov, B. M., Kupina, N. A., Vepрева, I. T., et al. (2014). Russkiy yazyk v mnogorechnom sotsiokul'turnom prostranstve = Russian language in a multi-lingual sociocultural space (Resp. Ed. B. M. Gasparov, N. A. Kupina). Ekaterinburg : Ural St. Fed. Univ. named after the First President of Russia B. N. El'tsin, 324 p. ISBN 978-5-7996-1083-8. EDN RXLJTF.

13. Semenova, S. G. (1990). N. F. Fedorov: tvorчество zhizni = N. F. Fedorov: creativity of life. Moscow: Sovetskiy pisatel', 383 p. ISBN 5-265-01529-9.

14. Smirnov, S. A. (2023). Antropologicheskaya al'ternativa : manifest = Anthropological alternative. Manifesto. *CHELOVEK. RU*, 18, 325–348. DOI 10.32691/2410-0935-2023-18-325-348. EDN UZSZFD.

15. Timkin, Yu. N. (2009). K voprosu o vedicheskikh chertakh russkogo mirovozzreniya = On the Question of the Vedic Features of the Russian Worldview. *Bulletin of Iyatka State University*, 1. EDN KVJTHX.

16. Filimonov, A. A., Betekhtina, E. N., Kuznetsova, A. V., Trapeznikov, M. V. (2019). Spetsifika buddizma kak filosofii i religii = Specifics of Buddhism as a Philosophy and Religion. *Colloquium-journal*, 1(25). EDN VRPMCG.

17. Shemyakina, M. K. (2011). Russkaya kul'turnaya traditsiya: bytiynye osnovaniya i bazovye ponyatiya = Russian Cultural Tradition: Ontological Foundations and Basic Concepts. *The System of Values of Modern Society*, 21. EDN RQADVR.

18. Shmelev, A. D. (2002). Russkaya yazykovaya model' mira: materialy k slovari = Russian Linguistic Model of the World. Materials for a Dictionary. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 224 p. ISBN 5-94457-052-0.

19. Yan, Ts., Kononova, N. I. (2025). Leksikograficheskie praktiki zakrepleniya aktivnykh protsessov v russkoy leksike = Lexicographic Practices for Consolidating Active Processes in Russian Lexicon. *The Beginnings of the Russian World*, 4, 27–32. EDN FNHQXA.

20. Golahny, A. (2004). Points of contact: crossing cultural boundaries. Lewisburg, Pa.: Bucknell Univ. Pr.; Cranbury, N.J.: Associated Univ. Pr., 157 p. Available at Apr. 1, 2025 from <https://archive.org/details/pointsofcontact00amyg/page/n167/mode/2up>. ISBN 0-8387-5602-6.

Политическая лингвистика. 2025. № 6 (114).
Political Linguistics. 2025. No 6 (114).

УДК 811.161.1'42+75
 ББК Ш141.12-51+Щ14

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Елизавета Владимировна Шустрова¹✉, Елена Львовна Богуславская²✉

¹ Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, shustrovaev2@bk.ru✉, SPIN-код: 6690-1583, <https://orcid.org/0000-0002-5923-5264>

² Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, boguslavskaya.el@mail.ru✉, SPIN-код: 4248-8853, <https://orcid.org/0009-0001-7596-0204>

Аксиологические константы в поликодовом дискурсе современной российской живописи

АННОТАЦИЯ. Описаны результаты исследования содержательного пространства авторского поликодового текста живописи. В основе лежит положение о том, что живописные произведения и их названия представляют собой неразрывное семиотическое единство двух знаковых систем, двух составляющих, визуальной и вербальной. Проанализировано порядка 160 живописных работ с целью установления соответствия между авторской символикой графических форм, цветом, хронотопом и названиями произведений, элементами интертекстуальности на уровне визуальных и вербальных компонентов. Выделены наиболее устойчивые в данном типе дискурса аксиологические константы в оппозициях: «Бог — Демон», «свет — тьма», «верх — низ», «замкнутое пространство — открытое пространство». Показано преобладание образов православных храмов, старых или заброшенных зданий, деревьев с надломленными ветвями, остролистных растений, сухих трав, поникших цветов. Визуальная аксиология образов подкрепляется на уровне лексики и лексической синтагматики с частым употреблением прилагательных «старый», «заброшенный», «сухой» (о цветах), «пасмурный», «дождливый» (о дне), «последний», «забытый». Сделаны выводы об общем поликодовом нарративе с повторяющимися темами потери, забвения, предчувствия беды, вечности, ухода.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: поликодовые тексты, мультимодальность, поликодовый дискурс, произведения живописи, русская живопись, аксиологические исследования.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Шустрова Елизавета Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии, Уральский федеральный университет; 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, к. 208, email: shustrovaev2@bk.ru.

Богуславская Елена Львовна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург); 620108, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16, к. 904, email: boguslavskaya.el@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шустрова, Е. В. Аксиологические константы в поликодовом дискурсе современной российской живописи / Е. В. Шустрова, Е. Л. Богуславская. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 6 (114). — С. 207-215.

Elizaveta V. Shustrova¹✉, Elena L. Boguslavskaya²✉

¹ Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, shustrovaev2@bk.ru✉, SPIN code: 6690-1583, <https://orcid.org/0000-0002-5923-5264>

² Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, boguslavskaya.el@mail.ru✉, SPIN code: 4248-8853, <https://orcid.org/0009-0001-7596-0204>

Axiological Constants in the Polycode Discourse of Modern Russian Painting

ABSTRACT. The paper presents the results of investigation of the semantic space of the authorial polycode text of painting. The research is based on a theoretical idea that the paintings and their titles represent a continuity of two semiotic systems — visual and verbal. The sample includes about 160 paintings, analyzed with the aim of finding correspondences between the authorial symbolism of the graphic forms, color, chronotope, and picture title and intertextuality elements at the level of visual and verbal components. The study has identified the most stable axiological constants in the oppositions “God — Demon”, “light — darkness”, “up — down”, “in — out”. The paper demonstrates the predominance of the images of Russian orthodox churches, old or derelict buildings, trees with broken branches, plants with pointed tips of their leaves, dry herbs, and withered and wilting flowers with drooping heads. The visual axiological pragmatics of these images is reinforced on the lexical and lexical syntagmatic levels via frequent use of such adjectives as “old, neglected, withered, dry, gloomy, rainy, last, forgotten, deserted”. The results of the research in question contribute to the investigations of polycode narrative with reiterating topics of loss, oblivion, foreboding, eternity, and demise.

KEYWORDS: polycode texts, multimodality, polycode discourse, paintings, Russian painting, axiological studies.

AUTHOR'S INFORMATION: Shustrova Elizaveta Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Germanic Philology, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

Boguslavskaya Elena L'vovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Shustrova E. V., Boguslavskaya E. L. (2025). Axiological Constants in the Polycode Discourse of Modern Russian Painting. In *Political Linguistics*. No 6 (114), pp. 207-215. (In Russ.).

1. ВВЕДЕНИЕ

Живописные произведения и их названия представляют собой неразрывное семиотическое единство двух знаковых систем, двух видов текста, визуального и вербального. Нельзя не согласиться с мнением Ю. М. Лотмана, который описывает искусство как «некоторый вторичный язык, а произведение искусства — как текст на этом языке» [Лотман 2002: 84–93]. Интерпретация смысла художественного произведения во многом зависит от опыта и особенностей личного восприятия зрителя, при этом вербальные единицы зачастую несут не меньшую смысловую нагрузку, чем невербальные, глубже раскрывая авторский замысел и художественный образ произведения.

Изучение процесса коммуникации в его семиотической комплексности связано с понятием поликодовости или мультимодальности [Bonacchi et al. 2014; Kress et al. 2001; Kress 2010] и является на сегодняшний день одним из приоритетных направлений отечественной и зарубежной лингвистики. Мультимодальность «напрямую связана с получением, обработкой и передачей знаний о мире, сущностью языковой и искусственной семиотических систем, их особенностями и возможностями сочетания в создаваемом произведении» [Манерко 2021: 18].

В зарубежном языкознании большое внимание уделяется изучению поликодового текста с точки зрения обучающих технологий [Bennett et al. 2020; Frau-Meigs et al. 2020; Jewitt 2016; Liaw et al 2023; Martin et al. 2019]. Российскими лингвистами проводятся мультимодальные исследования самых разных типов коммуникации. Так, мультимодальные метафоры в интегрированном семиотическом пространстве вербальных и невербальных элементов научного дискурса обсуждаются Л. А. Манерко [Манерко 2021: 17–21]. И. В. Зыкова [Зыкова 2022: 17–19] представила модель изучения полимодальной картины мира на материале кинодискурса. В одной из своих последних публикаций И. В. Зыкова исследует роль сенсорно-перцептивной системы в лингвокреативной деятельности личности на материале романа «Extremely Loud & Incre-

dibly Close» (2005) современного американского писателя Дж. С. Фоера. Сюжет построен вокруг физической и психологической боли персонажей. В статье описаны специфика и способы языковой концептуализации ноцицепции (боли) в художественном экспериментальном дискурсе [Зыкова 2023: 65–80]. Негативный образ Дональда Трампа, представленный в целенаправленной кампании критики в американском журнале «Нью-Йоркер» за 2019 г., в том числе в графических образах, описан в работе П. В. Балдицына [Балдицын 2021]. С. Ю. Павлина рассматривает прагматические и стилистические особенности британских и американских карикатур на тему COVID-19, размещенных в 2020–2021 на сайтах изданий «The Guardian» и «U.S. News & World Report», выявляя ряд различий национальных дискурсов двух стран [Павлина 2022: 162–193]. Е. Е. Голубкова и М. П. Таймур анализируют дорожные знаки как возможные носители мономодальных визуальных, мультимодальных вербально-визуальных или смешанных метафор. Изучается феномен креативности в дорожных знаках, а также когнитивные и прагматические особенности функционирующих в них метафор [Голубкова и др. 2021: 34–41].

В числе диссертационных исследований последних лет, связанных с анализом мультимодальных текстов, можно выделить по меньшей мере четыре. В. А. Омеляненко рассматривает мультимодальные образы России в 500 отечественных рекламных кампаниях. Автор утверждает, что российская реклама как отечественных, так и зарубежных товаров строится на базовой аксиологической оппозиции «свой» — «чужой», но носит более смешанный характер, в отличие от национального дискурса англоязычных и европейских стран¹. М. П. Таймур исследовала мемы и их современные трансформации в анти-мемы в дискурсе англоязычных стран². Ю. В. Рогозинникова провела анализ 1756 американских и 723 британских полимодальных текстов рекламы. Целью работы было определить в них роль прецедентных феноменов советского и российского проис-

¹ Омеляненко В. А. Мультимодальные способы репрезентации имиджа России в текстах национально-ориентированной рекламы : дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 207 с.

² Таймур М. П. Смешанная метафора как лингвокреативный феномен (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 173 с.

хождения¹. Н. Н. Коптяева исследует образ Джереми Корбина в британских блогах, мемах, карикатурах².

Помимо собственно искусствоведческих исследований, произведения изобразительного искусства и их названия относятся к сфере изучения лингвокультурологии, как науки о взаимодействии культуры и языка. В нашей работе мы выходим за рамки мономодального лингвокультурологического подхода и предлагаем аксиологическую интерпретацию объекта искусства как единого поликодового комплекса на уровне его вербальной и визуальной составляющих.

2. МАТЕРИАЛ, МЕТОДЫ, ОБЗОР

Ценности, как высшие ориентиры поведения, определяют смысл бытия и «являются концентрированным выражением культуры» [Карасик 2023: 49]. Лингвистический аспект аксиологического осмысления реальности включает в себя детальную характеристику типов ценностей и коммуникативных способов их выражения [Там же]. Аксиологически значимые ситуации зафиксированы в различных жанрах речи, многие из которых служат для передачи и закрепления моральных и социальных ценностей, объединения социальных групп и народов. Они оказывают влияние на поведение и формирование мнений и установок [Вепрева и др. 2023; Карасик и др. 2023]. К самым ранним попыткам фиксации и продвижения общечеловеческих ценностей можно отнести легенды и мифы. Далее следуют «сказки, притчи, пословицы, анекдоты, девизы, лозунги, слоганы, а также различные типы обиходных и художественных нарративов» [Карасик 2023: 49–58].

Одним из приоритетных векторов современных лингвоаксиологических исследований являются когнитивные механизмы использования образных языковых средств как эффективного инструмента манипулятивного воздействия на целевую аудиторию, в том числе в медийном дискурсе [Заботкина и др. 2022: 367; Заботкина и др. 2023: 126–136]. В. И. Карасик анализирует лингвокультурные сюжеты, определяя их как «авторские изложения событий в виде последовательности сюжетных мотивов, раскрывающие идейное содержание текста и представляющие собой намеренно преобразованные фабулы» [Карасик 2023: 49–58]. По его мнению, «аксиологическая интерпретация лингвокультурных

сюжетов предполагает оценку последствий поступков персонажей в рамках четырех типов ценностей — витальных, утилитарных, моральных и терминальных» [Карасик 2023: 49]. При этом трансформация фабулы оказывает дополнительное воздействие или создает новый прагматический эффект.

В центре внимания настоящей статьи находится выявление аксиологических доминант содержательного пространства авторского поликодового текста живописи. В работе использованы методы контент-анализа и дискурсивного анализа. Материал был получен сплошной выборкой и составил 160 поликодовых текстов. При анализе учитывалась визуальная составляющая и название работы. Все картины принадлежат одному и тому же автору и написаны в период 2017–2023 гг.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

При проведении анализа нас интересовало то, как события личной жизни художника в контексте времени способны повлиять на создаваемые им произведения. Когда анализируется творчество мастеров прошлого, мы вынуждены проводить анализ опосредованно, полагаясь на вторичные сведения, не зная автора лично. Безусловно, есть устоявшиеся методики анализа текста, позволяющие точно выявлять типологически значимые характеристики, проводить чтение текста без непосредственного обращения к автору. Нет сомнений, что исторические документы, дневниковые записи, воспоминания современников, анализ, проведенный другими учеными, помогают установить нужные данные. В нашем случае близкое личное знакомство позволяет провести исследование, построенное на эффекте включенного наблюдения (термин У. Лабова) [ср. Labov 1972: 136–140]. Данный метод используется, в частности, в рамках социолингвистики, когда исследователь воспринимается или является частью группы. Таким образом мы смогли установить предпосылки, прямую или косвенно повлиявшие на создание такой трактовки окружающей действительности в рамках авторского мировосприятия. Кроме того, анализ происходящего здесь и сейчас, в режиме реального времени позволяет точнее описать элементы интертекстуальности, в иных терминах полифоничности, такого сложного текста.

¹ Рогозинникова Ю. В. Прецедентные феномены советского и российского происхождения в американской и британской рекламе: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2022. 534 с.

² Коптяева Н. Н. Языковые и графические средства манипулирования в британском политическом медиадискурсе (на материале статей, блогов и креолизованных текстов о Джереми Корбине): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2023. 368 с.

На выбор конкретного художника повлияло еще одно, очень значимое обстоятельство. Мы провели первичный анализ практически всех современных художников, достаточно много работающих и представленных на выставках. В нашем случае интерес представляет не только и не столько высокая ценность, стоимость и эстетика полотна. Поскольку мы анализируем картины как поликодовый текст, нам было важнее установить соответствие между авторской символикой, проявляющейся в графических формах, хронопомом, отдельными элементами палитры и названиями произведений, элементами интертекстуальности на уровне визуальных и вербальных компонентов, т. е. именно то, что позволяет говорить о картине как о сложном поликодовом тексте. В результате выбор был сделан в пользу Александра Б., художника, поэта, редактора, вынужденного несколько лет назад без промедления покинуть свой дом в Киеве и начать жизнь с чистого листа в новых условиях в России. Это все, что мы находим нужным сообщить о фактах личной биографии художника, в том числе в целях его личной безопасности, однако полагаем, что внимательному читателю этого достаточно для понимания контекста сделанной нами реконструкции.

В отношении аксиологических констант мы решили проследить реализацию оппозиций «Бог — Демон», «свет — тьма», «верх — низ», «замкнутое пространство — открытое пространство», как наиболее устойчивых и смыслообразующих практически в любом типе художественного текста.

3.1. Аксиологические константы «Бог — Демон»

Эти составляющие появляются, в первую очередь, через непосредственное изображение православных храмов, куполов церквей, монастырских стен, колоколов, надгробий, икон, священнослужителей. Язычество тоже присутствует, хотя и нечасто. В основном это определенные топонимы Крыма, Кавказских Минеральных Вод: скалы, гроты (например, названия картин «У подножия Дивы», «Грот Дианы»). Художник акцентирует преемственность культур, свою веру в Бога и мудрость православия, необходимость прийти к Богу и вере ценой переосмысления случившегося, примирения с самим собой, через принятие потери и смерти. Демоноидная составляющая имплицитно, считывается через образы препятствий на пути к храму, символы земных удовольствий, отсылки к войне, надвигающейся угрозе, гибели.

Рассмотрим конкретные авторские способы введения этой аксиологической оппо-

зиции. В авторском поликодовом пространстве данного художника, помимо названных выше, в качестве доминирующих отчетливо присутствуют следующие способы. В натюрмортах это совмещение образа православной иконы, маски, бюста и осенних цветов, фруктов. Икона создает более темный фон или перекликается с темными тонами и одновременно излучает светлое, золотое свечение, заставляющее обратить внимание на образ Матери и Младенца. Маска или бюст, напротив, за счет своей алебастровой белизны акцентируют мотивы смерти, ухода, прошлого, создавая своеобразную аллюзию на произведения поэтов Серебряного века и лирику Э. По. Название картины может намеренно вводить упоминание исторических реалий (ср. натюрморт с декабристом, изображающий цветущее растение — «декабрист» на фоне античной гипсовой маски) и подчеркивать трагедию, исторически сложные судьбы, попытки противостояния и последующего примирения, надежды на любовь и счастье. Темный фон, нередко с багровыми акцентами, помогает создать интертекстуальность такого типа.

К этому может добавляться образ музыкального произведения, например вальса, дополняя картину обрвавшейся мелодии, недосказанности, утраты. Название одной из работ «Вальс цветов» не только дает отсылки на балет «Щелкунчик» П. И. Чайковского. Учитывая, что орхидеи на натюрморте изображены достаточно сдержанно и выстроены в круговой композиции багряных, охристых и бледно-сливочных оттенков, аллюзия в данном случае в большей мере выстраивается с другим использованием вальса в творчестве того же П. И. Чайковского. В частности, в «Детском альбоме» вальс в конце сборника появляется под названием «Шарманщик поет» и вводит мотивы повторяемости рождения и смерти, цикличности всего происходящего, неизбежности конца, акцентируемые через астеничность, повторяемость музыкальной фразировки. Если учесть, что после этой пьесы в сборнике П. И. Чайковского идет последнее произведение «В церкви», создающее замкнутое единство с первым произведением сборника «Утренняя молитва», то сочетание графики, композиции и названия натюрморта создадут в первую очередь отсылки именно к божественной линии, причем православной, а не к произведению по сказке Э. Гофмана. Если же вернуться к балету «Щелкунчик», то именно мотивы борьбы, страданий и отверженности, обретения нового «я», самопожертвования, жизни и смерти, присущие и сказке Э. Гофмана и музыке П. И. Чайковского, а не

красивого, радостного, парадного вальса цветов выходят на первый план при восприятии этого натюрморта.

Изображение свежих цветов и фруктов не столь характерно для Александра Б., и это подчеркивает, усложняет те образные линии, которые мы анализируем. Так, в основном доминируют сухоцветы, остролистные растения, увядшие розы с поникшими головками, засохшие травы. У роз выбирается два цвета — тускло-красный, напоминающий засохшую кровь, и бледный пыльно-пастельный, напоминающий старые страницы книг. Красная роза может лечь кровавым пятном на щеку маски, создавая эффект своеобразной раны.

В пейзажах, вне зависимости от изображаемого времени года, превалируют образы голых ветвей деревьев, темных сучьев, отцветших деревьев, что может акцентироваться в названии (ср. «Отцвела черемуха»). Из конкретных пород деревьев встречаются кипарисы, мушмула, миндаль, дубы, темные хвойные породы, липы, зимние березы, каштаны. Присутствует немало сломанных деревьев и сухостоя. Безусловно, с одной стороны, это обусловлено натурой, выбираемой для пленэра, и временем года, удобного для поездки, часто не в сезон. С другой стороны, нельзя не отметить доминирование таких решений, сочетание с выбираемой палитрой и названиями работ, подчеркивающих конец, переход на другую стадию, определенное опустошение, надломленность. Густые тени, низкое, серое, пасмурное небо, дождь, не приносящий просветления, — все это дополняет общее настроение пейзажей. Несезонность также работает на создание похожих мотивов в названиях картин, когда топонимы юга, пляжи называются параллельно с зимними месяцами, или традиционно холодное время, крещение, совмещается с оттепелью, давая мотив несвоевременности, странности происходящего под серым небом и осевшим снегом, напрасной надежды, которая обернется похолоданием.

В последних работах художник пробует одновременно использовать разные жанры живописи. Пейзаж, будучи исходной точкой, совмещается с эпической живописью и живописью бытового жанра, портрет — с батальной. Так, дорога к вере и Богу изображена изначально как городской пейзаж с доминированием православных храмов. На переднем плане изображена фигура человека под искривленным темным зонтом рядом с накренившимся фонарным столбом. Путь человеку к храмам преграждает ряд машин, автобус и плотный забор, а на светофоре горит красный сигнал. Снова изображены

темные хвойники у церкви, а небо, хотя и дает некоторое прояснение непосредственно рядом с куполами, облачно, и облака создают эффект нависания, тяжести за счет свинцово-серой гаммы. Название работы «Дорога к небу» и ряд перечисленных символов превращают ее из городского пейзажа в жанровую живопись.

Другая работа «У Бога все живы» изначально тоже писалась как пейзаж, но стала совмещением пейзажной, религиозной и линии живописи бытового жанра. Основную часть полотна занимает изображение православных храмов и монастыря, которые формируют задний план. В отдалении видна фигура священнослужителя, выходящего во двор. На переднем плане изображен двор, уставленный каменными надгробиями. Серая и коричневая гамма урн перекликается с низким, нависающим, грозным небом, формирующим своеобразный купол над кладбищем. Аллюзия в названии работы дает связь с православным обрядом погребения, духовной связи разных форм бытия, роли священнослужителя как посредника. Изображение дневного времени суток, судя по теням от надгробий, ближе к полудню, позволяет смягчить трагизм, ввести линию лирической грусти и примирения, неизбежности ухода, памяти об ушедших.

Еще одна работа выступает под двумя названиями («Вестник» и «Назад в прошлое»). Она дает совмещение пейзажа и живописи на эпический и религиозный сюжет. Основное место отдано пейзажу, изображению леса и лесной дороги. На заднем плане виднеются маковки деревянных церквей и крыши колоколен. Время года ближе к ранней осени. На переднем плане совершенно опавшее высокое лиственное дерево. Его обнаженные ветви и ствол выглядят как остов и кажутся немного странными на фоне других лиственных деревьев с еще полной кроной. Возможно, дерево мертво, поскольку посередине, вдоль ствола, проходит глубокий разлом. Все это сразу дает ощущение приближающейся беды. Под деревом, пытаясь остаться невидимыми для несущегося вдали всадника, стоят трое: они уже знают, какую весть он должен сообщить. В фигурах читаются образы святых старцев — опоры православной веры. Первая фигура имеет индивидуальные характеристики черт Сергия Радонежского. Старец прижимает руки к груди и тревожно оборачивается назад, на всадника. Вся поза выдает ощущение глубокой тревоги. Чуть поодаль еще двое. Одна фигура больше напоминает женскую, сгорбившись, она молится под покрывалом. Фигура третьего святого, возможно Серафима Са-

ровского, который будто пытается остаться неузнанным, опирается на посох — символ сложного жизненного пути. В совокупности с образом храма, символика числа трех фигур дает очень ясные отсылки на образ Святой Троицы. В другом углу полотна видны три посеревших от времени деревянных могильных креста, тоже различающихся по высоте. При соотношении с фигурами людей они становятся связующим звеном между прошлым, настоящим и будущим в период смуты, безвременья, пророческого воскрешения святых заступников в преддверии прибытия всадника. Между ними, монастырем и всадником художник изображает небольшую реку или заводь с тихими, темными водами. Основной символизм названий и графической составляющей этого поликодового пространства связан с фигурой вестника. И он сам, и его конь дают багровые и алые оттенки, явно вводя образ всадника Апокалипсиса на рыжем коне, символизирующем войну. Венчает все трагично нависшее небо, вновь свинцового цвета. Стоит отметить, что у художника тема войны занимает особое место и через дополнительные образы и названия работ намеренно вводится в обычные пейзажи, написанные с натуры. Все это создает современные авторские особенности, превращая живопись в поликодовый текст. Пейзаж с изображением монастыря и характерного неба на втором плане и еще не ожившего или, судя по зеленой траве, погибшего дерева на первом плане дает еще один подобный пример.

Из портретов остановимся на изображении монаха (воина, художника, монаха, как говорит нам название работы). Он будто смотрит на изображаемое им полотно. В руках — кисть и палитра. За монахом видны фигуры Георгия Победоносца в виде настенной росписи и советского солдата, также с кистью в руке. Эти образы, одновременно с названием, помогают трансформировать портрет в произведение интертекстуального характера, построенного на пересечении с батальной и религиозной живописью. Учитывая присутствие трех фигур, снова легко провести параллель с Троицей, помогающей человеку в его трех выбранных ипостасях.

Перейдем к следующим аксиологическим парам. Предваряя анализ, заметим, что фактически все остальные аксиологические константы усиливают первые две, связанные с божественной и демоноидной составляющими.

3.2. Аксиологические константы «свет — тьма»

Эти константы в натюрмортах могут реализовываться через образы погасших (или

незажженных) лампад, светильников, холодного дневного света, падающего на гипсовую маску, усиливая ее бледность. Так или иначе художник дает осознать связь между божественной составляющей, жизнью и смертью, с одной стороны, и световыми характеристиками, с другой. В пейзажах эти образы усложняются, дополняются положением природных объектов в пространстве и аллюзиями на живопись других художников. В целом доминирует изображение пасмурных, дождливых дней.

Один из пейзажей, задуманный как изображение солнечной поляны (что вводится через название картины), в качестве доминанты вводит образ большого сломанного дерева на первом плане. На втором плане видны хвойники, которые обрамляют темной грядой внутреннее, относительно светлое пространство. Облака на заднем плане не дают ощущения светлого, солнечного дня, контрастируя с названием. Деревья растут на склоне, и это хорошо видно. Так создается не только нужная перспектива, но и своеобразная оппозиция «верх — низ». Другой пейзаж, уже южной природы, изображает вход в парк утром. На заднем фоне видны горы, очертания крыш и темные кроны деревьев, контрастирующие с туманным задним планом и белым асфальтом, покривившимся светлым фонарным столбом и скамьей на первом плане. В название работы художник вводит словосочетание «белая скамья». На пейзаже совсем нет живых существ. Незанятая, белая тяжелая скамья советских времен на темных чугунных ножках, с учетом всех остальных составляющих, немного напоминает надгробие. Парк не создает ощущение приветливого начала дня, надежды на веселые прогулки. Скорее это вновь настроение задумчивости и грусти по тому, что безвозвратно ушло.

Аллюзии в пейзажах можно проиллюстрировать изображением Домотканово, где много работал В. Серов. Один из пейзажей «Липы, освещенные солнцем» вводит отсылку на хорошо известный портрет кузины В. Серова «Девушка, освещенная солнцем». Только если у В. Серова изображен теплый, солнечный летний день с множеством бликов и юная девушка, которая во время позирования должна была думать о чем-то хорошем, то на этом пейзаже вновь нет ни людей, ни животных. Липы изображены на отдалении, без листвы. От них остались одни темные стволы. На еще более дальнем плане виднеется осенний, пожелтевший лес, который скоро опадет. День действительно солнечный, но темные тени от лип, занимающие первый план, и край ветхой деревян-

ной веранды справа создают ощущение брэнности, безвозвратного ухода того, что так радовало раньше, приближения неминуемого конца. Сделано это явно намеренно, чтобы создать оппозицию с хорошо известным произведением.

Таким образом, можно констатировать уход в отрицательные характеристики световых образов, которые дополняются подобными смыслами на уровне семантики в названиях (дождливый, пасмурный, мокрый). Если же в названии произведения есть слова с семантикой света (луч, солнечный, утро), то визуальный образ создает контрастную пару с названием.

3.3. Аксиологические константы «верх — низ»

Эта оппозиция реализуется в образной составляющей пейзажей. Помимо проанализированных выше, мы выбрали четыре пейзажа, которые, кроме природных образов, вводят и аксиологическую составляющую сюжетной линии, в том числе и через название. Ни на одном из них нет изображения людей, животных и птиц. Только вода, камни и деревья.

На первом выбранном пейзаже изображены резко склонившиеся к воде деревья. Берег не оставляет ощущения плодородной почвы, это обрыв, за которым скалы и море. День достаточно светлый, но темные расщепленные кроны доминируют на полотне, создавая контрастный силуэт. На втором плане их поддерживает небо и водная гладь. В название работы введено существительное «танец». В сочетании с образом крутого спуска, обрыва это не создает семантику романтики, скорее обреченности попыток, невозможности что-то изменить, прикованности к опасным обстоятельствам.

Следующий пейзаж изображает место съемок фильма «Угрюм-река», и это отражено в названии. Значительную часть полотна занимает изображение обрыва. Мелководье переднего плана уводит взгляд зрителя к излучине с неподвижной водной гладью и темному лесу. Небо низкое, серо-голубое. Все выглядит так, как будто это вечная могила Прохора Громова, где успокоились борьба с собой, муки совести, многочисленные преступления. А сейчас все тихо, мрачно, спокойно. Все ушло, осталась только тихая, горькая память и суровая природа. Река воспринимается как визуальная метафора тяжелого жизненного пути. Верх затянут облаками, низ мрачный, беспросветный, обрыв акцентирует бездну греха и отчаяния. Эта линия подкрепляется названием другой работы «Причал Прохора Громова».

Два других примера — это снова приро-

да юга. Царский причал в Алушке изображен в полном запустении, полуразвалившемся состоянии. Сзади виднеются серые деревья в тумане. На скалы и причал обрушивается шторм. Несмотря на то, что Алушка известна как достаточно жизнерадостное место, в данном случае художник решил акцентировать образ бушующей стихии, способной разрушить все, стереть память о всем былом величии. Верх и низ вновь акцентируются за счет соотношения неба и воды. Большой Хаос в Воронцовском парке Алушки подкрепляет похожие мотивы. Место изображено во время дождя, утром. Несколько редких деревьев выглядят надломленными и уставшими, место — серым и унылым. Каменные глыбы простираются сверху вниз, создавая своеобразный каменный водопад под серым небом. Обычно это место многолюдно. А на картине здесь намеренно нет ни одного живого существа. Все выглядит мрачно-сказочно и заброшенно. Также оппозиция «верх — низ» подается через изображение крутых спусков, сломанных, искрошенных лестниц с покосившимися или выпавшими ступенями, ведущих к серой воде или в пустой двор, голых скал, утесов. Так, эта оппозиция в авторской трактовке усиливает мотивы отсутствия жизни, ухода, невозможности былого.

3.4. Аксиологические константы «замкнутое пространство — открытое пространство»

Эта дихотомия уже тоже присутствовала в нашем обзоре. Отметим следующие авторские черты визуальных образов, которые подкрепляются семантикой названий. В числе наиболее постоянных арочность веранд, напоминающая оклады икон, сухие, одинокие деревья, например дуб, помещенные внутрь этой арки. При этом зеленый цвет расположенной рядом веранды контрастирует с темными тонами дерева, напоминая о том, как оно должно выглядеть в это время года. Характерно изображение деревьев на краю леса, заброшенных садов летом, которое напоминает осень, пустых и старых дворов, покосившихся, полуразрушенных, пришедших в упадок строений, дворов и домов предположительно умерших людей. Таким образом, и замкнутое, и частично открытое пространство дают характеристики опустошенности, несбыточности мечты, потерянности.

На уровне вербальных характеристик в названиях легко обнаруживаются похожие параллели. Так, из прилагательных доминируют *старый*, *заброшенный*, *сухой* (о цветах), *пасмурный*, *дождливый* (о дне), *последний*, *забытый*, *живой* (о мертвом). Первую аксиологическую пару подкрепляют

существительные *Бог, вестник, вечное, воспоминание, купола, монастырь, монах, небо, некрополь, ожидание, сон, страж, церковь*. Вторая аксиологическая пара передается в названиях через семантику существительных, обозначающих времена года, месяцы и время суток, стихии, тень. Третья оппозиция проявляется при соотношении визуальных образов с названиями, содержащими лексемы *лестница, обрыв, подножие, скалы, спуск*, названия гор. Визуальная аксиология пространственных образов подкрепляется лексемами *берег* (дальний), *веранда* (старая), *вход, гнездо* (пустое), *двор* (старый), *дом* (старый), *дорога* (к небу), *край, место* (забытое, ничейное), *озеро, остановка, остров* (памяти), *лес, парк, поворот, причал, пруд, просека, сад* (заброшенный, тенистый), *стена, усадьба* (заброшенная). Таким способом автор создает общий поликодовый нарратив своих произведений.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Изучение семантики слов ... так или иначе затрагивает вопросы не только языковедческие, но и мировоззренческие» [Леонтьева 2022: 70]. Анализ авторской семантики на уровне визуальной и вербальной составляющей поликодового текста позволяет сделать выводы о намеренном, повторяющемся введении темы потери, внезапной смерти, вечности, ухода. Постоянной характеристикой становится ощущение своей определенной маргинальности, восприятие себя как изгоя. Это становится особенно очевидно при изображении южных пейзажей, что не может не быть продиктовано событиями в судьбе художника. Разрушение и предчувствие войны, гибели мирного пространства также постоянно присутствуют в авторских визуальных и графических составляющих нарратива. Одновременно прослеживается попытка примирения с собой, прошлым, обретение новых, пока еще до конца не осознанных, путей. Авторская лексическая синтагматика позволяет сделать выводы о том, как автор воспринимает определенные реалии, что он склонен выбирать в качестве художественного объекта и акцентировать на этом внимание. В нашем случае автор подчеркивает семантику, вводящую четыре базовые аксиологические оппозиции «Бог — Демон», «свет — тьма», «верх — низ», «замкнутое пространство — открытое пространство». В их авторском прочтении присутствует культурный фон и трактовка, присущая русской классической литературе. Также могут вводиться аллюзии на работы русских живописцев рубежа XIX–

XX вв.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Балдицын, П. В. Технология создания негативного образа Дональда Трампа в журнале «Нью-Йоркер» / П. В. Балдицын // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. — 2021. — № 1. — С. 168–182. — DOI 10.30547/vestnik.journ.1.2021.175191. — EDN WGRRFV.
2. Вепрева, И. Т. Аксиосфера социального рекламного плаката о коронавирусе в России и Китае / И. Т. Вепрева, Ян Чжибин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 102–123. — DOI 10.24224/2227-1295-2023-12-2-102-123. EDN ZGWXCR.
3. Голубкова, Е. Е. Метафорическая креативность в дорожных знаках / Е. Е. Голубкова, М. П. Таймур // Иностранные языки в высшей школе. — 2021. — № 2 (57). — С. 34–41. — DOI 10.37724/RSU.2021.57.2.003. — EDN VBITSB.
4. Заботкина, В. И. Прецедентные метафоры как инструмент языковой манипуляции в англо-американском медиадискурсе: аксиологический аспект / В. И. Заботкина, М. Н. Коннова // Новый филологический вестник. — 2022. — Т. 3. — № 62. — С. 367–382. — DOI 10.54770/20729316-2022-3-367. — EDN IPKLSZ.
5. Заботкина, В. И. Концептуальная структура бинарной аксиологической оппозиции «истина — ложь» / В. И. Заботкина, Е. Л. Боярская // Слово.ру: балтийский акцент. — 2023. — Т. 14. — № 1. — С. 126–136. — DOI 10.5922/2225-5346-2023-1-8. — EDN BZWFXH.
6. Зыкова, И. В. Языковая vs полимодальная картины мира: о креативном взаимодействии вербального и невербального / И. В. Зыкова // Универсальное и национальное в языковой картине мира: материалы V Междунар. науч. конф. — Минск: Минский государственный лингвистический университет, 2022. — С. 17–19. — EDN OEFBKH.
7. Зыкова, И. В. Ноцицепция и ее лингвокреативный потенциал в художественно-эстетической репрезентации / И. В. Зыкова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. — 2023. — № 22 (1). — С. 65–80. — DOI <https://doi.org/10.15688/jvolsu.2023.1.6>. — EDN FVMXWJ.
8. Карасик, В. И. Лингвокультурные сюжеты как объект аксиологической лингвистики / В. И. Карасик // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: материалы II Междунар. конф. — Москва: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2023. — С. 49–58. — EDN EKOBRP.
9. Карасик, В. И. Аксиология власти в русской лингвокультуре / В. И. Карасик, Э. А. Китанина // Русистика. — 2023. — Т. 21. — № 1. — С. 97–110. — DOI <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-97-110>. — EDN ZVIVCL.
10. Леонтьева, Т. В. Языковые индексы единения и вражды / Т. В. Леонтьева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 10. — С. 70–87. — DOI 10.24224/2227-1295-2022-11-10-70-87. — EDN OZDNNS.
11. Лотман, Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург: Академический проспект, 2002. — 544 с. — ISBN 5-7331-0184-9.
12. Манерко, Л. А. Общесемиотическое пространство современного академического дискурса и особенности мультимодальности / Л. А. Манерко // Наука без границ: материалы Междунар. конф. — Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2021. — С. 17–21. — EDN CAPTHK.
13. Павлина, С. Ю. Прагматические и стилистические особенности британских и американских политических карикатур на тему COVID-19 / С. Ю. Павлина // Russian Journal of Linguistics. — 2022. — Т. 26. — № 1. — С. 162–193. — DOI <https://doi.org/10.22363/2687-0088-27107>. — EDN OVKGGOV.
14. Bennett, P. The Uses of Media Literacy / P. Bennett, J. McDougall, J. Potter. — Routledge, 2020. — 154 p. — ISBN 9780429575877, 0429575874.
15. Bonacchi, S. Remarks about the use of the term “multimodality” / S. Bonacchi, M. Karpinski // Journal of Multimodal Communication. — 2014. — Vol. 1. — P. 1–7. — DOI 10.14746/jmcs.2014.1.1.1.
16. Frau-Meigs, D. The Handbook of Media Education Research / D. Frau-Meigs, S. Kotilainen, M. Pathak-Shelat,

- M. Hoechamann, S. Poyntz. — [S.l.] : John Wiley & Sons, 2020. — 550 p. — ISBN 9781119166894, 1119166896.
17. Jewitt, C. (ed.). Handbook of multimodal analysis / Ed. C. Jewitt. — London : Routledge, 2016. — 527 p. — ISBN 9781138245198, 1138245194.
18. Kress, G. Multimodality : A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication / G. Kress. — London : Routledge, 2010. — 212 p. — ISBN 9780415320610, 0415320615.
19. Kress, G. Multimodal Discourse / G. Kress, T. van Leeuwen. — London : Arnold, 2001. — 142 p. — ISBN 9780340662922, 0340662921.
20. Labov, W. Language in the Inner City : Studies in the Black English Vernacular / W. Labov. — Philadelphia : University of Pennsylvania Pr., 1972. — 412 p. — ISBN 0-8122-1051-6.
21. Liaw, M.-L. Guest Editorial: Contextualized Multimodal Language Learning / M.-L. Liaw, H.-I. Chen // Educational Technology & Society. — 2023. — Vol. 26. — No. 3. — P. 1–4. — DOI [https://doi.org/10.30191/ETS.202307_26\(3\).0001](https://doi.org/10.30191/ETS.202307_26(3).0001).
22. Martin, F. Digital Media for Learning: Theories, Processes, and Solutions / F. Martin, A. K. Betrus. — [S.l.] : Springer International Publishing, 2021. — 181 p. — ISBN 9783030331221, 3030331229.
- REFERENCES**
1. Balditsyn, P. V. (2021). Tekhnologiya sozdaniya negativnogo obraza Donal'da Trampa v zhurnale «N'yu-Yorker» = The Technology of Creating a Negative Image of Donald Trump in “The New Yorker Magazine”. *Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism*, 1, 168–182. DOI 10.30547/vestnik.journ.1.2021.175191. EDN WGRRFV.
2. Vepreva, I. T., Yan, Zhibin (2023). Aksiosfera sotsial'nogo reklamnogo plakata o koronavirus v Rossii i Kitae = Axiosphere of Social Advertising Posters about Coronavirus in Russia and China. *Scientific Dialogue*, 12(2), 102–123. DOI 10.24224/2227-1295-2023-12-2-102-123. EDN ZGWXCR.
3. Golubkova, E. E., Taymur, M. P. (2021). Metaforicheskaya kreativnost' v dorozhnykh znakakh = Metaphorical creativity in road signs. *Foreign languages in higher education*, 2(57), 34–41. DOI 10.37724/RSU.2021.57.2.003. EDN VBITSB.
4. Zabotkina, V. I., Konnova, M. N. (2022). Pretsedentnye metafory kak instrument yazykovoy manipulatsii v anglo-amerikanskom mediadiskurse: aksiologicheskii aspekt = Precedent metaphors as a tool of linguistic manipulation in Anglo-American media discourse: an axiological aspect. *New Philological Bulletin*, 3(62), 367–382. DOI 10.54770/20729316-2022-3-367. EDN IPKLSZ.
5. Zabotkina, V. I., Boyarskaya, E. L. (2023). Kontseptual'naya struktura binarnoy aksiologicheskoy oppozitsii “istina — lozh” = Conceptual structure of the binary axiological opposition truth–falsehood. *Slovo.ru: Baltic accent*, 14(1), 126–136. DOI 10.5922/2225-5346-2023-1-8. EDN BZWFZX.
6. Zyкова, I. V. (2022). Yazykovaya vs polimodal'naya kartiny mira : o kreativnom vzaimodeystvii verbal'nogo i neverbal'nogo = Linguistic vs. Polymodal Worldviews: On the Creative Interaction of the Verbal and Nonverbal. *Universal and National in the Linguistic Worldview. Proceedings of the V International Scientific Conference*, 17–19 Minsk: Minsk State Linguistic University. EDN OEFBKH.
7. Zyкова, I. V. (2023). Notsitsepsiya i ee lingvokreativnyy potentsial v khudozhestvenno-ehsteticheskoy reprezentatsii = Nociception and its Linguo-Creative Potential in Artistic and Aesthetic Representation. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2. Linguistics*, 22(1), 65–80. DOI <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.6>. EDN FVMXWJ.
8. Karasik, V. I. (2023). Lingvokul'turnye syuzhety kak ob"ekt aksiologicheskoy lingvistiki = Linguocultural Plots as an Object of Axiological Linguistics. *The Modern Russian Axiosphere: Semantics and Pragmatics of Identity. Proceedings of the II International Conference*, 49–58. Moscow: A. S. Pushkin State Institute of the Russian Language. EDN EKOBPR.
9. Karasik, V. I., Kitanina, Eh. A. (2023). Aksiologiya vlasti v russkoy lingvokul'ture = Axiology of Power in Russian Linguistics. *Russian Studies*, 21(1), 97–110. DOI <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-97-110>. EDN ZVIVCL.
10. Leont'eva, T. V. (2022). Yazykovye indeksy edineniya i vrazhdy = Linguistic indices of unity and enmity. *Scientific dialogue*, 11(10), 70–87. DOI 10.24224/2227-1295-2022-11-10-70-87. EDN OZDNNS.
11. Lotman, Yu. M. (2002). Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva = Articles on the semiotics of culture and art. St. Petersburg: Akademicheskii prospekt, 544 p. ISBN 5-7331-0184-9.
12. Manerko, L. A. (2021). Obshchesemioticheskoe prostranstvo sovremennogo akademicheskogo diskursa i osobennosti multimedial'nosti = General semiotic space of modern academic discourse and features of multimodality. *Science without borders. Materials of the International conference*, 17–21. Moscow : Moscow State Linguistic University. EDN CAPTHK.
13. Pavlina, S. Yu. (2022). Pragmaticheskie i stilisticheskie osobennosti britanskikh i amerikanskikh politicheskikh karikatur na temu COVID-19 = Pragmatic and stylistic features of British and American political cartoons on the topic of COVID-19. *Russian Journal of Linguistics*, 26(1), 162–193. DOI <https://doi.org/10.22363/2687-0088-27107>. EDN OVKGGOV.
14. Bennett, P., McDougall, J., Potter, J. (2020). The Uses of Media Literacy. Routledge, 154 p. ISBN 9780429575877, 0429575874.
15. Bonacchi, S., Karpinski, M. (2014). Remarks about the use of the term “multimodality”. *Journal of Multimodal Communication*, 1, 1–7. DOI 10.14746/jmcs.2014.1.1.1.
16. Frau-Meigs, D., Kotilainen, S., Pathak-Shelat, M., Hoechamann, M., Poyntz, S. (2020). The Handbook of Media Education Research. John Wiley & Sons, 550 p. ISBN 9781119166894, 1119166896.
17. Jewitt, C. (Ed.) (2016). Handbook of multimodal analysis. London: Routledge, 527 p. ISBN 9781138245198, 1138245194.
18. Kress, G. (2010). Multimodality : A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication. London: Routledge, 212 p. ISBN 9780415320610, 0415320615.
19. Kress, G., Leeuwen, T. van (2001). Multimodal Discourse. London: Arnold, 142 p. ISBN 9780340662922, 0340662921.
20. Labov, W. (1972). Language in the Inner City : Studies in the Black English Vernacular. Philadelphia: University of Pennsylvania Pr., 412 p. ISBN 0-8122-1051-6.
21. Liaw, M.-L., Chen, H.-I. (2023). Guest Editorial : Contextualized Multimodal Language Learning. *Educational Technology & Society*, 26(3), 1–4. DOI [https://doi.org/10.30191/ETS.202307_26\(3\).0001](https://doi.org/10.30191/ETS.202307_26(3).0001).
22. Martin, F., Betrus, A. K. (2021). Digital Media for Learning : Theories, Processes, and Solutions. *Springer International Publishing*, 181 p. ISBN 9783030331221, 3030331229.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются как современные исследования зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Основная специальность: 5.9. — Филология

Научные направления:

5.9.5. «Русский язык. Языки народов России» (филологические науки)

5.9.6. «Языки народов зарубежных стран» (филологические науки)

5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика» (филологические науки)

5.9.9. «Медиакоммуникации и журналистика» (филологические науки)

Издательство: ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 285

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

Email: ap_chudinov@mail.ru

Заместители главного редактора: доктор филологических наук, профессор Эдуард Владимирович Будаев, доктор филологических наук, профессор Наталья Борисовна Руженцева.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-76161** от 8.07.2019

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в в Объединенный каталог «Пресса России». Индекс 81955.

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.
- Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ Р 7.0.100.-2018

(см. образец). **В список литературы не включаются:** архивные документы и данные; сайты организаций, блоги, ссылки на социальные сети и под.; ГОСТ, стандарты, законы и законодательные акты, кодексы и иные нормативные документы, а также диссертации и авторефераты. Подобные материалы оформляются в виде подстрочной ссылки в тексте статьи.

- После основного списка литературы располагается список (References) с переводом русскоязычных источников на английский язык. Для транслитерации русского текста в латиницу рекомендуем использовать сайт <https://translit.net/>, вариант BGN Board of Geographic Names. При оформлении References следует придерживаться APA стиля (American Psychological Association Style).

- Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 точек/дюйм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):
 - Фамилия, имя, отчество автора полностью.
 - Ученая степень, звание, должность.
 - Полное и точное место работы автора.
 - Подразделение организации.
 - Открытые идентификаторы автора и исследователя — ORCID ID (для получения необходима регистрация на сайте <https://orcid.org>), SPIN-код (при наличии, оформляется на сайте elibrary.ru).
 - Контактная информация (email, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).
2. Название статьи.
3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).
4. Ключевые слова (5–10 слов).
5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.100—2018. Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно, Т. В. К логике социальных наук / Т. В. Адорно // Вопросы философии. — 1992. — № 10. — С. 76—86.

Crawford, P. J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P. J. Crawford, T. P. Barrett. — DOI 10.1300/J120v27n58 08 // The Reference Librarian. — 1997. — Vol. 3. — № 58. — P. 75—85.

Корнилов, В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве/отсосе / В. И. Корнилов // Теплофизика и аэромеханика. — 2006. — Т. 13. — № 3. — С. 369—385.

Кузнецов, А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы / А. Ю. Кузнецов // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — Москва : Научный мир, 2003. — С. 340—342.

МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Тарасова, В. И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов / В. И. Тарасова. — 2-е изд. — Москва : Проспект, 2006. — 412 с.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. С. Ф. Мартыновича ; Сарат. гос. ун-т. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1999. — 199 с.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы : сб. ст. Первой межрегион. конф / [редкол.: д-р ист. наук А. Е. Леонтьев (отв. ред.) и др.]. — Ярославль : Ярославский музей-заповедник : Музей-заповедник «Рост. Кремль», 2003. — 350 с.

Марьинских, Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) / Д. М. Марьинских // Экология ландшафта и планирование землепользования : тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. — С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Лэтчфорд, Е. У. С Белой армией в Сибири / Е. У. Лэтчфорд ; пер.: В. Крупник // Восточный фронт армии адмирала А. В. Колчака : сайт. — URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Цена свободная

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2025. ВЫПУСК 6 (114)**

Адрес редакции:

620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, каб. 285.

Адрес учредителя:

620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Адрес издателя:

620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Для детей старше 16 лет.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019.

Подписано в печать 29.12.2025. Формат 60x84/8.

Дата выхода в свет: 30.12.2025.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Уч.-изд. л. — 24,8. Усл. печ. л. — 25,3. Тираж 500 экз. Заказ 5586.

Оригинал-макет отпечатан в издательском отделе

Уральского государственного педагогического университета

620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

Email: uspu@uspu.ru